

21.10.1882 *Кав.*

May 16

76

ЖУРНАЛЪ
ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО
ПРАВА

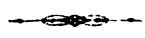
ИЗДАНИЕ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

1882

КНИГА ПЯТАЯ

МАЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА
1882

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Авторъ присылаемыхъ рукописей, редакція проситъ заботиться о ясномъ и четкомъ письмѣ текста, особенно иностраннаго, а равно и цитатъ, такъ какъ иногда приходится отказывать въ помѣщеніи статьи—по неразборчивости почерка. Рукописи неудобныя къ печатанію не возвращаются, но могутъ быть получены въ редакцію авторами или уполномоченными ими лицами. По истеченіи года, со дня полученія, рукописи не взятыя обратно—уничтожаются.

2) Гонораръ, въ установившемся размѣрѣ, получается въ редакціи самими авторами; иногороднымъ онъ высылается съ вычетомъ почтовыхъ расходовъ. Статьи, получаемыя безъ заявленія о вознагражденіи, считаются бесплатными. Авторскіе оттиски заготавливаются лишь въ томъ случаѣ, когда объ этомъ будетъ заявлено заблаговременно.

3) Статьи не должны превышать *трехъ печатныхъ листовъ*. Статьи, превышающія этотъ размѣръ, печатаются по особому соглашенію съ редакціею.

4) Всѣ принятые для напечатанія статьи, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію и исправленію.

5) Лицъ, желающихъ видѣть скорѣйшій разборъ ихъ трудовъ, редакція проситъ, въ обоюдномъ интересѣ, доставлять свои сочиненія *въ двухъ экземплярахъ*, тотчасъ по выходѣ ихъ въ свѣтъ.

6) Объявленія печатаются: для періодическихъ изданій *бесплатно*, при условіи взаимности; для всѣхъ прочихъ—по 5 руб. за страницу и 30 к. за строку.

7) О *перемѣнѣ адреса* сообщается редакціи своевременно до сдачи книги на почту; при невозможности же исполнить это, слѣдуетъ сообщить мѣстной почтовой конторѣ свой новый адресъ и извѣстить редакцію о перемѣнѣ адреса для высылки слѣдующихъ книжекъ журнала, причемъ слѣдуетъ обозначить мѣсто прежняго отправленія журнала и съ какого нумера высылать журналъ по новому адресу.

См. на оборотѣ

7

ЖУРНАЛЪ
ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО
ПРАВА

ИЗДАНИЕ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

1882

КНИГА ПЯТАЯ

МАЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА
1882

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Для гг. подписчиковъ на кассационныя рѣшенія.

1) Сданы на почту: Рѣш. гр. кас. деп. 1881 г. листы: 15—17. Прибавленіе къ рѣш. общ. собр. за 1879 г. $\frac{1}{2}$ л. и угол. за 1881 г. листъ 3—7 мая.

2) Въ устраненіе недоразумѣній, редакція заявляетъ, что жалобы гг. подписчиковъ на неполученіе отдѣльныхъ листовъ кас. рѣшеній, принимаются лишь *въ теченіи мѣсяца* со дня выхода той книги журнала, въ которой указаны сроки сдачи листовъ на почту. — Жалобы, заявленныя по истеченіи мѣсяца, по ограниченному числу экземпляровъ кас. рѣш. которыми располагаетъ редакція и по невозможности повѣрки причинъ недоставленія отдѣльныхъ листовъ почтою, удовлетворяемы быть не могутъ.

3) Въ виду недоумѣній, возбуждаемыхъ существующею системою изданія кас. рѣш. — со стороны новыхъ подписчиковъ, — редакція имѣетъ честь объяснить, что по установившемуся порядку изданія рѣшеній Сенатскою типографіею, какъ въ типографіи, такъ и при журналѣ, подписка принимается не на рѣшенія даннаго года, а на рѣшенія, которыя будутъ отпечатаны типографіею въ данномъ году, съ 1-го по 1-е января.

Для гг. подписчиковъ, воспользовавшихся разсрочкою.

Редакція имѣетъ честь просить гг. подписчиковъ воспользоваться разсрочкою подписной платы, обѣ акуратной высылкѣ майскаго взноса, такъ какъ въ противномъ случаѣ, редакція будетъ вынуждена пріостановить высылку дальнѣйшихъ книгъ журнала. Вмѣстѣ съ тѣмъ, редакція еще разъ обращается съ покорнѣйшею просьбою о досылкѣ **1 руб.** къ тѣмъ изъ гг. подписчиковъ на журналъ съ кассационными рѣшеніями, которые выслали **13 руб. 50 коп.** вмѣсто **14 р. 50 к.**

Rec. May 13, 1905.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТОЙ КНИГИ.

	стр.
I. Узакононенія и распоряженія правительства	LV-LXXII.
II. Личный составъ	1 — 2
III. Протоколы уголовного отдѣленія с.-п.-б. юридическаго общества. Томъ III. 1881 года. XXVII <i>Засѣданіе 17 января</i> (Окончаніе преній по реферату <i>А. Ф. Кони</i>) XXVIII <i>Засѣданіе 14 февраля</i> (Сообщеніе <i>В. Д. Спасовича</i> —О преступленіяхъ противъ вѣры). XXIX <i>Засѣданіе 12 марта</i> (Рефератъ <i>Н. С. Таганцева</i> —О религіозныхъ преступленіяхъ и основаніяхъ къ будущему ихъ пересмотру).	1 — 32.
IV. Къ вопросу о реформѣ порядка преслѣдованія за служебныя преступленія, по судебнымъ уставамъ <i>К. Анциферова</i>	1 — 27.
V. Коментарій къ 4 п. 698 ст 1 ч. X т. <i>А. Гольденвейзера</i>	28 — 46.
VI. Зачатки реформъ военно-уголовнаго законодательства въ Россіи <i>П. Бобровскаго</i>	47 — 78.
VII. Договоръ займа по нашимъ законамъ <i>К. Змирлова</i>	79 — 132.
VIII. О недостаткахъ нашего суда присяжныхъ <i>Н. Цуханова</i>	133—158.
IX. О научномъ изученіи права <i>И. Коркунова</i>	159—194.
X. Замѣтки:	
1) Наше буквоѣдство <i>И. Закревскаго</i>	1 — 12.
2) Изъ практики судовъ, какъ учрежденій, замѣняющихъ совѣты присяжныхъ повѣренныхъ <i>И. К. С.</i>	12 — 42.
3) Письмо г. Боровиковскаго съ примѣчаніемъ редакціи	42 — 49.
4) Докладъ проф. А. Кистяковскаго юридическому факультету, объ ученыхъ трудахъ г. Тарасова	49 — 59.
I. Объявленія	I — X.

II

Приложенія:

- XII. О преступленіяхъ, наказуемыхъ только по жалобѣ потерпѣвшаго, по русскому праву. Соч. *А. фонъ-Резона* 133—164.
- XIII. Движеніе русскаго гражданскаго процесса, изложенное на одномъ примѣрѣ. Соч. *Г. Вербловскаго* 1 — 32.
-

УЗАКОНЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

(съ 1-го Апрѣля по 1-е Мая).

ОТДѢЛЪ I.

А. Высочайшія повелѣнія.

35) *Объ отмены особыхъ правилъ, постановленныхъ въ ст. 159—179 т. XIV св. зак., устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій.* (Указъ правительствующему сенату).

Признавъ за благо, постановленные въ статьяхъ 159—179 т. XIV св. зак. устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, изд. 1876 г., особыя правила, объ исключительномъ правѣ дирекціи Императорскихъ театровъ—давать публичныя маскарады и концерты въ столицахъ, равно взимать съ собраній, клубовъ и частныхъ учредителей общенародныхъ забавъ въ столицахъ, опредѣленные части сборовъ,—отмѣнить,—повелѣваемъ: на будущее время въ публичнымъ забавамъ, зрѣлищамъ и увеселеніямъ въ столицахъ, примѣнять общія правила, установленныя въ этомъ отношеніи для всѣхъ мѣстностей Имперіи.

Правительствующій сенатъ имѣетъ сдѣлать къ исполненію сего надлежащее распоряженіе (№ 182).

36) *О безотлагательномъ производствѣ дѣлъ о безпорядкахъ, сопровождаемыхъ насиліями противъ еврейскаго населенія.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра юстиціи, въ 7-й день апрѣля 1882 года, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: чтобы всѣ дѣла о безпорядкахъ, сопровождаемыхъ насиліями противъ еврейскаго населенія, какъ въ мирowychъ, такъ и въ

ж. гр. и уг. пр. кн. в 1882 г.

4

общихъ судебныхъ установленійхъ, производимы были безотлагательно, внѣ установленной очереди (№ 190).

33) По вопросу о порядкѣ отчужденія крестьянами усадебной осплодсти и прочаго недвижимаго имущества.

Государственный совѣтъ, мнѣніемъ положилъ:

I. Въ дополненіе къ ст. 91 общ. пол. о крест. (особ. прил. къ т. IX свода зак., изд. 1876 г.), постановить: переходъ недвижимой собственности, цѣною не свыше *трехсотъ рублей*, между крестьянами, а также отъ лицъ другихъ сословій къ крестьянамъ, можетъ быть совершаемъ въ волостномъ правленіи той волости, въ предѣлахъ которой переходящее имущество находится, съ соблюденіемъ при этомъ слѣдующихъ правилъ:

1) О такомъ переходѣ вносится, указаннымъ въ ст. 91 общ. полож. порядкомъ, въ особую книгу, которая для этой цѣли ежегодно выдается волостному правленію мѣстнымъ съѣздомъ мировыхъ судей, за шнуромъ и его печатью, а по истеченіи года отсылается обратно въ съѣздъ, для храненія и выдачи всѣхъ нужныхъ выписей и справокъ.

2) По внесеніи акта о переходѣ имущества въ означенную въ ст. 1 книгу, приобрѣтателю имущества выдается волостнымъ правленіемъ точная выпись изъ сей книги, за подписью наличныхъ членовъ волостнаго правленія и за печатью онаго.

3) При такомъ переходѣ упомянутыхъ имуществъ ни гербоваго, ни другихъ въ пользу казны сборовъ и пошлинъ не требуется, но соблюдаются всѣ прочія условія, установленныя для отчужденія недвижимой собственности.

Примѣчаніе 1-е. Министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ юстиціи, предоставляется дать мѣстнымъ начальствамъ ближайшія указанія о томъ: какія именно условія, установленныя для отчужденія недвижимой собственности, должны быть соблюдаемы волостными правленіями, при совершеніи актовъ о переходѣ имуществъ на основаніи настоящаго узаконенія.

Примѣчаніе 2-е. Сдѣлки о переходѣ къ крестьянамъ недвижимаго имущества стоимостью не свыше 300 руб., совершенныя до изданія настоящаго узаконенія, не общимъ крѣпостнымъ, а тѣмъ порядкомъ, какой опредѣленъ въ ст. 91 общ. полож., сохраняютъ свою силу, если только при этотъ были соблюдены всѣ другія, установленныя для перехода таковыхъ имуществъ, правила.

II. Предоставить министру внутренних дѣлъ войти въ обсужденіе вопросовъ о томъ: не слѣдуетъ ли установить какія либо мѣры: 1) въ видахъ противодействія скупкѣ въ однѣ руки крестьянскихъ земель и 2) къ ограниченію отчужденія остающимися въ сельскомъ обществѣ крестьянами своихъ усадебъ, служащихъ единственнымъ мѣстомъ жительства для нихъ и ихъ семействъ.

Его Императорское Величество мнѣніе государственнаго совѣта Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить (№ 191).

38) *Объ упраздненіи комисіи военнаго суда при штабѣ Оренбургскаго казачьяго войска.*

Военный совѣтъ, согласно съ мнѣніемъ главнаго военно-суднаго управленія, положилъ: комисію военнаго суда при штабѣ Оренбургскаго казачьяго войска упразднить, съ отчисленіемъ Презуса и двухъ Ассесоровъ оной за штатъ, на общемъ основаніи.

Положеніе это Высочайше утверждено 25-го февраля 1882 года (№ 207).

39) *Относительно случаевъ представленія на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Его Императорскаго Величества всеподданныйшихъ ходатайствъ о пересмотрѣ въ государственномъ совѣтѣ опредѣленій общаго собранія правительствующаго сената.*

Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ, чтобы на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Его Величества представляемы были впредь только тѣ изъ всеподданныйшихъ ходатайствъ о пересмотрѣ въ государственномъ совѣтѣ опредѣленій общаго собранія правительствующаго сената, которыя соотвѣтствуютъ случаямъ, указаннымъ въ ст. 26 учрежденія комисіи прошеній (№ 208).

40) *Положеніе о полицейскомъ надзорѣ, учреждаемомъ по распоряженію административныхъ властей.*

Министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ въ правительствующій сенатъ, для зависящихъ распоряженій, въ копіи, Высочайше утвержденное 12-го марта 1882 года положеніе о полицейскомъ надзорѣ, учреждаемомъ по распоряженію административныхъ властей.

На подлинномъ написано: «Государь Императоръ положеніе сіе разсматривать и Высочайше утвердить соизволилъ, въ Гатчинѣ, въ 12-й день марта 1882 года».

Подписалъ: Управляющій дѣлами комитета министровъ, статсъ секретарь
Мансуровъ.

ПОЛОЖЕНІЕ

О ПОЛИЦЕЙСКОМЪ НАДЗОРѢ, УЧРЕЖДАЕМОМЪ ПО РАСПОРЯЖЕНІЮ АДМИНИСТРАТИВНЫХЪ ВЛАСТЕЙ

1. Полицейскій надзоръ, какъ мѣра предупрежденія преступленій противъ существующаго государственнаго порядка, учреждается надъ лицами, вредными для общественнаго спокойствія, порядкомъ, указаннымъ въ ст. 32—36 Высочайше утвержденнаго 14-го августа 1881 г. положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія и ст. 1045 ч. 2 т. XV уст. уголов. судопр. изд. 1876 г.

Примѣчаніе. Настоящее положеніе, въ виду вышеуказаннаго, не примѣняется не только къ лицамъ, отданнымъ подъ надзоръ полиціи, въ силу состоявшагося о нихъ судебнаго приговора, но и къ тѣмъ, кои находятся: а) подъ надзоромъ негласнымъ и б) подъ надзоромъ, учрежденнымъ на основаніи существующихъ узаконеній-вънѣ порядка, опредѣленнаго вышеприведенною статьею.

2. Полицейскій надзоръ надъ лицами, водворенными на жительство въ опредѣленную мѣстность, порядкомъ указаннымъ въ ст. 1 сего положенія, учреждается въ силу самаго водворенія и на срокъ, для него опредѣленный.

3. Полицейскій надзоръ можетъ быть учрежденъ порядкомъ, указаннымъ въ ст. 1 сего положенія, надъ лицомъ, въ мѣстѣ его жительства, при чемъ и въ семъ послѣднемъ случаѣ, при учрежденіи надзора, должна быть опредѣлена и продолжительность онаго, но на срокъ не свыше пяти лѣтъ.

4. Срокъ надзора считается со времени объявленія подлежащему лицу объ учрежденіи надъ нимъ надзора, если по сему предмету не послѣдуетъ отъ власти, уполномоченной на учрежденіе надзора, особаго распоряженія.

5. Всѣ лица, надъ которыми учреждается полицейскій надзоръ, какъ въ мѣстѣ водворенія ихъ, такъ и въ мѣстахъ жительства, одинаково подчиняются правиламъ, изложеннымъ въ нижеслѣдующихъ статьяхъ.

6. Отъ лица, отданнаго подъ надзоръ полиціи, отбираются документы о его званіи, если таковые у него имѣются, и видъ на жительство, взамѣнъ которыхъ ему выдается свидѣтельство на проживаніе въ назначенной ему для того мѣстности, безъ означенія

однако въ немъ того, что лицо, его получающее, находится подъ надзоромъ полиціи. Отобранные документы хранятся въ томъ полицейскомъ учрежденіи, подъ надзоромъ котораго сіе лицо должно находиться.

7. Поднадзорный обязанъ жить въ опредѣленномъ ему для того мѣстѣ и не имѣть права отлучаться изъ онаго безъ разрѣшенія надлежащей власти.

Примѣчаніе. Въ городахъ, въ случаѣ перемѣны квартиры, поднадзорный обязанъ въ теченіи сутокъ донести о томъ мѣстной полиціи.

8. Временныя отлучки поднадзорныхъ изъ мѣста, назначеннаго имъ для жительства, могутъ быть разрѣшаемы по особо уважительнымъ причинамъ и при одобрительномъ поведеніи поднадзорнаго, просящаго о разрѣшеніи отлучки:

- а) въ предѣлахъ уѣзда—мѣстнымъ начальникомъ полиціи;
- б) въ предѣлахъ губерніи—мѣстнымъ губернаторомъ, и
- в) въ другія губерніи—министромъ внутреннихъ дѣлъ.

9. Поднадзорному, получающему разрѣшеніе на отлучку, выдается проходное свидѣтельство и маршрутъ.

10. Отлучки поднадзорнымъ могутъ быть разрѣшаемы только на извѣстный срокъ и въ точно опредѣленную мѣстность (городъ, село, посадъ и т. п.), безъ права останавливаться въ пути слѣдованія, за исключеніемъ случаевъ болѣзни или другихъ непреодолимыхъ причинъ, о чемъ поднадзорный обязанъ немедленно заявить полицейскому начальству той мѣстности, гдѣ онъ былъ вынужденъ остановиться для удостовѣренія справедливости его заявленія и отпѣтки о семъ на его проходномъ свидѣтельствѣ.

11. Въ проходномъ свидѣтельствѣ должно быть обозначено:

а) имя, отчество, фамилія и особыя примѣты, если таковыя имѣются, лица, которому свидѣтельство выдается;

б) мѣсто, въ которое разрѣшена отлучка;

в) срокъ, на который она разрѣшена;

г) обязанность поднадзорнаго явиться не позже сутокъ со времени своего прибытія на мѣсто, въ которое ему разрѣшена отлучка, къ мѣстной полицейской власти и предъявить ей сіе свидѣтельство.

12. Въ маршрутѣ описывается точно и подробно тотъ путь, по которому обязанъ слѣдовать поднадзорный, отъ мѣста своего жительства до того мѣста, въ которое ему разрѣшена отлучка

13. Передъ отправленіемъ въ путь, какъ изъ мѣста жительства, такъ и временнаго пребыванія, поднадзорный обязанъ явиться къ мѣстной полицейской власти, которая отмѣчаетъ на проходномъ свидѣтельствѣ время, когда поднадзорный имѣетъ отправиться въ путь.

14. По возвращеніи изъ отлучки въ мѣсто своего жительства, поднадзорный обязанъ немедленно явиться къ мѣстному полицейскому начальству и возвратитъ ему какъ проходное свидѣтельство, такъ и маршрутъ.

15. Поднадзорный можетъ быть возвращенъ изъ разрѣшенной ему отлучки и ранѣе истеченія срока отлучки, если то будетъ признано необходимымъ лицами, разрѣшившими отлучку, или же поведение поднадзорнаго, въ мѣстѣ его временнаго пребыванія, будетъ признано мѣстными властями предосудительнымъ.

16. О выданномъ поднадзорному разрѣшеніи на отлучку, поставляется въ извѣстность начальство той мѣстности, въ которую разрѣшена ему отлучка.

17. Поднадзорный какъ въ мѣстѣ своего жительства, такъ и временнаго пребыванія, обязанъ являться въ полицію по первому ея требованію.

18. Мѣстная полицейская власть имѣетъ право входа въ квартиру поднадзорнаго во всякое время.

19. Полиціи предоставляется право производить у лицъ поднадзорныхъ обыски и выемки, но съ тѣмъ, чтобы о каждомъ произведенномъ ею обыскѣ или выемкѣ былъ составленъ протоколъ, съ изложеніемъ въ немъ какъ поводовъ къ симъ дѣйствіямъ, такъ и послѣдствій оныхъ.

20. Отъ мѣстнаго губернатора зависитъ воспретить поднадзорному хравить у себя оружіе.

21. Лица поднадзорныя не могутъ состоять на государственной или общественной службѣ, но могутъ быть допускаемы къ письменнымъ занятіямъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ по найму, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы всякій разъ испрашивалось на то разрѣшеніе у министра внутреннихъ дѣлъ.

22. Лица поднадзорныя не могутъ быть учредителями, предсѣдателями и членами въ частныхъ обществахъ и компаніяхъ, а также предсѣдателями и членами конкурсныхъ управленій.

23. Лица поднадзорныя не могутъ быть опекунами и попечите

лями иначе, какъ съ особаго на то разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ.

24. Поднадзорнымъ лицамъ воспрещается:

1) Всякая педагогическая дѣятельность.
2) Принятіе къ себѣ учениковъ для обученія ихъ искусствамъ и ремесламъ.

3) Чтеніе публичныхъ лекцій.

4) Участіе въ публичныхъ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ

5) Участіе въ публичныхъ сценическихъ представленіяхъ.

6) Вообще всякаго рода публичная дѣятельность.

7) Содержаніе типографій, литографій, фотографій, библиотекъ для чтеній и служба при нихъ въ качествѣ прикащиковъ, конторщиковъ, смотрителей или рабочихъ.

8) Торговля книгами и всѣми принадлежностями и произведеніями тисненій.

9) Содержаніе трактирныхъ и питейныхъ заведеній, а равно и торговля питьями.

25. Лица поднадзорныя не могутъ быть принимаемы въ правительственныя, общественныя и частныя учебныя заведенія иначе, какъ съ особаго на то разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, даваемого по соглашенію съ учебнымъ начальствомъ

26. Лица поднадзорныя могутъ ходатайствовать по судебнымъ дѣламъ, относящимся только до нихъ самихъ, ихъ родителей, женъ и дѣтей.

27. Врачебная, акушерская и фармацевтическая практика дозволяется поднадзорнымъ не иначе, какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ.

28. Всѣ остальныя занятія, дозволенныя закономъ, разрѣшаются поднадзорнымъ, но съ тѣмъ, что отъ мѣстнаго губернатора зависить воспретить поднадзорному избранное имъ занятіе, если оно сему послѣднему служитъ средствомъ его предосудительныхъ замысловъ или, по мѣстнымъ условіямъ представляется опаснымъ для общественнаго порядка и спокойствія. О всякомъ такомъ воспрещеніи, а равно и объ основаніяхъ къ оному, губернаторъ немедленно доводитъ до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго зависить отмѣнить сіе воспрещеніе, если онъ признаетъ то нужнымъ.

29. Министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, воспрещать поднадзорному непосредственное

полученіе симъ послѣднимъ его частной, почтовой или телеграфной корреспонденціи и въ такомъ случаѣ: 1) всѣ письма и депеши, получаемыя на имя такого лица, препровождаются почтовымъ и телеграфнымъ вѣдомствомъ на просмотръ: въ губернскихъ городахъ къ мѣстному начальнику жандармскаго управленія, а въ уѣздныхъ — къ мѣстному уѣздному исправнику, которые или передаютъ ихъ по принадлежности или, въ случаѣ предосудительнаго ихъ содержанія, задерживаютъ ихъ, причемъ исправники всю задержанную ими корреспонденцію пересылаютъ немедленно къ начальнику жандармскаго управленія; 2) поднадзорный всю предполагаемую имъ къ отправкѣ корреспонденцію представляетъ на просмотръ тѣмъ же лицамъ, которыя поступаютъ съ нею по правиламъ, изложеннымъ въ предшествующемъ пунктѣ сей статьи, и 3) мѣстнымъ почтовымъ и телеграфнымъ учрежденіямъ сообщаются списки поднадзорныхъ, коимъ воспрещено непосредственное полученіе корреспонденцій для исполненія со стороны сихъ учреждений вышеизложенныхъ правилъ.

30. Поднадзорные, заслуживающіе своимъ поведеніемъ и образомъ жизни облегченія своего положенія, могутъ быть, по представленіямъ мѣстныхъ губернаторовъ и съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, освобождаемы отъ нѣкоторыхъ стѣснительныхъ для нихъ мѣръ надзора, а равно и отъ нѣкоторыхъ ограниченій ихъ правъ, по отношенію къ выбору ими занятій (ст. 22—28): въ чемъ должно заключаться сіе облегченіе и отъ какихъ стѣснительныхъ мѣръ и ограниченій правъ на занятія могутъ быть освобождены сіи лица, зависитъ отъ усмотрѣнія министра внутреннихъ дѣлъ.

31. Мѣстное губернское начальство имѣетъ право входить съ представленіями къ министру внутреннихъ дѣлъ объ отмѣнѣ учрежденнаго надъ лицомъ полицейскаго надзора до истеченія срока, въ тѣхъ случаяхъ, когда поднадзорный своимъ образомъ жизни и поведеніемъ представляетъ достаточное ручательство въ своемъ исправленіи.

32. За неисполненіе предписанныхъ въ ст. 11 — 29 сего положенія правилъ и неявку изъ разрѣшенной отлучки къ назначенному сроку, поднадзорные подвергаются аресту при полиціи:

1) по постановленіямъ мѣстнаго начальника уѣздной или городской полиціи — на срокъ до трехъ сутокъ:

2) по распоряженію мѣстнаго губернатора — на срокъ до семи дней;

3) по предписанію министра внутреннихъ дѣлъ на срокъ до одного мѣсяца и въ семь послѣднемъ случаѣ арестъ можетъ быть назначенъ при тюрьмѣ, даже если поднадзорный, по правамъ состоянія, подлежитъ аресту при полиціи

Примѣчаніе. За самовольную отлучку поднадзорныхъ изъ мѣста, назначеннаго имъ для жительства, они подвергаются суду и наказанію, опредѣленному въ ст. 63 уст. о наказ. налагаемыхъ мировыми судьями.

33. Лицу, отданному подъ надзоръ полиціи, при самомъ объявленіи о семь или немедленно по прибытіи на мѣсто водворенія, объявляется о существѣ всѣхъ правилъ, изложенныхъ въ ст. 7 — 31 сего положенія, для свѣдѣнія и руководства, въ удостовѣреніе чего отъ него отбирается росписка.

34. Лица, высланные подъ надзоръ полиціи и неимѣющія собственныхъ средствъ существованія получаютъ отъ казны пособіе на основаніи существующихъ узаконеній.

35. На тѣхъ же основаніяхъ получаютъ они пособіе на одежду, бѣлье и обувь.

36. Семействамъ высланныхъ подъ надзоръ полиціи лицъ, въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда сіи семейства послѣдовали за высланными лицами въ мѣста ихъ водворенія, выдается пособіе на основаніи существующихъ узаконеній.

37. Поднадзорные, уклоняющіеся отъ занятій по лѣности, дурному поведенію или привычкѣ къ праздности, лишаются права на полученіе пособія отъ казны.

38. Поднадзорные, высланные изъ мѣстъ ихъ жительства и неимѣющіе средствъ къ существованію, а равно и члены ихъ семейства, послѣдовавшіе за ними въ мѣста ихъ водворенія, въ случаѣ болѣзни, призрѣваются въ больницахъ гражданскаго вѣдомства на счетъ казны.

39. По полученіи распоряженія объ освобожденіи лица отъ учрежденнаго надъ нимъ надзора или по истеченіи срока надзора, мѣстная полиція, объявивъ о семъ лицу, до котораго сіе относится, возвращаетъ ему обратно отобранные (ст. 6) у него документы.

40. Освобожденное отъ надзора лицо, а равно и члены его семьи, въ случаѣ неимѣнія своихъ собственныхъ средствъ для отъѣзда изъ мѣста водворенія, имѣютъ право на пособіе отъ казны, согласно Высочайшаго повелѣнія 10 января 1881 г., если только

о способѣ препровожденія ихъ на родину не послѣдуетъ особаго распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ (№ 212).

41) По проекту штата управленій тюрьмами въ губерніяхъ Царства Польскаго.

Государственный совѣтъ *мнѣніемъ положилъ*:

I. Проектъ штата управленій тюрьмами къ губерніяхъ Царства Польскаго, поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію.

II. На покрытіе исчисленнаго по сему штату ежегоднаго расхода, къ размѣрѣ *тридцати двухъ тысячъ семисотъ семидесяти семи руб. пятидесяти коп.* обратить двадцать три тысячи сто пятьдесятъ два руб. шестьдесятъ четыре коп., отпускаемые нынѣ изъ казны на содержаніе управленій означенными тюремными учрежденіями, а недостающую за симъ сумму, въ количествѣ *девятой тысячъ шестисотъ двадцати четырехъ руб. восьмидесяти шести коп.* въ годъ, назначить, съ 1 го января 1883 года, къ новому отпуску изъ Государственного Казначейства, со внесеніемъ въ подлежащія подраздѣленія расходной смѣты Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

III. Предоставить Министру Внутреннихъ Дѣлъ, если онъ признаетъ возможнымъ и необходимымъ, привести упомянутый новый штатъ въ дѣйствіе еще въ текущемъ 1882 году, съ тѣмъ, чтобы потребный на этотъ предметъ дополнительный расходъ былъ покрытъ изъ имѣющихся въ распоряженіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ суммъ, въ предѣлахъ послѣдовавшихъ на нынѣшній годъ смѣтныхъ назначеній

Его Императорское Величество мнѣніе Государственного Совѣта Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить (№ 214).

42). О наказаніяхъ за похищеніе и самовольную порубку лѣса.

Государственный Совѣтъ *мнѣніемъ положилъ*:

I. Статьи 155, 156, пунктъ 1 статьи 158 и статью 159 устава о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями, изложить слѣдующимъ образомъ:

Статья 155. За похищеніе изъ лѣса деревь, какъ стоящихъ на корню, такъ буреломныхъ и валежныхъ, или частей ихъ, а также за самовольную порубку въ лѣсахъ, хотя и безъ вывоза срубленныхъ деревь, виновные подвергаются, сверхъ отобранія похи-

щеннаго или самовольно срубленнаго лѣса, или уплаты его стоимости: въ первый разъ—денежному взысканію, равному двойной цѣнѣ похищеннаго или самовольно срубленнаго лѣса; во второй разъ—денежному взысканію, равному тройной цѣнѣ похищеннаго или самовольно срубленнаго лѣса, или же, сверхъ денежнаго взысканія, равнаго двойной цѣнѣ этого лѣса, аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ; а въ третій и болѣе разъ—денежному взысканію, равному двойной цѣнѣ похищеннаго или самовольно срубленнаго лѣса, и заключенію въ тюрьмѣ отъ одного до шести мѣсяцевъ.

(NB *Примѣчаніе къ сей статьѣ остается въ силѣ.*)

Статья 156 Виновные въ совершеніи предусмотрѣнныхъ статьею 155 проступковъ хотя бы и въ первый разъ, могутъ быть подвергнуты взысканіямъ и наказаніямъ, опредѣленнымъ въ той статьѣ за второй разъ: а) когда похищеніе или порубка произведены въ заказныхъ рощахъ и участкахъ, а также въ лѣсахъ, обнесенныхъ заборомъ, изгородью, канавою или другою оградой; б) когда эти проступки совершены ночью; в) когда похититель или самовольной порубщикъ употребилъ какія либо средства, чтобы не быть опознаннымъ лѣсною стражею, или, на спросъ ея, отказался объявить свое имя, или выдалъ себя ложно за другаго; г) когда порублены или вырваны съ корнемъ сѣмянные или посаженные деревья; д) когда деревья спилены; е) когда порубщикъ употребилъ какія либо особыя средства чтобы скрыть слѣды порубки; ж) когда похищеніе или порубка учинены нѣсколькими лицами; з) когда похищеніе или порубка сдѣланы не по нуждѣ, а по корысти.

Статья 158, п. 1. Опредѣленнымъ за самовольную порубку (ст. 155 и 156) взысканіямъ и наказаніямъ подлежатъ и тѣ, кто будетъ, безъ надлежащаго разрѣшенія, расчищать чужія лѣсныя угоды или предназначенныя подъ зарощеніе лѣсомъ поляны, а равно засаженныя или засѣянныя лѣсомъ мѣста.

Статья 159. За укрывательство или покупку завѣдомо похищеннаго или самовольно срубленнаго другими лѣса и лѣсныхъ произведеній, виновные подвергаются, сверхъ отобранія лѣса и лѣсныхъ произведеній или уплаты ихъ стоимости: въ первый разъ, денежному взысканію, равному цѣнѣ принятаго или купленнаго лѣса; во второй разъ, тому же денежному взысканію или, сверхъ того, и аресту не свыше шести недѣль; а въ третій и болѣе разъ—

тому же денежному взысканію и заключенію въ тюрьмѣ отъ одного до трехъ мѣсяцевъ.

(NB Примѣчаніе къ сей статьѣ остается въ силѣ).

II Статью 822 уложенія о наказаніяхъ (изд. 1866 г.) изложить такъ:

„За укрывательство или покупку заведомо похищеннаго или самовольно срубленнаго другими лѣса, виновные въ томъ лѣсопромышленники подвергаются: въ первый разъ—денежному взысканію, равному цѣнѣ принятаго или купленнаго лѣса; во второй разъ—тому же денежному взысканію или, сверхъ того, и аресту не свыше шести недѣль; а въ третій и болѣе разъ—тому же денежному взысканію и заключенію въ тюрьмѣ отъ одного до трехъ мѣсяцевъ.

Лѣсопромышленники, виновные въ означенныхъ проступкахъ во второй и болѣе разъ, независимо отъ опредѣленной по закону отвѣтственности приговариваются, во всякомъ случаѣ, въ лишенію права заниматься лѣсною промышленностью въ продолженіи пяти лѣтъ“.

(NB. Два примѣчанія къ сей статьѣ, по продолженію 1876 годн. остаются въ силѣ).

Его Императорское Величество мнѣніе Государственнаго Совѣта Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить (№ 219).

43) О порядкѣ зачета особахъ взносов, представляемыхъ въ уплату капитальныхъ долговъ крестьянъ по выкупнымъ ссудамъ.

Государственный Совѣтъ мнѣніемъ положилъ:

I. Въ измѣненіе и дополненіе заключающихся въ положеніи о выкупѣ 19-го февраля 1861 года, правилъ о порядкѣ уплаты разрѣшенныхъ крестьянамъ выкупныхъ ссудъ, постановить слѣдующія правила:

1) Въ тѣхъ случаяхъ, указанныхъ въ ст. 115, примѣчаніяхъ, 1-мъ и 2-мъ къ ст. 161 и ст. 162 полож. о вык., когда въ счетъ капитальнаго по выкупной ссудѣ долга, дѣлается особый взносъ, со всего числящагося на крестьянахъ долга, слагается такая его часть, какую внесенная сумма составляетъ по отношенію къ остающемуся (непогашенному) долгу. Такъ, если вносится $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{3}$ непогашеннаго долга, то слагается $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{3}$ всего числящагося на крестьянахъ долга, если вносится 60%, 25%, 8% остающагося

непогашеннымъ долга, то столько же % отъ всего числящагося долга должны слагаться съ него. Засимъ сбавка въ окладѣ выкупныхъ платежей производится въ размѣрѣ 6% со всей слагаемой такимъ образомъ съ крестьянъ суммы долга, считая срокомъ этой сбавки начало слѣдующаго за взносомъ податнаго полугодія (т. е. 1-е января или 1-е іюля).

2) Въ случаѣ выкупа отдѣльнымъ домохозяиномъ своего участка по 165 ст. положенія о выкупѣ, требуется отъ него только та часть капитальнаго долга, которая окажется на немъ. по исключеніи изъ всей суммы долга, причитающейся на выкупленный участокъ по разверсткѣ общества, денегъ, поступившихъ на погашеніе капитальнаго долга, въ числѣ внесенныхъ означеннымъ домохозяиномъ выкупныхъ платежей; обществу же, изъ годоваго выкупнаго платежа, исключается столько, сколько составляютъ 6% со всей части выкупной ссуды, причитавшейся на выдѣляемый домохозяину участокъ. Правило это примѣняется и въ томъ случаѣ, когда крестьянинъ, желающій, по ст. 173 того же положенія, выйти изъ общества, съ оставленіемъ своего надѣла въ распоряженіи общества, вноситъ половину капитальнаго долга крестьянъ по выкупной ссудѣ, причитающагося на его участокъ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ 6-ти процентная сбавка въ годичныхъ выкупныхъ платежахъ общества, дѣлается также какъ въ случаяхъ, указанныхъ въ ст. 1, со срока перваго послѣ взноса податнаго полугодія.

3) При уплатѣ всего остальнаго капитальнаго долга по выкупной ссудѣ, лежащаго какъ на цѣломъ сельскомъ обществѣ, такъ и на отдѣльных домохозяевахъ, пріобрѣвшихъ надѣлъ въ личную собственность (ст. 169 пол. о вык.), возмѣщается только та доля означеннаго долга, которая не погашена еще ежегодными выкупными платежами; срокомъ же освобожденія крестьянъ отъ дальнѣйшаго взноса выкупныхъ платежей, считается первое число слѣдующаго за уплатой мѣсяца.

II. Предоставить Министру Финансовъ, дать подлежащимъ учрежденіямъ подробныя указанія относительно порядка составленія расчетовъ и повѣрки ихъ, въ случаяхъ производства особыхъ взносовъ въ уплату числящихся на крестьянахъ долговъ по выкупнымъ ссудамъ.

Его Императорское Величество мнѣніе Государственнаго Совѣта Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить (№ 228).

44) *О введеніи мировых судебных установлений и положенія о нотаріальной части въ сѣверо-восточныхъ уѣздахъ Вологодской губерніи.*

Государственный Совѣтъ, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Во второй половинѣ 1882 года, приступить ко введенію мировыхъ судебныхъ установлений, отдѣльно отъ общихъ судебныхъ мѣстъ, въ Великоустюжскомъ, Никольскомъ, Яренскомъ, Сольвычегодскомъ и Устьсысольскомъ уѣздахъ Вологодской губерніи.

II. Окончательное опредѣленіе срока открытія мировыхъ судебныхъ установлений въ означенныхъ уѣздахъ предоставить Министру Юстиціи, по соглашенію съ Министрами Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ.

III. Мировыя судебныя установленія образовать въ названной мѣстности (ст I) на основаніи судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года, положенія 19-го октября 1865 г. о введеніи оныхъ въ дѣйствіе и Высочайше утвержденныхъ 10-го марта 1869 года правилъ о порядкѣ окончанія дѣлъ прежнихъ судебныхъ мѣстъ, съ соблюденіемъ при томъ нижеслѣдующихъ постановленій:

1) Уѣздные суды закрываются по усмотрѣнію Министра Юстиціи, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ со дня открытія мировыхъ судебныхъ установлений.

2) Со дня открытія мировыхъ судебныхъ установлений, всѣ дѣла, изъятые изъ вѣдомства мировыхъ судей, начинаются непосредственно въ Вологодскомъ окружномъ судѣ, въ которомъ производится порядкомъ, опредѣленнымъ законами о судопроизводствѣ и взысканіяхъ гражданскихъ и о судопроизводствѣ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ (свод. зак. т. X ч. II, изд. 1876 г.; т. XV ч. II, изд. 1876 г.)

3) Права и обязанности, въ отношеніи мировыхъ судебныхъ установлений, принадлежащія, по уставамъ 20-го ноября 1864 года, судебнымъ палатамъ, возлагаются на Московскую судебную палату.

4) Къ числу законныхъ причинъ неявки свидѣтелей (уст. гражд. суд. ст. 91 и 93; уст. угол. суд. ст. 69 и 71) относится жительство ихъ далѣе двухсотъ верстъ отъ мѣста, въ которое они вызываются.

5) Мировой судья можетъ просить судебного слѣдователя о допросѣ свидѣтеля и производствѣ мѣстнаго осмотра (уст. гражд. суд. ст. 120), а также о повѣркѣ осмотра, освидѣтельствованія или обыска (уст. угол. суд. ст. 107. Исполненіе такихъ порученій обя-

зательно для слѣдователя въ тѣхъ случаяхъ, когда означенныя дѣйствія должны быть совершены въ мѣстѣ его пребыванія, постоянного или временнаго.

6) Уѣзднымъ земскимъ собраніямъ разрѣшается, въ случаѣ надобности, сверхъ участковыхъ и почетныхъ мировыхъ судей, избирать добавочныхъ мировыхъ судей въ нужномъ, по усмотрѣнію сихъ собраній, числѣ. На избираемыхъ на семъ основаніи добавочныхъ судей распространяются постановленія, изложенныя въ примѣчаніи 1-мъ къ статьѣ 1682, а также въ примѣчаніяхъ къ статьямъ 1683 и 1698 общаго губернскаго учрежденія (свод. зак. т. II ч. I, изд. 1876 г.)

7) Изъ общей суммы расходовъ, потребныхъ на содержаніе мировыхъ судебныхъ установленій, а также на устройство и содержаніе помѣщеній для подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ судей, относятся на губернской земскій сборъ: по Яренскому уѣзду—одна половина, а по Сольвычегодскому уѣзду—одна треть; остальные затѣмъ части сихъ расходовъ удовлетворяются изъ уѣздныхъ земскихъ сборовъ названныхъ уѣздовъ, по принадлежности.

8) Предположенія Яренскаго и Сольвычегодскаго уѣздныхъ земскихъ собраній, объ учрежденіи должностей добавочныхъ мировыхъ судей, о числѣ мировыхъ судей какъ участковыхъ, такъ и добавочныхъ, а равно о опредѣленіи размѣра издержекъ на содержаніе мировыхъ судебныхъ установленій, подлежатъ разсмотрѣнію губернскаго земскаго собранія.

9) Для исполненія тѣхъ, въ отношеніи мировыхъ судебныхъ установленій, обязанностей, которыя, по судебнымъ уставамъ, возложены на товарищей прокурора окружнаго суда, учреждаются временно должности товарищей губернскаго прокурора, въ вѣдѣніи прокурора Вологодскаго окружнаго суда. Лица эти исполняютъ, по распредѣленію прокурора, также всѣ остающіяся въ силѣ обязанности уѣздныхъ стряпчихъ, должности которыхъ упраздняются вмѣстѣ съ закрытіемъ уѣздныхъ судовъ.

10) Пререканія о подсудности между мировыми судьями и судебными слѣдователями разрѣшаются Вологодскимъ окружнымъ судомъ.

IV. Одновременно со введеніемъ мировыхъ судебныхъ установленій, распространить на сѣверо-восточные уѣзды Вологодской губерніи Высочайше утвержденныя 14-го апрѣля 1866 года положеніе о нотаріальной части и 27-го іюня 1867 года правила о по

рядѣ приведенія онаго въ дѣйствіе, а также дополнительныя къ симъ узаконенія постановленія. При этомъ: въ тѣхъ тѣхъ городахъ, посадахъ мѣстечкахъ и селеніяхъ, гдѣ не будетъ нотаріусовъ, исполненіе всѣхъ лежащихъ на нихъ по закону обязанностей предоставить участковымъ мировымъ судьямъ.

V. Проектъ временнаго росписанія товарищамъ губернскаго прокурора въ уѣздахъ: Великоустюжскомъ, Никольскомъ, Яренскомъ, Сольвычегодскомъ и Устьсисольскомъ Вологодской губерніи, поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію.

VI. Содержаніе уѣзднымъ землемѣрамъ въ означенныхъ уѣздахъ увеличить прибавленіемъ по *сто пятидесяти* рублей въ годъ каждому, а равно усилить на *одну тысячу* рублей въ годъ денежныя средства, ассигнуемыя на содержаніе нотаріальнаго архива Вологодскаго окружнаго суда.

VII. Расходы: а) на содержаніе товарищей губернскаго прокурора, въ размѣрѣ шести тысячъ рублей (ст. V); б) на увеличеніе содержанія уѣзднымъ землемѣрамъ въ размѣрѣ семисотъ пятидесяти рублей (ст. VI) и в) на усиленіе денежныхъ средствъ назначенныхъ на содержаніе нотаріальнаго архива Вологодскаго окружнаго суда, въ размѣрѣ одной тысячи рублей (ст. VI), а всего въ количествѣ *семи тысячъ семисотъ пятидесяти* рублей ежегодно. обратить на средства Государственнаго Казначейства, со внесеніемъ исчисленныхъ суммъ въ подлежащія подраздѣленія расходной смѣты Министерства Юстиціи, начиная съ 1-го января 1883 года.

VII. Въ текущемъ 1882 году отпустить изъ Государственнаго Казначейства, сверхсмѣтнымъ кредитомъ: а) на содержаніе товарищей губернскаго прокурора три тысячи рублей; б) на увеличеніе содержанія уѣзднымъ землемѣрамъ три семьдесятъ пять рублей, и в) на усиленіе денежныхъ средствъ нотаріальнаго архива Вологодскаго окружнаго суда тысячу рублей, а всего *четыре тысячи триста семьдесятъ пять* рублей, и, сверхъ того, на содержаніе, во второй половинѣ текущаго года, существующихъ въ пяти сѣверо-восточныхъ уѣздахъ Вологодской губерніи уѣздныхъ судовъ съ ихъ канцеляріями и уѣздныхъ стряпчихъ, сколько будетъ причитаться по день дѣйствительнаго упраздненія сихъ управленій (ст. III п. 1 и 9).

Его Императорское Величество миѣніе Государственнаго Совета, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить № 230).

в) Распоряженія правительства.

Министра Юстиціи.

З. *Объ учрежденіи нотаріальныхъ конторъ въ м. Большомъ Токмакѣ и въ селахъ Андреевкѣ и Нововасильевкѣ, Бердянскаго уѣзда*

На основаніи примѣчанія къ составленному Министерствомъ Юстиціи, по соглашенію съ Министерствами Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ, росписанію числа нотаріусовъ въ губерніяхъ входящихъ въ округъ Одесской судебной палаты, а также Нижегородской и Полтавской (собр. узак. и расп. Прав. 1869 года № 9, ст. 75), увеличеніе положеннаго въ сказанныхъ мѣстностяхъ числа нотаріусовъ, равно какъ назначеніе ихъ въ мѣстахъ, непоименованныхъ симъ росписаніемъ, можетъ послѣдовать по ходатайству губернскихъ земскихъ собраний.

Признавъ нынѣ, вслѣдствіе ходатайства Таврическаго губернскаго земскаго собранія и по сношеніи съ подлежащими вѣдомствами, необходимымъ учредить нотаріальныя конторы въ м. Большомъ Токмакѣ и въ селахъ Андреевкѣ и Нововасильевкѣ Бердянскаго уѣзда, и, сообразно съ симъ, дополнить вышеозначенное росписание, Министръ Юстиціи предложилъ объ этомъ Правительствующему Сенату (№ 180).

Б. *О перечисленіи двухъ должностей судебныхъ слѣдователей изъ округа Казанскаго окружнаго суда въ округъ Пермскаго суда.*

Министръ Юстиціи, утвердивъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 3-го іюня 1879 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, опредѣленіе общаго собранія департаментовъ Казанской судебной палаты, отъ 24 го октября 1881 года, о перечисленіи изъ округа Казанскаго окружнаго суда двухъ должностей судебныхъ слѣдователей въ округъ Пермскаго суда,—предложилъ объ этомъ Правительствующему Сенату (№ 202).

Военнаго Министра.

Б. *Объ упраздненіи должности старшаго аудитора штаба Кавказскаго военнаго округа.*

Вслѣдствіе окончанія военно судныхъ дѣлъ, производившихся по прежнему порядку военно уголовного судопроизводства и на основаніи Высочайше утвержденнаго положенія о введеніи въ дѣйствіе военно судебного устава въ войскахъ Кавказскаго военнаго округа,

къ 4 л.

упраздняется должность старшаго аудитора штаба означеннаго округа (№ 184).

Б. *Объ упраздненіи должности старшаго аудитора штаба войскъ Одесскаго военнаго округа.*

Вслѣдствіе окончанія военно судныхъ дѣлъ, произволившихся по прежнему порядку военно уголовного судопроизводства, и на основаніи Высочайше утвержденнаго положенія о введеніи въ дѣйствіе военно судебнаго устава въ войскахъ Одесскаго военнаго округа, упраздняется должность старшаго аудитора штаба означеннаго округа (№ 188).

ОТДѢЛЪ II

Личный составъ

высочайшіе приказы

По министерству юстиціи

НАЗНАЧАЮТСЯ: товарищъ прокурора кіевскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Самосеаловъ**—членомъ кіевскаго окружнаго суда; исправляющій должность старшаго нотаріуса тамбовскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Володзько**—старшимъ нотаріусомъ тамбовскаго окружнаго суда; председатель екатеринославскаго окружнаго суда, коллежскій совѣтникъ **Шепелевъ**—исправляющій должность прокурора кіевской судебной палаты, товарищъ прокурора владимірскаго окружнаго суда **Бейзеръ**—судебнымъ слѣдователемъ 5-го участка города Москвы; товарищъ председателя владимірскаго окружнаго суда, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Микулинъ**—членомъ московской судебной палаты; членъ с.-петербургскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Ивановъ**—товарищемъ председателя с.-петербургскаго окружнаго суда; состоящіе при департаментѣ министерства юстиціи и командированные въ исправленію должностей судебныхъ слѣдователей округа, вѣдѣннаго окружнаго суда: 2-го участка **Редихъ** и 3-го участка, **Сверчинскій**—судебными слѣдователями въ округѣ того же окружнаго суда; состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ, сверхъ комплекта, въ межевомъ департаментѣ правительствующаго сената, управляющій канцелярією межеваго управленія, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Солдогоубъ**—членомъ консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной; товарищъ прокурора сувалскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Лебедевъ**—членомъ сувалскаго окружнаго суда; секретарь варшавской судебной палаты, титулярный совѣтникъ **Залѣскій**—членомъ калишскаго окружнаго суда; состоящіе при департаментѣ министерства юстиціи и командированные въ исправленію должностей судебныхъ слѣдователей округовъ: новочеркасскаго окружнаго суда: по важнѣйшимъ дѣламъ, **Замчаловъ** и 4-го участка черкасскаго округа, **Навропскій**, херсонскаго окружнаго суда: по важнѣйшимъ дѣламъ, **Еленскій**, 1-го участка, **Савинскій** и 8-го участка, **Музыченко** и люблинскаго окружнаго суда: 3-го участка люблинскаго уѣзда, **Новицкій** и ново-александровскаго уѣзда, **Гаросовскій**—судебными слѣдователями въ округахъ тѣхъ же окружныхъ судовъ.

УВОЛЬНЯЮТСЯ: судебный слѣдователь 2-го участка бѣлгородскаго уѣзда, округа курскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Барвиновскій**—отъ занимаемой имъ должности, по случаю назначенія товарищемъ прокурора нѣжскаго окружнаго суда; *отъ службы, согласно прошеніямъ:* членъ консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Арсеньевъ**; прокуроръ кievской судебной палаты, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Загоскинъ**, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

УМЕРШИЕ исключаются изъ списковъ: сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ **Веймарнъ**; товарищъ оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента правительствующаго сената, статскій совѣтникъ **Лицкой**.

КЪ ВОПРОСУ О РЕФОРМѢ ПОРЯДКА ПРЕСЛѢДОВАНІЯ ЗА СЛУЖЕБНЫЯ ПРЕСТУПЛЕНІЯ ПО СУДЕБНЫМЪ УСТАВАМЪ.

I.

Идея о строгомъ отдѣленіи власти судебной отъ административной и объ образованіи суда и порядка судебного производства, равнаго для всѣхъ званій и состояній, — составляетъ, можно сказать, душу нашихъ судебныхъ уставовъ. Идея эта, положенная въ основаніе судебныхъ уставовъ, и по существу своему и по значенію для судебъ русской юстиціи, — представляетъ одно изъ крупныхъ завоеваній, совершенныхъ прогрессивнымъ движеніемъ законодательства шестидесятихъ годовъ. Она привела составителей нашихъ судебныхъ уставовъ къ многимъ, въ высшей степени важнымъ постановленіямъ, служащимъ гарантіею правосудной дѣятельности.

Нельзя, однако, сказать, что, провозглашенному на основаніи этой идеи, принципу независимости и единства юстиціи, дана та полнота развитія, которой слѣдовало бы ожидать. Въ нашихъ судебныхъ уставахъ есть цѣлые отдѣлы, построенные на иномъ принципѣ. Къ числу такихъ отступлений относится, между прочимъ, отдѣлъ о порядкѣ судопроизводства по преступленіямъ по должности, (ст. 1078—1128 разд. III). Этотъ отдѣлъ отнесенъ законодателемъ къ числу „изъятой“ изъ общаго порядка, и онъ дѣйствительно рѣзко выдѣляется изъ послѣдняго. Не касаясь, пока, другихъ, менѣе важныхъ особенностей, нельзя не остановиться, прежде

ж. гр. и уг. пр. кн. v 1882 г.

всего на одной, чрезвычайно важной чертѣ, характеризующей разсматриваемое „изъятіе“. Мы разумѣемъ здѣсь, ту особенность „изъятія“, которая заключается въ установленіи *начала зависимости* судебного преслѣдованія за преступленіе по должности, *отъ воли подлежащаго начальства* обвиняемаго должностнаго лица и въ созданіи, въ лицѣ начальства, *спеціальнаго органа*, функционирующаго *въ качествѣ обвинительной власти*, параллельно съ ординарною государственною властью—прокуратурою и верховною камерою преданія суду судебной палаты.

По дѣйствующимъ постановленіямъ разсматриваемаго „изъятія“, исключительно къ начальству обвиняемаго должностнаго лица должны обращаться, какъ частныя лица съ своими жалобами, такъ и всѣ мѣста и должностныя лица съ своими сообщеніями о преступленіяхъ по должности (ст. 1097). Всецѣло отъ начальства обвиняемаго зависитъ возбудить или не возбудить преслѣдованіе въ каждомъ данномъ случаѣ (1098 и 1099 ст.). Но и возбудивъ уголовное преслѣдованіе противъ подвѣдомственнаго должностнаго лица, начальство обвиняемаго не устраняется отъ вліянія на дальнѣйшій ходъ дѣла. Въ тѣхъ случаяхъ, когда, прежде преданія суду, требуется производство предварительнаго слѣдствія (ст. 1101),—это послѣднее, съ заключеніемъ прокурора, препровождается къ начальству обвиняемаго, которое, въ качествѣ специальной камеры преданія суду, разрѣшаетъ вопросъ или о преданіи суду или о прекращеніи уголовного преслѣдованія (ст. 1103 и 1104).

Правда, законодатель не сообщилъ этой специальной камерѣ преданія суду, верховнаго авторитета, подобно судебной палатѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и не привлекъ послѣднюю къ участию для разрѣшенія разномыслія между прокуроромъ и начальствомъ обвиняемаго должностнаго лица, по вопросамъ о преданіи суду. Въ тѣхъ случаяхъ, когда опредѣленіемъ начальства, постановленнымъ въ качествѣ обвинительной камеры, вопреки мнѣнію прокурора, предположено уголовное преслѣдованіе прекратить, то, для разрѣшенія разномыслія, дѣло

представляется или въ мѣстное губернское правленіе или въ правительствующій сенатъ по 1-му департаменту. Причемъ и постановленія губернскаго правленія, по предмету указаннаго разномыслія, только тогда почитаются окончательными, когда они согласуются съ заключеніемъ прокурора. Если же постановленіемъ губернскаго правленія утверждается мнѣніе начальства обвиняемаго должностнаго лица о прекращеніи уголовнаго преслѣдованія, то, для *окончательнаго* разрѣшенія разномыслія, дѣло вносится также въ правительствующій сенатъ (1105 и 1106 ст.).

Такими постановленіями, создающими притомъ же нѣкоторое авторитетное положеніе для прокуратуры, законодатель, очевидно, желалъ гарантировать правильность уголовнаго преслѣдованія за преступленія по должности. Но въ дѣйствительности изъ этихъ гарантирующихъ постановленій, кромѣ крайней медленности производства, иныхъ результатовъ не получается.

Пропутешествовавъ по разнымъ инстанціямъ, нерѣдко въ теченіи многихъ лѣтъ, дѣло о преступленіи по давности, даже въ лучшемъ случаѣ, т. е. въ случаѣ принятія заключенія прокурора о преданіи суду, — появляется въ судъ безъ многихъ качествъ, безусловно необходимыхъ для правильнаго разрѣшенія.

Давность преступленія, утрата свидѣтелями ясныхъ воспоминаній о мелкихъ, но часто крайне важныхъ подробностяхъ преступленія, успокоившееся, отъ времени, чувство общества и даже потерпѣвшаго, возстановленіе нарушеннаго порядка въ той именно области служебной дѣятельности обвиняемаго, въ которой совершено преступленіе, наконецъ, измѣнившееся, съ того времени, положеніе самаго обвиняемаго должностнаго лица, — все это въ глазахъ суда, особенно присяжнаго, совершенно заслоняетъ первоначальную и истинную сущность дѣла и важность преступленія, и, въ большинствѣ случаевъ, влечетъ за собою такое рѣшеніе, которое непослѣдовало бы, если бы дѣло, своевременно и безъ проволочекъ, предстало на судъ.

Подтвержденіе этому мы находимъ въ точныхъ статистическихъ данныхъ, издаваемыхъ министерствомъ юстиціи. Изъ этихъ данныхъ оказывается, что, напримѣръ, съ 1872—1876 годъ, цифра оправдательныхъ приговоровъ по служебнымъ преступленіямъ, въ среднемъ выводѣ, равняется 60,5% общаго количества приговоровъ по этимъ преступленіямъ. По важнѣйшимъ же изъ этихъ дѣлъ, т. е. такимъ, которыя разсматривались съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, процентъ оправдательныхъ приговоровъ равняется 57,5%.

Таковы практическіе результаты указанной гарантіи правильности производства уголовного преслѣдованія за служебныя преступленія.

Но разсматриваемая и со стороны лишь теоретическаго значенія, указанная гарантія, по самому свойству своему, оказывается далеко недостаточною для достиженія цѣли, ради которой она установлена.

Дѣло въ томъ, что указанная гарантія относится лишь къ одному изъ моментовъ понятія преслѣдованія, — къ *преданію суду*. Она нисколько не касается самаго перваго и главнѣйшаго момента — *возбужденія* преслѣдованія. Этотъ моментъ всецѣло находится въ рукахъ начальства обвиняемаго, которое всегда можетъ парализовать дѣйствіе разсматриваемой гарантіи, коль скоро не найдетъ нужнымъ *возбудить* преслѣдованіе.

Но и при *преданіи суду*, указанная гарантія имѣетъ примѣненіе не во всѣхъ случаяхъ. Она примѣняется только къ тѣмъ дѣламъ о служебныхъ преступленіяхъ, по коимъ было произведено предварительное слѣдствіе. Между тѣмъ, это послѣднее, по закону, требуется лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ (1101 ст.).

Такимъ образомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда предварительное слѣдствіе не имѣло мѣста, начальство обвиняемыхъ остается полновластнымъ распорядителемъ всею областью преслѣдованія. Здѣсь уже не дѣйствуетъ и та слабая гарантія правильности преслѣдованія, которую мы только что разсмотрѣли (1099 ст.).

Такими чертами характеризуется самая существенная сторона рассматриваемого „изъятія“ изъ общаго порядка судопроизводства.

Опытъ пятнадцатилѣтняго дѣйствія этого изъятія, достаточно доказаль его практическую негодность.

Ближайшее же изученіе этого изъятія со стороны его теоретическаго построенія и принципиальныхъ основаній, указываетъ, что оно, само въ себѣ, заключаетъ всѣ условія, противодѣйствующія правильному отправленію правосудія. Разсмотрѣть, въ настоящей работѣ, принципиальные недостатки „изъятія“ и вмѣстѣ съ тѣмъ указать, усиленно, на возможные улучшенія его, — мы находимъ не излишнимъ уже потому, что такая работа можетъ послужить поводомъ къ болѣе обстоятельной разработкѣ этого важнаго вопроса.

II.

Нигдѣ потребность въ быстрой и справедливой репрессіи не ощущается съ такою силою, какъ въ области служебныхъ преступленій.

Въ этомъ заинтересованы всѣ — государство, общество и каждое отдѣльное лицо. Причина этого заключается, какъ въ общемъ значеніи служебныхъ преступленій, такъ и въ тѣхъ особыхъ ихъ свойствахъ, въ силу которыхъ послѣдствія этихъ преступленій всегда болѣе глубоки и отдаленны.

Можно безошибочно сказать, что всякое служебное преступленіе, помимо своихъ конкретныхъ послѣдствій, производитъ крайне разрушительное дѣйствіе вообще въ сферѣ управленія. Соединенное съ безнаказанностью или слабостью и затруднительностью уголовной репрессіи, оно влечетъ за собою подрывъ довѣрія къ представителямъ власти, и не только той власти, которая совершила преступленіе, но и къ той, которая допустила совершеніе или необнаружила достаточной энергіи къ преслѣдованію виновнаго. Дискредитируя власть въ общественномъ мнѣніи, служебныя преступленія содѣйствуютъ образованію въ массѣ убѣжденія, что законъ и законность вовсе не такія положенія, нарушеніе которыхъ обязательно

влечетъ отвѣтственность; если сама власть, нарушая законъ и свой долгъ, остается безнаказанною, то, значить, законъ и долгъ не суть непрекаемые нормы.

Составители судебныхъ уставовъ прекрасно понимали значеніе служебныхъ преступленій. Въ журналѣ 1862 года они выразили. „*Безпристрастное и строгое преслѣдованіе служебныхъ преступленій имѣетъ весьма важное значеніе. Когда тѣ самые органы власти, которые установлены для охраненія силы законовъ и общественнаго порядка, подаютъ примѣръ беззаконія и безпорядка, тогда возникаетъ неуваженіе къ властямъ и нравственная распущенность, при которыхъ государство колеблется въ самыхъ его основаніяхъ*“. Къ сожалѣнію эти вѣрныя и на практикѣ подтвержденныя мысли, не проведены вполнѣ составителями судебныхъ уставовъ въ ихъ постановленіяхъ. Эти мысли легли въ основаніе установленія лишь высшей юрисдикціи для служебныхъ преступленій (1083, 1084 и 1085 ст.), т. е. части наименѣ существенной во всемъ порядкѣ производства дѣлъ, объ этихъ преступленіяхъ. Эта высшая юрисдикція основана на требованіи отъ суда по преступленіямъ служебнымъ, большей компетентности и по-этому большихъ гарантій правильности приговоровъ. Никто, конечно, не сталъ бы особенно возражать противъ этого, если бы высшая юрисдикція сама не была парализована въ своемъ дѣйствіи всѣми другими постановленіями о порядкѣ производства дѣлъ по преступленіямъ по должности, и въ особенности тѣми, на которыя мы указали въ первой главѣ.

Дѣло въ томъ, что благодаря существующему порядку преслѣдованія, высшая юрисдикція или совсѣмъ недѣйствуетъ, потому что до нея недоходятъ дѣла о преступленіяхъ служебныхъ, или дѣйствуетъ при условіяхъ, лишающихъ ее возможности правильно рѣшить дѣло, какъ это мы видѣли изъ вышеприведенныхъ статистическихъ данныхъ.

Если бы та же мысль, которая послужила основою для созданія привилегированной юрисдикціи служебныхъ преступленій, была положена въ основаніе всего ученія о производствѣ дѣлъ по преступленіямъ по должности, то едва ли

законодатель могъ бы придти къ созданію вышеуказаннаго исключительнаго порядка производства дѣлъ по этимъ преступленіямъ.

И въ самомъ дѣлѣ, если служебныя преступленія выдѣляются изъ общихъ такими своими свойствами и важностью сопряженныхъ съ ними послѣдствій, что требуютъ, какъ высказалъ законодатель въ приведенной выпискѣ изъ журнала, *особой строгости и безпристрастія*; если для обезпеченія правильности самыхъ приговоровъ по этимъ преступленіямъ, устанавливается особая высшая юрисдикція, — то можно ли послѣдовательно допустить установленіе такого порядка *преслѣдованія*, который прямо противорѣчитъ и *строгости* и *безпристрастію* и кромѣ того, отличается крайней, ничѣмъ невознаградивимой медленностью, совершенно парализующею и тѣ малыя гарантіи, которыя созданы для обезпеченія правильности преслѣдованія? Думаемъ, что, слѣдуя приведенной мысли законодателя о значеніи служебныхъ преступленій, скорѣе можно было придти къ отрицанію, въ принципѣ, какой бы то ни было исключительности, чѣмъ къ созданію такого порядка преслѣдованія, по которому начальство является судьей въ своемъ собственномъ дѣлѣ.

Составители судебныхъ уставовъ, конечно, очень хорошо понимали всю невозможность обоснованія устанавливаемаго ими порядка преслѣдованія по преступленіямъ должности, тѣми же началами, на коихъ построена высшая юрисдикція этихъ преступленій.

Вслѣдствіе этого, составители этого изъятія выставили уже другое начало, его объясняющее. Въ томъ же журналѣ 1862 года (стр. 238) они высказали: "Преслѣдованіе должностныхъ лицъ за такія нарушенія должности, которыя подвергаютъ наказаніямъ, опредѣляемымъ лишь по суду, не можетъ происходить порядкомъ, установленнымъ для преслѣдованія преступленій и проступковъ противъ гражданскихъ обязанностей вообще, ибо отдѣленіе административной власти отъ судебной необходимо не только въ томъ смыслѣ, чтобы административныя чины не вмѣшивались въ дѣла судебныя,

но также и въ томъ, чтобы судебныя чины невмѣшивались въ дѣла административныя.

И такъ, требованіями принципа раздѣленія властей, составители судебныхъ уставовъ объясняютъ установленное ими „изъятіе“ для производства дѣлъ о служебныхъ преступленіяхъ.

Раздѣленіе властей, безспорно, великое начало въ дѣлѣ общественной организаціи. Лежащій въ основаніи этого начала принципъ, оказалъ слишкомъ много услугъ вопросу о свободѣ, поставивъ его въ тѣснѣйшую связь съ ученіемъ о государственной власти. На немъ основана *независимость* русской судебной власти. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что развитой односторонне и примѣненный несогласно съ основными его требованіями, — принципъ этотъ приводитъ къ результатамъ совершенно противоположнымъ тѣмъ, какихъ отъ него слѣдовало ожидать. Вмѣсто цѣльности и стройности въ организаціи и дѣятельности властей, наступаетъ спутанность началъ и безурядица, прикрытая внѣшнею раздѣльностью.

Въ настоящемъ случаѣ, какъ намъ кажется, мы имѣемъ дѣло именно съ такимъ одностороннимъ развитіемъ и неправильнымъ примѣненіемъ принципа раздѣленія властей.

Отдѣленіе административной власти отъ судебной, безспорно, выражается, какъ въ томъ, что административная власть невмѣшивается въ дѣла судебныя, такъ и въ томъ, что судебная власть невмѣшивается въ дѣла административныя. Но для того, чтобы это основное положеніе не было извращено въ самомъ существѣ его, необходимо добавить, что принципъ раздѣленія властей непремѣнно, при этомъ, предполагаетъ точное разграниченіе самыхъ функцій, а съ тѣмъ вмѣстѣ и областей вѣдѣнія каждой отдѣленной власти.

Такимъ образомъ, безспорно, что принципъ раздѣленія властей будетъ потрясенъ въ самомъ основаніи своемъ, если одна власть будетъ *вмѣшиваться въ чужія дѣла*, разумѣя подъ такимъ вмѣшательствомъ прямое вторженіе одной власти въ область вѣдѣнія другой и присвоеніе непринадлежа-

щихъ функцій. Но принципъ раздѣленія властей не только не будетъ нарушенъ, но вполне осуществленъ въ томъ случаѣ, когда каждая власть будетъ вѣдать только то, что принадлежитъ ея вѣдѣнію, соотвѣтственно существо ея функцій. Начало единства юстиціи, между прочимъ, въ томъ и выражается, что все судебное ввѣряется исключительно вѣдомству суда. Вотъ почему и въ примѣненіи къ вопросу о производствѣ дѣлъ о судебныхъ преступленіяхъ, правильное примѣненіе названнаго принципа должно привести не къ „изъятію“ дѣлъ по этимъ преступленіямъ изъ вѣдомства судебного, а напротивъ къ исключительному сосредоточенію ихъ въ этомъ вѣдомствѣ. Въ этомъ требованіи выражается не *вмѣшательство* одной власти въ *чужія дѣла*, а строгое разграниченіе предметовъ вѣдомства судебного и административнаго: *summa summarum*.

Если же на принципъ раздѣленія властей смотрѣть съ точки зрѣнія составителей судебныхъ уставовъ, и вмѣшательство судебной власти въ дѣла административныя видѣть тамъ, гдѣ, по нашему, лишь осуществляется требованіе названнаго принципа, тогда пришлось бы сильно упрекнуть законодателя въ крайне неполномъ и даже противорѣчивомъ развитіи провозглашеннаго имъ принципа.

Провозгласивъ начало невмѣшательства судебной власти въ дѣла административныя, законодатель, въ своихъ постановленіяхъ, поступаетъ прямо вопреки ему. При томъ же такое отступленіе обнаруживается именно тамъ, гдѣ этому началу, самимъ же законодателемъ, отведено исключительное положеніе. Мы разумѣемъ здѣсь *преслѣдованіе* служебныхъ преступленій. Преслѣдованіе этихъ преступленій, какъ мы видѣли, не только не изъято вполне изъ вѣдомства судебного, какъ это слѣдовало бы при послѣдовательномъ развитіи понятія законодателя о невмѣшательствѣ, но отчасти ввѣрено ему. При производствѣ преслѣдованія, прокуратурѣ сообщено даже нѣкоторое авторитетное положеніе, въ силу котораго она уполномочена на болѣе или менѣе существенныя *настоющія* въ вопросахъ о преданіи суду (1101, 1104, 1105 и 1106 ст.)

Въ виду сказаннаго, мы считаемъ достаточно доказаннымъ, что существующій порядокъ преслѣдованія за служебныя преступленія, построенъ вовсе не на принципѣ раздѣленія властей. Порядокъ этотъ оказывается не вполне согласнымъ даже съ тѣмъ, по нашему, неправильнымъ пониманіемъ названнаго принципа, которое высказалъ законодатель. Мы охотнѣе допускаемъ, что провозглашеніе названнаго принципа было только прикрытіемъ, при установленіи рассматриваемаго „изъятія“. Судя же потому, что при производствѣ преслѣдованія за служебныя преступленія, прокуратурѣ отведено авторитетное положеніе, можно думать, что законодателю не была чужда идея сближенія этого порядка съ общимъ. Но спутанный искусственнымъ примѣненіемъ принципа раздѣленія властей, законодатель не могъ развить эту идею въ своихъ постановленіяхъ, въ должной полнотѣ. Можетъ быть болѣе или менѣе широкому развитію идей и сближенію порядка производства дѣлъ о служебныхъ преступленіяхъ съ общимъ порядкомъ, воспрепятствовала идея другаго рода, до нѣкоторой степени противоположная первой.

Это—идея о нѣкоторыхъ специфическихъ особенностяхъ служебныхъ преступленій, въ виду которыхъ законодатель могъ находить необходимымъ ближайшее участіе органовъ именно того вѣдомства, въ которомъ совершено служебное преступленіе.

Притомъ же люди 60-хъ годовъ слишкомъ много вѣрили въ качества человѣка; они думали, что человѣкъ, облеченный властью, по какой бы то ни было должности, высоко подниметъ знамя чести и служебнаго долга, и потому вводимый ими порядокъ зависимости преслѣдованія служебныхъ преступленій отъ воли начальства, не принесетъ того вреда, который онъ приносить, какъ показали опытъ, въ наше время. Они ошиблись. То, въ чемъ они хотѣли охранить авторитетъ власти,—колеблетъ власть. Теперь уже настала пора въ созданіи таковаго порядка преслѣдованія служебныхъ преступленій, который, самъ въ себѣ, заключалъ бы условія правильности, соединенной „со строгостью и безпристрастіемъ“. Но

для того, чтобы избѣжать возможности впасть въ какую либо новую ошибку, въ сужденіяхъ о возможныхъ измѣненіяхъ существующаго порядка необходимо стоять не на почвѣ отвлеченныхъ умоначертаній, а на почвѣ опыта, насколько онъ служилъ къ выясненію того направленія, въ которомъ должно совершиться это измѣненіе. Постараемся формулировать какъ указанія опыта, такъ и существо желаемой реформы.

III.

Недостаточность уголовной репрессіи за служебныя преступленія, съ одной стороны, и настоятельная необходимость въ ней—съ другой, не разъ приводили судебную практику не только къ всевозможнымъ *обходамъ* существующаго закона, но даже къ прямымъ нарушеніямъ его.

Представители прокуратуры не разъ брали на свой страхъ возбужденіе дѣлъ по служебнымъ преступленіямъ, послѣ того, когда всѣ усилія ихъ добиться преслѣдованія въ законномъ порядкѣ, разбивались „о покровительство начальства“. Судебная хроника представляетъ тому немало примѣровъ. Мы же, съ своей стороны, можемъ указать въ видѣ примѣра, на дѣло бывшаго Курскаго исправника Маркова, судившагося за лихоимство, возбужденное нами въ 1874 году на свой страхъ, послѣ неудавшихся попытокъ возбудить его при участіи начальства обвиняемаго.

Даже самъ правительствующій сенатъ допускалъ отступленія отъ установленнаго порядка. Такъ, еще въ 1871 году (декабря 9 дня; рѣш. соед. присут.), Сенатъ не только не отмѣнилъ, но даже и не порицалъ распоряженіе прокурорской власти, назначившей предварительное слѣдствіе по дѣлу пристава Пересыпкина, помимо начальства обвиняемаго. Даже болѣе; въ руководство для подобныхъ отступленій сенатъ выставилъ цѣлую теорію, хотя прямо противорѣчащую смыслу существующаго закона. Онъ высказалъ: . . . „отъ обсужденія вопроса объ отвѣтственности должностнаго лица и назначенія надъ нимъ предварительнаго слѣдствія чрезъ судебного

слѣдователя, не можетъ быть, *по духу закона*, отстранена прокурорская власть, тѣмъ болѣе, что назначеніе надъ обвиняемымъ предварительнаго слѣдствія *помимо начальства обвиняемаго*, ограничивая его случаями особенно важными, не можетъ быть стѣсненіемъ правъ административной власти“.

Вникая въ смыслъ этого руководящаго положенія прав. сената, намъ думается, что болѣе глубокаго потрясенія самыхъ основъ существующаго „изъятія“—сдѣлать было невозможно.

Правда, въ этомъ *разъясненіи*, сенатъ допустилъ самостоятельное участіе прокуратуры *въ возбужденіи* преслѣдованія лишь для случаевъ особенно важныхъ, т. е. такихъ, для которыхъ по закону требуется производство предварительнаго слѣдствія. Но въ предѣлахъ истолкованія закона, а незаконодательнаго мѣропріятія,—большаго и допустить было невозможно. Здѣсь важенъ не объемъ допущеннаго сенатомъ отступленія отъ существующаго порядка, а фактъ допущенія самаго отступленія, прикрытый доктриною *изъясненія духа закона*, прямо противорѣчащей буквальному смыслу его,—фактъ, въ силу котораго сенатомъ допущено подчиненіе преслѣдованія за служебныя преступленія—*общему порядку*.

Въ этомъ-то разъясненіи правительствующаго сената, очевидно, вызванномъ неотступными требованіями жизни, по нашему мнѣнію, и должна заключаться основная тенденція, опредѣляющая все направленіе желаемой реформы существующаго порядка преслѣдованія за преступленія служебныя.

Но событія текущей жизни совершаются какъ будто для того, чтобы съ еще большею опредѣленностью указывать на основанія желаемой реформы.

Помѣщавшіяся въ разныхъ изданіяхъ свѣдѣнія о сенаторскихъ ревизіяхъ, указывали, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыхъ коснулась ревизія, открывались значительныя злоупотребленія должностныхъ лицъ. Нечего говорить, что ревизія не могла проникнуть во всю глубь мѣстной служебной дѣятельности. Однако, мѣстное общество знаетъ и эту глубь, очень

хорошо. Оно всё злоупотребленія должностныхъ лицъ выносить на себѣ, на своей жизни....

Тѣмъ не менѣе, благодаря существующему порядку преслѣдованія служебныхъ преступленій, общество должно безропотно все это терпѣть, ожидая новой ревизіи, которая бы, хотя сколько нибудь, облегчила положеніе беззащитнаго потерпѣвшаго.

Ясно, что не въ ревизіяхъ тутъ дѣло, а въ созданіи такого порядка, при которомъ общество могло бы имѣть полное и дѣйствительное право жалобы и требованія преслѣдованія, во всѣхъ случаяхъ служебныхъ преступленій, нарушающихъ интересы гражданъ. Эта вторая тенденція, выдвигаемая жизнью, также какъ и первая, указываетъ на одно и тоже направленіе желаемой реформы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ея намѣчается и новое требованіе, заключающееся въ обезпеченіи за членами общества тѣхъ же средствъ въ преслѣдованіи служебныхъ преступленій, какими располагаютъ они въ общемъ порядкѣ (ст. 207—304, 305).

Обѣ эти тенденціи, взятая въ совокупности, какъ намъ кажется, вполне опредѣляютъ формулу, въ которой должна выразиться сущность реформы. Остается только выставить положенія, выражающія эту формулу.

IV.

У насъ существуетъ хорошо организованное государственное учрежденіе прокуратуры. Она представляетъ собою институтъ іерархически подчиненныхъ чиновъ, завершающійся въ лицѣ министра юстиціи, какъ высшаго представителя и правительственной власти вообще и государственной прокуратуры въ частности. Призванная къ власти *возбуждать* и *проводить* преслѣдованіе за преступленія во имя закона и въ интересахъ общественнаго и частнаго правосостоянія,—прокуратура, въ тоже время, нисколько не связана въ своей дѣятельности съ какими либо частными интересами той или другой сферы, или того или другаго вѣдомства. Въ качествѣ ординарнаго органа общаго уголовного преслѣдованія, про-

куратура является, по закону, тою защитой противъ беззаконія и преступленія, къ которой можетъ прибѣгать всякій. Въ области общихъ преступленій такое положеніе прокуратуры не возбуждаетъ нареканій, такъ какъ правильность ея дѣйствій обезпечивается еще и постановленіями закона, опредѣляющими самый порядокъ производства уголовныхъ дѣлъ. Постановленія этаго порядка исключительно рассчитаны на то, чтобы идею правосудія осуществить единственно на началахъ правомѣрнаго согласованія принциповъ государственнаго правоохраненія и личной свободы.

Казалось бы, что и въ учрежденіи прокуратуры и въ порядкѣ судопроизводства общаго, заключаются всѣ тѣ же условія для правильнаго преслѣдованія, какія необходимы и для преступленій служебныхъ. Однако въ пользу послѣднихъ, въ судебныхъ уставахъ, какъ мы видѣли, установлено „изъятіе“. Чѣмъ могло быть обосновано такое изъятіе? Принципомъ раздѣленія властей,—заявилъ законодатель. Но мы видѣли, что принципъ этотъ, въ разсматриваемомъ „изъятіи“ не нашелъ себѣ ровно никакого выраженія. Между тѣмъ практика жизни давно указала на пользу подчиненія дѣлъ о служебныхъ преступленіяхъ общему порядку.

Такимъ образомъ,—какъ для устраненія прокуратуры отъ самостоятельной дѣятельности въ дѣлахъ о служебныхъ преступленіяхъ, такъ и для созданія особаго порядка преслѣдованія за эти преступленія,—неоказывается ни теоретическаго, ни практическаго основанія.

Между тѣмъ, подчиненіе дѣлъ о служебныхъ преступленіяхъ общему порядку, испытанное и одобренное практикою жизни, прямо указывается,—во 1-хъ, единствомъ и цѣльностью начала, лежащаго въ основаніи учрежденія и назначенія прокуратуры и во 2-хъ, свойствомъ тѣхъ постановленій общаго порядка судопроизводства, по которымъ общее уголовное преслѣдованіе организовано на тѣхъ же началахъ правомѣрнаго согласованія государственнаго правоохраненія и личной свободы, на коихъ долженъ быть организованъ и порядокъ преслѣдованія за преступленія служебныя.

Въ силѣ приведенныхъ основаній мы полагаемъ, что **ко-**реннымъ положеніемъ желаемой реформы, надлежитъ признать постановленіе о томъ, чтобы, подобно общимъ преступленіямъ, и въ преступленіяхъ служебныхъ *ординарнымъ органомъ уголовнаго преслѣдованія являлась прокуратура*. Ей должна принадлежать та же власть на возбужденіе уголовного преслѣдованія и на разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ преслѣдованіемъ,—какою она пользуется въ общемъ порядкѣ. Отсюда, у прокуратуры должны стекаться и всѣ поводы къ преслѣдованію, какъ по жалобамъ, сообщеніямъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, такъ по объявленіямъ и по непосредственно усмотрѣннымъ прокуратурою преступленіямъ (297—303, 311 и 312 ст.).

Но если *возбужденіе* уголовного преслѣдованія за служебныя преступленія,—этотъ важнѣйшій актъ въ ходѣ процесса,—должно быть подчинено прокураторѣ на общемъ основаніи, то непредставится никакихъ основаній и въ сохраненіи тѣхъ постановленій, коими созданъ особый порядокъ *преданія суду* за служебныя преступленія.—Установленный во имя охраненія законности преслѣдованія и правъ обвиняемаго, общій порядокъ преданія суду долженъ быть признанъ вполне соотвѣтствующимъ цѣлямъ правосудія и въ служебныхъ преступленіяхъ.

Въ такомъ видѣ представляется цѣлостное и послѣдовательное развитіе идеи о сближеніи порядка уголовного преслѣдованія за служебныя преступленія съ общимъ порядкомъ.

V.

Реформа существующаго порядка, какъ мы видѣли, исчерпывается развитіемъ одной этой идеи о сближеніи. Въ область вопроса входитъ и другая идея,—объ особыхъ свойствахъ служебныхъ преступленій, насколько они могутъ оказать вліянія на общій порядокъ. Съ этою идеею и должна быть согласована идея о „сближеніи“.

Всматриваясь въ служебныя преступленія, какъ въ осо-

бую группу преступныхъ дѣяній, нельзя не отмѣтить въ нихъ, помимо другихъ особенностей, двухъ, болѣе или менѣе, существенныхъ чертъ. Это—во 1-хъ, такое свойство этихъ преступленій, въ силу коего самая преступность дѣянія заключается единственно въ нарушеніи специальныхъ обязанностей, лежащихъ на обвиняемомъ по службѣ и во 2-хъ, совершеніе служебныхъ преступленій не въ сферѣ общежитскихъ отношеній, а въ сферѣ управленія, т. е. въ такой области, въ которой обвиняемые, будучи связаны между собою отношеніями власти и подчиненія, по отношенію къ управляемому обществу являются исключительно въ положеніи власти.

На первый разъ представляется, что обѣ эти особенности столь существенны, что устраняютъ всякую возможность примѣненія къ нимъ общаго порядка судопроизводства. Противъ примѣненія общаго закона, повидимому, выступаютъ — и затруднительность, во многихъ случаяхъ, правильной оцѣнки свойства и степени важности нарушенія, для органовъ общей обвинительной власти, непосвященныхъ въ специальность даннаго вѣдомства и нарушеніе авторитета административной власти и непрерывнаго теченія дѣлъ, сопряженныя съ вторженіемъ судебной власти въ область управленія при преслѣдованіи.

Тѣмъ не менѣе, однако, отправляясь не отъ абсолютнаго значенія особенностей служебныхъ преступленій, а отъ того значенія этихъ особенностей, какое онѣ могутъ имѣть для общаго порядка судопроизводства, нельзя не придти къ выводамъ гораздо менѣе радикальнымъ, чѣмъ приведенные. Остановившаяся на разсмотрѣніи особенностей служебныхъ преступленій съ этой послѣдней стороны, нельзя не замѣтить, прежде всего, что, преступность дѣянія нисколько не утрачиваетъ своихъ общихъ свойствъ отъ того, что совершается въ той или другой сферѣ и заключается въ нарушеніи не общаго, а специального уголовного закона. Такимъ образомъ, если существуетъ общее положеніе, что ни одно преступленіе не должно остаться необнаруженнымъ, то это положеніе

примѣнимо и къ преступленіямъ служебнымъ. Вторженіе въ сферу управленія, въ цѣлю обнаруженія совершеннаго тамъ преступленія, является, вслѣдствіе этого, необходимымъ послѣдствіемъ только что указаннаго положенія и потому неустранимо до тѣхъ поръ, пока въ управленіи будутъ совершаться преступленія. Причемъ, опасеніе за авторитетъ власти и нарушеніе непрерывнаго теченія дѣлъ, являются скорѣе лишь предположеніемъ, неимѣющимъ твердаго основанія, ибо коль скоро преслѣдованіе осуществляется въ строго опредѣленныхъ нормахъ закона, оно не можетъ имѣть характера посягательства на чей бы то ни было авторитетъ. Посягательства возможны лишь при дѣйствіяхъ противозаконныхъ. Равнымъ образомъ и положеніе обвиняемаго, какъ органа власти, никоимъ образомъ не можетъ измѣнить ни общаго закона объ отвѣтственности за преступленіе, ни основныхъ началъ, на коихъ построенъ порядокъ преслѣдованія вообще, ибо какъ начала сіи, такъ и условія отвѣтственности за преступленіе, суть общія нормы дѣйствующаго права и потому безусловно обязательны и уклоненія отъ нихъ тѣмъ болѣе чувствительны, чѣмъ болѣе властно положеніе обвиняемаго. Изъ сказаннаго явствуетъ, что особенности служебныхъ преступленій, по самому ихъ свойству, могутъ вліять на общій порядокъ судопроизводства не въ смыслѣ его устраненія или какихъ либо принципиальныхъ измѣненій, а лишь въ смыслѣ частныхъ дополненій, назначеніе которыхъ должно заключаться въ томъ, чтобы существующимъ особенностямъ служебныхъ преступленій дать извѣстныя *огражденія въ общемъ процесѣ*, во имя той же справедливости, ради которой устанавливаются процессуальныя нормы вообще.

Въ чемъ же можетъ заключаться такое огражденіе особенностей служебныхъ преступленій? Безъ сомнѣнія въ предоставленіи начальству обвиняемаго должностнаго лица извѣстнаго участія въ производствѣ дѣлъ о служебныхъ преступленіяхъ. Этому требуетъ столько же основной принципъ современнаго процесса, въ силу коего всякій интересъ, нуждающійся въ огражденіи, долженъ имѣть своего представителя,

сколько и общее положеніе учреждений управленія, по коему само начальство является, въ извѣстныхъ случаяхъ, субъектомъ карательной власти надъ обвиняемымъ должностнымъ лицомъ и потому не можетъ быть устранено отъ участія въ обсужденіи вопросовъ объ уголовномъ преслѣдованіи за служебныя преступленія.

Но говоря объ участіи начальства обвиняемыхъ должностныхъ лицъ въ производствѣ дѣлъ о служебныхъ преступленіяхъ, мы не можемъ подразумѣвать это участіе въ смыслѣ той власти, какая принадлежитъ ему въ существующемъ порядкѣ производства названныхъ дѣлъ. Существующимъ властнымъ участіемъ начальства въ дѣлахъ о служебныхъ преступленіяхъ, общій порядокъ судопроизводства видоизмѣняется въ самыхъ основаніяхъ его, превращаясь въ „изытіе.“ Между тѣмъ, ни по осевовному положенію отстаиваемой нами реформы, ни по значенію особенностей служебныхъ преступленій, къ сохраненію „изытія“ для служебныхъ преступлений основаній не представляется.

Съ другой стороны, на возможное участіе начальства въ производствѣ дѣлъ о служебныхъ преступленіяхъ, нельзя смотрѣть и какъ на участіе въ судѣ извѣстнаго вѣдомства, коему ввѣрено попеченіе объ извѣстнаго рода дѣлахъ. Служебное преступленіе, въ какой бы сферѣ ни совершилось, не можетъ разсматриваться съ точки зрѣнія нарушенія интересовъ того или другаго вѣдомства, охраненіе которыхъ могло бы нуждаться въ представительствѣ, съ правомъ извѣстныхъ настояній. Служебное преступленіе есть явленіе противообщественное въ томъ же смыслѣ, въ какомъ противообщественными дѣяніями являются преступленія *публичныя*, и потому какъ эти послѣднія, такъ и первыя, ненуждаются ни въ какихъ спеціальныхъ органахъ, помимо ординарныхъ государственныхъ. За устраненіемъ этихъ двухъ формъ участія начальства, — остается еще третья форма, которая, по нашему мнѣнію, наиболѣе соотвѣтствуетъ существу отстаиваемой нами реформы.

Эта желательная форма участія начальства въ дѣлахъ о

служебныхъ преступленійхъ, можетъ быть выражена въ видѣ участія, въ общемъ судопроизводствѣ, особаго элемента *знанія и опытности*, какъ относительно особыхъ условій служебной дѣятельности даннаго вѣдомства, такъ и его порядковъ и отношеній.

Нашему уголовно-судебному праву не чужда такая форма участія начальства въ производствѣ дѣлъ по преступленіямъ, имѣющимъ нѣкоторыя особенности. Такъ, по преступленіямъ духовныхъ лицъ, въ нашемъ уставѣ существуетъ порядокъ истребованія заключеній по дѣламъ, производимымъ общимъ порядкомъ, причемъ, однако, заключенія эти имѣютъ значеніе лишь мнѣнія, могущаго служить разъясненіемъ дѣла, но не имѣютъ никакого обязательнаго характера для производимаго преслѣдованія (1020, 1024, 1025 и 1026 ст.). Намъ кажется, что въ такомъ же смыслѣ можно бы установить участіе начальства и въ производствѣ дѣлъ о служебныхъ преступленіяхъ (1120 ст.); было бы вполне достаточно для обезпеченія правильности уголовного преслѣдованія, насколько оно зависитъ отъ знанія особыхъ условій служебнаго положенія, если начальство обвиняемаго должностнаго лица по всякому, возникшему у прокурора поводу къ преслѣдованію, выскажетъ свое заключеніе о дѣлѣ (ст. 1098); равнымъ образомъ такое же заключеніе могло бы быть нелишнимъ и по окончаніи предварительнаго слѣдствія, прежде разрѣшенія вопроса о преданіи суду (1024 ст.). При этомъ, могъ бы быть установленъ для дачи заключеній тотъ же двухнедѣльный срокъ, какой установленъ для духовнаго начальства (1026 ст.).

Въ такомъ видѣ представляется сущность защищаемой нами реформы. Намъ думается, что сформулировавшая на почвѣ опыта, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, является и вполне согласною съ тою теоріею уголовного преслѣдованія, которая положена въ основаніе нашихъ судебныхъ уставовъ.

Съ принятіемъ предлагаемой реформы, гораздо болѣе были бы обезпечены „строгость и безпристрастіе“, чѣмъ въ существующемъ, ни на чемъ неоснованномъ „изытіи“.

VI.

До сихъ поръ мы разсматривали лишь основныя положенія, введеннаго въ нашъ уставъ уголовного судопроизводства „изъятія“, для производства дѣлъ о служебныхъ преступленіяхъ. Притомъ же мы имѣли въ виду ту часть этаго „изъятія“, которая представляетъ собою наиболѣе существенное отступленіе отъ общаго порядка.

Въ такомъ же объемѣ и смыслѣ, т. е. въ смыслѣ установленія общихъ основаній, высказаны нами и предположенія о возможномъ измѣненіи существующаго порядка производства дѣлъ о служебныхъ преступленіяхъ.

Между тѣмъ оказывается, что разсмотрѣнныя нами основныя положенія существующаго порядка, въ примѣненіи къ отдѣльнымъ вѣдомствамъ, подвергаются болѣе или менѣе существеннымъ, хотя и частнымъ, видоизмѣненіямъ, которыя нерѣдко, по самому ихъ свойству, значительно усложняютъ и даже затрудняютъ и безъ того неудовлетворительный, въ своемъ основаніи, существующій порядокъ.

Это замѣчаніе, въ особенности, относится къ нашимъ новымъ общественнымъ учрежденіямъ, дѣйствующимъ въ качествѣ институтовъ публичнаго права, каковы: земство, города и крестьянское общественное управленіе.

Отмѣтить эти новыя, хотя частныя, недостатки существующаго порядка, значить увеличить матеріалъ, необходимый для всесторонней критики его. Проверить практическую годность основаній предлагаемой реформы, въ примѣненіи къ выше-названнымъ учрежденіямъ, — значить создать болѣе прочное положеніе высказаннымъ предположеніямъ. Постараемся сдѣлать и то и другое, хотя по отношенію лишь къ нѣкоторымъ изъ названныхъ учреждений, и начнемъ съ *земства*.

По положенію о земскихъ учрежденіяхъ, уголовное преслѣдованіе должностныхъ лицъ за служебныя преступленія, — принадлежитъ губернскому земскому собранію (ст. 114 и 116). Какъ губернскія, такъ и уѣздныя земскія собранія, по общему правилу, открываютъ свои засѣданія разъ въ годъ. Вслѣдствіе этого губернское земское собраніе, въ обычномъ

порядкѣ, можетъ обсуждать вопросы преслѣдованія подвѣдомственныхъ ему должностныхъ лицъ лишь разъ въ году. Между тѣмъ, въ силу существующаго закона, прежде передачи дѣла судебной власти, губернское земское собраніе можетъ потребовать объясненіе отъ обвиняемаго должностнаго лица, а затѣмъ, можетъ назначить, чрезъ управу, предварительное разслѣдованіе. Такимъ образомъ, если цѣлый годъ можетъ пройти прежде чѣмъ губернское земское собраніе освѣдомится о существованіи обвиненія противъ подвѣдомственнаго ему должностнаго лица, то еще годъ, прежде передачи судебной власти, долженъ пройти послѣ этого, въ томъ случаѣ, если земское собраніе постановитъ производство предварительнаго дознанія. Въ результатѣ получается *два* года первоначальной процедуры, необходимой только для *возбужденія* преслѣдованія, тогда какъ избирательный срокъ земской службы есть *трехлѣтній*. По поводу неудовлетворительности такого порядка возбужденія преслѣдованія, вслѣдствіе его крайней медленности, едва ли слѣдуетъ распространяться. Значеніе медленности въ производствѣ дѣлъ о служебныхъ преступленіяхъ вообще, нами было уже указано. Здѣсь эта медленность имѣетъ лишь болѣе важное значеніе, ибо обнаруживается въ дѣлахъ по обвиненіямъ должностныхъ лицъ общественнаго управленія, облакаемыхъ особымъ довѣріемъ избирателей, всего на три года. Уже не говоря о томъ громадномъ ущербѣ, которому подвергается, при такой процедурѣ, интересъ общественнаго порядка и самое дѣло уголовного преслѣдованія, безусловно требующее, своевременности мѣропріятій, — такая медленность нерѣдко можетъ быть крайне невыгодною и для самого обвиняемаго должностнаго лица, ибо слишкомъ долго, едва не весь избирательный срокъ службы, оставляетъ его подъ тяготящимъ обвиненіемъ, еще неразъясненнымъ въ той полнотѣ, которая давала бы возможность сдѣлать о немъ окончательное заключеніе. Для общественныхъ избранниковъ такое положеніе не легче наказанія.

Но и помимо этой стороны неудовлетворительности порядка въ немъ заключаются и другія также касающіяся самого

существа его. Въ этомъ отношеніи нельзя не остановиться на постановленіи, въ силу котораго *только губернское земское собраніе* компетентно на возбужденіе уголовного преслѣдованія противъ должностныхъ лицъ даже уѣздныхъ управъ.

У уѣздныхъ управъ есть свое законодательное собраніе, — уѣздное земское собраніе. По вопросамъ уѣзднаго земскаго управленія, оно функционируетъ вполне самостоятельно и полновластно. Казалось бы, что оно же есть и ближайшій и компетентнѣйшій судья по вопросамъ объ отвѣтственности избранныхъ имъ должностныхъ лицъ. Губернское земское собраніе, въ которомъ уѣздное земство представляетъ лишь наименьшую часть, стоитъ слишкомъ далеко отъ мѣстнаго интереса. Нужно преположить въ немъ слишкомъ широкое развитіе духа общественности, чтобы разсчитывать на такую же близость къ сердцу вопросовъ и заботъ, какими болѣетъ уѣздное земство. Словомъ, губернское земское собраніе вовсе не заключаетъ въ себѣ такихъ преимущественныхъ условій, которыя ставили бы дѣло возбужденія уголовного преслѣдованія противъ должностныхъ лицъ уѣзднаго земства, въ наилучшее положеніе.

Но мы думаемъ, что и при передачѣ вышеуказанной компетенціи губернскаго земскаго собранія въ уѣздное, было бы устранено лишь излишнее усложненіе существующаго порядка, но такая реформа была бы лишь паліативною мѣрою. Между тѣмъ самыя основанія дѣйствующаго порядка, какъ мы видѣли, вызываютъ немало возраженій. Чтобы устранить эти возраженія, по нашему мнѣнію, вполне достаточно привлечь, и въ этихъ случаяхъ, къ самостоятельному участию общую государственную обвинительную власть, наравнѣ съ тѣмъ, какое мы предлагаемъ, въ дѣлахъ о преслѣдованіи административныхъ чиновниковъ. Уѣздныя земскія собранія, по дѣламъ объ уѣздныхъ должностныхъ лицахъ, губернскія — о губернскихъ, оставались бы въ томъ же положеніи начальства, въ какомъ они находятся и въ настоящее время (114 и 116 ст.). Но вмѣстѣ съ тѣмъ и ординарная обвинительная власть не была бы устранена отъ преслѣдованія, когда для этого послѣдняго

имѣются законныя и достаточныя основанія. Въ ближайшихъ собраніяхъ своихъ, земства имѣли бы полную возможность вы-звать свое заключеніе по дѣлу, которое, въ качествѣ разъяс-няющаго, не могло бы быть не принято въ соображеніе при производствѣ преслѣдованія. Такія заключенія земскаго на-чальства должны имѣть особую цѣну въ двоякомъ отношеніи:

Во 1-хъ, потому что они составлялись бы, въ большин-ствѣ случаевъ, послѣ того, когда всѣ необходимыя мѣропріятія, по предпринятому преслѣдованію, уже произведены своев-ременно, и вслѣдствіе этого, для сужденія имѣется хорошій матеріаль, а во 2-хъ, потому что заключенія являются пло-домъ преній членовъ обширнаго собранія, въ которомъ дава-ло бы объясненія и обвиняемое лицо. Что же касается до пресловутаго *вторженія* и нарушенія неприкосновенности вы-сокаго званія общественныхъ избранниковъ, то эти страшныя слова, намъ кажется, менѣе всего могутъ имѣть мѣста въ дѣлахъ о преслѣдованіи земскихъ должностныхъ лицъ. Дѣй-ствуя публично, подъ постояннымъ контролемъ общественна-го мнѣнія, земская дѣятельность не можетъ бояться вторже-нія, когда оно совершается во имя охраненія и восстано-вленія закона и въ интересахъ общества, ввѣрившаго зем-скимъ органамъ дѣло мѣстнаго управленія. Равнымъ обра-зомъ и неприкосновенность званія земскаго органа не можетъ быть нарушена, такъ какъ мѣропріятія, совершаемыя по нор-мамъ уголовно-судебнаго права, гораздо болѣе гарантируютъ всякую неприкосновенность, чѣмъ нарушаютъ ее, если толь-ко эта неприкосновенность не есть одна лишь претензія....

VII.

По городовому положенію (157, 158 и 159 ст.) преслѣ-дованіе должностныхъ лицъ городского общественнаго уп-равленія ¹⁾ возбуждается двоякимъ способомъ.

Первый способъ можетъ быть названъ обыкновеннымъ; онъ вполне соотвѣтствуетъ основному началу существующа-

¹⁾ За исключеніемъ городского головы.

го „изъятія“, ибо заключается въ томъ, что власть на возбужденіе преслѣдованія предоставлена городской думѣ, какъ начальству обвиняемыхъ должностныхъ лицъ. (157 ст.)

Но любопытно, — законодатель семидесятого года, какъ бы уже сознавалъ недостаточность начала преслѣдованія за служебныя преступленія исключительно чрезъ начальство, какъ это принято въ судебныхъ уставахъ 1864 года, и рядомъ съ только что приведеннымъ правиломъ постановилъ другое, какъ бы дополняющее его и исправляющее. Это правило заключается въ томъ, что преслѣдованіе за служебное преступленіе должностныхъ лицъ городского управленія, можетъ быть возбуждено и по опредѣленію губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, — учрежденія правительственнаго, состоящаго подъ предсѣдательствомъ губернатора (158 ст.).

Правда, законодатель не сообщилъ опредѣленіямъ губернскаго присутствія окончательнаго значенія. Они должны быть сообщаемы думѣ, которая можетъ и не принять распоряженія губернскаго присутствія, представивъ о томъ, въ порядкѣ обжалованія, правительствующему сенату. Но отъ этого существо нововведенія городского положенія не измѣняется. Дѣло все таки состоитъ въ томъ, что законодатель самъ созналъ недостаточность начала преслѣдованія чрезъ начальство и самъ же допустилъ отступленіе отъ него, узаконивъ нѣкоторое вторженіе правительственной власти въ область городского самоуправленія.

Впрочемъ, намъ могутъ возразить, указавъ, что губернское присутствіе, по положенію своему въ дѣлѣ городского самоуправления, есть высшее учрежденіе и потому на него нельзя смотрѣть какъ на постороннее вѣдомство, уполномоченное на возбужденіе преслѣдованія.

Такое возраженіе мы принимаемъ тѣмъ охотнѣе, что отчасти его раздѣляемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ спѣшимъ добавить, что, при всемъ этомъ, губернское присутствіе все таки не есть учрежденіе, принадлежащее къ составу самоуправления городского; оно есть отдѣльное *правительственное* учрежденіе, призванное единственно для надзора за дѣятельностью

городскаго самоуправления и въ этомъ качествѣ оно никоимъ образомъ не можетъ разсматриваться за часть, въ системѣ городскаго самоуправления, подобно тому, какъ губернаторъ не можетъ считаться земскимъ органомъ лишь потому, что ему принадлежитъ извѣстная власть надзора за дѣятельностью земскихъ учреждений. Да и самъ законодатель, на распоряженія губернскаго присутствія о возбужденіи преслѣдованія, смотрѣль, очевидно, какъ на *нѣкоторое* вторженіе въ область дѣятельности городскихъ учреждений, ибо онъ не сообщилъ опредѣленіямъ губернскаго присутствія, по названному предмету, окончательной силы, оставивъ за городскою думою права обжалованія.

Такимъ образомъ, въ установленномъ городовымъ положеніемъ второмъ способѣ возбужденія преслѣдованія, мы не можемъ видѣть такого нововведенія, которое въ основаніи разрушаетъ усвоенное законодателемъ общее начало преслѣдованія только чрезъ начальство обвиняемыхъ должностныхъ лицъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этомъ нововведеніи нельзя не видѣть признаковъ проявленія совершенно иной идеи, чѣмъ та, которая развивалась въ разсмотрѣнномъ нами „иззятіи“. Здѣсь нѣтъ радикальнаго отступленія отъ принципа раздѣленія властей въ томъ смыслѣ, въ какомъ этотъ принципъ установленъ составителями судебныхъ уставовъ, но здѣсь есть уже нѣкоторое посягательство на него, ибо хотя и не судебной, но все же чужой власти предоставлено вторженіе съ цѣлью преслѣдованія. Этой чужой власти, въ разсматриваемомъ случаѣ, непредоставлено окончательной силы, но за то и самому начальству непредоставлено налагать „veto“ на ея распоряженія; этому начальству (думѣ) предоставлено лишь обжаловать распоряженіе чуждой власти. Это начало, т. е. начало *настоянній* чуждой власти (прокуратуры) и перенесеніе дѣла въ сенатъ, допущено и въ разсмотрѣнномъ нами „иззятіи“. Но тамъ право такихъ настоянній признано за прокуратурою лишь въ допросахъ *о преданіи суду* и то только по дѣламъ, по коимъ было произведено предварительное слѣдствіе,

здѣсь же это начало, въ примѣненіи къ дѣятельности губернскаго присутствія, расширено до того предѣла, гдѣ отсутствіе его было особенно чувствительно; оно распространено и на вопросъ о *самомъ возбужденіи* уголовного преслѣдованія.

Изъ всего этаго ясно видно, что законодатель семидесятаго года шелъ уже не по тому пути, по которому шелъ законодатель 1864 года. Ясно также и то, что первый уже началъ усвоивать и отчасти проводить въ своихъ постановленіяхъ такія понятія, отъ которыхъ отрецивался законодатель 1864 года. Этаго вполне достаточно, чтобы констатировать фактъ огромной важности.

Оказывается, что движеніе мысли въ томъ именно направленіи, въ которомъ формулирована предлагаемая нами реформа, совершалось не только въ области одной судебной практики, но и въ законодательствѣ, и что, поэтому, предлагаемая нами реформа есть лишь развитіе началъ давно сознанныхъ и практикою и законодательствомъ. И въ самомъ дѣлѣ, — законодатель городского положенія, какъ мы видимъ, весьма близко подошелъ къ идеѣ „сближенія“, онъ только не обнялъ ее вполне. Онъ создалъ порядокъ, который, безъ сомнѣнія, вноситъ важное нововведеніе въ порядокъ преслѣдованія чрезъ начальство, но онъ не отказался отъ стараго ученія, отсюда получилось лишь нарушеніе цѣльности стараго начала, безъ замѣны его новымъ. Дѣло отъ этого немного выигрываетъ. Созданный городовымъ положеніемъ порядокъ, отличается тою же медленностью, которою характеризуется и старый порядокъ. Чтобы устранить эту нестройность и медленность, значеніе которой въ дѣлахъ о преслѣдованіи за служебныя преступленія нами указано, — достаточно сдѣлать одинъ шагъ: предоставить общей государственной власти начинать преслѣдованіе послѣ того, какъ состоялось опредѣленіе городского присутствія о возбужденіи преслѣдованія или *возбуждать* преслѣдованіе и по другимъ законнымъ поводамъ, испросивъ лишь заключеніе думы по предмету падающаго противъ подвѣдомственнаго ей должностнаго лица обвиненія.

Намъ слѣдовало бы разсмотрѣть, затѣмъ, порядокъ преслѣдованія въ крестьянскомъ управленіи, но мы думаемъ, что и разсмотрѣніе порядковъ преслѣдованія въ земскомъ и городскомъ самоуправленіяхъ, достаточно для оцѣнки какъ нашей критики дѣйствующаго законодательства, такъ и нашихъ предположеній объ основаніяхъ желательныхъ измѣнѣй дѣйствующаго закона; мы воздерживаемся отъ разсмотрѣнія порядка преслѣдованія въ крестьянскомъ самоуправленіи еще и потому, что вопросъ о крестьянскихъ учрежденіяхъ стоитъ на пути радикальныхъ измѣненій, относительно которыхъ въ настоящее время невозможно говорить.

К. Анциферовъ.

КОМЕНТАРІЙ КЪ 4 П. 698 СТ. 1 Ч. X Т.

698 ст. 1 ч. X т. гласить, что право на имущества могут приобретать дворянскія, городскія и сельскія общества. Точнаго разъясненія, что должно разумѣть подъ упоминаемыми здѣсь городскими обществами, мы въ X т. не находимъ. И потому вопросъ о томъ, пользуется-ли имущественною правоспособностью только все городское общество, какъ единое цѣлое, или субъектомъ такихъ правъ можетъ быть и болѣе мелкая единица, составляемая одною какою-либо группою городскихъ обывателей, остается открытымъ. Намъ извѣстенъ случай изъ практики одного провинціального суда, въ которомъ пришлось разрѣшить вопросъ о правѣ на искъ за обществомъ мѣщанъ-христіанъ одного города. Въ общей формѣ вопросъ этотъ должно поставить въ слѣдующемъ видѣ: допускаетъ-ли нашъ законъ такое дѣленіе городскихъ сословій по вѣроисповѣднымъ группамъ, которое придавало-бы имъ значеніе самостоятельныхъ юридическихъ лицъ, въ сферѣ имущественныхъ правоотношеній? Прямаго отвѣта на этотъ вопросъ нельзя найти ни въ буквѣ закона, ни въ практикѣ стараго или гражданскаго кассационнаго департамента сената. Вопросъ же этотъ мы считаемъ достаточно интереснымъ и практически важнымъ для того, чтобы занять вниманіе читателей изложеніемъ нижеслѣдующаго краткаго матеріала, собраннаго нами въ видахъ разъясненія его.

Примѣчаніе къ 698 ст. отсылаетъ за подробнымъ разъясненіемъ пространства и свойства имущественныхъ правъ,

предоставляемыхъ различнымъ обществамъ, къ законамъ о состояніяхъ. Обращаясь согласно этому указанію, къ IX т. св. зак., мы въ немъ находимъ раздѣлъ III вниги I, трактующій спеціально о городскихъ обществахъ въ главѣ IV. Изъ общаго смысла статей закона въ этой главѣ заключающихся, должно прійти къ выводу, что городскіе обыватели, составляя въ совокупности одно общегородское общество, сверхъ того, подраздѣляются еще на общества сословныя: купеческое, мѣщанское и ремесленное. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что каждая изъ этихъ послѣднихъ группъ разсматривается закономъ, какъ единое, самостоятельное, въ опредѣленной сферѣ дѣятельности, административное цѣлое и поэтому, для занимающаго насъ вопроса, должно лишь опредѣлить: можетъ-ли за этими группами въ такой-же степени быть признана имущественная самостоятельность, ибо не всякая административная единица можетъ быть признана самостоятельнымъ субъектомъ имущественныхъ правъ. Такъ напр., за такой субъектъ нельзя признать ни губерніи, ни уѣзда, ни участка по отбыванію воинской повинности, хотя въ административномъ отношеніи они играютъ извѣстнаго рода самостоятельную роль. Самостоятельность эта опредѣляется либо территоріальными условіями, либо государственными цѣлями. Что касается территоріальныхъ границъ, то населеніе каждой губерніи, представляя собою одно цѣлое, соединенное общностью административныхъ учреждений, можетъ являться юридическимъ лицомъ лишь въ особомъ сочетаніи отдѣльныхъ группъ его; такъ напр., всѣ дворяне извѣстной губерніи составляютъ особое юридическое лицо; такимъ же юридическимъ лицомъ являются и всѣ жители губерніи, несоединенные сословною общностью, но входящіе въ составъ земства данной губерніи. Эти общія соображенія могутъ служить руководящею нитью при опредѣленіи того, въ какихъ случаяхъ административная особность любой части населенія, установленная закономъ, можетъ быть разсматриваема, какъ санкція самостоятельной, имущественной правоспособности ея. Въ этомъ отношеніи можно, какъ намъ кажется, безошибочно установить слѣдующее правило: каж-

дая группа населенія, соотвѣтствующая какому-нибудь административному дѣленію, должна быть признаваема юридическимъ лицомъ безъ особаго на то опредѣленія со стороны закона, если она въ какомъ-бы ни-было отношеніи пользуется правами *самоуправленія*. Самоуправленіе понимается нами здѣсь въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, какъ способъ самостоятельнаго осуществленія своихъ хозяйственныхъ и имущественныхъ интересовъ со стороны извѣстной группы населенія, а не въ обширномъ смыслѣ, объемлющемъ всякое участіе представителей отъ разныхъ группъ населенія въ исполненіи общегосударственныхъ задачъ управленія; поэтому лица, входящія въ составъ какого-нибудь избирательнаго округа, не могутъ быть, въ силу этого одного, признаны въ совокупности имѣющими правоспособность юридического лица. Таковая существуетъ лишь у тѣхъ административныхъ группъ, за которыми признана со стороны закона общность хозяйственныхъ нуждъ, осуществляемыхъ чрезъ собственныхъ избирательныхъ представителей. Такого рода хозяйственныя нужды не должны составлять исключительной цѣли этихъ группъ; ихъ сочетаніе можетъ быть обусловливаемо и задачами иного рода, но повторяемъ—самостоятельная правоспособность ихъ въ качествѣ юридическихъ лицъ, существуетъ лишь въ томъ случаѣ, когда въ кругъ этихъ задачъ входятъ хозяйственныя нужды. Это различіе, какъ намъ кажется, легко пояснить слѣдующимъ примѣромъ. По ст. 77 т. IX свод. зак. дворяне каждой губерніи составляютъ отдѣльное дворянское общество. Дворянскія же собранія бываютъ губернскія и уѣздныя (ст. 80). Уѣздныя собранія имѣютъ самостоятельную компетенцію: сверхъ приготовительныхъ къ губернскимъ дворянскимъ выборамъ распоряженій, они выбираютъ депутатовъ для ревизіи дворянской кассы, посредниковъ по полюбовному спеціальному размежеванію, засѣдателей дворянскихъ опекъ и проч. (ст. 139, 140, 223 и прилож. къ послѣд.). И тѣмъ не менѣе, за этими собраніями нельзя признать права самостоятельной имущественной правоспособности, что видно изъ ст. 77, 78, 87, 90, 91, 93 и въ особенности 150 тѣхъ же узаконеній, уста-

навливающихъ, что только дворянство цѣлой губерніи составляетъ особое общество съ особою жалованною грамотою, особою печатью, особымъ архивомъ, секретаремъ, дворянскимъ домомъ и что только дворянство цѣлой губерніи имѣетъ право добровольными складками составлять общественную дворянскую кассу. Такому взгляду на уѣздныя дворянскія собранія, на первый взглядъ, противорѣчатъ ст. 1746 и 1747 ч. 1 т. X, предоставляющія участіе въ торгахъ на поставку провіанта для войскъ, не только обществу дворянъ цѣлой губерніи, но и уполномоченнымъ отъ дворянъ одного или нѣсколькихъ уѣздовъ; казалось-бы, что предоставленіе дворянству уѣзда, чрезъ своихъ уполномоченныхъ, вступать въ договорныя отношенія съ казною, составляетъ безусловное признаніе за нимъ правъ юридическаго лица. При внимательномъ же изученіи относящихся къ этому предмету узаконеній, нельзя не прійти къ выводу, что такого обобщающаго смысла нельзя придавать 1747 ст., ибо извѣстно, что юридическія лица, имѣя особыхъ представителей для осуществленія своихъ правъ въ сферѣ имущественныхъ правоотношеній, считаются особымъ субъектомъ, составляемымъ лишь всѣми членами въ него входящими, въ совокупности, такъ что выгодныя или невыгодныя послѣдствія различныхъ дѣйствій ихъ представителей, падаютъ нераздѣльно на всѣхъ членовъ союза и касаются имущественнаго достоянія всего союза, а не отдѣльных членовъ его. Изъ самого понятія юридическаго лица, какъ говоритъ Савиньи, вытекаетъ то, что „всѣ ихъ (корпораціи) имущественныя права касаются всецѣло и нераздѣльно юридическаго лица, какъ единства, но ни въ какомъ случаѣ, не принадлежатъ отдѣльнымъ членамъ“). Статья же 1767 гласитъ: „къ участію въ поставкахъ, или какихъ-либо расчетахъ по онымъ, равно какъ и къ отвѣтственности, въ случаѣ неисправности, никто изъ неподписавшихъ на то согласія, привлекаемъ быть не можетъ, и отвѣтствуютъ въ томъ только тѣ, кои подписали согласіе сами или уполномоченные отъ нихъ по законнымъ довѣренностямъ“.

) System des heutigen römischen Rechts B. II § 90 s. 284.

Такимъ образомъ очевидно, что хотя рассматриваемыя здѣсь узаконенія озаглавлены *о подрядахъ дворянскихъ обществъ*, но въ дѣйствительности въ нихъ трактуется не объ имущественной правоспособности дворянскихъ обществъ, какъ самостоятельныхъ субъектовъ, а о товариществахъ, составляемыхъ для извѣстной цѣли отдѣльными членами дворянства цѣлой губерніи или одного уѣзда; это явствуетъ въ особенности изъ ст. 1766, которая устанавливаетъ отвѣтственность помѣщиковъ, въ случаѣ неисправности по поставкамъ, всѣмъ ихъ имуществомъ, другъ за друга, предоставляя расчеты ихъ между собою „ихъ собственному условію“. Ничего подобного мы не видимъ по отношенію къ мѣщанскимъ обществамъ, которымъ по 562 ст. IX т. дозволяется вступать въ подряды по общимъ правиламъ, означеннымъ въ законахъ гражданскихъ.

Всѣ эти данныя приводятъ насъ къ заключенію, что уѣздныя дворянскія собранія не могутъ быть рассматриваемы какъ правоспособные субъекты, наравнѣ съ губернскими собраніями. Въ этомъ отношеніи представляетъ особый интересъ, въ виду нашей цѣли, параллель между дворянскими и земскими учрежденіями. Въ положеніи о послѣднихъ мы прямо встрѣчаемъ слѣдующее опредѣленіе закона: „для завѣдыванія дѣлами, относящимися къ мѣстнымъ, *хозяйственнымъ* пользамъ и нуждамъ каждой губерніи и каждого уѣзда, образованы губернскія и уѣздныя земскія учрежденія“ (ст. 1817 и 1878 ч. 1 т. II св. зак. изд. 1876 г.). И далѣе: „земскія учрежденія (какъ тѣ, такъ и другія, само собою разумѣется) имѣютъ право именемъ земства, на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ, пріобрѣтать и отчуждать недвижимыя и движимыя имущества, заключать договоры, принимать обязательства, вчинать гражданскіе иски и отвѣтствовать въ гражданскихъ судахъ по имущественнымъ дѣламъ земства“ (ст. 1821). Приведенныя нами дословно опредѣленія закона, исключаютъ всякое сомнѣніе въ томъ, что какъ губернскія, такъ и уѣздныя земскія учрежденія призваны функціонировать въ качествѣ самостоятельныхъ, вполне правоспособныхъ субъектовъ. Во образѣ земскихъ учрежденій мы видимъ чистѣйшій типъ самоуправ-

ляющихся группъ населенія, живущаго въ извѣстныхъ территоріальныхъ границахъ, при чемъ исключительно цѣлью такого сочетанія являются хозяйственныя нужды населенія. Къ тому же типу относятся и учрежденія городского общественнаго управленія, на которыя возлагается попеченіе и распоряженіе по городскому хозяйству и благоустройству (ст. 1948 ч. 1 т. II св. зак.) и которыя могутъ пріобрѣтать и отчуждать именемъ города недвижимыя и движимыя имущества и вступать въ договоры на общемъ основаніи (ст. 2063), а также искать и отвѣчать на судѣ по имущественнымъ дѣламъ города (примѣч. къ ст. 27 уст. гражд. суд.). Но мы имѣемъ также въ нашемъ законодательствѣ примѣры иныхъ сочетаній населенія, учрежденныхъ не только для хозяйственныхъ, а сверхъ того и для административныхъ и общегосударственныхъ цѣлей, которыя (сочетанія) признаются въ правахъ самостоятельныхъ субъектовъ, въ качествѣ юридическихъ лицъ. Таковыми являются сословныя учрежденія городскихъ обывателей. Изъ общаго смысла узаконеній, заключающихся въ раздѣлѣ III т. IX св. зак. о состояніяхъ, какъ уже указано нами, надо прійти къ заключенію, что городскіе обыватели раздѣляются на три сословныя общества: купеческое, мѣщанское и ремесленное. Объ этомъ дѣленіи говорится только въ IX т., который, главнымъ образомъ, опредѣляетъ административное устройство и управленіе этихъ обществъ; имущественная же правоспособность ихъ не выражена здѣсь въ столь категорической формѣ, какъ, на примѣръ, это выражено въ узаконеніяхъ, относящихся къ общегородскимъ или земскимъ учрежденіямъ, но признаніе таковой должно быть выведено изъ разныхъ косвенныхъ указаній, заключающихся какъ въ законахъ о состояніяхъ, такъ и въ уставахъ о городскомъ и сельскомъ хозяйствѣ, общественнаго призрѣнія, ремесленномъ и проч. Мы встрѣчаемся здѣсь постоянно съ нормами, касающимися завѣдыванія сословными капиталами, больницами-учебными заведеніями и проч. Очевидно, что законъ, допуская въ отношеніи этихъ сословно-общественныхъ группъ обладаніе разнаго рода имущества, тѣмъ самымъ признаетъ

за ними права юридических лицъ. Признаніе за ними особенныхъ хозяйственныхъ нуждъ, удовлетворяемыхъ изъ собственныхъ средствъ, явствуетъ изъ перечисленія предметовъ вѣдомства купеческихъ и мѣщанскихъ старостъ въ ст. 665 и 670 т. IX. Если это въ отношеніи ихъ не выражено достаточно опредѣлительно въ законѣ, то только потому, что узаконенія эти относятся по своему происхожденію къ болѣе раннему періоду изданія, чѣмъ земское и городовое положенія. Эти послѣднія, удовлетворяя болѣе современнымъ требованіямъ кодификаціи, заключаютъ въ себѣ не только опредѣленіе своего назначенія и своихъ правъ, а также подробное изложеніе нормъ, регулирующихъ ихъ составъ и дѣятельность; тогда какъ въ отношеніи сословныхъ городскихъ учрежденій законъ нашъ до крайности скупъ на регламентацію. Нельзя дѣйствительно не удивляться тому, что въ имперіи, гдѣ существуютъ и функціонируютъ сотни подобныхъ учрежденій, нельзя найти точнаго опредѣленія ихъ законной организаціи; такъ, напримѣръ, законъ не опредѣляетъ никакихъ условій, которымъ должны удовлетворять члены купеческихъ или мѣщанскихъ собраній; ничего въ немъ не говорится также о томъ, какимъ образомъ такія собранія составляются, какъ, когда и гдѣ онѣ созываются, каковы условія, при которыхъ постановленія ихъ становятся дѣйствительными и каково вообще значеніе этихъ постановленій. Въ дѣйствительности можно сказать, что сотни сословныхъ учрежденій, существующія у насъ, управляются исключительно нормами обычнаго права, если не считать незначительныхъ опредѣленій, заключающихся по сему предмету въ приложеніи ко 2 ст. городского положенія 16-го іюля 1870 года; опредѣленія эти касаются только административныхъ обязанностей этихъ учрежденій; но и въ этомъ отношеніи возбуждаютъ большое недоразумѣніе, какъ видно изъ массы правительственныхъ разъясненій, потребовавшихся при примѣненіи этихъ правилъ на дѣлѣ. На эту „анархію“ было уже даже обращено вниманіе правительства со стороны нѣкоторыхъ губернскихъ властей, но по непонятнымъ причинамъ, или, выражаясь, точ-

нѣе, по причинамъ понятнымъ только тому, кто знакомъ съ медленностью и косностью нашихъ законодательныхъ учреждений—указанія эти не привели ни къ какимъ результатамъ. Изъ отзыва министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 29 марта 1872 года за № 2773, помѣщенного въ сборникѣ распоряженій и постановленій по общественному управленію въ городахъ, издаваемомъ хозяйственнымъ департаментомъ (1878 г. т. I стр. 95), видно, что одно губернское начальство возбуждало вопросъ о выработкѣ новыхъ правилъ касательно состава и образа дѣйствій сословныхъ собраній, но вопросъ этотъ и понынѣ остается открытымъ. Изъ того же документа мы узнаемъ, что имущественныя права сохранены за этими собраніями и по введеніи городского положенія 1870 г. На вопросъ о томъ, какіе капиталы и имущества съ введеніемъ новаго положенія должны составлять городскую и какія сословную собственность, министерство внутреннихъ дѣлъ отвѣтило слѣдующее:

„Какъ по дѣйствовавшимъ до переобразования общественнаго управленія въ городахъ узаконеніямъ, городское общество, имѣя сословный характеръ, состояло собственно изъ промышленныхъ сословій: купцовъ и мѣщанъ съ ремесленниками, то и городская дума (прежняго состава) совмѣщала въ себѣ лишь сословно-общественное представительство и потому она завѣдывала всѣмъ, что было принадлежностью цѣлаго городского общества или соединенныхъ сословій онаго. Изъ сего порядка завѣдыванія были изъяты только капиталы и имущества, принадлежавшіе не совокупности этихъ сословій, а которому либо изъ нихъ въ отдѣльности,—для чего и было допущено образованіе особыхъ сословныхъ учреждений: отдѣльно для купцовъ, отдѣльно для мѣщанъ и отдѣльно для ремесленниковъ (тамъ, гдѣ эти послѣдніе составляютъ отдѣльное отъ мѣщанства общество). Съ устройствомъ общественнаго управленія на началахъ городского положенія, не соединяется ни новаго городского общества, ни новыхъ городскихъ учреждений, а лишь реформируются они такимъ образомъ, что въ составъ общества входятъ новые элементы, небывшіе

въ немъ прежде, устраняется сословный его характеръ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и городскія учрежденія, въ обновленномъ ихъ видѣ, являются органами не прежнихъ сословныхъ обществъ, а всего мѣстнаго населенія, дѣйствуя именемъ города во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда требуется представительство цѣлаго городского общества, какъ совокупности всѣхъ мѣстныхъ жителей. Затѣмъ, не остается никакого мѣста сомнѣнiю въ томъ, что преобразованныя по городскому положенiю городскія учрежденія, должны получить въ свое завѣдыванiе безраздѣльно всѣ тѣ имущества и капиталы, коими, какъ городскими общественными, завѣдывали общественныя управленія въ прежнемъ ихъ составѣ и которые составляли доселѣ собственность городскихъ сословiй, взятыхъ вмѣстѣ, а не одного котораго либо изъ нихъ въ отдѣльности“.

Такимъ образомъ, приведенное разъясненiе министерства внутреннихъ дѣлъ служить подтвержденiемъ высказанной нами выше мысли объ имущественной правоспособности городскихъ сословныхъ обществъ. Министерство признаетъ за думами новаго устройства право лишь на тѣ капиталы и имущество, которые прежде принадлежали всѣмъ сословнымъ учрежденiямъ города въ совокупности, а не на тѣ которые составляли исключительное достоянiе одного изъ нихъ; слѣдовательно, послѣднiе и теперь остаются въ распоряженiи отдѣльныхъ обществъ по принадлежности. Правоспособность сословныхъ обществъ признана также со стороны гражданского кассационнаго департамента прав. сената по дѣлу Ярославской земской управы съ Ярославскимъ мѣщанскимъ обществомъ (рѣш. 1876 г. № 480). Сенатъ даже признаетъ, съ введенiя новаго городского положенiя, за сословными учрежденiями большую самостоятельность, какъ въ административномъ, такъ и въ имущественномъ отношенiи, чѣмъ прежде. По закону, изложенному въ ст. 585 т. IIIX уст. общ. призр.—говорится въ этомъ рѣшенiи—за пользованiе въ больницахъ неимущихъ больныхъ, принадлежащихъ къ городскимъ и сельскимъ обществамъ, взыскивается плата съ тѣхъ обществъ, вѣдѣнiю коихъ подлежатъ призрѣваемые. Затѣмъ, въ прил. къ ст.

2, городского положенія, указано, какія изъ дѣлъ, входившихъ въ кругъ вѣдомства прежнихъ городскихъ думъ, съ введеніемъ новаго городского общественнаго управленія перешли въ вѣдѣніе учреждений сословныхъ. Эти послѣднія учреждения, съ преобразованіемъ городского управленія по началамъ положенія 16-го іюля 1870 г., поставлены закономъ въ условія, болѣе самостоятельныя и изъяты изъ подчиненія городскимъ думамъ, въ вѣдомствѣ которыхъ они прежде находились. Пользуясь своимъ, независимымъ отъ собственно-городскаго, общественнымъ управленіемъ, вѣдающимъ дѣло отдѣльныхъ городскихъ состояній: купческаго, мѣщанскаго и ремесленнаго, по принадлежности, городскія сословія имѣютъ свои нужды и потребности, свои доходы и расходы и въ томъ числѣ, разумѣется, и по общественному призрѣнію своихъ сочленовъ. Издержки по сему послѣднему предмету, какъ невыходящему изъ круга вѣдомства cadaго сословія въ отдѣльности, не могутъ по закону быть отнесены на счетъ общегородской казны, а должны покрываться изъ средствъ того сословія, къ которому принадлежать призрѣаемые“. На основаніи этихъ соображеній сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе Московской судебной палаты, которая думала иначе.

Всѣ эти соображенія, какъ намъ кажется, вполне подтверждаютъ выше высказанную мысль, что всякая группа населенія, которой по закону предоставлено, въ какомъ бы то ни было отношеніи, право самоуправленія въ виду специальныхъ нуждъ ея, eo ipso признается правоспособнымъ субъектомъ въ имущественной сферѣ, въ качествѣ юридическаго лица. Этому положенію приведены нами положительныя и отрицательныя доказательства. Къ числу первыхъ относятся указанія на фактическую правоспособность городскихъ сословныхъ учреждений, хотя объ этомъ не существуетъ прямаго опредѣленія закона; къ числу же послѣднихъ—примѣръ уѣздныхъ дворянскихъ собраній, имѣющихъ извѣстную административную компетенцію, но не пользующихся имущественною правоспособностью. Вникая въ сущность и цѣль тѣхъ и другихъ учреждений, мы должны прійти къ заключенію, что различіе между

ними состоитъ только въ отношеніи права хозяйственнаго самоуправленія. Правоспособность юридическихъ лицъ, какъ извѣстно, существуетъ вообще только въ силу и въ предѣлахъ спеціальной санкціи закона, признающаго ее за опредѣленнымъ учрежденіемъ¹⁾. Но такого рода генерическое признание, какое сдѣлано 4 п. 698 ст. въ этомъ отношеніи за дворянскими, городскими и сельскими обществами, не можетъ считаться достаточнымъ, что видно изъ того, что самъ же законъ считаетъ необходимымъ спеціально опредѣлить такую въ положеніяхъ о городскихъ и земскихъ учрежденіяхъ, перечисляя подробно всѣ виды предоставленныхъ имъ правомочій. Но въ виду всего вышеизложеннаго, нельзя не признать, что отсутствіе подобнаго спеціального опредѣленія въ законѣ, по отношенію къ сословнымъ городскимъ обществамъ, не можетъ быть толкуемо, какъ непризнание за ними имущественной правоспособности, а объясняется исключительно кодификационными недостатками нашего законодательства. Въ виду этого, приходится, путемъ толкованія разныхъ отрывочныхъ указаній, имѣющихся, по сему предмету въ законѣ, опредѣлить существенные признаки, по которымъ можно было-бы различить, какія изъ общественныхъ учреждений подходятъ подъ 4 п. 698 ст., а какія нѣтъ. Сравнивая между собою выше разсмотрѣнные виды такихъ учреждений, мы видимъ, на примѣръ, что какъ дворянскія, такъ и городскія сословныя общества, имѣютъ нѣкоторые общіе признаки устройства: и въ тѣхъ и въ другихъ членами состоятъ лица, соединенныя принадлежностью въ одному сословію, на пространствѣ извѣстной территоріи. Но въ чемъ-же заключаются между ними различіе, дающее

¹⁾ Здѣсь кстати будетъ вспомнить то, что говоритъ Савинья по этому поводу. Разсмотрѣвъ вопросъ о возникновеніи и прекращеніи юридическихъ лицъ, онъ продолжаетъ: во всякомъ случаѣ изложенныя здѣсь правила о возникновеніи и прекращеніи отдѣльныхъ юридическихъ лицъ, не имѣютъ исчерпывающаго значенія; причина этой неполноты лежитъ въ существѣ дѣла: все, касающееся частныхъ, находится въ тѣсной связи съ устройствомъ и управленіемъ даннаго государства и выходитъ за предѣлы гражданскаго права (Just. B. II § 89 S. 280).

намъ основаніе считать одни изъ нихъ правоспособными субъектами, а другіе нѣтъ? Слѣдуя логическому методу исключенія сходныхъ признаковъ въ сравниваемыхъ предметахъ, мы должны признать, что различіе это не можетъ быть усматриваемо въ сословныхъ преимуществахъ членовъ тѣхъ или другихъ обществъ, ни точно также въ территоріальныхъ границахъ тѣхъ или другихъ учреждений, ибо мы видимъ, что изъ сословія мѣщанъ выдѣляется въ самостоятельную группу одна часть его—ремесленники, и эта часть пользуется имущественными правами наравнѣ съ цѣлымъ мѣщанскимъ обществомъ, и видимъ также, что въ одно учрежденіе соединяются члены ѣтихъ обществъ, живущихъ въ предѣлахъ определенной территоріи—даннаго города. Что различіе это определяется не только по сословной общности извѣстной части населенія, живущаго въ районѣ какого-нибудь округа, видно изъ примѣра, представляемаго крестьянскими общественными учрежденіями. Какъ ремесленные общества представляютъ собою самостоятельную единицу, ограниченную тѣми же территоріальными предѣлами, какъ и цѣлое мѣщанское общество, такъ волостныя общества, наоборотъ, представляютъ самостоятельное цѣлое, независимо отъ входящихъ въ его составъ сельскихъ обществъ, хотя члены тѣхъ и другихъ относятся къ тому же сословію. Объ имущественной правоспособности волостныхъ и сельскихъ обществъ свидѣлствуютъ п. 17 ст. 51 и п. 8 ст. 78 общ. полож. о крест., предоставляющіе самостоятельное права волостнымъ и сельскимъ сходамъ выдавать довѣренности отдѣльнымъ лицамъ на хожденіе по дѣламъ общественнымъ.—Отыскиваемое же нами различіе выступаетъ особенно рельефно при сравненіи губернскихъ и уѣздныхъ дворянскихъ учреждений, съ таковыми же земскими учрежденіями. Тогда какъ губернскія учрежденія, и тѣ и другія, пользуются имущественною правоспособностью, ея не существуетъ у уѣздныхъ дворянскихъ обществъ, хотя уѣздныя земскія учрежденія пользуются ею въ одинаковой степени съ губернскими. Отличіе же уѣздныхъ дворянскихъ обществъ отъ сравниваемыхъ съ ними учреждений, главнымъ образомъ, за-

ключается въ томъ, что они не удовлетворяютъ никакимъ хозяйственнымъ интересамъ своихъ членовъ и не пользуются въ этомъ отношеніи правами самоуправленія: въ этихъ двухъ признакахъ мы и находимъ мѣрило для опредѣленія, какія изъ общественныхъ учрежденій, по нашему закону, пользуются имущественною правоспособностью, а какія нѣтъ. Примѣняя это мѣрило къ вопросу о томъ, могутъ ли, по нашему законодательству, быть признаваемы самостоятельными субъектами имущественныхъ правъ отдѣльныя вѣроисповѣдныя группы сословныхъ городскихъ обществъ, — мы, прежде всего, считаемъ нужнымъ указать на взглядъ гражданскаго кассационнаго департамента, высказанный имъ по этому предмету въ рѣшеніи 1875 г. за № 382 по д. уманскаго еврейскаго общества съ купцомъ Фриденбергомъ. Сенатъ, въ этомъ дѣлѣ, призналъ правильнымъ мнѣніе одесской судебной палаты о томъ, что совокупность гражданъ еврейскаго вѣроисповѣданія г. Умани, составляетъ отдѣльное юридическое лицо, имѣющее право, въ лицѣ уполномоченнаго, ходатайствовать въ судѣ по своимъ имущественнымъ дѣламъ. Такое воззрѣніе сената даетъ основаніе признать самостоятельную правоспособность за христіанскими группами сословныхъ обществъ, ибо, съ исключеніемъ еврейскихъ членовъ ихъ въ особое общество, во всѣхъ городахъ, гдѣ населеніе является смѣшаннымъ изъ христіанъ и евреевъ, христіанскіе члены сословныхъ обществъ не могутъ быть лишены общаго права, предоставленнаго закономъ всѣмъ городскимъ обывателямъ — самоуправляться по отдѣльнымъ сословнымъ группамъ. Если же мы сопоставимъ различныя узаконенія, касающіяся еврейскаго населенія въ городахъ, то убѣдимся, что оно пользуется правами особаго самоуправления и имѣетъ самостоятельные хозяйственные интересы. Въ т. IX зак. о сост. изд. 1876 г. мы находимъ отдѣленіе IV главы VI раздѣла V книги I, прямо озаглавленное „О сельскихъ и городскихъ обществахъ евреевъ“, а въ этомъ отдѣленіи — статью 980, гласящую: „въ городахъ, гдѣ евреи приписаны, они суть члены тамошнихъ обществъ и подчинены общему управленію, на основаніи учрежденія управле-

нія инородцевъ;“ во 2-й же части II т. св. зак. особ. губ. учреж. изд. 1857 г. находимъ книгу XII „Учрежденіе управленія инородцевъ“ и въ ней раздѣлъ VII „Учрежденіе управленія евреевъ, принадлежащихъ къ городскимъ податнымъ обществамъ“, гдѣ статьею 821 опредѣлено, что „евреи, живущіе въ городахъ и мѣстечкахъ избираютъ изъ благонадежнѣйшихъ людей своего сословія сборщиковъ податей и ихъ помощниковъ....“. Въ этомъ мы видимъ право самоуправленія, предоставленное еврейскимъ обществамъ; а въ ст. 982 т. IX находимъ опредѣленіе и самостоятельныхъ имущественныхъ интересовъ, а именно: „попеченіе о призрѣніи престарѣлыхъ, увѣчныхъ и больныхъ своихъ единовѣрцевъ и учрежденіе заведеній, въ которыхъ, для отвращенія бродяжничества, бѣдные члены могли бы находить работу и содержаніе.“ На первый взглядъ можетъ возникнуть сомнѣніе въ томъ, имѣютъ ли самостоятельное положеніе городскія общества евреевъ, при сопоставленіи 980 ст. т. IX съ предшествующей ей—979 ст.: тогда какъ послѣдняя устанавливаетъ, что сельскія общества евреевъ-земледѣльцевъ существуютъ *отдѣльно* отъ поселянъ другой вѣры, въ 980 ст. говорится, что въ городахъ, гдѣ евреи приписаны, они суть члены тамошнихъ обществъ. Такимъ образомъ, по буквальному смыслу этихъ статей, сельскія и городскія общества евреевъ какъ бы противоплагаются другъ другу и самостоятельное, отдѣльное существованіе какъ бы признается только за сельскими обществами. Недоразумѣніе это разрѣшается однако вполнѣ удовлетворительно, при сличеніи текста этихъ статей съ ихъ источниками. Подъ ст. 979 мы находимъ ссылку на Высочайше утвержденное Положеніе о евреяхъ 31 мая 1835 г. Дѣйствительно, она есть буквальное воспроизведеніе § 65 того положенія; но смыслъ употребленнаго въ ней выраженія „отдѣльно отъ поселянъ другой вѣры“ можетъ быть надлежащимъ образомъ понятъ лишь при сопоставленіи ея съ § 30 того же положенія. Въ семъ послѣднемъ опредѣляются правила безсрочнаго пользованія со стороны евреевъ казенными землями и въ п. 3 поставлено непремѣннымъ условіемъ, чтобы „участокъ про-

симою земли былъ избранъ отдѣльно отъ христіанскихъ селеній, какъ казенныхъ, такъ и помѣщичьихъ (сель и деревень).“ (Второе полное собраніе зак. т. X № 8054). Изъ этого ясно, что ст. 979, говоря объ отдѣльномъ существованіи еврейскихъ земледѣльческихъ обществъ, подразумѣваетъ географическое ихъ положеніе, т. е. что они должны располагаться въ отдѣльныхъ отъ христіанскихъ сель мѣстностяхъ, что подтверждается и тѣми опредѣленіями, какія имѣются по сему предмету въ уставѣ о колоніяхъ иностранцевъ въ Имперіи (т. XII ч. 2 свод. зак. ст. 3, 5, 7 и 106) а также 833—843 ст. т. II ч. 2 свод. зак. изд. 1857 г.—Положеніе о евреяхъ-земледѣльцахъ.) Статья же 980, говоря о томъ, что евреи - горожане принадлежатъ къ членамъ тамошнихъ обществъ, только противопоставляетъ ихъ въ этомъ отношеніи земледѣльцамъ, которые должны селиться особо отъ лицъ другихъ вѣроисповѣданій.

Евреи, какъ извѣстно, составляютъ по русскому законодательству особое состояніе ¹⁾ и потому все то, что можетъ быть сказано относительно ихъ общественной организаціи, само по себѣ, не служитъ прямымъ доказательствомъ ни за, ни противъ допустимости вѣроисповѣдныхъ группъ въ управленіи сословныхъ городскихъ обществъ. Но дѣло въ томъ, что особность евреевъ признается не только въ отношеніи всего городского населенія, изъ нихъ состоящаго, а и по отдѣльнымъ сословіямъ. Констатированіе этого факта должно признать равносильнымъ положительному доказательству въ томъ, что сословныя учрежденія дробятся по вѣроисповѣднымъ различіямъ, такъ какъ за выдѣломъ евреевъ - купцовъ или мѣщанъ въ самостоятельныя общества, права, признаваемые закономъ за купеческими и мѣщанскими обществами, составятъ *de facto* права представителей этихъ сословій христіанскаго вѣроисповѣданія, и такъ какъ, по общему духу нашего законодательства о евреяхъ, нельзя допустить, чтобы они пользовались какими - нибудь преимуще-

¹⁾ Въ отношеніи ихъ общественной обособленности мы имѣемъ категорическое опредѣленіе закона въ прилож. къ ст. 281 т. V уст. о под. въ Положеніи о корочномъ сборѣ.

ствами предъ христіанами или другими вѣроисповѣданіями. Такъ, мы видимъ, напр., что по ст. 585 уст. общ. призр. за пользованіе въ больницахъ неимущихъ больныхъ взыскивается плата съ тѣхъ обществъ, вѣдѣнію коихъ подлежатъ призрѣваемые; очевидно, что въ чертѣ осѣдлости евреевъ, за леченіе христіанъ-мѣщанъ предъ больницами является отвѣственнымъ только христіанская часть мѣщанскаго общества, ибо на общественное призрѣніе евреевъ идетъ извѣстная часть, спеціально съ нихъ взимаемаго, коробочнаго сбора (п. 1 прилож. къ ст. 281 т. V уст. о под.).

Обособленность евреевъ по сословіямъ, явствуеъ изъ прилож. къ ст. 280 т. V уст. о под. озаглавленнаго: „О порядкѣ раскладки взноса денежныхъ сборовъ съ евреевъ—мѣщанъ“ ¹⁾. П. 6 этого приложенія гласитъ: „евреи, живущіе въ городахъ и мѣстечкахъ, избираютъ изъ благонадежднѣйшихъ людей своего сословія сборщиковъ податей и ихъ помощниковъ. Сборщики исполняютъ обязанности старостъ мѣщанскихъ и цеховыхъ обществъ....“ Статья эта буквально повторяется въ ст. 821 учрежденія управленія евреевъ (ч. 2 т. II св. зав. изд. 1857 г.). Но что сборщики податей, по сей послѣдней статьѣ избираемые, не исключаютъ особыхъ сборщиковъ для мѣщанъ евреевъ, видно изъ ст. 676 т. IX, въ которой говорится: „разрѣшается мѣщанскимъ обществамъ, состоящимъ изъ христіанъ, евреевъ, татаръ и др. образовать изъ себя, гдѣ-сіе признано будетъ полезнымъ, для денежныхъ сборовъ особые участки и избирать особыхъ старостъ.“ Статья эта встрѣчается также буквально повторенною въ ст. 253 т. V уст. о под. Существованіе такого дѣленія мѣщанскихъ обществъ, подтверждается отзывомъ министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 21 іюня 1873 г. за № 6794, по вопросу о томъ, въ какомъ составѣ можетъ быть допущено учрежденіе,

¹⁾ Съ отмѣною подушной подати съ мѣщанъ и замѣною ея налогомъ съ недвижимыхъ имуществъ по выс. утвержд. правиламъ отъ 1 января 1863 г. сословная организація податныхъ сословій не измѣнилась (прим. 3 къ ст. 241 т. V уст. о под. по прод. 1876 г.).

согласно съ примѣч. къ ст. 4 прилож. къ городовому положенію 16 іюня 1870 года, мѣщанской управы въ городѣ, гдѣ прежде избирались двое мѣщанскихъ старостъ, отдѣльно отъ христіанскаго и еврейскаго обществъ — министерствомъ внутреннихъ дѣлъ сообщено губернскому начальству, что опредѣленіе числа членовъ въ мѣщанскую управу должно быть предоставлено усмотрѣнію самаго мѣщанскаго общества, христіанскаго и еврейскаго въ совокупности, по приговору коего, на основаніи приведеннаго закона, учреждается управа, съ соблюденіемъ притомъ общаго правила о дѣйствительности присутствія въ составѣ трехъ лицъ, считая въ томъ числѣ и предсѣдателя, который, по силѣ 524 ст. т. III уст. о служ. по выб. (ст. 983 т. IX изд. 1876 г.), равно какъ и двѣ трети состава присутствія должны быть замѣщаемы изъ христіанъ ¹⁾). Послѣдній документъ даетъ основаніе думать, что тамъ, гдѣ завѣдываніе дѣлами мѣщанскихъ обществъ переходитъ въ мѣщанскимъ управамъ, упраздняется вѣроисповѣдное подраздѣленіе этихъ обществъ; вопросъ этотъ относится, впрочемъ, къ особенностямъ представительства сословныхъ учреждений и потому выходитъ изъ предѣловъ настоящей статьи. Для нашей цѣли достаточно указать лишь на то, что документъ этотъ, въ связи съ вышеприведенными статьями закона, констатируетъ вѣроисповѣдное дробленіе мѣщанскихъ обществъ. — Дѣйствительно, въ этомъ отношеніи достойно вниманія, что законъ предоставляетъ мѣщанскимъ обществамъ подраздѣляться не по кварталамъ или окологдеамъ города, какъ это дѣлается въ другихъ случаяхъ, напримѣръ для удобствъ общественныхъ выборовъ или при опредѣленіи участковъ по отбытію воинской повинности, а по вѣроисповѣдному различію своихъ сочленовъ: отдѣльнаго старосту выбираютъ христіане, отдѣльнаго евреи, отдѣльнаго татары и проч. Имущественная самостоятельность этихъ общинъ, находящаяся въ связи съ предоставленнымъ имъ правомъ избирать особыхъ сборщиковъ податей, санкціонируется, по нашему

¹⁾ Вышеуказанный сборникъ стр. 250.

мнѣнію, статьею 360 улож. о нак., которая гласитъ: „когда виновные въ присвоеніи, употребленіи на свои надобности или же иной растратѣ ввѣренныхъ имъ по должности денежныхъ суммъ или другаго имущества, не въ состояніи сами заплатить падающее на нихъ за сіе взысканіе, и оное, на основаніи ст. 60 сего уложенія, не можетъ быть обращено на тѣхъ, которые завѣдомо способствовали имъ въ семъ присвоеніи или растратѣ, то сіе взысканіе обращается на имѣвшихъ за ними надзоръ и изболченныхъ въ упущеніи по оному, или же на избравшія ихъ общества.“ Очевидно, если растрату собранныхъ податей учинить еврейскій сборщикъ, то возмѣщеніе причиненныхъ этимъ убытковъ, падаетъ только на еврейскую часть мѣщанскаго общества, если христіанскій сборщикъ, то на христіанскую часть и т. д.

Что вѣроисповѣдное различіе сословныхъ обществъ признается нашимъ законодательствомъ, въ томъ служитъ доказательствомъ текстъ 981 и 282 ст. т. IX. Первая изъ нихъ гласитъ: еврей-купцы, ремесленники и мѣщане, имѣютъ право, по правиламъ нижеизложеннымъ, избирать *изъ среды своей* извѣстное число членовъ, имѣющихъ опредѣленные къ тому качества, на нѣкоторыя должности общественнаго *хозяйственнаго* управленія. А вторая: Еврейскія сельскія общества и *городскія сословія*, сверхъ обязанностей вышеизложенныхъ, должны 1) *наравнѣ съ обществами другихъ вѣроисповѣданій* имѣть попеченіе и т. д. Въ ст. 166 уст. ремесл. изд. 1879 г. мы имѣемъ положительное указаніе на то, что законъ дѣлаетъ различіе не только между членами городскихъ сословій по вѣроисповѣданію, но и между принадлежащимъ имъ имуществомъ, подраздѣляя его на еврейское и христіанское. Текстъ этого любопытнаго узаконенія слѣдующій: „Въ цехахъ, состоящихъ изъ христіанъ и евреевъ, имущество какъ христіанское, такъ и еврейское, имѣющее какое либо религіозное назначеніе, хранится и завѣдывается особо и употребляется единственно согласно своему назначенію, безъ всякаго участія евреевъ въ христіанскомъ, такого рода имуществѣ, а христіанъ въ еврейскомъ; общественные приговоры по симъ имуще-

ствамъ и сборамъ составляютъ также отдѣльно. Храненіе же и завѣдываніе имуществами и сборами, имѣющими общее благотворительное назначеніе, независимо отъ вѣроисповѣданія, какъ то: устройство и содержаніе богадѣленъ для призрѣнія убогихъ и престарѣлыхъ, больницъ и проч., а равно составленіе общественныхъ приговоровъ по онимъ, относятся безразлично ко всему цеху“. Последняя часть этой статьи указываетъ на то, что вѣроисповѣдное дѣленіе сословій не имѣетъ абсолютнаго значенія и что это дѣленіе не исключаетъ совместной дѣятельности всѣхъ членовъ сословія безразлично въ извѣстныхъ случаяхъ. Первая же часть ея говоритъ не только о раздѣленіи имуществъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но—что имѣетъ особенное важное значеніе для нашей цѣли—и объ общественныхъ приговорахъ по отдѣльнымъ вѣроисповѣданіямъ.

Все вышеизложенное, какъ намъ кажется, служить не только подтвержденіемъ старой истины объ казуистичности и противорѣчивости нашего многопудоваго свода законовъ, но и доказательствомъ самостоятельной имущественной правоспособности городскихъ сословныхъ обществъ, по вѣроисповѣднымъ группамъ. Вопросъ же о способахъ осуществленія ими этой правоспособности, т. е. вопросъ о физическомъ представительствѣ этихъ юридическихъ лицъ, долженъ составить предметъ особаго изслѣдованія.—

А. Гольденвейзеръ.

ЗАЧАТКИ РЕФОРМЪ ВОЕННО-УГОЛОВНАГО ЗАКОНОДА- ТЕЛЬСТВА ВЪ РОССІИ ¹).

Со времени изобрѣтенія пороха въ организаціи русскихъ войскъ какъ и вездѣ произошли измѣненія существенныя. Первые дошедшіе до насъ военные уставы, относятся къ началу XVII вѣка и Уставъ ратныхъ, пушкарскихъ и другихъ, относящихся до воинской науки“ составленъ Онисимомъ Михайловымъ въ 1607 и 1621 г. по имперскимъ нѣмецкимъ законамъ, собраннымъ Фронспергеромъ въ его книгѣ „Kriegsbuch“, изд. въ 1575 году. На основаніи этого устава, введена была іерархія высшихъ военныхъ чиновъ, сходная съ имперскою арміею. Приняты цѣликомъ имперскіе нѣмецкіе военно-уголовные законы для артиллеріи, а равно и другія статьи, относящіяся до организаціи артиллеріи „наряда“. Военные артикулы и статьи“ предписано было (по ст. 70) читать ратнымъ людямъ, пѣшимъ и коннымъ, *ежемесячно*. Въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича вліяніе иноземныхъ порядковъ на организацію русскихъ войскъ усилилось. Въ 1647 году напечатанъ въ Москвѣ военный уставъ для обученія пѣхоты строю, подъ названіемъ „Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей“. Это переводъ 1-го тома сочиненія Данцигскаго вахтмейстера *Вальгаузена*. Усиленъ призывъ иноземцевъ, кромѣ прибывшихъ къ намъ

¹) Глава изъ приготовляемаго авторомъ къ печати труда «О состояніи военного права въ Россіи при Петрѣ Великомъ».

3000 шотландцевъ; иноземцамъ поручено формированіе солдатскихъ полковъ *новаго строя*, начало которымъ положилъ еще Михайлъ Ѳеодоровичъ, устроившій поселеніе по образцу Швеціи ¹⁾. Война съ Польшею и ея союзниками съ 1654 по 1667 годъ, обнаружила слѣдующіе недостатки въ Русскихъ войскахъ:

1) *Помѣстное войско*, подобно рыцарству западной Европы, не удовлетворяло условіямъ новаго военного искусства съ огнестрѣльнымъ боемъ, а какъ временно созываемое ополченіе, негодно было для продолжительной борьбы.

2) Старое *стрѣлечье войско*, какъ привилегированное полу-военное сословіе, назначенное преимущественно для карауловъ (для вахты), оказалось тягостнымъ для Московскаго государства и „при стремленіи къ упрощеніямъ его администраціи, не могло удержать своей средневѣковой организаціи, оно должно было пасть въ силу данныхъ привилегій, несовмѣстныхъ съ званіемъ войска въ новомъ фазисѣ военного искусства; стрѣлечіе полки разстраивались все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ война затягивалась и стрѣльцы становились орудіемъ раскола, коноводами мятежей.

3) При содѣйствіи западно-европейскихъ выходцевъ, иноземныхъ офицеровъ, явился новый элементъ войска: *солдатскіе, рейтарскіе* ²⁾ и *драгунскіе полки*, формируемые въ теченіи войны преимущественно изъ низшихъ сословій. Число полковъ новаго иноземнаго строя возрастало, по мѣрѣ охлажденія къ военной службѣ вотчинниковъ и помѣщиковъ, которые стали все болѣе и болѣе уклоняться отъ нея. Но и новое войско не удовлетворяло, какъ показала упорная война, требованіямъ военного искусства: оно не могло быть постоянно обучаемо, способы же комплектованія солдатскихъ пол-

¹⁾ Организація поселенныхъ солдатскихъ полковъ и стрѣлеческихъ приказовъ опредѣлялась въ «наказахъ» иноземнымъ полковникамъ и стрѣлеческимъ головамъ см. Акты истор. и доп. къ нимъ.

²⁾ Рейтарскіе полки, впрочемъ, составили вѣчно среднее между ополченіемъ помѣстнымъ и поселеннымъ войскомъ.

ковъ въ періодъ войны оказались ненадежными.—Ряды Рейтаръ, напимѣръ, приходилось пополнять „наимитами изъ овчарей и малыхъ робать“.

4) *Нарядъ* (Артиллерія) считалось войскомъ привилегированнымъ, какъ въ Западной Европѣ, и потому пушкари пользовались преимуществами; но артиллерія, при своей многочисленности, не имѣла хорошаго устройства; во время войны ни въ чемъ не выразились ея достоинства; напротивъ, по своей многочисленности, она служила только въ тягость воеводамъ, не знавшимъ что дѣлать съ многочисленными обозами.

5) *Казаки Донскіе, Черкасы Украинскіе, Малороссійскіе казаки* (казаки Гетманскаго полка) и проч. были войскомъ исключительнымъ по своей организаціи. Какъ военное сословіе, въ силу своей обособленности отъ государства, козаки были для нарождающейся мопархіи полезнымъ элементомъ, доколѣ подчинялись Московскому правительству; но малороссійскихъ казаковъ смущали неудачи русскихъ воеводъ и они измѣняли, переходили на сторону враговъ Россіи: татаръ, поляковъ и шведовъ.

6) Въ управленіи войскомъ столь разнородныхъ категорій, не было единства, ни механическаго, ни нравственнаго; не могло быть единства и юридическихъ началъ, какъ по своему различію организаціи каждой изъ категорій войска, такъ и по причинѣ разъединенія центральныхъ органовъ—приказовъ, бывшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и высшими судебными инстанціями. Общимъ для всѣхъ родовъ войскъ былъ только Розбойный приказъ, для суда важнѣйшихъ преступленій—*тати и разбоевъ*, т. е. ратные люди за важнѣйшіе уголовныя преступленія судились одинаково съ прочими гражданами.

7) Область юрисдикціи въ каждомъ родѣ служилыхъ, въ мирное и военное время, была особая, по военнымъ при-

¹⁾ Розрядъ вѣдалъ помѣстнымъ войскомъ. иноземный—солдатскими драгунскими полками Рейтарскій, Стрѣлецкій, Пушкарскій—родами служилыхъ соотвѣтственно названію; Польскій—донскими казаками.

казами; въ военное время, кромѣ того, начальники отдѣльных частей (воеводы, сотенные головы помѣстныхъ войскъ, стрѣлцкіе головы, полковники иноземныхъ полковъ) пользовались обширною произвольною властью; такъ было и въ *войскахъ имперскихъ*: въ XVI вѣкѣ, въ продолженіе тридцатилѣтней войны и даже до конца XVII вѣка.

8) Кромѣ „уложенія“, какъ кодекса общегосударственнаго, гражданскаго, въ нашихъ войскахъ существовали съ половины XVII вѣка законы, особые для каждой категоріи войскъ, т. е. ратнаго строя: таковы: *наказы* воеводамъ мѣстнымъ (территориальнымъ), *наказы* стрѣлцкимъ головамъ и иноземнымъ полковникамъ, и для военного времени *статьи* (военные артикулы); ¹⁾ *наказы* имѣли характеръ полицейско-административныхъ инструкцій, а не чисто уголовныхъ законовъ. Такой же характеръ имѣла и глава VII Уложенія—о *службѣ ратныхъ людей Московскаго государства*. Въ этихъ русскихъ законахъ вовсе не выработаны *воинскія преступленія*, и не могли быть выработаны по самой организаціи помѣстныхъ и поселенныхъ войскъ, гдѣ каждая особая частица—*сотня, приказъ, полкъ*, получали военное устройство временно—для набѣга, поиска, похода.

9) Войско, по своей многочисленности, въ сравненіи съ средствами малонаселеннаго государства, не могло выдержать продолжительной войны; способъ же ея веденія, *по старому обычаю*, набѣгами, безъ базиса и опорныхъ пунктовъ, въ странахъ бѣдныхъ и раззоренныхъ, съ несоразмѣрною по величинѣ конницей и громадными обозами, привелъ къ явленіямъ вполне тождественнымъ съ явленіями въ войнѣ *тридцатилѣтней*. Грабежи, неповиновеніе, измѣна, побѣги, насиліе и самоуправство—повторялись у насъ въ войнѣ съ Польшею (1654—1667) въ тѣхъ же формахъ, какъ и на западѣ въ тридцатилѣтней. Авторъ „ученія и хитрость“ въ предисловіи къ до-

¹⁾ Военные артикулы или, такъ называемыя, статьи, были скопированы отъ иностранцевъ, какъ ясно видно на «статьяхъ для пушкарей», взятыхъ у имперцевъ *Kriegsbuch*; часть 2-я, стр. 158.

бродѣтельному читателю сказалъ все, что могъ сказать пророкъ.

Въ нашей тринадцатилѣтней войнѣ и въ мятежныхъ бунтахъ стрѣльцовъ повторилось то, что имъ сказано было о цесарскомъ войскѣ! Экономическая несостоятельность государства, какъ слѣдствіе тяжелой войны, превышавшей силы народонаселенія, раскрыла глубокія язвы, обнаружила принципиальные недостатки. Обновленіе государства должно было совершиться по общему плану новыхъ монархій Западной Европы. Оно вездѣ началось съ учрежденія *постоянныхъ регулярныхъ войскъ*, замѣнившихъ *помѣстную систему*, временно же созываемыя *ополченія* остались исключительно для обороны государства.

Затѣмъ, на основаніи ряда историческихъ фактовъ, сличаемымъ по новѣйшимъ трудамъ (Соловьева, Устрялова и Посселята), монографіямъ о русскомъ войскѣ XVII столѣтія (Бѣляева, Карцова, Гудима—Левковича и друг.) и мемуарамъ Котошихина, и имѣя въ виду историческіе акты, изданные Арх. Коммисією, отмѣчаются слѣдующія *главнѣйшія причины упадка русскихъ войскъ въ исходѣ тринадцатилѣтней войны*, причемъ оказывается, что дальнѣйшія событія только способствовали быстрому разрѣшенію вопроса о преобразованіи Московскаго государства въ *монархію*, согласно съ формами, приготовленными на Западѣ Европы.

1) *Мѣстничество* вносило несогласія въ командную часть и развивало духъ неповиновенія волѣ начальства, а отлучки съ театра военныхъ дѣйствій вотчинниковъ и помѣщиковъ, постоянныя и систематическія уклоненія ихъ отъ ратной службы, переходившія въ открытыя *неявки* (нѣтки) на сборные пункты, только ускорили разложеніе *помѣстной* дворянской конницы.

2) *Несоразмѣрность конницы и вообще числа лошадей съ пѣхотою*, пѣхота въ войнѣ съ огнестрѣльнымъ боемъ въ новѣйшихъ войнахъ стала занимать первенствующее мѣсто, это доказала уже тридцатилѣтняя война въ Германіи; между тѣмъ, сравнительно съ конницей число пѣхоты у насъ было

весьма незначительное. О необходимости ея увеличенія убѣдились незадолго до заключенія Андрусовскаго перемирія.

Средствъ Литвы, Бѣлоруссіи, даже Малороссіи, бывшихъ въ теченіи 13 лѣтъ постояннымъ театромъ военныхъ дѣйствій, далеко недоставало для продовольствія воюющихъ сторонъ; это обстоятельство, при обычаѣ конницы вести войну набѣгами, повело къ раззоренію жителей; грабить жителей и жечь деревни допускалось, какъ система обороны отъ врага; отсюда цѣлый рядъ преступленій въ войскахъ помѣстныхъ и поселенныхъ: отъ *побѣговъ* полки обращались въ жалкія кучки. Каждый роспускъ войскъ на зимнія стоянки сопровождался грабежами. Неуплата же жалованья въ срокъ вела къ мятежамъ. Тоже было и въ Польшѣ, гдѣ вслѣдствіе неуплаты кварціанальнаго жалованья (трехмѣсячнаго) цѣлыя арміи солдатъ расходились по домамъ.

3) *Обширная безконтрольная власть отдѣльных начальниковъ*, (воеводъ, головъ, полковниковъ), придава острый характеръ преступленіямъ; никакія жестокія наказанія, соединенныя съ *раззореніемъ* и *ссылкою на Низовье* и въ *Астрахань*, не могли уже возстановить воинскаго духа, а слѣдовательно и военной дисциплины; оттого часты были случаи *измѣны*, съ переходомъ даже на сторону непріятеля солдатъ и стрѣльцовъ, не въ одиночку, а цѣлыми партіями. При такихъ условіяхъ стали безсильными законы. (Глава VII уложенія и т. п.) Создавались элементы опасные для общественнаго спокойствія: бродяги, грабители и самозванцы. Подготовлялся широкою рукою горючій матеріалъ для Стѣнки Разина.

4) Неудовлетворительныя качества *начальныхъ иноземныхъ людей*, состоявшихъ въ первое время, большею частью изъ авантюристовъ, выброшенныхъ Западною Европою, въ теченіи войнъ, предшествовавшихъ Вестфальскому миру. Эти люди дорожили службою ради добычи, къ которой ихъ приучили полковники въ Европѣ. Россія для нихъ, къ тому же, не была отечествомъ. Они привыкли продавать себя первому встрѣчному, а волею солдатъ научились управлять жестокостью; ихъ

самоуправство возбуждало противодѣйствіе и насильственное сопротивление буйствомъ и мятежемъ. Совершенно такія картины представляетъ намъ исторія тринадцатилѣтней войны съ Польшею, и у насъ въ станѣ, на торговой площади, выставались висѣлицы. Висѣлица, повидимому, вошла въ практику и въ средѣ поселенныхъ солдатъ, небывшихъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, въ Бѣлоруссіи и Малороссіи, а расположенныхъ по границѣ съ Швеціей, напримѣръ въ Олонецкомъ воеводствѣ: „староста *Ивашко Пиузъ* въ Китскомъ погостѣ, *самъ собою*, поставилъ висѣлицу и солдатовъ къ смертной казни приводилъ самовольствомъ безъ нашего великаго государя указу и безъ воеводскаго вѣдома (Доп. къ Ист. Ак. III, № 146). Но и свои русскіе воеводы и начальныя люди, какъ свидѣлствуютъ факты у историка Соловьева (т. X и XI, XII и XIII), допускали всякаго рода насилія и самоуправство.

Одни и тѣже явленія (произволь, насиліе, самоуправство однихъ, неповиновеніе и мятежныя дѣйствія другихъ, т. е. людей обязанныхъ повиноваться власти) въ общественной жизни русскаго народа XVII вѣка, какъ и западно-европейскихъ народовъ въ періодъ религіозныхъ войны XVI и первой половины XVII вѣка, должны были привести къ *преобразованіямъ общественнаго строя*. Западно-европейскіе народы, Французы и Германцы, послѣ полуторавѣковой религіозной борьбы, опрокинувшей средневѣковую бытъ западной Европы, имѣли въ своихъ предводителяхъ уже громадный запасъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ для созданія новаго государства—Монархіи. Предотвратить перестрой общественнаго быта народовъ, утомленныхъ безначаліемъ и обѣдѣвшихъ, обезсиленныхъ матеріально, не могла никакая человѣческая мудрость. Такой міровой вопросъ долженъ былъ разрѣшиться ходомъ событій, путемъ тяжкихъ непосредственныхъ испытаній самаго человѣчества, стремящагося вездѣ къ самоусовершенствованію.

Полубродячій бытъ молодаго русскаго общества, уже съ начала XVII столѣтія, сталъ искать твердыхъ экономическихъ, нравственныхъ и юридическихъ опоръ для улучшенія своего

матеріального благосостоянія. Тягостная тринадцатилѣтняя война,—имѣвшая также религіозную окраску, застала русское государство неготовымъ къ борьбѣ продолжительной, упорной. Въ молодомъ обществѣ, между тѣмъ, уже давно являлись признаки началъ, реагирующихъ на старыя преданія и вѣрованія. Новыя идеи, отъ нѣмцевъ ли происходили онѣ или отъ плѣнныхъ Поляковъ и Литовцевъ, пережившихся на русскихъ дѣбушкахъ, не могли не внушить опасенія, людямъ стараго строя, за вѣру, за народность. Новые учителя должны были столкнуться съ старыми понятіями и вотъ завязалась та глухая борьба, которая вела общество московскаго государства къ невѣдомымъ послѣдствіямъ. Печатное слово, по самой новизнѣ, производило, съ половины XVII вѣка, такое же дѣйствіе, какъ и „зеліе“, порошокъ, съ конца XVI вѣка. Православное молодое общество было суевѣрнымъ, также какъ и западно европейское католическое и протестантское. Вѣра въ колдовство, чародѣйство, заговариваніе, шла рядомъ съ вѣрою истиннаго Бога. Но Богъ не спасалъ отъ пули, не спасетъ-ли отъ нея дьяволъ. Отъ суевѣрія былъ одинъ шагъ къ изувѣрству. И оно проявилось—и въ народѣ, и въ средѣ бояръ. Продолжительная война съ своими страшными стихійными послѣдствіями, только умножала опасности и ускоряла стремленіе къ преобразованіямъ. Алексѣй Михайловичъ и его лучшіе совѣтники видѣли необходимость въ переустройствѣ войска. Совѣтовались и обдумывали предположенія въ „соборахъ“. Рѣшительный переворотъ къ преобразованію совершился на соборѣ 1682 года неожиданно, можно сказать *безсознательно*. Собрались выборные и чины помѣстныхъ и поселенныхъ войскъ ¹⁾ для преобразованія войска, а дѣло кончилось уничтоженіемъ мѣстничества. Здѣсь

¹⁾ «Указали бояромъ князю Василію Васильевичу Голицыну со товарищи, вѣдать ратныя дѣла для *лучшаго своихъ государевыхъ ратей устроенія и управленія*, а съ нимъ бояриномъ и княземъ Голицынымъ у того дѣла бити выборнымъ и стольникомъ и генераломъ и стольникомъ же и полковникомъ рейтарскимъ и пѣхотнымъ дворяномъ—же и дѣтемъ боярскимъ... Іо II. С. 3. т. I, ст. 905. Соборное дѣланіе 12 января 1682 г. объ уничтож. мѣстничества.

собственно для военного искусства ничего не было сдѣлано, но было сдѣлано чрезвычайно много для новой монархіи, для упрощенія въ будущемъ административнаго механизма для объединенія власти и суда. Эта нивелировка въ Западной Европѣ вездѣ начиналась съ учрежденія постоянныхъ войскъ, т. е. *выдѣленіемъ изъ массы всего народонаселенія, определенной ея части, не для чего иного, какъ только для военнаго ремесла, постоянно обучать которому людей, требовало военное искусство новѣйшихъ временъ. Регулярное комплектованіе войскъ и обученіе солдатъ по однимъ и тѣмъ-же правиламъ, однообразное устройство, пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, простая форма одежды, однообразіе въ вооруженіи и снаряженіи—вели къ подчиненности войскъ однимъ и тѣмъ-же военнымъ законамъ, къ подведенію ихъ подъ одинъ и тотъ-же общій для всѣхъ военный судъ. Съ этого начали Генрихъ IV, Густавъ Адольфъ и Людовикъ XIV. Для регулярнаго войска, прежде всего, потребовалось регулярное поступленіе денегъ въ государственную кассу, отсюда начало реформъ въ распредѣленіи и уравниеніи налоговъ и изысканіе средствъ для ихъ увеличенія, но для этого необходимо было упростить администрацію, усилить централизацію власти. Все это совершилось прежде всего, во Франціи, при Людовикѣ XIV, а за нимъ, появленіе постоянного регулярнаго войска и общихъ для него законовъ, замѣчается во всѣхъ независимыхъ, самыхъ малыхъ государствахъ Германіи.*

Монархія на Западѣ явилась только послѣ *тридцатилѣтней войны*, во второй половинѣ XVII вѣка, со всѣми признаками *новаго общественнаго строя*; общемою чертою ея служить вездѣ *постоянное регулярное войско*, для регулярнаго содержанія котораго нужно было ускорить сборъ денежныхъ налоговъ и упростить весь административный механизмъ государства. Это совершилось только въ послѣдней четверти XVII столѣтія. Силою войска отнынѣ стало измѣряться могущество монархіи. Уравновѣситъ количественныя силы арміи съ экономическими силами народонаселенія, стало верхомъ мудрости внутренней и внѣшней политики.

Объединеніе общественныхъ интересовъ въ централизаціи власти начинается, какъ сказано, съ Франціи. Здѣсь, по идеямъ Колиньи, (онъ далъ хорошо извѣстные, весьма строгіе законы для дисциплины) Генриха IV и Густава Адольфа, создается войско, спаянное единствомъ строгой дисциплины и объединенное повиновеніемъ волѣ верховной государственной власти. — Регламентація такому войску точно также создавалась окончательно въ послѣдней четверти XVII вѣка, послѣ того, когда вездѣ появились постоянныя регулярныя войска. Военные артикулы или военные суды стали дѣйствовать въ войскахъ не въ одно военное время, но и въ мирное время, когда на регулярное войско возложена обязанность охранять порядокъ внутренній, посредствомъ несмѣняемой караульной службы. Во Франціи до 1670 г. не распускали круглый годъ только небольшое число гвардейскихъ войскъ, какъ тѣлохранителей, и шесть старыхъ полковъ (*les vieux corps*), изъ коихъ четыре оставались послѣ Генриха IV, пятый, Нормандскій, явился въ 1617 г., а шестой, морской, въ 1628 году. Но въ 1670 году оставлены были навсегда подъ знаменами 20 такъ называемыхъ *среднестарыхъ полковъ* (*les petits vieux*), которыхъ прежде распускали съ окончаніемъ каждой войны. Это тѣ же солдатскіе полки, поступившіе на содержаніе государственной казны, а не сословій, не городовъ и селъ, въ въ которыхъ они располагались. Удержаніе войскъ подъ знаменами сопровождалось *упрощеніемъ строя и введеніемъ одногообразія въ обмундированіи, приличнаго снаряженія, изящества въ обученіи приѣмамъ и движеніямъ* и пр.

„Послѣ опустошеній и нищеты, принесенныхъ тридцатилѣтнею войною, когда всюду чувствовался недостатокъ въ людяхъ, стали брать, говорить Рюстовъ, иногда и полнѣйшаго бѣдняка, неимѣвшаго копѣйки за душою, покрытаго лохмотьями, неимѣвшаго средствъ завести даже порядочнаго камзола, не говоря уже о панцырѣ или шлемѣ“¹⁾. Теперь вся армія, по родамъ оружія, была одѣта по одному покрою;

¹⁾ Рюстовъ Исторія пѣхоты переводъ Пузыренскаго ч. II стр. 132.

отбросили шлемы и кирасы, отбросили бандельеры, введенъ кремневой замокъ, изобрѣтенъ штыкъ, уничтожены пикенеры, упрощена механика строя, созданы подвижныя боевыя единицы: баталіонъ, эскадронъ и батарея: числомъ этихъ *единицъ*, а не числомъ людей, стали мѣрять и силу войска. Для регулярнаго же поступленія солдатъ установлены были *обязательныя* рекрутскіе наборы, но не вдругъ, а постепенно, по мѣрѣ развитія числа вооруженныхъ силъ, опредѣляемыхъ не всегда экономическими условіями государства, чаще требованіями охраненія внѣшней безопасности, иногда-же стремленіемъ къ занятію преобладающаго мѣста въ средѣ новыхъ монархій.

Упрощенія въ организаціи войска повели къ объединенію управленія и установленію военно-уголовныхъ законовъ, общихъ для всѣхъ родовъ войскъ, причемъ значительно была ограничена прежняя произвольная, почти безконтрольная власть отдѣльныхъ начальниковъ—полковниковъ. Ихъ самовластному рѣшенію противопоставленъ былъ *коллегіальный судъ*. Ордоанасы Людовика XIV, начиная съ половины XVII вѣка, вошедшіе въ извлеченіи, въ кодексъ его (Code Militaire de Louis XIV) служатъ богатымъ матеріаломъ, не только для военнаго администратора, но и для военнаго юриста; по нимъ мы можемъ видѣть ту дѣятельность, съ какою, въ теченіи полу столѣтія, во Франціи совершался переходъ къ учрежденію постоянныхъ войскъ и регламентировался внутренній порядокъ и дисциплина. Административная регламентація скрѣплялась общими военными законами, для огражденія войскъ отъ нарушенія установленныхъ принциповъ военнаго искуства новыхъ временъ. Здѣсь приняты были во вниманіе мысли о постоянномъ войскѣ и законы для этого войска: Колиньи, Генриха IV, преобразователя въ порядкѣ обученія солдатъ, Морица Оранскаго, основателя новѣйшаго военнаго искусства и военнаго права Густава Адольфа и великаго военнаго администратора и правителя Голландіи, ея штатгалтера, Вильгельма Оранскаго, будущаго короля Великобританіи. Новое устройство войска совершенствовалось и закрѣплялось несслыханною, классическою борьбою французовъ съ противниками

честолюбивыхъ замысловъ ея короля на Рейнѣ, въ Испаніи, въ Италіи, въ Нидерландахъ; тутъ соединялись силы почти всей западной Европы; здѣсь военное право очищалось отъ средневѣковыхъ наростовъ.

Пока войска формировали помощью безпорядочной вербовки, принимали въ войска кого попало, въ минуту необходимости, трудно было достигнуть совершенства въ обученіи войскъ. Приходилось имѣть въ войскѣ особенныхъ знатоковъ, такъ называемыхъ дрессирмейстеровъ, которые слѣдовали всюду за войсками и должны были обучать ихъ военному ремеслу: на стоянкахъ, на сборныхъ пунктахъ и т. д. Дрессирмейстеры были людьми бывалыми, — чаще всего это были пьяные капралы, которыхъ солдаты уважали мало, хотя и были съ ними за панибрата. Съ такими учителями солдаты немногому научались, но заимствовали отъ нихъ не мало дурныхъ качествъ. Съ учрежденіемъ постоянныхъ регулярныхъ войскъ выигралось много времени для обученія людей строю, который, въ тому-же, былъ значительно упрощенъ, когда отброшены были пики (съ 1690 года). Къ обученію солдатъ стали привлекать, не всегда удачно, офицеровъ. Долго этимъ дѣломъ управляли капралы. Отказались, мало по малу, отъ запутанныхъ поворотовъ, смыканій и размыканій, контръ-маршей и пр.; исчезли фигурныя, круглыя, крестообразныя, многоугольныя построенія батальоновъ, съ которыми знакомятъ въ половинѣ XVII вѣка во Франціи де Бильонъ (*Les principes de l'art milit.*); у насъ „ученіе и хитрость“. На рубежѣ XVII и XVIII столѣтій уже вся западная Европа въ устройствѣ войскъ достигла *упрощенія*, а упрощеніе ускоряло и облегчало управление, исходящее отъ центральной власти, и вело къ объединенію военно-уголовныхъ законовъ и законовъ военно-уголовнаго судопроизводства. Военные артикулы, ордонансы, патенты, уставы для судовъ, получили вездѣ почти одинаковую окраску.

Пѣхота окончательно заняла преобладающее значеніе, какъ главный родъ войска, такъ какъ она владѣетъ оружіемъ для наступательнаго и оборонительнаго боя; содержать ее

было легче, ибо она составлялась изъ бѣднѣйшихъ классовъ новаго государства. Рыцарская дворянская кавалерія окончательно исчезла. Милиціи, ополченія, отодвинуты на задній планъ, они остались какъ *послѣднее средство для обороны государства*. Дорого-стоющую конницу можно было содержать только въ извѣстной пропорціи по отношенію къ пѣхотѣ. Артиллерію, по сложности ея матеріальной части, необходимо было подвести подъ тотъ же законъ пропорціональности орудій къ числу людей или боевыхъ единицъ. Пока для комплектованія постоянныхъ войскъ не утвердился *регулярный рекрутскій наборъ* (что во Франціи случилось только съ 1773 года, а въ Россіи гораздо ранѣе), приходилось довольствоваться, особенно для комплектованія пѣхоты, дурнымъ матеріаломъ; дурной составъ солдатъ вызывалъ необходимость чрезвычайно строгой дисциплины; поэтому въ арміяхъ французской, прусской, имперской, поддерживались, суровые уголовные законы и унижительныя наказанія; особенно жестоки были наказанія за побѣги (дезертирство); пришлось долгое время (особенно въ Пруссіи) поддерживать комплектованіе вербовкою людей, употребляя въ дѣло хитрость, насилие и всевозможныя обѣщанія; вербовщики нерѣдко прибѣгали къ разнаго рода мошенническимъ уловкамъ; жестокиа унижительныя наказанія, входившія въ военно-уголовные кодексы, вошли въ плоть и кровь начальниковъ и судей.

Между офицерами и солдатами была сословная, существенная разниа. Во Франціи и Австріи богатое дворянство или вовсе не искало военной службы или не желало служить въ офицерскихъ чинахъ. Въ католическихъ странахъ младшіе сыновья предпочитали поступать въ духовное званіе. Богачи и лица высшей аристократіи, поступившіе на службу изъ любви къ военному ремеслу, *покупкою мѣстъ* открывали себѣ быстрое производство въ чинахъ. Для младшихъ же офицерскихъ мѣстъ не были разборчивы; кромѣ бѣдныхъ дворянъ, къ ихъ занятію допускались и горожане; но тѣ и другіе въ арміи рѣдко достигали высшихъ чиновъ. Поэтому въ Австріи и во Франціи существовала такая разниа,

(что касалось дисциплинарныхъ отношеній уваженія и обращенія) между старшими и младшими офицерами, какая существовала между офицеромъ и солдатомъ въ Пруссіи. Въ Пруссіи офицеромъ могъ быть только дворянинъ, только въ артиллеріи допускалось производство въ офицеры и бюргеровъ. Здѣсь, какъ и вообще, въ западно-европейскихъ обществахъ, съ понятіемъ о дворянствѣ, происходящемъ отъ рыцарства, соединялось понятіе о нравственномъ превосходствѣ. Поэтому въ органическихъ законахъ проводилось различіе сословное между рядовымъ и унтеръ-офицеромъ, съ одной стороны, и офицеромъ съ другой; по духу бранденбургскихъ законовъ — это различіе переходило далѣе интересовъ число служебныхъ и выражалось не только степенью дисциплинарной власти, предоставляемой офицеромъ надъ нижними чинами, но и правомъ владѣнія солдатомъ на правахъ помѣщика ¹⁾).

Такъ образовалось въ западно-европейскихъ государствахъ *постоянное регулярное войско, съ суровыми военно-уголовными законами, съ жестокими и унижительными наказаніями, съ рѣзкимъ сословнымъ различіемъ между офицерами и нижними чинами.*

Послѣдняя четверть XVII столѣтія, какъ свидѣлствуетъ новѣйшій сборникъ военныхъ правъ „*Corpus Iuris Militaris Novissimum*“, даетъ полное понятіе о небывалой, въ прежней юридической литературѣ, дѣятельности по составленію военно-уголовныхъ законовъ и военно-уголовнаго судопроизводства, служившихъ для урегулированія какъ отношеній войскъ къ народонаселенію, такъ равно и для приложенія принциповъ военного искусства, чтобы упрочить въ войскахъ — дисциплину вообще, а въ частности: подчиненность, повиновеніе воли начальника, и т. д. и т. д. Это достаточно нами выяснено въ предшедшемъ нашемъ трудѣ „Состояніе военного права въ западной Европѣ въ XVI, XVII и XVIII вѣка“. С.П.Б. 1881 г.

¹⁾ См. нашъ трудъ „Состояніе военного права въ западной Европѣ, въ эпоху учрежденія постоянныхъ войскъ“; *Бранденбургское военное право* стр. 387 и далѣе. *Рюстова «Исторія пѣхоты»*, т. II, стр. 299 и слѣд.

Сосѣдная съ Россіей св. Римская имперія,—за военными порядками которой преимущественно слѣдили наши государственные люди, съ самаго начала XVII вѣка—являлась во второй половинѣ этого столѣтія отсталюю въ подражаніи французамъ; императоръ Леопольдъ I и управлявшіе имъ іезуиты, не сочувствовали французамъ, но онъ, подобно Людовику XIV, усердно преслѣдовалъ протестантовъ; послѣ неудачъ на Рейнѣ и въ Италіи, пришлось ему убѣдиться въ необходимости постоянныхъ войскъ; нетрудно было убѣдить сословія къ регулярному внесенію денегъ въ казну, для содержанія постоянного регулярнаго войска. Вѣдь лютеранинъ, вассальный государь, Бранденбургскій Курфюрстъ, побѣдами своими былъ обязанъ ни чему иному какъ регулярной небольшой арміи, которую онъ содержалъ на счетъ денегъ, регулярно уплачиваемыхъ рыцарями-феодалами, отказавшимися лично являться на службу. Арміи же своей онъ далъ шведскій строй и шведскіе военно-уголовные законы. Убѣдительныя доводы о необходимости содержанія постоянныхъ войскъ представлены были въ ту эпоху, однимъ изъ лучшихъ австрійскихъ полководцевъ—Монтекукули (Montecuculi).

Вотъ его основные аргументы въ защиту постоянного войска.

1) Во первыхъ, пріобрѣтается уваженіе друзей и враговъ.

2) Во вторыхъ, въ постоянной готовности имѣются старые солдаты, *настоящія* боевыя войска, безсмертные, подобные 10000 персовъ, потому что они никогда не распускаются.

3) *Въ третьихъ*, при постоянныхъ войскахъ можно мгновенно, безотлагательно, выполнить принятое рѣшеніе, предупредить противника; „поразить его молніей прежде чѣмъ онъ увидитъ ея свѣтъ“.

4) *Въ четвертыхъ*, для укорененія дисциплины въ войскахъ требуется много времени; *еще болѣе*—сдѣлать ихъ годными для боя, и *того болѣе*—испытанно вѣрными.

„Многочисленному дворянству, отъ котораго, по старому обычаю, ожидаютъ защиты отечества, и провинціальной ми-

лиціи (ополченія) съ ихъ земскими полковниками (Landesobersten), говорить далѣе Монтекукули, недостаетъ духа и порядка, обученія и дисциплины; на этомъ фундаментѣ помѣстной конницы и поселенной пѣхоты нельзя ничего выстроить „Провинціальная милиція—эта пестрая толпа, при малѣйшемъ обстоятельстве разсыпается; загорится ли домъ, разбираютъ ли деревню, всѣ разбѣгутся; это жалкая сволочь и при томъ съ воровскими наклонностями“. И вербовочныя наемныя войска ничего не стоятъ, потому что собраны откуда попало. А войска между тѣмъ постоянно необходимы, потому что государству постоянно грозитъ опасность со стороны турокъ“¹⁾.

Доводы противъ учрежденія постоянныхъ войскъ—о непосильномъ обременіи государственной казны, о нарушеніи сословныхъ привилегій и о боязни солдатскихъ мятежей—были опровергнуты, и съ 1681 г. въ Австріи начали учреждаться постоянныя войска, комплектуемая, въ подражаніе прусскимъ кантонамъ, наборомъ жителей, посредствомъ конскрипціи. Поэтому прекратилась вольная вербовка въ австрійскихъ наслѣдственныхъ областяхъ, кромѣ австрійскихъ, собственно нѣмецкихъ, гдѣ для каждаго полка сохранялся свой вербовочный округъ до 1805 года. Въ случаѣ войны, сословія, однако, обязаны были ставить рекрутовъ. Тогда каждая часть государства (раіонъ) распредѣляла требуемое число людей между городами и крупными землевладѣльцами, которые и ставили въ рекруты принадлежавшихъ имъ крестьянъ.

Первенствующее положеніе въ регулярныхъ войскахъ Франціи занимала гвардія; не только въ смыслѣ отряда тѣлохранителей, но и въ качествѣ дѣйствительныхъ боевыхъ силъ, гвардія стала во всей Европѣ ядромъ постоянныхъ войскъ; даже нидерландская республика имѣла свою гвардію въ 4 тысячи человекъ (50 ротъ). Гвардіи предоставлены были преимущества служебныя и правовыя. Съ учрежденіемъ постоянныхъ войскъ военное законодательство вездѣ было перес-

¹⁾ Montecuculi II. 119 и слѣд. см. у Рюстова, ч. II стр. 114.

мотрѣно, дополнено и развито, причемъ, по образцу французской регламентаціи, принято все новое, заслуживающее предпочтенія. Доказательства этому мы видимъ въ *Congrus Juris Militaris Novissimum*, гдѣ имѣются военно-уголовные законы Европейскихъ государствъ—XVII и первой четверти XVIII вѣка.

Фактъ появленія въ Россіи регулярныхъ войскъ, на рубежѣ XVII и XVIII столѣтій, выясняется простымъ логическимъ выводомъ изъ событій нашей и европейской исторіи. Тутъ нѣтъ ничего чрезвычайнаго, неожиданнаго.

Европа шла быстрыми шагами къ учрежденію постоянныхъ регулярныхъ войскъ и достигла этой цѣли только въ послѣднее десятилѣтіе этого столѣтія. Такая задача дана со времени изобрѣтенія пороха и она разрѣшилась вмѣстѣ съ кореннымъ переворотомъ всего средневѣковаго общественнаго строя, подъ вліяніемъ новѣйшаго военного искусства, выработаннаго цивилизаціей.

Россія, утомленная, подобно западной Европѣ, внутренней неурядицей, давно искала лучшихъ формъ для установленія порядка, для оживленія экономической дѣятельности и развитія просвѣщенія, и нашла ихъ въ западной монархіи, которая, при самомъ своемъ зарожденіи на Западѣ, должна была опереться прежде всего на извѣстную часть народонаселенія, призываемаго подъ знамена навсегда. Эту боевую силу государство должно было содержать въ постоянной готовности для боя, чтобы быть въ состояніи, по выраженію Монтекукули, „поразить врага молніей, прежде чѣмъ онъ увидить ея свѣтъ“. Сила эта должна управляться законами, регулирующими не только отношенія военно-служащихъ между собою, но и отношеніе каждаго чина къ гражданамъ, и не только своимъ, но и чужеземнымъ; благосостояніе государства опирается на утвержденія мира и спокойствія между всѣми сословіями,—а спокойствіе внутри необходимо для экономического его благосостоянія.

Сношеніе Россіи съ зап. Европою усилилось въ послѣднюю четверть XVII вѣка.. Вся Европа раздѣлилась на два

лагеря. Императоръ Леопольдъ I не въ состояніи было собственными силами удерживать напоръ турокъ и вести войну съ Франціей, противъ которой Вильгельмъ Оранскій заключилъ рядъ оборонительныхъ союзовъ. Римскій Императоръ искалъ союза съ Москвою.

Не буду углубляться въ историческія событія. Они такъ полно и краснорѣчиво описаны въ исторіи Петра Великаго, *Устрялова*, въ исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ, *Соловьева*, и въ исторіи Лефорта, (на нѣмецкомъ языкѣ) *Поссель-ти*. Но мы должны замѣтить, что въ наступившемъ съ 1682 г. періодъ русской исторіи, внѣшнія сношенія пріобрѣтають особенное значеніе. Остановлюсь на фактахъ, разъясняющихъ переходъ къ учрежденію постоянныхъ войскъ въ Россіи, съ отмѣною системы *помѣстныхъ и поселенныхъ войскъ*, съ коренными измѣненіями въ системѣ комплектованія и способѣ содержанія войскъ. По перечневой росписи 1681 года ¹⁾ состояло:

Поселенная войска.

Полковъ солдатскихъ новаго строя	38	силою	61230	чел.
„ стрѣleckихъ „ „	21	„	20048	„
Пѣхоты				81278 „

Помѣстной дворянской конницы:

Московскихъ чиновъ полковой службы.	8278	чел.
За ними людей „ „	11830	„
Сѣверскихъ, Казанскихъ, Владимирскихъ, Новг. и другихъ чиновъ полковой службы	11216	„
Помѣстной кавалеріи	31324	„
Конейщиковъ и Рейтаръ 25 пол.	29435	„
Даточныхъ людей взаменъ личной повинно- сти вотчинниковъ и пр.	10000	„

Казаковъ:

Черкасъ украинскихъ, бѣлгородскаго разряда.	14865	„
Всей конницы	85624	„

¹⁾ Слѣдствія эти имѣются въ дѣлахъ разряда: по описанію *Иванова*. Разрядный архивъ, Москва, 1842 г. *Гудимъ Лежковичъ*, Историч. разв. вооружен. силъ въ Россіи до 1709 г. С.-П.-Б. 1875 г. стр. 37—39

Да еще черкасъ гетманскаго полка, казаковъ донскихъ, яицкихъ, терскихъ, до 60000. Но безусловно на этихъ порубежныхъ казаковъ невозможно было разсчитывать; напротивъ, они часто отвлекали силы московскаго государства, то принимая сторону враговъ, то покровительствуя элементамъ ему враждебнымъ.

Пѣшія ополченія, собираемыя на случай войны, не имѣли никакого боеваго значенія, объ нихъ даже рѣдко кто и упоминаетъ. Общія же силы всѣхъ родовъ войскъ достигали 250000 человекъ. Пѣхота составляла теперь около половины, если не считать казачьихъ войскъ. Пѣхоты и конницы иноземнаго (новаго) строя, т. е. *обучаемыхъ нѣмецкому строю*, было уже до 90000. Полками новаго строя почти исключительно командовали иноземцы: въ 63 полкахъ считалось только 12 чел. русскихъ полковниковъ. Офицеры въ этихъ полкахъ, большею частью, были иноземцы. Богатые землевладѣльцы продолжали составлять временныя ополченія помѣстной конницы; съ пренебреженіемъ относясь къ службѣ рейтаръ и драгунъ, стольники, стряпчіе и вообще чины полковой службы, продолжали являться на призывъ государя; но только бѣднѣйшіе шли въ конницу нѣмецкаго строя. Обѣднѣвшихъ дѣтей боярскихъ, племянниковъ, ихъ захребетниковъ нерѣдко записывали уже въ пѣхотную службу.

Въ отношеніи устройства, вооруженія, снаряженія, управленія и суда, въ войскѣ не было, какъ и прежде, никакого единства.

Съ качествами русскихъ помѣстныхъ войскъ мы знакомы; при Θεодорѣ Алексѣевичѣ они не улучшились, не могло улучшиться качество русскихъ войскъ сначала и при Петрѣ I, даже до самаго Нарвскаго пораженія! Во всякомъ случаѣ, русское войско того времени, едва ли много уступало имперскому. Достаточно сличить трактатъ Монтекукули и записку Посошкова „О ратномъ поведеніи“. Посошковъ писалъ свою записку въ 1701 г. Но вотъ что говорилъ человекъ военный, о русскомъ войскѣ, почти наканунѣ Нарвскаго пораженія: „Когда прямое учрежденіе и ученіе между солдатами учинено не будетъ, невозможно вовѣкъ войну совершенную

вестъ, понеже сіе болѣе къ своему собственному погубленію, нежели къ непріятельскому убытку учинено будетъ. Вашего Величества сила есть неописанна, егдабъ право и къ пользѣ только бы употреблена была, такожь люди сами такъ добрые, какъ возможно въ свѣтѣ найти; но лучшаго нѣтъ, а именно прямого *порядка и ученія*¹⁾). Мятежный духъ стрѣльцовъ, послѣ Андрусовскаго мира, особенно послѣ усмиренія бунта Стеньки Разина, въ 10 лѣтъ сдѣлалъ большіе успѣхи; по-видимому, мятежный духъ стрѣльцовъ возрасталъ по мѣрѣ увеличенія числа солдатскихъ полковъ съ иноземными начальниками. Такъ, по крайней мѣрѣ, складывались событія. Преимущества стрѣльцовъ передъ людьми посадскими, ставили ихъ въ положеніе, несообразное съ званіемъ воиновъ и влекли къ разслабленію воинскаго порядка: личныя выгоды, торговые интересы, обращали въ вредъ прямой службѣ; стрѣльцы стали ею тяготиться; всякую принимаемую мѣру считали для себя притѣсненіемъ. Въ Москвѣ и большихъ городахъ, въ стрѣлецкихъ полкахъ, по обычаю казаковъ, завелись стрѣлечіе круги для суда самовольнаго; съѣзжія избы получили званіе калапчей, и „не разъ съ вершины ихъ разяренная толпа низвергала старыхъ, болѣе осторожныхъ стрѣльцовъ, неодобрявшихъ своеволія“. Майскій мятежъ 1682 года начался по поводу *недоплаты жалованья и незаконныхъ работъ* стрѣльцовъ въ полку Семена Грибоѣдова: обычное явленіе въ войскахъ Европы въ XVII столѣтіи, передъ переходомъ къ регулярнымъ, постояннымъ. Жестокіе грабежи, убійства, разбои, сопровождали этотъ свирѣпый бунтъ стрѣльцовъ, стоившій жизни, прежде всего, начальникамъ стрѣлечіихъ полковъ, а затѣмъ ближнимъ боярамъ и людямъ, преданнымъ царицѣ Натальѣ Кириловнѣ, матери отрока Петра. Мятежному духу стрѣльцовъ покровительствовало разъединеніе общества, вслѣдствіе раскола; мрачныя изувѣры, подѣ

¹⁾ Совѣты Петру I служиваго иноземца Гуммерга, командовавшаго полкомъ и пользовавшагося особеннымъ расположеніемъ царя, но ушедшаго къ иїудеямъ. Оставя въ Москвѣ жену и дѣтей. (Соловьевъ. XIV, стр. 349.)

предводительствомъ самаго начальника стрѣleckаго приказа (переименованнаго въ приказъ надворной пѣхоты) кн. Хованскаго, находили поощреніе въ верху.

Возмущенные царевною, при содѣйствіи колдуновъ, волхвовъ и прорицателей, которымъ вѣрила Софія, самъ кн. Голицынъ и многіе бояре, стрѣльцы умертвили страшнымъ образомъ врачей—нѣмцевъ, стали требовать выдачи на казнь ненавистныхъ имъ бояръ, уплаты имъ недоимки въ 500000 червонныхъ и, ударивши въ большой колоколъ, ворвались въ Кремль, выламывали двери, вооруженные врывались во дворецъ. *„Стрѣльцы, по словамъ Корба, ограбили палаты, растащили казну, покрали все священное, открыли продажу съ молотка имущества замуренныхъ ими жертвъ“*; они не щадили даже иноческихъ обитателей ¹⁾. Стрѣльцы готовы были приступить къ избіенію нѣмцевъ. Казнь Хованскаго и его клевретовъ, усмирила свирѣпныя страсти стрѣльцовъ. По усмирении бунта, стрѣльцы дали клятву: „смятенія впредь не затѣвать, круговъ и ясаковъ не заводить, къ раскольникамъ не приставать, за караулъ самовольно не брать никого, быть въ послушаніи у полковниковъ и т. п.“ ²⁾.

Но стрѣльцы, приобретавшіе посредствомъ торговли часто завидное состояніе и большое богатство, чувствовали уже свою силу: въ нихъ заискривало женское честолюбіе царевны Софіи, возмечтавшей стать выше своего брата, семнадцатилѣтняго Петра, который, между тѣмъ, имѣлъ полное основаніе быть недовольнымъ крайне неудачными походами русскихъ войскъ въ Крымъ. Софія стремилась устранить брата и царицу Наталью Кириловну, выйти замужъ за князя Голицына, ввести соединеніе православія съ Римскою церковью. Интрига, при содѣйствіи обласканныхъ и упорочившихся съ

¹⁾ Корба. Дневникъ, стр. 235.

²⁾ По свидѣніямъ Датскаго резидента Устряловъ, Истор. Петра Великаго ч. I, стр. 94 ясакъ означаетъ *лозунгъ*, какъ видно изъ устава «ученіе и хитрости рати.» стр. 77.

1685 г. іезуитовъ, велась въ величайшей тайнѣ ¹⁾). Мѣсто патріарха Іоакима долженъ былъ занять Сильверстъ Медвѣдевъ, ревностный сторонникъ латинянъ. Душою заговора былъ начальникъ стрѣлецкаго приказа Шакловитый и нѣсколько стрѣleckихъ начальныхъ людей. Иноземцы, руководимые Гордономъ, колебались цѣлыя три недѣли; но общественное мнѣніе протестантовъ и лютеранъ нѣмецкой слободы, проникнувшихъ давно въ тайные замыслы Софіи и подпавшаго подъ вліяніе іезуитовъ князя Голицына, заставили Гордона, ревностнаго паписта, отпасть отъ партіи, враждебной Петру. Съ приходомъ иноземцевъ въ Троицкую Лавру, 4 сентября 1688 г., опасная распря была окончена, Софія заключена въ монастырь, кн. Голицынъ сосланъ, Шакловитый и его соумышленники казнены ²⁾). До отъѣзда своего за границу, въ 1697 году, Петръ I положилъ первые *основы* новоустроенному войску и флоту, при помощи и по указаніямъ иноземцевъ. Въ этомъ дѣлѣ сотрудниками Петра I были: женевецъ Лефортъ и шотландецъ Гордонъ, а равно родившіеся въ Москвѣ Брюсъ, Виніусъ и А. Вейде. Для управленія же внутренними дѣлами государства, Петромъ были назначены новыя „правители и судьи“, русскіе бояре, замѣнившіе клевретовъ Софіи: Урусовъ, Троекуровъ, Стрѣшневъ, Апраксинъ, Трубецкой, Бутурлинъ и другіе. Въ рукахъ Урусова сосредоточено было завѣдываніе Иноземнымъ, Рейтарскимъ и Пушкарскимъ приказами; слѣдовательно, тутъ началось уже объединеніе командной власти надъ тѣми войсками, которыя въ скоромъ времени получаютъ однообразную организацію, какъ регулярныя. Исключительно занимаясь военнымъ и морскимъ дѣломъ, Петръ нуждался въ полезныхъ и знающихъ совѣтникахъ. Въ этомъ отношеніи особенно полезными для Петра

¹⁾ Posselt. «Leforts—Geschichte» Frankfurt am Main. 1866. Erster Band I 448 etc. По свѣдѣніямъ Голландскаго резидента Фанъ-Келлера: также въ сочиненіи «Etudes de theologie, de philosophie et d'histoire. par les P. P. Charles Daniel et Jean Gagarin. Paris. 1857».

²⁾ Соловьевъ, Устряловъ и Поссельтъ.

оказалась опытность Гордона и знакомство съ европейскими порядками Лефорта ¹⁾. Появились четыре извѣстныхъ полка: Преображенскій, Семеновскій, Лефортъ и Гордона, устроенные въ 1689 г. на болѣе соотвѣтственныхъ съ эпохою основаніяхъ ²⁾; командирами этихъ полковъ были генералы. Каждому генералу упомянутыхъ полковъ была отведена извѣстная область, въ которой онъ долженъ былъ служить, и въ случаѣ войны, набирать новоприборныхъ солдатъ, для составленія отряда (дивизіи) въ 8000 человекъ. Каждая тысяча людей должна была образовать полкъ. Солдатскими и рейтарскими полками командовали тогда почти исключительно иностранцы; 5 генераловъ и 50 полковниковъ были уроженцами Шотландіи, Англіи, Франціи (гугеноты), Голландіи. Но это не было еще регулярное войско, а только переходная ступень къ нему. Рекрутскихъ наборовъ не было установлено, какъ обязательной повинности. „Послѣ прекращенія военныхъ дѣйствій, говоритъ въ своемъ дневникѣ Корбъ, этотъ сбродъ распускается, власть тысячника (полковника) надъ солдатами прекращается, воины опять принимаются за соху, и такимъ образомъ эти люди, то поселяне, то воины, опять становятся пахарями“ ³⁾. Мало по малу, въ организаціи пѣхоты вводились улучшенія. Бѣлгородское поселенное войско, составлявшее 24000 пахатныхъ солдатъ, было обращено въ хлѣбопашцевъ, съ возложеніемъ на каждого обязанности платить ежегодно въ казну по одному рублю. Составъ офицеровъ былъ обновленъ; такими, кромѣ ино-

¹⁾ Для изученія эпохи, особенно отношеній Петра къ Лефарту, его занятій съ нимъ и его вліянія на ходъ преобразованія въ войскѣ, цѣннымъ пособіемъ служить упомянутое сочиненіе Посселята.

Прежній уставъ царя Алексѣя Михайловича „ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей“, какъ легко себѣ представить, для даннаго времени уже негодился. Отъ венгерско-испанскаго строя въ Европѣ уже давно отказались. Въ Нидерландахъ, гдѣ нѣкоторое время служилъ Лефортъ во время войны Вильгельма Оранскаго съ Людовикомъ XIV и принималъ участіе при осадѣ одной крѣпости, были введены значительныя тактическія усовершенствованія, строй и способъ обученія солдатъ были усовершенствованы. См. *Рюстова*, *Исторія пѣхоты*, ч. II; *Посселятъ*, *Жизнеописаніе Лефорта*, ч. I и II.

²⁾ Корбъ, стр. 246.

земцевъ, были опредѣляемы дворяне, обученные предварительно иноземцами Европа теперь могла давать лучшія силы—офицеровъ, воспитанныхъ въ классическихъ войнахъ послѣдней четверти XVII вѣка. Родину свою оставляли гугеноты, гонимые драгонами изъ Франціи; реформаторы, гонимые католиками изъ Венгрии; католики, гонимые изъ Англіи и Шотландіи. Не всѣ они были авантюристами; напротивъ, между ними были люди крѣпкіе духомъ, свѣдующіе, преданные военному дѣлу. Иностранцы могли вносить теперь болѣе свѣжія понятія объ успѣхахъ военного искусства, о развитіи и значеніи военного права, какъ элемента существеннаго для управленія войскомъ. Военное право, въ послѣдней четверти XVII вѣка дѣлало успѣхи, въ связи съ военнымъ искусствомъ, въ войнахъ: Людовика XIV, Леопольда I, Вильгельма Оранскаго, Фридриха Бранденбургскаго, Христіана V Датскаго и Карла XI Шведскаго. Гордонъ и Лефортъ могли теперь разумно направить воспитаніе самаго Петра и обученіе устраиваемаго имъ войска по лучшимъ образцамъ. Отсталый нѣмецкій строй и нѣмецкіе (имперскіе) порядки, должны были уступить мѣсто новымъ, болѣе отвѣчающимъ требованіямъ новаго военного искусства. О неудовлетворительной организаціи имперскихъ войскъ, во время войны на Рейнѣ, свидѣлствуютъ тѣ пораженія, которые наносимы были нѣмцамъ войсками французскими и въ Италіи ¹⁾). Послѣ событій 1681 года, непосредственно послѣдовало охлажденіе Московскаго правительства къ Императору и Польшѣ. Напротивъ, Петръ I въ послѣднее десятилѣтіе все болѣе сближался съ Голландіей и Бранденбургомъ. Въ потѣшныхъ и Кожуховскомъ походахъ, новое войско сдѣлало первые *практическіе уроки*; солдаты приучались къ отправленію строгой караульной службы, офицеры—къ точному исполненію приказаній. Самъ бомбардиръ Петръ Алексѣевичъ, числясь въ Преображенскомъ полку, давалъ примѣръ и солдатамъ и офицерамъ. Серьезное испытаніе

¹⁾ См. мой трудъ «Состояніе воен. права въ Западной Европѣ, гл. VI».

ніе войскъ подъ Азовомъ, въ первомъ походѣ, однако, окончилось неуспѣхомъ.

Войска собрано было много, какъ и въ старое время; въ общей массѣ оно было устроено и организовано по прежнему, на скорую руку: съ постельнаго крыльца объявленъ походъ, собираться на *промыселъ*. Московскіе дворяне, стольники, стряпчіе, Бѣлгородскіе и Сѣвскіе служилые люди, собрались по царскому указу и устроились. Частями войскъ, дивизіями, командовали Головинъ, Лефортъ и Гордонъ, они же оставались и командирами полковъ. Въ общей массѣ войска, люди новаго военнаго закала были незамѣтны, они терялись въ массѣ новонабираемыхъ, плохо выученныхъ солдатъ. Только офицеры Преображенскаго полка были почти исключительно иностранцы (Оамендинъ, Вейде, Инглисъ, Шмитъ, Бернеръ, Гротъ, Балкъ, Мейеръ, Гостъ и т. д.); составъ офицеровъ прочихъ полковъ, по свидѣтельству современниковъ, былъ крайне неудовлетворителенъ. Они просто не знали своего дѣла; при такомъ условіи, военная дисциплина немогла утвердиться. Въ серьезномъ дѣлѣ молодое, наскоро организованное войско, явилось несостоятельнымъ. Выступили наружу старые элементы: невѣжество и халатное отношеніе къ службѣ. Стрѣльцы сторожевой цѣпи 15 іюля 1695 г. поголовно заснули, среди бѣлаго дня, и Турки разбили Гордона. Штурмъ 5 августа неудался. Взрывомъ вала перебило своихъ. Второй штурмъ 25 сентября былъ отбитъ.

Для втораго похода подъ Азовъ, кромѣ большей осмотрительности, понадобилось содѣйствіе флота и призывъ ученыхъ иностранцевъ: инженеровъ, артиллеристовъ. Морскому каравану даны строгіе военно-уголовные законы (регламентъ). Къ Голландцамъ, откуда заимствованы были нормы для этого закона, Петръ приобрѣлъ уваженіе черезъ своего врача фанъ Гульста, и Петръ поѣдетъ учиться въ Голландію строенію кораблей, а къ морю онъ уже давно пристрастился. Бранденбургскіе артиллеристы оказались искусными въ метаніи бомбъ, и Петръ станетъ учиться въ Кенигсбергѣ стрѣльбѣ изъ орудій и заслужитъ аттестатъ бомбардира. На Азовскихъ походахъ Петръ могъ

убѣдиться, что для организаціи войска сдѣлано было еще слишкомъ мало. Далеко неудовлетворительны были результаты работъ по организаціи флота, построеннаго въ Воронежѣ. Въ 1697 году сдѣланъ новый призывъ иностранныхъ мастеровыхъ (изъ Венеціи, Далмаціи, Голландіи и Швеціи) для кораблестроенія. Затѣмъ посланы для науки 50 царедворцевъ въ Италію, Англію и Голландію. Наконецъ и самъ Петръ I отправился въ первое путешествіе по Европѣ, для науки.

Таковы историческіе факты. Навстрѣчу первоначальнымъ стремленіямъ къ преобразованію войска на новыхъ, установившихся въ Европѣ основаніяхъ, шло не одно только глухое, но уже открытое противодѣйствіе. Снова поднялись стрѣльцы. Преступный замыселъ четырехъ стрѣleckихъ полковъ Оедосьева, Афанасьева, Ивана Чернаго и Тихонова возникъ подъ покровомъ Софіи, недремавшей въ монастырѣ и знавшей, чѣмъ болѣе всего дорожили крамольные стрѣльцы и люди стараго покроя. Прогнавъ вѣрныхъ государю офицеровъ, стрѣльцы избрали собственныхъ крамольныхъ начальниковъ и пошли въ Москву мятежемъ, на призывъ Софіи, чтобы поднять московскую чернь, устранить Петра и приняться за нѣмцевъ (т. е. иноземцевъ) и покровительствующихъ ихъ бояръ. Судьба этого бунта извѣстна, Стрѣleckое войско раскассировано.

До сихъ поръ къ образованію регулярнаго войска Петръ подходилъ постепенно; въ первые 10 лѣтъ онъ шелъ къ этому какъ бы ощупью, подъ руководствомъ опытнаго Гордона, Лефорта и другихъ близкихъ людей. Теперь, въ дѣйствіяхъ Петра будетъ видна твердая сознательная рѣшимость, выяснится планъ, твердою рукою будутъ намѣчены задачи, и къ исполненію этого плана, къ разрѣшенію вопроса объ учрежденіи регулярнаго войска, приложено будетъ настойчивое стараніе. Учрежденіе регулярнаго войска вызвано было вовсе не бунтомъ стрѣльцовъ; задача эта разрѣшалась не вдругъ, а въ теченіе многихъ лѣтъ. Бунты стрѣльцовъ были только послѣдней агоніею войска, для котораго въ новой монархіи не могло быть мѣста. До 1699 г. Петръ I и самъ не зналъ какъ лучше организовать свое вой-

ско. Теперь онъ самъ видѣлъ Европу, теперь онъ самъ узналъ то, что ему необходимо было знать для совершенія реформы. Вейде привезъ ему имперскій уставъ и этотъ уставъ (о должностяхъ чиновъ) будетъ положенъ въ основу первой части воинскаго устава 1716 г. У имперцевъ А. Вейде позаимствовалъ и новый порядокъ комплектованія войска. „Затѣмъ царь, говоритъ Корбъ, установилъ рекрутскій наборъ по *нѣмецкому способу*, небывалому въ Москвитинѣ, именно: по приказанію царя, князь Рѣпинъ, полковникъ пѣше-полевыхъ солдатъ (Dimarchum), поѣхалъ для набора десяти тысячъ рекрутъ, по новому правилу, въ Казань и Астрахань, а другія лица въ другія мѣста и края Царства. Царь постановилъ содержать 60 т. пѣхоты на своемъ продовольствіи, разсудивъ очень умно, что только старыя воины, усвоившіе себѣ военную дисциплину въ продолженіи многолѣтней службы, могутъ составлять истинное войско“ ¹⁾. Этотъ рѣшительный шагъ къ учрежденію *регулярнаго войска* въ Россіи, какъ извѣстно, сдѣланъ Петромъ I въ 1699 году. Другими лицами, о которыхъ говоритъ Корбъ, были Головинъ и А. Вейде. Собрано было 32000 рекрутъ и устроено 27 пѣхотныхъ и два драгунскихъ полка. Но для такого значительнаго числа войска недоставало по прежнему хорошихъ офицеровъ, немогло поэтому идти удовлетворительно и обученіе пѣхоты строю. Четыре выше названныхъ полка послужили кадрами для учрежденія зачатка тѣхъ регулярныхъ войскъ, съ которыми Петръ I началъ свою войну съ Карломъ XII и потерпѣлъ пораженіе подъ Нарвою. Первоначальная организація этихъ войскъ была неудовлетворительна. Фельдмаршалу Огильви разрѣшено было переустроить войско въ 1705 году; по его плану вся армія (въ 40 т. пѣхоты и 20 т. конницы) была вновь организована, а вслѣдъ затѣмъ, былъ введенъ *первый регулярный рекрутскій*

¹⁾ Корбъ, стр. 247. Въ имперіи реформы въ войскѣ, по образцу французовъ, начаты въ 1681 году. Рекруты обязаны были ставить города и сословія изъ крестьянъ, комплектуя полки, расположенныя по областямъ. См. Рюстова, Исторія пѣхоты, ч. II.

наборъ по новому способу, въ отмѣну нѣмецкой системы, которой держался Леопольдъ I. Помѣстная конница обращена была въ регулярную. Послѣ введенія рекрутскаго набора послѣдовали тѣсно связанныя съ этимъ актомъ распоряженія *финансовыя* и *административныя*. Классическая дисциплина Шведовъ, въ началѣ Сѣверной войны, увлекала Петра и онъ положилъ въ основу артикула воинскаго *Шведскій военный артикулъ*. Прежде существовавшіе военные артикулы въ Русскомъ войскѣ, причѣмъ каждый родъ войскъ пѣхота, кавалерія и артилерія руководствовались особыми законами¹⁾,

¹⁾ Къ составленію новыхъ военно-уголовныхъ законовъ для новоустроеннаго войска Петръ I приступилъ еще въ 1689 году. — Прежде существовали разные списки военныхъ артикуловъ, заимствованныхъ, какъ мы видѣли, отъ имперцевъ. Таковы «статія» для пушкарей, помѣщенные въ «уставъ ратныхъ пушкарскихъ и другихъ дѣлъ, относящихся до воинской науки», отъ 311 до 322 включительно, это переводъ изъ «Kriegsbuch», Леонарда Фронспергера, ч II, стр. 158 159 и 160. Были таковыя-же списки и для пѣхоты, и для кавалеріи. Пересмотромъ этихъ законовъ Петръ занялся серьезно уже по возвращеніи изъ путешествія по Европѣ. Въ кабинетныхъ дѣлахъ сохранялась переписка царя съ А. Вейде и Я. Брюссомъ, когда Петръ I, въ 1699 году, былъ въ Керчи и готовился уже къ войнѣ съ Карломъ XII. (См. объ этомъ мой трудъ: «Періодъ Преобразования Петра Великаго» Спб. 1881 г., стр. 98. Но въ сочиненіи г. Обручева: «Обзоръ рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ, относящихся до исторіи военного искусства въ Россіи» по 1725 г. Спб., 1853 г., стр. 112, въ числѣ рукописей XVIII вѣка, названо «Уложеніе или право воинскаго поведенія генераламъ и среднимъ и меньшимъ чинамъ и рядовымъ солдатамъ». Г. Розенгеймъ, въ своемъ сочин. «Очеркъ ист. судебн. учр. въ Россіи» назвалъ этотъ законъ Шереметьевскимъ и притомъ нѣмецкаго происхожденія. (стр. 61 и слѣд. . Есть существенная разница между нѣмецкими и скандинавскими законами. Уложеніе есть прямой переводъ, но съ сокращеніями, измѣненіями и даже искаженіями. *Военныхъ артикуловъ Датскаго короля Христиана V*, появившихся въ 1688 году, въ чемъ я убѣдился сличивъ «Уложеніе». Christian V Køn. von Dän. Artickel Rtieff въ Corp. Jur Milit. Novis, изд. 1724 г. «Уложеніемъ» руководствовались русскія войска едва ли не съ Крымскихъ походовъ, вѣроятно оно замѣнило другіе списки прежнихъ артикуловъ, бывшихъ въ войскахъ со временъ Михаила Федоровича. Фамилія Бориса Шереметева подписана на одномъ изъ его списковъ, какъ одного изъ главныхъ начальниковъ. Но это не значитъ, что именно онъ и составилъ законъ. (Рук. экз въ публич. бібліотекѣ). Уложеніе, во многихъ отношеніяхъ, было неудовлетворительно; во всякомъ случаѣ, оно для той эпохи устарѣло. Послѣ реорганизаціи арміи въ 1705 году, подъ Полоцкомъ, Петръ I повелѣлъ Меншикову, командовавшему кавалеріею въ арміи фельдм. Огильви, ввести для нея новыя уголовныя законы, что ясно видно изъ слѣдующихъ словъ на «Краткомъ Артикулѣ»..

въ 1716 году были отмѣнены и замѣнены общимъ „Артикуломъ Воинскимъ“, равно обязательнымъ для всѣхъ родовъ войскъ, для всѣхъ начальниковъ, отъ высшихъ до низшихъ. Тогда же введенъ одинъ общій дѣла всѣхъ войскъ военный судъ, по *формѣ Саксонскаго процесса*; саксонскіе практики считались лучшими въ Европѣ. Ненужно упускать при этомъ изъ виду тѣсныхъ политическихъ связей Петра I, послѣ Полтавы, съ королями Прусскимъ и Датскимъ и торговыхъ сношеній съ Голландіей и Англіей. Эти обстоятельства не остались безъ послѣдствій на составленіе военно-уголовныхъ законовъ. Ясные признаки вліянія законовъ этихъ странъ, мы видимъ на добавленіяхъ Шведскаго артикула новыми статьями и на толкованіяхъ.

Стремленіе къ объединенію судебной части въ войскахъ, выразилось въ 1693 году. Еще въ 1680 г. иноземный приказъ соединенъ съ рейтарскимъ. Въ 1693 г. иноземному приказу стали подсудны дѣла о начальныхъ людяхъ помѣстныхъ войскъ, наравнѣ съ войсками иноземнаго строя. Съ упряз-

«Повелѣніемъ и проч. . . . Александръ Меньшиковъ *установилъ* для наилучшаго, порядочнаго и честнаго управленія, въ кавалеріи Его Царскаго Величества, употреблять» Не онъ конечно ихъ составлялъ, онъ только *установилъ*. Вѣроятно тогда же «Артикулъ» былъ напечатанъ на нѣмецкомъ языкѣ, по обычаю того времени, подъ заглавіемъ «Moskovitisches Kriegs-Reglement 1706 г.». Экземпляръ печатный, нѣмецкій, имѣется въ библіотекѣ Гл. Штаба, и рукописный русскій — въ Имп. публич. библіотекѣ. Тотъ же краткій артикулъ на нѣмецкомъ языкѣ помѣщенъ въ Corp. Juris Milit. Novis., ч. II, стр. 859 подъ заглавіемъ «Russisches Kriegs-Reglement». Считая этотъ памятникъ съ другими современными въ С. J. M. N., я нашелъ, что, по общему плану, Московскій или Русскій военный регламентъ ближе всего подходитъ къ военному артикулу *Саксонъ Готскому*, который принадлежитъ къ группѣ государствъ, слѣдовавшихъ Шведскимъ военно-уголовнымъ законамъ, а не имперскимъ или вообще нѣмецкимъ. (Онъ раздѣленъ на главы и первая глава говоритъ: «О страхѣ Божіемъ»: Von der Gottes-Furcht.—Въ послѣднихъ трехъ главахъ X, XI и XII говорится о судѣ: полковомъ, состоятельномъ Stand-Rechte) и генеральномъ. Но у Шведовъ военно-судебный уставъ существовалъ особо отъ артикуловъ. Напротивъ, въ нижней Саксоніи, въ которой долгое время удерживали свою власть Шведы, шведскіе артикулы (сокращенные) были соединены съ краткими свѣдѣніями объ аудиторѣ. А. Вейде также составилъ военные артикулы, вѣроятно по имперскимъ спискамъ, т. е. нѣмецкіе законы. Но они не сохранились при его военномъ уставѣ, Corp. - Jur. Milit. Novissimum. ч. I и II, изд. 1724 г.

дненіемъ стрѣльцовъ пало еще одно препятствіе къ объединенію управленія и суда въ войскахъ. Въ 1700 году въ особомъ приказѣ (который въ слѣдующемъ 1701 г. названъ приказомъ *Военныхъ дѣлъ*), уже завѣдывавшемъ всѣми войсками, кромѣ артиллеріи и казаковъ, было поручено боярину князю Якову Долгорукому, „*взявъ опредѣленное число дѣяковъ и подъячихъ, устроить судебную часть для суда начальными людьми всякаго рода войскъ сухаго пути*“

Одни только артиллеристы остались въ веденіи особаго начальника, названнаго фельдцейхмейстеромъ, вмѣсто бывшаго „пушкарскаго головы“. Въ Европѣ артиллерія тогда считалась почетнымъ войскомъ, имѣла собственную юрисдикцію и поручалась принципамъ крови и инымъ знатымъ людямъ. Но сохраняя особую юрисдикцію, она у Петра подчинялась уголовнымъ законамъ, наравнѣ съ пѣхотою и кавалеріею ¹⁾).

Объединеніе власти. общіе для всѣхъ родовъ войскъ, равно обязательные для нихъ уголовные законы, одинаковая для всѣхъ родовъ войскъ форма суда, установленная въ „Воинскомъ уставѣ“ 1716 года и утвержденная верховной санкціей 30 марта въ Данцигѣ. Только со времени появленія этого государственнаго акта мы можемъ считать учрежденіе регулярныхъ войскъ въ Россіи совершившимся фактомъ; въ такомъ именно смыслѣ написанъ Петромъ I и манифестъ, къ которому приложены 1) „уставъ воинскій о должности генераловъ-фельдмаршаловъ и всего генералитета и прочихъ чиновъ“ въ 68 главахъ (законы военно-административные) ²⁾. Но еще ранѣе обнародованія устава имѣлись напечатанными военно-уголовные законы и экзерциціи, а именно: 2) артикуль воинскій, съ краткимъ толкованіемъ, въ 24-хъ главахъ (военно-уголовные законы); 3) краткое изображеніе процессовъ

¹⁾ См мой трудъ «Пресоброзованія Петра Великаго» С.-п. 6. 1881 г. стр. 67 и 68.

²⁾ Напечатаны были въ первый разъ: *Уставъ воинскій* о должности фельдмаршаловъ и всего генералитета и проч. въ 12 долѣ, въ 1717 г. *Артикуль воинскій* кунно съ процесами въ 12 д., въ 1715 г. Книга о экзерциціи, перемовіяхъ и о должностяхъ воинскимъ людямъ надлежащихъ, въ 1715 г., въ 12 д. Изъ нихъ артикуль воинскій (безъ процессовъ) напечатанъ во II-й части *Corpus Juris Milit. Nov.* Лейпцигскаго изданія 1724 года.

или судебныхъ тяжбъ, въ трехъ частяхъ (законы военного судопроизводства); и 4) экзерцаціи—приготовленіе къ маршу, званія и должности полковыхъ чиновъ.

Учрежденіе регулярныхъ войскъ въ Россіи, какъ и въ Западной Европѣ, во всякомъ случаѣ, было дѣломъ многихъ лѣтъ и плодомъ цѣлаго ряда улучшеній и въ войскахъ, и въ государственномъ устройствѣ, и въ законахъ; регулярное, постоянное содержаніе значительнаго числа войскъ, повело къ кореннымъ перемѣнамъ государственнаго устройства, причемъ упразднено было, само собою, помѣстное войско,—а содержаніе поселеннаго войска оказалось бременемъ, невыгоднымъ для народонаселенія. Улучшенія дѣлались постепенно, по мѣрѣ приобрѣтенія знанія и опытности преобразователемъ и его сотрудниками. Преобразование войска началось съ первыхъ лѣтъ царствованія Алексѣя Михайловича, съ изданія устава „ученіе и хитрость строя пѣх. людей“ въ 1647 г., и окончилось въ теченіе Сѣверной войны, въ 1716 г. обнародованіемъ „Воинскаго устава“, объединяющаго всѣ роды и категоріи войскъ, подчиненіемъ ихъ одному начальнику, однимъ законамъ, одному суду. Въ первые 15 лѣтъ Сѣверной войны, далеко не все войско имѣло регулярное устройство. Не разъ полки пришлось формировать на скорую руку, пополнять новобранцами неодѣтыми и невооруженными¹⁾. Со всѣхъ сторонъ являлись жалобы на неповиновеніе, грабежи, мародерство. Въ 1647, 1682, 1689, 1699, 1705 годахъ, совершились факты, служившіе только ступенями для завершенія дѣла, выпавшаго на долю Петра I, который исполнилъ съ самоотверженіемъ и непоколебимою твердостью свою великую миссію въ нашей отечественной исторіи. Имъ взяты были лучшіе законы и воинскіе порядки современной ему Европы: строй, организація войскъ, уставъ караульной службы по французскому образцу, военно-уголовные законы—по Шведской системѣ, военный процессъ—по Саксонскимъ законамъ.

¹⁾ См. *Карцова*, Исторія Сѣверной войны. *Гудими Левковичи*, Исторія вооруж. силъ въ Россіи до 1708 в. *Устрялова*, Исторія Петра т. IV. *Соловьева*, Исторія Россіи, т. IV.

Нелегко было привить къ ново-устроеннымъ Русскимъ войскамъ новые законы. Въ Русскомъ войскѣ, задолго до появленія Петра, были вводимы иноземные порядки, военные обычаи и законы. Петръ I въ этомъ отношеніи собственно не ввелъ ничего новаго, неожиданнаго и самъ ничего не изобрѣлъ; его предшественники уже ввели иноземный строй, иноземные законы; очевидно, не въ этомъ собственно главная заслуга Петра I передъ Русскимъ войскомъ. Вся сущность его реформы заключалась въ объединеніи власти, въ упрощеніи механизма управленія, въ утвержденіи строгой іерархической соподчиненности и въ утвержденіи единства военныхъ законовъ на началахъ коллегіальнаго суда, которому были подчинены всѣ военно-служащіе одинаково, безъ различія чиновъ и родовъ оружія, съ устраненіемъ той бытовой органической розни, которая существовала въ Русскомъ войскѣ XVII вѣка и поддерживалась долгое время по уничтоженіи мѣстничества, даже при немъ. Историческая заслуга Петра I состоитъ въ томъ, что онъ далъ новые законы, внесшіе въ государственный и общественный бытъ Россіи принципы новѣйшаго военнаго искусства, которое утверждалось въ Западной Европѣ на зарѣ XVIII вѣка, и умѣлъ съ твердостью и необычайною силою воли побороть препятствія для привитія этихъ принциповъ и для утвержденія военной дисциплины въ войскахъ, на уваженіи къ законамъ. А какъ трудно было заставить уважать волю законодателя, даже въ войскѣ, свидѣтельствуютъ событія ¹⁾ Сѣверной войны до Полтавской побѣды надъ Шведскимъ героемъ, предводительствовавшимъ арміей—о дисциплинѣ которой привыкли говорить съ уваженіемъ со временъ Густава Адольфа. Система устрашенія въ эпоху Петра I была руководительницею законодательства во всей Европѣ. Жестокость режима соответствовала грубымъ нравамъ, привитымъ необузданностью воли и суевѣріемъ, и унаслѣдованнымъ отъ прошлыхъ временъ.

II. Бобровскій.

¹⁾ Между прочимъ, свидѣлствуютъ письма къ Петру его сотрудники и сподвижники. Огильви въ 1706 г. прямо говорить, что приказаній его не слушаютъ, что сентенцій его не исполняютъ, что драгуны мародерствуютъ.

ДОГОВОРЪ ЗАЙМА ПО НАШИМЪ ЗАКОНОМЪ ¹⁾.

Договоръ займа не нашелъ себѣ до настоящаго времени надлежащаго опредѣленія, ни въ нашей юридической литературѣ, ни въ кассационной практикѣ правительствующаго сената. Между тѣмъ, правильное опредѣленіе предмета играетъ немаловажную роль при его изученіи. „Опредѣлить“, какъ совершенно справедливо говоритъ Милль (Система логики, изд. 1878 г. стр. 152—177, т. I), „значить выбрать изъ всѣхъ свойствъ опредѣляемаго предмета тѣ, которыя должно подразумѣвать, какъ указываемыя и объявляемыя его названіемъ“. Такимъ образомъ, большая степень совершенства опредѣленія, указываетъ большее выясненіе себѣ свойствъ опредѣляемаго предмета. А чтобы уяснить себѣ надлежащимъ образомъ эти свойства и понять существующее между ними отношеніе, необходимо проанализировать ихъ и только тогда мы поймемъ существенныя и характеристическія черты, которыя съ большею наглядностію выражаютъ особенности опредѣляемаго предмета. Если болѣе совершенное опредѣленіе предмета зависить отъ большаго изученія нами его свойствъ, то съ другой стороны, нельзя отрицать и того, что болѣе вѣрное опредѣленіе содѣйствуетъ и облегчаетъ изученіе самаго предмета. Оно—это опредѣленіе—намѣчаетъ тотъ путь, по которому

¹⁾ Договоръ займа, обезпеченный залогомъ движимаго и залогомъ недвижимаго имущества, какъ заключающій въ себѣ нѣкоторыя характерныя особенности, составить предметъ отдѣльной статьи.

должно идти ознакомленіе со свойствами предмета, а вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ намъ возможность разобраться въ самыхъ свойствахъ, которыя, будучи нерѣдко весьма многочисленны, могутъ быть изучены надлежащимъ образомъ только по приведеніи ихъ въ систему.

По этимъ соображеніямъ мы остановимся первоначально на опредѣленіе договора займа.

Мейеръ, въ своемъ „Русскомъ гражданскомъ правѣ“, опредѣляетъ договоръ займа, какъ „соглашеніе двухъ лицъ, по которому одно, вѣритель или заимодавецъ, обязывается безмездно или за извѣстное вознагражденіе, предоставить другому въ собственность какой либо предметъ, опредѣляемый не индивидуально, а мѣрою, въсомъ или счетомъ, а другое лицо, должникъ или заимобратель, въ извѣстный срокъ, возвратитъ ему такой же предметъ, не тотъ же самый, а того же качества и въ томъ же количествѣ“. Въ виду такого опредѣленія, Мейеръ полагаетъ, что и самая форма заемнаго письма, по нашему закону, неудовлетворительна и выражаетъ лишь одну сторону этого договора. Настоящая же форма, которая, по мнѣнію Мейера, въ своемъ существѣ не будетъ противорѣчить и смыслу закона, должна быть такова: *Такия то лица А. и Б. заключаютъ договоръ, по которому А. обязывается выдать Б. такое то имущество, а Б. обязывается тогда то возвратить это имущество*. На чемъ основалъ Мейеръ свое опредѣленіе договора займа, того онъ не говоритъ, а существующія по этому предмету правила въ 1 ч. X т. не давали ему на это никакого права. Не давала ему этого права и юридическая природа договора займа, какъ она выражалась и выражается въ нашихъ законахъ. По своей природѣ, договоръ займа есть реальный договоръ. Передача имущества со стороны вѣрителя-кредитора, въ руки заимобрателя должника, есть тотъ моментъ, которымъ обусловливается заключеніе юридической сдѣлки. Въ этомъ отношеніи, онъ совершенно противоположенъ договору купли-продажи, въ которомъ опредѣляющимъ моментомъ служить не традиція вещи, а соглашеніе контрагентовъ: одного — купить, а другаго — продать извѣ-

стную индивидуально опредѣленную вещь. Что традиція вещи есть завершающій сдѣлку моментъ въ договорѣ займа, по нашему праву, мы постараемся доказать въ послѣдующемъ нашемъ изложеніи, теперь-же мы укажемъ на то, что и римское, это классическое право, считаетъ договоръ займа реальнымъ. Заемъ въ римскомъ правѣ опредѣлялся какъ договоръ, въ силу котораго одна сторона передаетъ въ собственность другой извѣстное количество замѣнимыхъ вещей съ тѣмъ, чтобы полученная цѣнность была возвращена въ такомъ-же количествѣ вещей одинаковаго качества. Договоръ-же, по которому одна сторона обязывается передать другому въ собственность вещь, составлялъ такъ называемый *pactum de pactio contrahendo*, въ которомъ совмѣщались всѣ предварительныя условія на заключеніе въ будущемъ того или другаго договора. Такимъ образомъ, опредѣленіе договора займа, сдѣланное Мейеромъ, несогласно и съ опредѣленіемъ по этому предмету римскаго права, такъ какъ опредѣленіе это выдвигаетъ существеннымъ моментомъ завершенія сдѣлки займа не самый фактъ передачи имущества, а соглашеніе сторонъ по этому предмету. Представляется очевидно громадная разница, признаемъ-ли мы передачу имущества завершеніемъ сдѣлки или только послѣдствіемъ, принятыхъ на себя займодавцемъ обязательствъ. Не менѣе неудачно опредѣленіе договора займа сдѣланное Побѣдоносцевымъ. Онъ опредѣляетъ его „какъ договоръ о возвращеніи количества взятаго для потребленія“. Такимъ образомъ, по мнѣнію уважаемаго цивилиста выходитъ, что существенный моментъ этого договора — соглашеніе сторонъ о возвращеніи уже взятаго имущества. Слѣдовательно, самая передача имущества не завершаетъ сдѣлки займа, а является лишь обстоятельствомъ, дающимъ поводъ къ вступленію въ договоръ. Между тѣмъ, выясняя далѣе юридическую природу договора займа, онъ самъ выставляетъ такія положенія, которыя противорѣчатъ его опредѣленію. Такъ онъ, между прочимъ, высказываетъ, что „займодавецъ разстается съ вещью, совершенно уступаетъ все свое вещное право, приобрѣтая въ замѣнъ того право по обязательству, личное требованіе съ

должника". Такимъ образомъ, этимъ положеніемъ предполагается одновременная уступка вещи и пріобрѣтеніе права личнаго требованія съ должника. Но такая одновременность и обусловливается предварительнымъ соглашеніемъ сторонъ относительно предмета займа, срока и условій, на которыхъ стороны предполагаютъ его совершить. Слѣдовательно, условіе о возвращеніи можетъ имѣть мѣсто въ договорѣ займа не о взятомъ уже для потребленія имуществѣ, а лишь относительно подлежащаго передачѣ и съ передачею котораго устанавливается самая сдѣлка и наступаютъ извѣстные юридическія послѣдствія, какъ результатъ заключенія договора.

Еще менѣе удовлетворительно то опредѣленіе, которое гражданскій кассационный департаментъ правительствующаго сената далъ договору займа въ своихъ рѣшеніяхъ за 1867 г. № 97 и за 1872 г. № 647. Онъ высказалъ, что по договору займа должникъ получаетъ право пользованія, владѣнія и распоряженія занятымъ имуществомъ, а право собственности на него пріобрѣтаетъ только по пропущеніи залогодавцемъ земской давности для требованія обратно занятаго имущества. Такимъ образомъ, по мнѣнію сената, заемъ есть договоръ, по которому одно лицо передаетъ другому, на извѣстный срокъ, не на правахъ собственности, а для пользованія, владѣнія и распоряженія, свое имущество, оставляя за собою на него право собственности. Несостоятельность этого опредѣленія очевидна. Прежде всего, если и существуетъ *jus nudum* или голое право собственности, то оно можетъ имѣть мѣсто по отношенію къ предметамъ индивидуально опредѣленнымъ и непотребляемымъ, а не относительно вещей, опредѣляемыхъ количествомъ и вполне замѣнимыхъ. Право собственности у залогодавца, на занятое имъ имущество, устанавливало-бы между ними непосредственную связь; оно исключало-бы для должника или залогобрателя всякую возможность потребленія вещи. А въ такомъ случаѣ не могло-бы имѣть мѣста и самое право распоряженія этою вещью, или то, что римляне называли *jus abutendi*. Если-же мы затѣмъ примемъ во вниманіе, что заемъ касается исключительно вещей замѣнимыхъ,

опредѣляемыхъ не индивидуально, а лишь по своему роду; если далѣе мы обратимъ вниманіе, что между такими вещами и займодавцемъ невозможна непосредственная вещная связь, какъ скоро эти вещи переходятъ къ должнику; если, наконецъ, мы вникнемъ въ юридическую природу займа, въ силу которой самая цѣль его, есть потребление занимаемыхъ вещей, то мы должны будемъ убѣдиться, что передача займодавцемъ, въ собственность займобрателю, занимаемыхъ вещей, есть условіе *sine qua* поп займа. Что при договорѣ займа занимаемые вещи переходятъ въ собственность должника, это признается единогласно современными, западно-европейскими гражданскими кодексами, и было выражено категорически въ римскомъ правѣ въ его положеніи: „*Appellatu est autem mutui datio ab eo, quod de meo tuum fit*“. Такое признаніе имѣло своимъ практическимъ послѣдствіемъ то, что самъ по себѣ договоръ займа считался недѣйствительнымъ, если почему либо должнику не могло быть, или не было, предоставлено право собственности на занятое имущество“. „*Si non fit tuum non nascitur obligatio*“ говоритъ римское право. Дѣйствительно, нельзя представить себѣ возможнымъ возникновеніе обязательства по займу, если должнику почему либо не могло быть предоставлено право собственности на занятое имущество.

И такъ, всѣ три разобранные нами опредѣленія договора займа, не только не содержатъ въ себѣ указаній на существенныя свойства его, но даже приписываютъ ему свойства, несоотвѣтствующія его юридической природѣ.

Какимъ-же образомъ можетъ и долженъ быть опредѣленъ договоръ займа по нашимъ законамъ? *Договоръ займа есть договоръ, въ силу котораго собственникъ ¹⁾ передаетъ другому, на правахъ-же собственности, возмездно или безвозмездно, принадлежащія ему заимныя и опредѣляемыя только по роду*

¹⁾ Въ это опредѣленіе не вводится: „или законный представитель собственника“, такъ какъ само собою понятно, что всякая, чисто гражданская, юридическая сдѣлка, можетъ быть совершена не только лицами участвующими въ ней, но и ихъ законными представителями.

вещи, съ тѣмъ, чтобы это другое лицо, въ срокъ, указанный залогодавцемъ, доставило послѣднему, также въ собственность, вещи такого же качества и въ такомъ же количествѣ.

Такимъ образомъ, этимъ опредѣленіемъ намѣчаются слѣдующія наиболѣе характерныя и существенныя свойства договора займа:

1) *Залогодавецъ или кредиторомъ можетъ быть только собственникъ имущества, такъ какъ передать его другому въ собственность не можетъ лицо постороннее, несоединенное само вещною связью съ тѣмъ имуществомъ, которое передается залогобрателю или должнику.*

2) Договоръ этотъ считается состоявшимся только тогда, когда собственникъ имущества передаетъ его въ заемъ должнику. Само по себѣ, соглашеніе на передачу съ одной и принятіе имущества съ другой стороны, есть только предварительный договоръ *pari passu contrahendo*;

3) Одной передачи залогобрателю занимаемыхъ имъ вещей, недостаточно для того, чтобы считать совершившимся или возникшимъ договоръ займа. Необходимо, чтобы передаваемые въ заемъ вещи были и могли быть переданы ему въ собственность;

4) Облеченіе займа въ письменную форму, есть лишь послѣдствіе состоявшагося договора и служить не болѣе какъ доказательною его стороною; и наконецъ.

5) Такъ какъ возмездность не составляетъ необходимаго условія, безъ котораго было-бы немыслимо и самое понятіе объ этомъ договорѣ, то во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ совершенномъ на письмѣ заемномъ обязательствѣ не указывается, что занятая вещь взята за извѣстное вознагражденіе или проценты, надлежитъ признать, что этого вознагражденія и не положено.

Что таковы характеристическія свойства договора займа, по русскому праву, и что, слѣдовательно, сдѣланное нами опредѣленіе этого договора вѣрно, это укажетъ дальнѣйшее наше изложеніе. Теперь-же мы пока сдѣлаемъ общія замѣ-

чанія по поводу значенія этого договора для общественнаго оборота.

Намѣченные нами характеристическія черты договора займа, указываютъ на родственность его, съ одной стороны, съ мѣною и куплею—продажею, а съ другой, съ наймомъ и ссудою имущества. Какъ въ мѣнѣ, такъ и въ займѣ, договаривающіяся стороны передаютъ другъ другу въ собственность одну вещь, въ обмѣнъ на другую; какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, договоръ дѣйствителенъ и обязательство считается исполненнымъ лишь при наличности условій, когда передача и отдача вещей была совершена со стороны собственниковъ этихъ вещей. Точно также между договорами купли-продажи и займа, сходство заключается въ томъ, что одно имущество обмѣнивается на другое, болѣе или менѣе ему эквивалентное по стоимости; и если въ договорѣ купли-продажи передача есть только послѣдствіе возникшаго договора, то тѣмъ не менѣе и въ немъ продавецъ долженъ быть собственникомъ проданной имъ вещи, какъ въ договорѣ займа заимодавецъ долженъ быть собственникомъ даннаго имъ въ займы имущества. Съ другой стороны, договоры найма и ссуды, различаясь только свойствомъ имущества, служащаго предметомъ сдѣлки, весьма близко подходятъ къ договору займа. Во всѣхъ этихъ трехъ договорахъ, цѣль передачи имущества отъ одного лица другому, заключается въ доставленіи пользованія этимъ имуществомъ. Если, затѣмъ, въ договорахъ найма и ссуды, пользованіе имуществомъ не доходитъ до истребленія его, то это обуславливается природою самой вещи—ея индивидуальностію и опредѣленностію; все равно какъ въ договорѣ займа, влѣдствіе замѣнимости своей и неопредѣленности, вещь допускаетъ пользованіе только путемъ ея потребления. Это сходство договора займа съ четырьмя другими, указанными нами выше договорами, даетъ намъ основаніе предположить, что этотъ договоръ болѣе ранняго происхожденія и что изъ него, расходясь въ разныя стороны, выдѣлились и развились постепенно договоры мѣны, купли-продажи, найма и ссуды. Обыкновенно, въ самый ранній періодъ исторической жизни

всякаго народа, какъ только начинается общественная жизнь, является сознание необходимости въ содѣйствіи своимъ трудомъ со стороны однихъ членовъ общества другимъ. Силы человѣка вообще ограничены и поневолѣ результатъ его труда не всегда можетъ удовлетворять его потребностямъ. Сознание каждымъ членомъ общества ограниченности своихъ силъ, заставляетъ ихъ прибѣгать къ помощи другъ друга. Очевидно, что эта помощь, это содѣйствіе, можетъ первоначально выразиться въ доставленіи другому или своихъ личныхъ услугъ, или результатовъ своего труда, въ расчетѣ, что одолженный, съ своей стороны, въ извѣстное время или при извѣстныхъ условіяхъ, оплатитъ тѣмъ-же самимъ. Такимъ образомъ, съ самаго начала, предметы первой необходимости — въ большинствѣ случаевъ замѣнимыя вещи, какъ то: пища и одежда — снабжались однимъ лицомъ, имѣющимъ въ данное время избытокъ этихъ вещей, другому; нуждающемуся въ нихъ, съ тѣмъ, чтобы это послѣднее, въ извѣстное время, возвратило давшему лицу такое-же количество вещей и такого-же качества. И вотъ такимъ путемъ зарождается договоръ займа, прежде чѣмъ могли возникнуть родственные ему договоры: мѣна, купля-продажа, наемъ и ссуда. Затѣмъ, съ развитіемъ общественныхъ отношеній и усложненіемъ условій жизни, такое содѣйствіе однихъ членовъ общества другимъ, должно оказаться недостаточнымъ. Въ то время какъ совершенствуется производительность труда, получаютъ большую цѣнность всѣ тѣ вещи, которыя содѣйствуютъ этой производительности, служа или орудіемъ этого труда, или постояннымъ источникомъ дохода. Эти вещи, какъ предметы, приносящіе ихъ владѣльцу извѣстную выгоду, только путемъ ихъ употребленія, а не потребленія, становятся также предметомъ одолженія, а затѣмъ и извѣстною, доходною статьею. И вотъ выдѣляется и постепенно формируется договоръ ссуды и найма имуществъ. Въѣсть съ тѣмъ, въ виду необходимаго развитія разнообразія дѣятельности членовъ общества и невозможности довольствоваться результатами или продуктами своего личнаго труда, наступаетъ необходимость эти

продукты или результат труда обмѣнивать одинъ на другой, съ уравнивающимъ выгодъ обмѣниваемыхъ сторонъ. И такъ какъ мѣна возможна, какъ относительно замѣнимыхъ, такъ и незамѣнимыхъ вещей, то тѣ и другія, въ одинаковой мѣрѣ, становятся предметомъ этой мѣны. Наконецъ, невозможность во всѣхъ случаяхъ уравновѣсить интересы мѣняющихся сторонъ, при дальнѣйшемъ развитіи жизни, порождаетъ денежный знакъ, которымъ, какъ единицею мѣры, измѣряется приблизительно стоимость вещей. Появленіе денежнаго знака устанавливаетъ новую форму договора—это куплю-продажу. Развитіе указанныхъ нами договоровъ: найма, ссуды, мѣны и купли-продажи съ своей стороны, ограничиваетъ область примѣненія договора займа. При легкой возможности вымѣнять или купить вещь, заемъ ея представляется менѣ необходимымъ и постепенно выходитъ изъ употребленія. Деньги, служація представителями цѣнности труда, становятся главнымъ образомъ предметомъ займа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, простое одолженіе, въ расчетѣ на будущее подобное одолженіе, какъ не вполне пригодное, при усложняющихся общественныхъ отношеніяхъ, средство компенсациі интересовъ договаривающихся сторонъ, мало по малу выходитъ изъ употребленія. Взамѣнъ расчета на будущее одолженіе, одолжающій сосчитываетъ тотъ интересъ, котораго онъ лишается самъ отъ непользованія имуществомъ и передачи его въ собственность другаго, и отсюда рождается требованіе извѣстнаго вознагражденія или процента съ лица, которому дается займы имущество.

Что таковъ ходъ постепеннаго выдѣленія и образованія договоровъ ссуды, найма, мѣны и купли-продажи, изъ договора займа, на это указываетъ намъ законъ послѣдовательности въ развитіи общественныхъ формъ и учреждений. Помимо того, подтвержденіе этого мы находимъ въ исторіи первобытнаго человѣка, у котораго заемъ, а затѣмъ мѣна, исчерпываютъ чуть-ли не всѣ виды договорныхъ отношеній. Наконецъ, нѣкоторое подтвержденіе нашего взгляда мы можемъ видѣть въ нашихъ законодательныхъ памятникахъ. Въ то

время, какъ относительно договора займа, въ Русской Правдѣ ¹⁾ содержится рядъ правилъ, выясняющихъ съ достаточною наглядностью существо этого договора, относительно договоровъ мѣны и купли-продажи сдѣланы указанія какъ-бы мимоходомъ. Затѣмъ, о договорахъ найма и ссуды имуществъ, въ Русской Правдѣ никакихъ правилъ не содержится.

Разсмотримъ теперь въ какомъ видѣ представляется намъ, въ разныхъ нашихъ законодательныхъ памятникахъ, начиная съ Русской Правды и окончивая 1 ч. X т. изв. 1857 г., во 1-хъ) существо юридической природы договора займа, во 2-хъ) порядокъ совершенія этого договора въ и 3) порядокъ его исполненія.

1) *Существо юридической природы договора займа.* Въ Русской Правдѣ мы находимъ уже вполне выяснившимися общій характерныя свойства этого договора. Такъ, дѣлается указаніе, что участвующія въ договорѣ займа лица, должны быть правоспособны. Это указаніе сдѣлано не въ видѣ общаго положенія, чего и нельзя было ожидать въ то время, а въ видѣ примѣра. „А гдѣ холопъ куны вылжетъ, а онъ буде не вѣдая далъ, того господину выкупати; а вѣдая далъ, кунъ лишится“ ²⁾. Изъ этого правила вытекаетъ безспорное положеніе, что участіе въ сдѣлкѣ неправопоспособнаго лица, какимъ являлся холопъ, дѣлало самый договоръ недействительнымъ и если заимодавецъ зналъ, что лицо, которому онъ даетъ въ займы имущество, холопъ, то онъ во всякомъ случаѣ лишался права на возвращеніе занятаго. Но если заимодавецъ и не зналъ съ кѣмъ онъ вступалъ въ сдѣлку, то

¹⁾ Въ первомъ спискѣ Русской Правды не содержится никакихъ постановленій относительно какихъ-бы то ни было договоровъ. Всѣ 43 статьи этого списка трактуютъ о разнаго рода преступкахъ и преступленіяхъ. Второй-же, третій и четвертый списки Русской Правды, содержатъ рядъ правилъ относительно договора займа. Такъ, по 2 списку, такіа правила заключаются въ 43, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 110 и 113-ст. по 3 списку—въ 44, 47, 48, 66, 67, 68, 69, 127, 130 и 132 ст. и по 4 списку—въ 18, 20, 51 и 52 статьяхъ текста Русской Правды изд. Н. Каличова, 1847 года).

²⁾ 51 ст. по IV списку Русской Правды; по 2 списку соотвѣтствующая статья будетъ 220, а по 3-му 227. Редакція въ этихъ спискахъ нѣсколько различна, но сущность правила таже.

тогда только онъ имѣлъ право на полученіе эквивалента съ хозяина холопа, если этотъ послѣдній, съ взятымъ имъ въ заемъ имуществомъ, явится къ своему хозяину. Это положеніе вытекаетъ изъ правила: „оже холопъ бѣгая добудетъ товару, то господину холопъ и долгъ, господину-же и товаръ, а не лишаться его“ (113 ст. по 2-му списку и 130 ст. по 3-му списку). Далѣе, какъ на предметъ займа указано въ Русской Правдѣ на деньги, медь и жито, т. е. предметы замѣнимыя ¹⁾. Изъ этого можно заключить, что вообще всѣ жизненные припасы, служащіе для потребленія, могли быть предметомъ сдѣлки. Условія займа, относительно срока и возмездности, предоставлялись полному усмотрѣнію договаривающихся сторонъ (.... какъ ся съ нимъ будетъ рядилъ такоже ему имать“). Русская Правда не знаетъ такъ называемыхъ узаконенныхъ процентовъ и позволяетъ размѣръ роста опредѣлять по соглашенію. Ограниченія заключаются только въ томъ, что помѣсячно проценты могутъ быть взимаемы въ томъ случаѣ, когда деньги отданы въ заемъ менѣ чѣмъ на годъ; если-же срокъ займа не менѣ года, то наложенная договоромъ обязанность платить проценты, ежемѣсячно уничтожается само собою и займодавецъ можетъ требовать проценты только чрезъ каждые четыре мѣсяца, т. е. по третямъ года. Кто взялъ въ теченіе года три раза проценты, тотъ неимѣетъ права требовать съ должника еще процентовъ ²⁾. Дозволеніе опредѣлять

¹⁾ Аще кто кунъ даетъ въ рѣзы, или наставы въ медь, или жито въ присоуъ, то послусы ему поставити: како ся съ нимъ будетъ рядилъ такоже ему имать“ (46 ст. по 1-му списку, 47 ст. по 3-му и 18 ст. по 4-му списку.)

²⁾ 66 ст. по третьему списку, между прочимъ, говорится: „.... и уставили и до третьяго рѣзу, аже емлетъ кунъ въ рѣзъ въ третъ; аже кто возметъ два рѣзу, то ему взяти истое; паки-ли возметъ третій рѣзъ, то истое ему не взяти“. Мы думаемъ, что на основаніи такой болѣе или менѣ опредѣленной редакціи статьи, никакъ не слѣдуетъ умозаключить, какъ дѣлаетъ это Невольинъ (пол. собр. соч. т. V, стр. 23), что, будто бы, получившій въ годъ три раза проценты, лишался тѣмъ самымъ и капитала. Изъ этой статьи слѣдуетъ только одинъ выводъ, что болѣе трехъ разъ въ годъ проценты на капиталъ воспрещалось брать. Если принять во вниманіе, что годичный ростъ процента могъ быть различный; что судя по 67 ст. того же списка обыкновенный ростъ былъ 10 кунъ на гривну въ годъ, или 40%, было бы крайне непонятно, почему займодавецъ, получивъ свои 40% въ годъ въ три срока, терялъ бы право на полученіе капитала; тогда какъ если

размѣръ процентовъ по своему усмотрѣнію и указаніе на то, что десять кунъ въ годъ на гривну (40%, такъ какъ гривна содержитъ 25 кунъ) составляетъ дозволенный ростъ, свидѣтельствуютъ о той трудности, съ какой въ то время добывались въ заемъ деньги, вслѣдствіе недостаточности капиталовъ и отсутствія прочной гарантіи въ полученіи занятаго. Такимъ образомъ, въ Русской Правдѣ, въ сущности, намѣчены всѣ тѣ характерныя свойства договора займа, которыя опредѣляютъ его юридическую природу и которыя до настоящаго времени сохранены въ законѣ. Если и не существуетъ прямого правила о томъ, что заимодавецъ долженъ быть собственникомъ имущества, которое онъ даетъ въ заемъ, то такое правило можетъ быть выведено изъ того, что вообще распоряженіе чужимъ имуществомъ воспрещается (такъ 25 ст. по 3 списку говоритъ: „Аще кто всадесть на чюжъ конь не прошавъ, то три гривны продажи“). Наконецъ, относительно того, что занятое имущество поступало въ собственность должника, можно умозаключить изъ правила, помѣщеннаго, въ 113 ст. по второму и въ 130 ст. по 3 списку Русской Правды, на которое нами указано выше и которое говоритъ, что занятое холопомъ имущество, становилось принадлежностью хозяина, на котораго переходилъ и самый долгъ.

Позднѣйшіе законодательные памятники, Судебники Іоанна III и Іоанна IV, не содержатъ въ себѣ никакихъ нововведеній въ этомъ отношеніи и только повторяютъ тѣ же правила относительно договора займа, которыя содержатся въ Русской Правдѣ.

Въ Псковской Судной Грамотѣ, указанныя нами правила Русской Правды не находятъ себѣ мѣста; въ отмѣну ихъ постановляется, что всякій заемъ на сумму свыше рубля, безъ заклада и записи, недѣйствителенъ. „А кто иметъ давать серебра въ заемъ и подати до рубля безъ заклада и записи;

одновременно уплачивались эти 40 процентовъ, (или болѣе, или менѣе, безразлично), то должникъ обязанъ былъ возратить и капиталъ. Такого противорѣчія и грубой при томъ несправедливости, ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить.

а больше рубли не давати безъ заклада.....". Пск. Суд. Грам., изд. Мурзакевича 1847 г. стр. 6, 1).

Изъ послѣдующихъ законодательныхъ памятниковъ, до Уложения 1649 года, обращаютъ на себя вниманіе указы Царя Михаила Федоровича, данные 8 марта 1626 г. и 17 ноября 1628 года. Первый изъ нихъ установилъ правило, что теченіе процентовъ прекращается, какъ только они, накопляясь въ продолженіи пяти лѣтъ, сравняются съ капиталомъ. Затѣмъ, второй указъ 17 ноября 1628 года, содержитъ въ себѣ разрѣшеніе помѣщать въ договорѣ займа не только условіе о процентахъ, но сверхъ того и объ обязанности должника, при неплатежѣ денегъ въ срокъ, заплатить займодавцу убытки. Затѣмъ, нѣсколько отрывочныхъ указаній относительно свойствъ договора займа, мы находимъ въ уложеніи Царя Алексѣя Михайловича 1649 года. Такъ, въ X главѣ о судѣ, по поводу порядка совершенія разнаго рода актовъ, указано, какъ бы мимоходомъ, что предметомъ займа могутъ быть деньги и другія вещи („А которые люди учнутъ у кого заимовати въ кабалы денегъ или иного чего нибудь...."). Затѣмъ, въ числу неспособныхъ ко вступленію въ заемныя обязательства, отнесены воеводы и приказные люди, въ мѣстахъ своего служенія. По этому предмету въ 58 ст. XX главы „Судъ о холопѣхъ“, между прочимъ, говорится:... „воеводамъ и приказнымъ людямъ, будучи въ городѣхъ ни на кого служилыхъ кабалъ и никакихъ крѣпостей имати не велѣно“. Но болѣе всего обращаетъ на себя вниманіе строгое запрещеніе брать по заемнымъ обязательствамъ проценты, при чемъ такое запрещеніе мотивируется тѣмъ, что взиманіе процентовъ противно правиламъ Св. Апостоловъ и Св. Отецъ (255 ст. X главы говоритъ: „А править заемныя деньги по кабаламъ истину, а росту на тѣ заемныя деньги не править потому, что по правиламъ Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ росту на заемныя деньги имати не велѣно"). Затѣмъ, никакихъ огра-

1) Псковская Ссудная Грамота не имѣетъ цифровой нумераціи и содержитъ 122 разныхъ правилъ.

ниченій относительно права вступленія несовершеннолѣтнихъ въ заемныя обязательства, въ Уложеніи 1649 года не содержится и о существованіи такого ограниченія ни въ какомъ случаѣ нельзя вывести заключенія изъ 11, 23 и 54 ст. XVII главы и 20 и 110 ст. XX главы Уложенія, какъ это дѣлаетъ Неволинъ (т. V стр. 131). Въ XVII главѣ „О помѣстныхъ земляхъ“ въ 11, 23 и 54 ст. говорится о порядкѣ передачи помѣстій, послѣ смерти вотчинниковъ ихъ, малолѣтнимъ дѣтямъ и женамъ, но ни однимъ словомъ не упоминается, чтобы до 15 лѣтнаго возраста запрещалось вступленіе въ юридическія сдѣлки. Затѣмъ, въ XX главѣ „Судъ о холопѣхъ“, 20 и 110 ст. воспрещаютъ только давать служилыя кабалы на холоповъ, которымъ менѣе 15 лѣтъ. Такимъ образомъ, ни изъ этихъ правилъ Уложенія ни изъ какихъ другихъ, нельзя дѣлать вывода о воспрещеніи несовершеннолѣтнимъ вступать въ долговыя обязательства. Вообще, относительно дѣленія по возрасту на совершеннолѣтнихъ, несовершеннолѣтнихъ и малолѣтнихъ, Уложеніе 1649 года ничего опредѣленнаго не говорить.

Въ послѣдующихъ за Уложеніемъ 1649 года законодательныхъ памятникахъ, постепенно начинается опредѣляться кругъ лицъ, неспособныхъ ко вступленію въ договоръ займа. Такъ, указами 5 января 1701 года (пол. собр. зак. № 1822, Наказныя статьи Нерчинскому воеводѣ) и 23 Іюня 1740 года (пол. собр. зак. № 8145), воспрещено воеводамъ „статскимъ чинамъ, въ мѣстахъ своего служенія, брать на мѣстныхъ жителей всякія заемныя обязательства“. Затѣмъ, указомъ 14 Іюня 1761 года, даннымъ Императрицею Елизаветою Петровною (пол. собр. закон. № 11272), недозволено дѣтямъ, неотдѣленнымъ отъ родителей, обязываться заемными письмами и давать на себя записи, безъ позволенія родителей или тѣхъ родственниковъ, отъ которыхъ они ожидаютъ наслѣдства. 1 февраля 1750 года ¹⁾ (полн. собр. зак. № 9832)

¹⁾ У Неволина (т. V. стр. 133) указъ этотъ ошибочно обозначенъ отъ 1751 года

послѣдоваль указъ Правительствующему Сенату, которымъ воспрещалось дворцовымъ крестьянамъ, посланнымъ для хожденія по дѣламъ, давать въ заемъ деньги. Затѣмъ, 14 февраля 1761 года (пол. собр. зак. № 11204), указомъ на имя Правительствующаго Сената, крестьянамъ государственнымъ, помѣщичьимъ, дворцовымъ, синодальнымъ, архіерейскимъ и монастырскимъ, воспрещено давать въ заемъ деньги и товары, безъ подлежащаго разрѣшенія и не въ указанномъ мѣстѣ. Такое же ограниченіе установлено и относительно дворовыхъ людей, указомъ отъ 30 іюня 1771 года (пол. собр. зак. № 13263). 29 ноября 1796 года изданъ въ 12 частяхъ полевой Воинскій Уставъ (пол. собр. зак. № 17588), которымъ воспрещается вступать въ договоръ займа съ унтеръ-офицерами и солдатами. 24 ноября 1834 года издано Высочайше утвержденное положеніе объ управленіи калмыцкимъ народомъ, на основаніи котораго воспрещено чиновникамъ, служащимъ въ Астраханской и Саратовской губерніяхъ, Кавказской области и въ землѣ Войска Донскаго, входить въ долговые обязательства съ калмыками. 26 сентября 1829 года (пол. собр. зак. № 3197) состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта, которымъ воспрещено казначеймъ давать въ заемъ деньги безъ разрѣшенія своего начальства. Такое же ограниченіе распространено на женъ и дѣтей казначеевъ, указомъ Правительствующаго Сената отъ 14 іюля 1830 года (пол. собр. зак. № 3790). Наконецъ, 3 іюня 1837 года (пол. собр. зак. № 10305) издано Высочайше утвержденное положеніе о земской полиціи, которымъ чиновникамъ земскаго суда и полиціи, во время производства дѣла или слѣдствія, съ участвующихъ и прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, воспрещено брать заемныя обязательства не только на свое имя, но и на имя женъ, дѣтей и родственниковъ ихъ.

Впервые законодательство Петра Великаго обращаетъ вниманіе на цѣль, ради которой участвующія въ договорѣ займа лица, вступали между собою въ обязательственное отношеніе. Такимъ образомъ, указомъ отъ 15 іюля 1700 года (пол. собр.

зак. № 1805) о платежѣ долговъ, установлено было считать недѣйствительными обязательства, которыя выданы несостоятельными лицами подложно, во вредъ конкурсной массѣ, съ цѣлью избѣжать платежа своихъ настоящихъ долговъ. Затѣмъ, 5 апрѣля 1722 года (пол. собр. зак. № 3937) изданъ регламентъ Петра Великаго объ управленіи адмиралтейства и верфи, которымъ запрещено давать адмиралтейскимъ служителямъ деньги на проигрышъ. Это правило регламента о недѣйствительности займа, сдѣланнаго адмиралтейскими служителями для игры, было послѣдующими указами распространено на всѣхъ лицъ. Таковы указы Правительствующему Сенату, данные 14 и 16 іюня 1761, 10 марта 1766 и 13 октября 1771 г. (пол. собр. зак. №№ 11272, 11275, 12593 и 13677). На основаніи всѣхъ этихъ указовъ, въ уставъ благочинія, изданный 8 апрѣля 1782 года, (пол. собр. зак. № 15379), внесена 67 статья, въ которой, между прочимъ, постановлено: „просьба и искъ о долгѣ и платежѣ по игрѣ да уничтожится“. Наконецъ, Банкротскимъ уставомъ, изданнымъ 19 декабря 1800 г. (пол. собр. закон. № 19692) безденежность долговаго обязательства признается вообще основаніемъ, по которому должникъ освобождается отъ платежа долга. При этомъ въ 29, 30 и 31 ст. 2 части этого устава установлено было, что заемныя письма, выданныя вмѣсто наличнаго платежа за работу, услуги, товары и издѣлія, не считаются безденежными.

Что касается платежа процентовъ на занятія суммы, то установленное, по этому предмету, Уложеніемъ 1649 года, запрещеніе, снято было только въ 1754 году, когда 13 мая было издано Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи государственнаго заемнаго банка (пол. собр. зак. № 10235). Давая разрѣшеніе брать проценты на занятый капиталъ, вмѣстѣ съ тѣмъ было предписано брать не болѣе шести процентовъ на сто. Затѣмъ, 3 апрѣля 1764 года (пол. собр. закон. № 12124) былъ вновь изданъ указъ о воспрещеніи брать излишніе проценты, сверхъ опредѣленныхъ предыдущимъ указомъ шести. Манифестомъ 28 іюня 1786 года (полн. собр. закон. № 16307)

объ учрежденіи государственнаго заемнаго банка, размѣръ дозволенныхъ процентовъ съ шести былъ уменьшенъ на пять. Но затѣмъ, въ данномъ 28 октября 1808 года указѣ Правительствующему Сенату, объ единообразномъ постановленіи канцелярскихъ сборовъ и пошлинъ за совершеніе и явку крѣпостныхъ актовъ (пол. со р. зак. № 23317), вновь разрѣшено было брать съ капитала шесть процентовъ.

На основаніи всѣхъ этихъ постановленій, составленъ сводъ гражданскихъ законовъ (1 ч. X т.) 1832, затѣмъ 1842 и наконецъ 1857 года. И въ настоящее время наши гражданскія законы недалеко ушли отъ Банкротскаго устава и свода 1832 года: теперь, какъ и тогда, замѣчается отсутствіе общихъ опредѣленій и положеній, и казуальность. Постараемся однако свести общія положенія, вытекающія изъ постановленныхъ въ 1 ч. X т. правилъ, относительно свойства договора займа.

Прежде всего, предметомъ этого договора могутъ быть не только деньги, но вообще всякія замѣнимыя вещи. Это положеніе вытекаетъ изъ примѣчанія къ 2013 ст. 1 ч. X т., въ которомъ говорится: „при отдачѣ въ заемъ денегъ и всякаго рода произведеній земли, въ губерніяхъ и уѣздахъ Закавказскаго края. . .“; хотя это примѣчаніе и говоритъ исключительно о займахъ въ Закавказскомъ краѣ, но ни въ немъ и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ 1 ч. X т. не указывается, чтобы заемъ всякаго рода произведеній земли не дозволялся ни въ какомъ другомъ мѣстѣ. Если, затѣмъ, принять во вниманіе, что примѣчаніе это помѣщено въ ряду правилъ о составленіи займа вообще, то наше положеніе представляется еще болѣе вѣроятнымъ. Далѣе, въ правилахъ о займахъ у сибирскихъ обывателей разныхъ сословій и мезенскихъ самоѣдовъ, прямо постановлено, что денежный заемъ производится или наличными деньгами или вещами, какъ-то: хлѣбомъ, лѣсомъ, масломъ, медомъ и пр. (2069 и 2070 ст. 1 ч. X т.). Что предметомъ заемнаго обязательства могутъ быть не одни деньги, это вытекаетъ изъ 2045 ст. 1 ч. X т., въ силу которой, къ предметамъ займа отнесены не только товары и разнаго рода издѣлія, но и личный трудъ. Если-бы предметомъ займа могли

служить только одни деньги, то невозможно было бы признавать заемнымъ обязательствомъ сдѣлку, въ которой займодавецъ, вмѣсто наличныхъ денегъ, даетъ должнику какую либо вещь, а тѣмъ болѣе свои личныя услуги. Коля скоро-же законъ не считаетъ такихъ сдѣлокъ ничтожными и относить ихъ въ разрядъ заемныхъ обязательствъ, то очевидно онъ признаетъ, что предметомъ займа могутъ служить не одни только деньги, но и другія вещи. Поэтому то, выставленное Правительствующимъ Сенатомъ (сбор. рѣш. граж. кас. депар. пр. сената за 1873 г. № 1626) и поддерживаемое Побѣдоносцевымъ (Курсъ гражд. права ч. 3, изд. 1880 г. стр. 330) положеніе, что заемъ можетъ имѣть своимъ предметомъ только деньги, является неправильнымъ и несогласнымъ съ точнымъ смысломъ закона. Что наши законы допускаютъ во всѣхъ случаяхъ заемъ вещей, это доказывается, сверхъ изложеннаго нами, еще и тѣмъ, что и торговый уставъ (XI т., ч. 2) въ третьей книгѣ, раздѣлѣ 3-мъ, вторую главу посвящаетъ исключительно займу разныхъ припасовъ на морѣ.

Если, затѣмъ, предметомъ договора займа должны быть деньги или иное имущество, то, само собою разумѣется, отсутствіе такого предмета въ сдѣлкѣ, дѣлаетъ эту послѣднюю недействительною. Въ этихъ видахъ 1 п. 2014 ст. 1 ч. X т. признаетъ заемъ ничтожнымъ, если по судебному разсмотрѣнію окажется, что онъ безденежный. Но понятно, не всякій безденежный заемъ, будучи по существу своему ничтожнымъ, будетъ признанъ таковымъ, такъ какъ безденежность заемнаго обязательства, совершеннаго установленнымъ порядкомъ, нельзя доказывать показаніями свидѣтелей, согласно 410 ст. уст. граж. суд. Такимъ образомъ, при отсутствіи другихъ письменныхъ актовъ, удостоверяющихъ безпредметность договора, и безденежное заемное обязательство будетъ признано дѣйствительнымъ и подлежащимъ исполненію со стороны должника. Далѣе, правило установленное въ 2015 ст. 1 ч. X т., что крѣпостное заемное письмо не можетъ быть оспариваемо, какъ безденежное, упадетъ само собою, при существованіи правила, изображеннаго въ 458 ст. уст. граж.

суд., въ силу котораго и домашній актъ, признанный въ своей подлинности, можетъ служить доказательствомъ безденежности другаго акта, совершеннаго при участіи публичной власти.

Другое положеніе, вытекающее изъ нашихъ законовъ о договорѣ займа, заключается въ томъ, что заемщикъ долженъ быть собственникомъ занимаемаго имъ должнику имущества и вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ передать послѣднему право собственности на это имущество. Это положеніе выводится, какъ было указано нами выше, изъ того, что предметомъ займа служатъ замѣнимыя вещи, которыя берутся для потребленія ихъ и не возвращаются. Слѣдовательно, между займодавцемъ и данными имъ должнику вещами, не существуетъ никакой связи и прежде бывшая связь порывается переходомъ имущества въ руки должника. Если въ законѣ и говорится, что данное въ заемъ имущество должно быть возвращено, то это лишь неудачное выраженіе, такъ какъ данное имущество потребляется и на обязанности потребившаго должника лежить не возвратитъ тѣ вещи, которыя потреблены, что и нелепо, а отдать займодавцу въ извѣстный срокъ такого-же качества имущество и въ такомъ-же количествѣ. Стоить только сопоставить 2064 ст. съ 1700, 1708 и 2013 ст. 1 ч. X т., чтобы убѣдиться, что пользованіе имуществомъ, безвозмездное или возмездное, съ обязанностью его возвратитъ въ томъ-же видѣ, составляетъ договоры ссуды и найма; договоръ-же займа предполагаетъ взятіе движимаго имущества, для потребленія его, т. е. въ собственность. Было-бы крайне непонятно трактовать напр. о займѣ припасовъ на морѣ (1063—1067 ст. уст. торг. XI т., ч. 2, изд. 1857 года) и утверждать, что должникъ, потребившій эти припасы, только пользовался ими. Какое-же спрашивается право собственности остается у кредитора, давшего эти припасы должнику? Развѣ съ истребленіемъ вещи можно логически связать продолжающееся существованіе права собственности? Вѣдь право есть фактическое отношеніе, признанное подлежащимъ защитѣ со стороны общественной власти. Отно-

пеніе лица къ вещи, въ силу котораго владѣющій этою вещью можетъ распоряжаться ею по своему усмотрѣнію, является въ видѣ права собственности лица надъ вещью. Такимъ образомъ, съ потребленіемъ вещи уничтожается фактическое отношеніе, существовавшее между лицомъ и вещью, а слѣдовательно, въ данномъ случаѣ, погибаетъ и самое право собственности, оставляя лишь извѣстное право на вознагражденіе или на полученіе имущества, соотвѣтствующаго количества и качества. А развѣ не тѣ-же отношенія когда мы занимаемъ деньги? Развѣ денежный знакъ не поступаетъ тогда въ наше полное распоряженіе, развѣ купленнымъ на эти деньги имуществомъ мы не можемъ распоряжаться по своему усмотрѣнію, развѣ, наконецъ, мы обязаны тѣ же самыя денежные знаки возвратить, а не отдать только эквивалентное имъ количество? Такимъ образомъ, по всѣмъ этимъ соображеніямъ, нельзя не признать, что занятое имущество поступаетъ въ собственность должника. А такъ какъ передать право собственности другому лицу можетъ только одинъ собственникъ, то очевидно и заимодавецъ долженъ быть собственникомъ занимаемыхъ денегъ или вещей. Это вытекаетъ затѣмъ изъ точнаго смысла 609—643 ст. 1 ч. X т. въ силу которыхъ, какъ недобросовѣстный, такъ и добросовѣстный владѣлецъ чужаго движимаго имущества, въ томъ числѣ и капиталовъ, не имѣетъ права распоряжаться состоящимъ въ его владѣніи имуществомъ и обязанъ по требованію собственника возвратить его послѣднему. Логическія послѣдствія этого положенія таковы: если движимое имущество или деньги переданы должнику несобственникомъ заимодавцемъ, то договоръ займа считается несостоявшимся, а слѣдовательно собственникъ вправѣ требовать отъ должника свои вещи, нестѣсняясь тѣмъ срокомъ, который назначенъ для возвращенія занятаго. При этомъ обязанность должника возвратить полученное имъ имущество или, въ случаѣ потребленія его, эквивалентъ, основывается на общемъ правилѣ, изложенномъ въ 600 ст. 1 ч. X т.—Чтобы съ одной стороны передать, а съ другой получить право собственности на занимаемое

имущество, необходимо, чтобы оно было передано согласно волѣ сторонъ, при отсутствіи ошибки или заблужденія, какъ относительно предмета займа, такъ и относительно лицъ, вступающихъ въ сдѣлку. Поэтому предмету общія правила о порядкѣ составленія договоровъ вообще примѣняются и къ данному случаю. Далѣе, для передачи въ собственность занимаемой вещи необходимо не только правоспособность, но и дѣеспособность какъ кредитора, такъ и должника; при отсутствіи этихъ условій, заключенный сторонами договоръ займа признается недѣйствительнымъ. Вотъ почему 222 ст. 1 ч. X т. считаетъ недѣйствительнымъ всякое заемное обязательство, выданное несовершеннолѣтнимъ. Равнымъ образомъ недѣйствительно будетъ обязательство, выданное лицомъ безумнымъ или сумашедшимъ, такъ какъ такое лицо признано закономъ (376 ст. 1 ч. X т.) неправоспособнымъ управлять и распоряжаться своимъ имуществомъ. Далѣе и правоспособное лицо, если оно признано почему либо закономъ недѣеспособнымъ ко вступленію въ ту или другую сдѣлку, или дѣеспособность его ограничена какими либо условіями въ законѣ, то участіе его въ договорѣ, какъ въ качествѣ должника, такъ и въ качествѣ кредитора, дѣлаетъ этотъ договоръ недѣйствительнымъ. Такимъ образомъ, должностное лицо, производящее слѣдствіе, считается правоспособнымъ вообще лицомъ, закономъ не признается дѣеспособнымъ къ заключенію заемныхъ обязательствъ съ лицами, прикосновенными къ тому дѣлу, по которому производится имъ слѣдствіе; вслѣдствіе этого 2025 ст. 1 ч. X т. объявляетъ недѣйствительными всѣ заемныя обязательства, полученные такими лицами не только на свое, но и на чужое имя, отъ прикосновенныхъ къ слѣдствію лицъ. Далѣе, не считая колонистовъ дѣеспособными ко вступленію въ заемныя обязательства, безъ разрѣшенія ихъ начальства, 788 ст. 1 ч. X т., 180 и 183 ст. XII т. 2 ч. уст. о колонист., объявляютъ выданныя колонистами безъ разрѣшенія начальства заемныя обязательства недѣйствительными. Затѣмъ, чиновники, служащіе въ Астраханской, Саратовской и Ставропольской губерніяхъ и землѣ войска Донскаго, а рав-

но семейства этихъ чиновниковъ, признаны недѣеспособными ко вступленію въ заемныя обязательства съ мѣстными калмыками, почему 2026 ст. 1 ч. X т. объявляетъ такіе заемныя обязательства недѣйствительными. Кромѣ того, казначей, ихъ жены и дѣти, признаны недѣеспособными, безъ разрѣшенія начальства, ко вступленію въ заемныя обязательства, почему, въ силу 784 2048 и 2049 ст. 1 ч. X т., выданныя безъ такого разрѣшенія обязательства должны считаться ничтожными. Если должникъ, получившій въ заемъ отъ казначея известную сумму денегъ, и обязанъ уплатить послѣднюю, несмотря на отсутствіе надлежащаго разрѣшенія со стороны казначея ко вступленію въ сдѣлку, то такая обязанность вытекаетъ не изъ того, какъ полагаетъ ошибочно правительствующій сенатъ (рѣш. гражд. сената за 1876 г. № 434), что отсутствіе разрѣшенія не вліяетъ на юридическія отношенія кредитора и должника, а въ силу того, что никто не можетъ обогащаться на чужой счетъ. Коль скоро существуетъ запрещеніе вступать въ ту или другую сдѣлку, при известныхъ условіяхъ, то очевидно нарушеніе этого запрещенія дѣлаетъ самую сдѣлку противозаконною и въ силу 1529 ст. 1 ч. X т. недѣйствительною и ничтожною. Но ничтожность сдѣлки уничтожаетъ лишь юридическія послѣдствія, вытекающія изъ договора займа; должникъ-же, взявшій деньги, является владѣльцемъ этихъ денегъ безъ законнаго основанія и въ силу 609 ст. 1 ч. X т. обязанъ возвратить ихъ собственнику, или, при начетѣ на казначея, въ уѣздное казначейство. При этомъ обращаетъ на себя вниманіе 1 п. 2048 ст. 1 ч. X т., который обязываетъ должника, пожелавшаго уплатить свой долгъ кредитору — казначею до срока, напередъ заявить объ этомъ уѣздному суду. Несмотря на то, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дѣйствуютъ судебныя учрежденія, образованныя по уставамъ 20 ноября 1864 года, уѣздные суды закрыты, а ежемѣсячная ревизія казначейства, лежащая на обязанности этихъ судовъ, не возложена ни на общія, ни на мировыя судебныя учрежденія, до сихъ поръ однако не разяснено, кому же, вслѣдствіе закрытія уѣзднаго суда, въ такихъ

мѣстностяхъ, должникъ долженъ заявлять о своемъ желаніи уплатить кредитору—казначею до срока? Далѣе, такъ какъ лишенные всѣхъ правъ состоянія теряютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и имущественныя свои права (1222 ст. 1 ч. X т.), то очевидно они не могутъ быть признаны правоспособными ко вступленію въ договоръ займа и участіе ихъ въ такомъ договорѣ дѣлаетъ этотъ послѣдній ничтожнымъ и недействительнымъ. Наконецъ, объявленный несостоятельнымъ должникомъ, считается по закону безусловно неспособнымъ къ вступленію въ заемныя обязательства, что можно вывести уже изъ одной 21 ст. уст. гражд. суд. Если бы несостоятельный должникъ, какъ полагаютъ нѣкоторые, былъ бы признанъ дѣеспособнымъ ко вступленію въ договоръ займа, при наличности нѣкоторыхъ условій, то, само собою разумѣется, ему прежде всего должно бы быть предоставлено въ этихъ случаяхъ и право иска и отвѣта на судѣ. Если же несостоятельный должникъ, безъ особаго разрѣшенія конкурса, не имѣетъ даже права продолжать хожденіе по начатому уже имъ самимъ дѣлу, то очевидно онъ не признается правоспособнымъ вообще, потому что право на вступленіе въ сдѣлку предполагаетъ, какъ естественное послѣдствіе, и право на защиту и охрану этой сдѣлки предъ судомъ. Такимъ образомъ, не дать извѣстному лицу право личной защиты предъ судомъ данной юридической сдѣлки—значитъ не признать это лицо способнымъ ко вступленію въ самую сдѣлку. О неправоиспособности несостоятельнаго должника ко вступленію въ договоръ займа, можно умозаключить и изъ 2000—2003 ст. уст. тор. т. XI, ч. 2. Такъ, многозначительно выраженіе 2000 ст. о томъ, что послѣдствія несчастной несостоятельности состоятъ въ томъ, что должникъ *возстанавливается* во всѣхъ своихъ правахъ, Очевидно, что до такого признанія всѣ его права были ограничены чрезъ конкурсное производство.

Кромѣ изложенныхъ нами характерныхъ свойствъ договора займа, изъ дѣйствующихъ нынѣ гражданскихъ законовъ вытекаетъ и то положеніе, что возмездность этого договора не составляетъ существеннаго условія. Такъ, 2020 ст. 1 ч.

Х т. говоритъ, что дозволяется брать ростъ съ капитала...., а слѣдовательно взятіе вознагражденія за пользованія имуществомъ составляетъ побочное условіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ 2020, 2021 и 2023 ст. 1 ч. Х т., въ огражденіе интересовъ должника, который въ большей части случаевъ бываетъ поставленъ въ состояніе психическаго принужденія, дозволяли кредитору брать не болѣе 6 процентовъ за пользованіе капиталомъ, признавая болѣйшій размѣръ вознагражденія лихою. Эти правила, въ настоящее время, въ виду Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, распубликованнаго правительствующимъ сенатомъ 28 марта 1879 года, не дѣйствуютъ и дозволено размѣръ процентовъ опредѣлять по соглашенію сторонъ. Но при этомъ признано, что по займамъ, по которымъ условленные проценты выше 6 со ста въ годъ, должникъ имѣетъ право во всякое время, спустя 6 мѣсяцевъ по заключенію займа, возратить занятый капиталъ, съ тѣмъ однако, чтобы займодавецъ былъ письменно предупрежденъ объ этомъ не менѣе какъ за три мѣсяца. Такимъ образомъ, нынѣ не только одни дворянскіе опеки имѣютъ право получать на капиталы малолѣтнихъ болѣе шести процентовъ (2022 ст. 1 ч. Х т.), но такое же право предоставлено и всякому частному лицу.

Затѣмъ, договоръ займа, какъ и всякій другой, не долженъ имѣть въ виду какъ преступную, такъ и недозволенную закономъ цѣль, такъ какъ такая цѣль, на основаніи точнаго смысла 1529 ст. 1 ч. Х т., дѣлаетъ самый договоръ ничтожнымъ. Исходя изъ этого положенія, признается недѣйствительнымъ заемъ, учиненный во вредъ конкурса (2 п. 2014 ст. 1 ч. Х т.), происшедшій по игрѣ или произведенный для игры (3 п. 2014 ст. 1 ч. Х т.). Само собою разумѣется, что заемъ, учиненный для игры, только тогда будетъ считаться недѣйствительнымъ, если кредиторъ, давая деньги въ заемъ должнику, зналъ, что этотъ послѣдній беретъ эти деньги именно для игры (2019 ст. 1 ч. Х т.). Не подлежитъ затѣмъ сомнѣнію, что неуказаніе въ правилахъ о составленіи займа (2013—2030 ст. 1 ч. Х т.), другихъ случаевъ недѣйстви-

тельности договора, по противозаконности цѣли, не исключаетъ общаго положенія, изображеннаго въ 1529 ст. 1 ч. X т., въ силу котораго всякій договоръ, а слѣдовательно и договоръ займа, считается недѣйствительнымъ, если побудительная причина къ заключенію его есть достиженіе цѣли, закономъ запрещенной. Такъ напримѣръ, заключеніе договора займа между супругами, когда вступленіе въ этотъ договоръ имѣло цѣлью доставить имъ возможность фактическаго развода, должно считаться, въ виду 103 ст. 1 ч. X т., незаконнымъ.

Наконецъ, на основаніи изложенныхъ нами данныхъ, договоръ займа считается совершившимся только съ момента передачи кредиторомъ занимаемыхъ имъ вещей должнику. Во всѣхъ изложенныхъ нами правилахъ относительно правъ и обязанностей участвующихъ въ этомъ договорѣ сторонъ, мы нигдѣ не находимъ опредѣленія обязанностей кредитора, не передавашаго еще вещи должнику. А между тѣмъ, если бы договоръ займа считался состоявшимся и до передачи занятыхъ вещей, то очевидно должны были бы существовать какія либо указанія или правила, въ отношеніи обязанности кредитора передать занятую вещь. Что мы не видимъ нынѣ слѣдовъ такихъ правилъ, въ этомъ убѣждаютъ насъ 2013—2099 ст. 1 ч. X т. Между тѣмъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда одно соглашеніе безъ передачи или традиціи вещи, порождаетъ договоръ, всегда существуютъ въ 1 ч. X т. правила объ обязанности вступившаго въ договоръ передать вещь своему контрагенту. Такъ напримѣръ, мы находимъ относительно договора купли-продажи рядъ правилъ, въ силу которыхъ продавецъ обязанъ покупщику передать проданное имъ имущество, а послѣдній принять его (1513—1517 ст. 1 ч. X т.). Если же не существуетъ въ положительномъ законѣ никакихъ правилъ относительно обязанности кредитора передать должнику имущество, которое было условлено дать въ займы, то очевидно законъ, при отсутствіи передачи, не признаетъ договоръ состоявшимся.

Вотъ всѣ тѣ существенныя свойства, которыми, по наше-

му закону, характеризуется юридическая природа договора займа.

2) *Порядокъ совершенія договора займа.* Теперь перейдемъ въ разсмотрѣнію того порядка, которымъ совершается этотъ договоръ по нашимъ законамъ и прослѣдимъ его постепенное развитіе, какъ оно проявилось въ разныхъ нашихъ законодательныхъ памятникахъ. Уже а priori мы могли бы умоаключить, что первоначально договоръ займа долженъ былъ совершаться посредствомъ одного словеснаго соглашенія сторонъ, причемъ фактъ передачи кредиторомъ занимаемаго имъ имущества должнику, не требовалъ никакого письменнаго удостовѣренія. Простота жизненныхъ отношеній съ одной стороны, и почти полное отсутствіе грамотности въ древней Руси съ другой, должны были оказать вліяніе на порядокъ совершенія договора займа. Въ самомъ дѣлѣ, въ Русской Правдѣ мы находимъ указаніе, что заемъ, обыкновенно, совершался безъ всякаго письменнаго акта и даже въ отсутствіи свидѣтелей. Во всѣхъ такихъ случаяхъ, когда заемъ не превышалъ трехъ гривенъ, доказательствомъ существованія договора служила присяга со стороны кредитора, если онъ не имѣлъ на то свидѣтелей. При займѣ же свыше трехъ гривенъ, присяга кредитора въ доказательство займа не допускалась, а требовалось представленіе свидѣтелей—послуховъ (...„послуховъ-ли не будетъ, а будетъ кунъ три гривны, то ити ему про свои куны ротѣ; будутъ - ли куны боле, то речи ему тако: провиновался еси, оже еси послуха не оставилъ“). .

Въ послѣдующихъ законодательныхъ памятникахъ, какъ-то: Судебникахъ Іоанна III и Іоанна IV, относительно совершенія договора займа мы не находимъ никакихъ новыхъ указаній. Правда, въ виду большаго распространенія грамотности, начинается входить въ употребленіе письменный порядокъ совершенія договора. Въ Судебникѣ Іоанна IV хотя и говорится объ облеченіи договора займа въ письменную форму, но вмѣстѣ съ тѣмъ (15 ст.) постановляется, что если заемъ совершенъ на основаніи словеснаго соглашенія, то, въ случаѣ заpirатель-

ства должника, дѣло должно рѣшиться на основаніи показаній свидѣтелей. Только при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ повелѣнно было совершать договоръ займа не иначе, какъ письменно (Максимовичъ, Указат. Росс. Зак. ч. I стр. 146).

Затѣмъ, въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича 1649 г. строжайше предписывается совершать договоръ займа на письмѣ, подъ угрозою, въ противномъ случаѣ, недействительности самой сдѣлки. Такимъ образомъ, въ 189 ст. X главы „о судѣ“ постановлено: „А которые люди всякихъ чиновъ учнутъ бити челомъ на кого въ заемныхъ деньгахъ... а въ тѣхъ долгахъ на то кабаль и заемныхъ памятей... не напишутъ: и имъ на тѣхъ людей суда и зазывныхъ грамотъ въ такихъ искѣхъ не давати и приставовъ не посылати“. Затѣмъ, устанавливается цѣлый рядъ правилъ о порядкѣ совершенія заемныхъ обязательствъ на письмѣ. Такъ, заемъ денегъ или какихъ-бы то ни было вещей, могъ быть доказываемъ заемною памятью, составленною въ присутствіи отъ двухъ до шести свидѣтелей, собственноручно должникомъ или по его просьбѣ тѣмъ, кому онъ вѣритъ, но подписанною, въ обоихъ случаяхъ, имъ самимъ (246 ст. X главы)¹⁾. Но если должникъ занимаетъ не болѣе 10 р. или на такую-же сумму хлѣба, то такая-же заемная память считается дѣйствительною, если она составлена и при отсутствіи свидѣтелей (247 ст. X главы). Наконецъ, въ селахъ и деревняхъ, если занимаемое имущество стоитъ не выше 10 руб., то неграмотнымъ лицамъ дозволялось заемную память поручать составлять церковному дьячку инаго чѣмъ должникъ села, и вмѣсто себя довѣрять росписаться своему духовному отцу или тѣмъ стороннимъ людямъ, которымъ неграмотный должникъ вѣритъ (248 ст. X-й главы). Понятно, что до тѣхъ поръ пока не была установлена письменная форма договора займа, отношенія между кредиторомъ и должникомъ

¹⁾ Въ 246 ст. между прочимъ говорится: „А которые люди учнутъ у кого зайствовать въ кабалы денегъ... а писати послуховъ въ крѣпостѣхъ на Москвѣ и въ городѣхъ въ большихъ дѣлѣхъ, человекъ по пяти и шести, а не въ большихъ дѣлѣхъ человека по два и по три а меньше двухъ человекъ ни въ какихъ крѣпостяхъ не писати..“

могли быть только чисто личные и ограничивались для кредитора правомъ отыскать свой долгъ съ займобрателя, путемъ судебного принужденія. Такія отношенія должны были оставаться между кредиторомъ и должникомъ и въ то время, когда письменная форма сдѣлки, хотя и введена была понемногу въ употребленіе, но не признавалась еще безусловно обязательною. Только въ послѣднемъ случаѣ могло развиваться сознаніе о томъ, что заемное обязательство, служа доказательствомъ существованія договора займа и давая кредитору право на взысканіе съ должника опредѣленныхъ цѣнныхъ вещей, есть, само по себѣ, такое имущество, которымъ можно распоряжаться и учитывать его до срока. Такимъ образомъ, должна была явиться передача кредиторомъ заемнаго обязательства, какъ извѣстнаго денежнаго знака, въ постороннія руки. Такъ какъ заемное обязательство налагаетъ исключительно одни обязанности на должника, давая кредитору лишь права, осуществленіе которыхъ ограничено только извѣстнымъ срокомъ, то очевидно для должника безразлично, къ кому переходитъ данное имъ обязательство, такъ какъ такой переходъ ни въ чемъ ни прибавить, ни убавить лежащихъ на немъ обязанностей. И вотъ, ко времени изданія уложенія 1649 года, назрѣла мысль о возможности передачи кредиторомъ заемной кабалы въ постороннія руки, посредствомъ надписи и данной. Вслѣдствіе этого и было въ Уложеніи установлено въ 258 ст X главы, правило о томъ, что заемная кабала можетъ быть передана по надписи за подписью того, на чье имя она выдана, или же посредствомъ особой на то данной („... А будетъ та кабала, которую въ судѣ истецъ положить, не подписана, и данныя на ту кабалу у него, на чье имя та кабала писана, нѣтъ: и по той кабалѣ суда не давать“).

Послѣ изданія Уложенія 1649 года, при Петрѣ Великомъ, предписано было всѣ заемныя обязательства совершать крѣпостнымъ порядкомъ. По этому предмету было издано шесть указовъ: 30 января, 7 марта, и 30 апрѣля 1701 г., 1 марта 1703 г., 6 ноября 1705 и 16 марта 1706 года (пол. соб. зак. №№ 1833, 1838, 1850, 1927, 2080 и 2099), которыми

вмѣстѣ съ тѣмъ установлено, что и передача заемныхъ обязательствъ должна быть производима крѣпостнымъ порядкомъ. Но, несмотря на строгость этихъ правилъ, при Петрѣ Великомъ установился обычай, договоръ займа по торговымъ дѣламъ не только облекать въ форму простыхъ писемъ и счетовъ, но даже ограничиваться однимъ словеснымъ соглашеніемъ. Затѣмъ, этотъ обычай былъ узаконенъ указомъ отъ 1 февраля 1726 — и подтвержденъ 5 октября 1727 г. (полн. собр. зак. №№ 4228 и 5177). Впрочемъ, такія льготы были предоставлены исключительно лицамъ торговаго сословія, такъ что законодательство по прежнему продолжало держаться своего взгляда, относительно порядка совершенія заемныхъ обязательствъ и неоднократно объявляло, что заемныя обязательства, писанныя не у крѣпостныхъ дѣлъ, должны считаться недействительными. Въ такомъ родѣ состоялись указы 14 іюля 1740, 2 іюня 1748, 14 февраля 1761, 25 октября 1765 и 30 іюня 1771 г. (полн. собр. зак. № 8172, 9502, 11504, 12498 и 13623).

Затѣмъ, банкротскій уставъ 19 декабря 1800 года (пол. соб. зак. № 19692) во 2 своей части, въ 2, 4 и 7 отдѣленіяхъ, далъ рядъ правилъ о порядкѣ совершенія и передачи заемныхъ обязательствъ (5—9, 17—22 и 29—34 ст.). Установлены въ сущности тѣ же правила, которыя и понынѣ остались въ 1 ч. X т. съ незначительными лишь дополненіями и измѣненіями. Такъ, законными формами для заемныхъ обязательствъ признаны: крѣпостное заемное письмо, такъ называемое домовое и наконецъ счетъ, подписанный должникомъ, на сумму не свыше 500 руб. Крѣпостное заемное письмо должно было совершаться у крѣпостныхъ дѣлъ, въ палатахъ суда и расправы, или въ уѣздныхъ судахъ, на надлежащемъ листѣ гербовой бумаги, въ присутствіи не менѣе двухъ свидѣтелей; домовое же заемное письмо дозволено писать на дому, также на установленной гербовой бумагѣ, но присутствіе свидѣтелей при составленіи его необязательно. Наконецъ, за работу и услугу въ забранныхъ издѣліяхъ и прочемъ, какъ у купца, такъ и у иныхъ людей, дозволено брать счетъ, для на-

писанія котораго не требовалось, гербовая бумага, но предписывалось только, чтобы онъ былъ подписанъ должникомъ и простирался на сумму не свыше 500 руб. Кромѣ того, счетъ долженъ быть въ теченіи шести мѣсяцевъ представленъ ко взысканію или превращенъ въ крѣпостное или домовое заемное обязательство. Относительно передачи заемныхъ обязательствъ, въ банкротскомъ уставѣ постановлено, что крѣпостныя и домовыя заемныя письма кредиторъ можетъ не только до срока, но и послѣ срока передать другому, безъ оборота на себя. О передачѣ должна быть сдѣлана надпись на заемномъ письмѣ самимъ кредиторомъ или его повѣреннымъ, причемъ надпись должна быть засвидѣтельствована маклеромъ или нотаріусомъ, если же надпись сдѣлана въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ ни маклера, ни нотаріуса, то подписатель или приниматель, должны явить сдѣланную подпись для засвидѣтельствованія, въ извѣстный срокъ.

Всѣ эти правила занесены и въ сводъ законовъ 1832 и 1842 г. и остались въ 1 ч. X т., изд. 1857 г. Измѣненія были сдѣланы небольшія. Именно 10 іюля 1815 г. (полн. собр. зак. № 25900) было признано необходимымъ, чтобы въ полученіи отъ крѣпостныхъ дѣлъ заемныхъ писемъ, росписывались въ книгахъ сами заемщики, а не займодавцы; домовыя же заемныя письма также должны были являться у нотаріуса или маклера, самимъ заемщикомъ. Если заемное письмо почему-либо несостоится, то заемщикъ обязанъ былъ явить въ семидневный срокъ заемное обязательство туда, гдѣ оно было явлено, для отмѣтки къ уничтоженію. Точно также относительно передаточныхъ надписей постановлено, что являть ихъ къ засвидѣтельствованію можетъ только займодавецъ или его повѣренный и что о несостоявшейся почему-либо передачѣ надлежало заявить въ семидневный срокъ, для отмѣтки къ уничтоженію. Затѣмъ, относительно счетовъ, 24 ноября 1821 г. (полн. собр. зак. № 28814) повелѣно было писать ихъ также на соотвѣтствующей гербовой бумагѣ, съ тѣмъ, чтобы счета не превышали 150 р. сер.

Въ такомъ видѣ представляются намъ правила о порядкѣ

совершенія договора займа въ 1 ч. X т. Выведемъ вытекающія изъ нихъ общія положенія.

Прежде всего, всѣ существовавшія и существующія правила нашихъ гражданскихъ законовъ о порядкѣ совершенія договора займа, приводятъ насъ къ несомнѣнному выводу, что сдѣлка займа, опредѣляется исключительно передачею отъ кредитора должнику занятаго имущества, на извѣстныхъ условіяхъ и на извѣстный срокъ. Такимъ образомъ, форма сдѣлки не состоитъ въ органической связи съ юридическою природою договора займа и установлена исключительно съ цѣлью служить доказательствомъ существованія самой сдѣлки. Поэтому правила 1 ч. X т., изложенныя въ 2031 — 2039 и 2045 — 2047 ст., относительно порядка совершенія и явки крѣпостныхъ и домовыхъ заемныхъ писемъ, а равно счетовъ, сходныя въ сущности съ правилами банкротскаго устава, указываютъ лишь тѣ формы сдѣлокъ, которыя рекомендуются закономъ предпочтительно, какъ доказательство существованія самаго договора займа. Соблюденіе этихъ правилъ имѣетъ серьезное значеніе въ томъ исключительномъ случаѣ, когда должникъ впадаетъ въ несостоятельность. Тогда, для предупрежденія возможности злоупотребленія, необлеченныя въ установленную форму сдѣлки займа, отстраняются на задній планъ и кредиторъ получаетъ по нимъ платежъ только за удовлетвореніемъ другихъ претензій къ должнику, относительно которыхъ, при совершеніи ихъ, соблюдены указанные требованія закона. Затѣмъ, во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда должникъ не признанъ несостоятельнымъ, всякій договоръ займа подлежитъ одинаковому исполненію со стороны должника. Такимъ образомъ, будетъ-ли представлено ко взысканію крѣпостное или домовое заемное письмо или счетъ, будутъ-ли затѣмъ явлены они въ установленный срокъ, будетъ-ли наконецъ при совершеніи и явкѣ ихъ соблюдены требованія закона или нѣтъ — безразлично: кредиторъ имѣетъ одинаковыя права на полученіе съ должника, путемъ судебного принужденія, какъ капитальной суммы, такъ и неустойки и условленныхъ процентовъ. Поэтому нельзя не признать,

что данныя правительствующимъ сенатомъ по этому предмету разъясненія, въ рѣшеніяхъ его за 1870 годъ №№ 722 и 1211 и за 1871 годъ №№ 125, 821, 958 и 1073, несогласно съ точнымъ смысломъ закона. Сенатъ утверждаетъ, что кредиторъ по заемному обязательству, написанному на простой бумагѣ, не имѣетъ права ни на законную неустойку, ни на проценты, за время до представленія такого обязательства ко взысканію; если-же обязательство написано на установленной гербовой бумагѣ, то неявка такого обязательства къ засвидѣтельствуванію, не ограничиваетъ права кредитора на полученіе процентовъ и за время до представленія обязательства ко взысканію. Такое толкованіе 2039 ст. 1 ч. X т. является неправильнымъ. Прежде всего, слѣдовало-бы обратить вниманіе на то, что источникомъ этой статьи послужила 12 и 13 ст. 2 ч. Банкротскаго устава. Изъ редакціи 13 ст. ясно видно, что лишеніе кредитора права на неустойку и проценты, до представленія обязательства ко взысканію, обусловливалось единственно тѣмъ обстоятельствомъ, когда при взысканіи по неявленнымъ обязательствамъ должникъ оказывался несостоятельнымъ и надъ нимъ былъ учрежденъ конкурсъ. Затѣмъ, то обстоятельство, написано-ли было обязательство на гербовой или простой бумагѣ, явлено оно или нѣтъ, не имѣло никакого значенія, когда ко дню предъявленія взысканія не было учреждено конкурса надъ должникомъ. Ссылка въ 2039 ст. на 1575 ст. 1 ч. X т. подтверждаетъ нашъ взглядъ, такъ какъ въ этой послѣдней статьѣ постановлено, что взысканію неустойки, а слѣдовательно и условленныхъ процентовъ, подвергается должникъ по заемнымъ обязательствамъ, незаплаченнымъ въ срокъ. Въ этой статьѣ взысканіе неустойки вовсе необусловливается написаніемъ заемнаго обязательства на надлежащемъ листѣ гербовой бумагѣ и своевременною явкою его. А если принять во вниманіе, что статья эта, установленное въ ней правило заимствовала изъ 35 ст. 2 ч. Банкротскаго устава, то станетъ очевиднымъ, что по всякому обязательству, явленному или неявленному, написанному на гербовой или простой бумагѣ,

кредиторъ имѣеть право, при неплатежѣ въ срокъ, взыскать, съ должника какъ узаконенную неустойку, такъ и указные проценты со дня просрочки, разумѣется, если, только должникъ не признанъ несостоятельнымъ. Было-бы крайне неосновательно право на проценты и неустойку обусловливать формою заемнаго обязательства и явкою его въ срокъ, когда самая форма и явка обязательства установлены исключительно въ интересахъ третьихъ лицъ, для предупрежденія возможности, со стороны несостоятельнаго должника, представить въ конкурсъ безденежныя обязательства, выданныя имъ близкимъ или знакомымъ лицамъ. Если форма сдѣлки не вліяетъ на ея юридическую природу, то будетъ непослѣдовательнымъ давать большія права кредитору только потому, что сдѣлка его съ должникомъ облечена въ установленную закономъ форму. Тогда придется за формою признать нѣчто болѣе одной простой формальности, что совершенно несообразно съ юридической природою договора займа. Если, затѣмъ, мы признаемъ безспорнымъ, что письменная форма въ договорѣ займа служить только доказательствомъ существованія самаго договора, то логическій отсюда выводъ будетъ тотъ, что не только указанныя въ законѣ формы договора займа, но и всякія иныя непредусмотрѣнныя закономъ письменныя обязательства, подлежатъ одинаковому исполненію со стороны должника. Такимъ образомъ, нельзя не признать вполне правильнымъ высказанныя правительствующимъ сенатомъ положенія, что дѣйствительность заемныхъ обязательствъ необусловливается согласіемъ ихъ съ тѣми формами, которые указаны для совершенія ихъ въ законѣ; вслѣдствіе чего и договоръ займа можетъ быть доказываемъ не только посредствомъ домашней росписки, но и посредствомъ частнаго письма. Такимъ образомъ, всякій письменный актъ, подписанный должникомъ и удостоверяющій существованія договора займа, даетъ кредитору право на взысканіе по немъ занятыхъ денегъ (рѣш. гражд. касс. сената 1868 г. № 625, за 1869 г. № 372, за 1875 г. № 415, за 1877 г. № 281 и др.).

И такъ, всякая форма заемнаго обязательства, лишь бы

только она была письменная, служить доказательствомъ существованія договора займа и въ одинаковой мѣрѣ гарантируетъ кредитору возможность осуществленія своихъ правъ по отношенію къ должнику, невпавшему въ несостоятельность. Поэтому всѣ постановленія 1 ч. X т., трактующія о порядкѣ совершенія и явки заемныхъ обязательствъ, могли-бы быть выброшенными безъ всякаго ущерба, при новомъ пересмотрѣ нашихъ гражданскихъ законовъ, такъ какъ было-бы послѣдовательнѣе предоставить усмотрѣнію сторонъ совершать всѣ вообще договоры домашнимъ или явочныхъ порядкомъ, обязавъ лишь ихъ, чтобы форма, въ которую они желаютъ облечь договоръ, была не иначе какъ письменная.

Если, затѣмъ, письменная форма договора займа не входитъ въ корпусъ сдѣлки, а составляетъ ея доказательную сторону, то, само собою разумѣется, время дѣйствительнаго совершенія договора можетъ расходиться со временемъ перенесенія его на письмо. Такимъ образомъ, въ дѣйствительности, договоръ можетъ совершиться въ одно время, а облечь его въ письменную форму могутъ гораздо позже, въ другое время. И понятно, что такое заемное письмо не будетъ недѣйствительнымъ только потому, что время его составленія не совпадаетъ съ моментомъ дѣйствительнаго заключенія договора. Собственно договоръ существовалъ и былъ дѣйствителенъ и до своего облеченія въ письменную форму, но существованіе его не могло лишь быть доказаннымъ. Такимъ образомъ, послѣдующее облеченіе договора въ письменную форму, было только предоставленіемъ, со стороны должника, кредитору, доказательства существованія обязательственныхъ отношеній. Поэтому данныя и въ этомъ смыслѣ разъясненія правительствующаго сената въ его рѣшеніи за 1872 годъ № 474, вполне согласны съ юридическою природою договора займа.

Затѣмъ, изъ того, что письменная форма сдѣлки служитъ обыкновенно доказательствомъ существованія самаго договора займа, само собою вытекаетъ то положеніе, что въ каждомъ письменномъ обязательствѣ должны быть обозначены срокъ, условіе и лица, которые участвуютъ въ договорѣ.

Какой-бы широкій просторъ ни предоставить сторонамъ въ изложеніи и совершеніи письменныхъ обязательствъ, однако, къ нимъ должно быть предъявлено то безусловное требованіе, чтобы изъ совершаемыхъ ими письменныхъ обязательствъ, можно было умозаключить, когда и на какихъ условіяхъ договоръ займа совершенъ и кто именно тѣ лица, въ качествѣ кредитора и должника, которыя участвовали въ совершеніи сдѣлки. Если, затѣмъ, существованіе договора займа не можетъ быть доказываемо показаніями свидѣтелей, то точно также этими-же показаніями нельзя пояснять и дополнять недостающія въ письменной сдѣлкѣ указанія. Такимъ образомъ, письменное обязательство, изложенное положимъ въ такой формѣ: *„я обязанъ заплатить такую то сумму“*, хотя бы было за собственноручною подписью обязавшагося, не можетъ служить доказательствомъ существованія договора займа и не можетъ дать никакихъ правъ лицу, у котораго такое обязательство будетъ находится. Поэтому нельзя не признать, что высказанныя правительствующимъ сенатомъ, въ его рѣшеніяхъ за 1870 г. № 857, за 1874 г. № 431 и за 1875 г. № 863, положенія о томъ, что неопорачиваетъ самаго обязательства и можетъ быть исправлено и пополнено посредствомъ допроса свидѣтелей, — являются неправильными и несогласными съ закономъ. Изъ того, что указанная нами росписка будетъ находится въ рукахъ посторонняго лица, не слѣдуетъ еще, что это постороннее лицо имѣетъ право на полученіе значущейся тамъ суммы денегъ и что оно дѣйствительно является кредиторомъ. Коль скоро доказательствомъ существованія договора займа служить письменная форма сдѣлки, то нельзя доказывать такихъ существенныхъ обстоятельствъ договора, которыхъ не значится на письмѣ, посредствомъ допроса свидѣтелей. Если, затѣмъ, только письменная форма удостовѣряетъ долгъ одного лица другому, то существованія такого долга нельзя вывести изъ нахожденія указаннаго нами письменнаго обязательства въ постороннихъ рукахъ. Помимо того, такая росписка, не указывая *causa debendi*, не доказываетъ даже и существо-

ванія договора займа. Чтобы сказать, что договоръ займа существуетъ, нужно вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдиться, въ чемъ состоялъ предметъ займа, т. е. когда и что передано извѣстнымъ лицомъ-кредиторомъ, тоже извѣстному лицу-должнику. Сдѣлать-же объ этомъ надлежащее заключеніе на основаніи упомянутой росписки невозможно, а слѣдовательно, она и не можетъ служить доказательствомъ существованія договора и возникшихъ изъ него отношеній. Но есть такія условія въ договорѣ займа, незанесеніе которыхъ въ письменное обязательство не можетъ опорочивать это послѣднее. Таково напримѣръ неуказаніе срока, на которое выдано заемное обязательство, или-же условій о вознагражденіи за сдѣланный заемъ. Неуказаніе опредѣленнаго срока неважно потому, что оно даетъ возможность сдѣлать законное предположеніе, что должникъ обязался уплатить по востребованію кредитора, отъ усмотрѣнія котораго и будетъ зависѣть предъявить обязательство ко взысканію, въ тотъ или другой срокъ. Такая законная презумція вытекаетъ изъ свойства договора займа, по которому, имущество хотя и передается въ собственность должнику, но подъ нецрѣмѣннымъ условіемъ по требованію кредитора отдать ему въ срокъ, въ такомъ-же количествѣ и такого-же качества вещи. Затѣмъ, неуказаніе условій о вознагражденіи кредитора за отданное имъ должнику имущество, даетъ право умозаключить, что такого вознагражденія и не полагается, такъ какъ отъ усмотрѣнія кредитора зависѣло опредѣлить размѣръ процентовъ, которые долженъ уплатить должникъ, за сдѣланный ему заемъ.

Наконецъ, если письменное обязательство служитъ только доказательствомъ существованія самаго договора займа, то при измѣненіи условій этого послѣдняго, въ чемъ либо, сторонами, необходимо, чтобы дополнительныя условія были также облечены въ письменную форму. По этимъ основаніямъ, 2040—2044 ст. 1 ч. X т. требуютъ, чтобы объ измѣненіи срока, на который выдано заемное обязательство, и о данной кредиторомъ должнику отсрочкѣ, была-бы сдѣлана надпись на самомъ заемномъ письмѣ или-же на этотъ пред-

метъ выдана особая росписка, или, наконецъ, было сдѣлано особое заявленіе въ то присутственное мѣсто, гдѣ будетъ находится въ моментъ даваемой отсрочки подлинное заемное обязательство. Очевидно, что такимъ-же порядкомъ должно быть сдѣлано измѣненіе срока въ заемномъ обязательствѣ безсрочномъ, т. е. такомъ, срокъ требованія по которому обусловливается единственно волею кредитора. Разъ сдѣланная отсрочка обязательна какъ для кредитора и его наслѣдниковъ, такъ и для тѣхъ лицъ, которымъ первоначально заемное обязательство имъ передано.

Что касается порядка передачи заемныхъ обязательствъ, то онъ опредѣляется въ 2058—2063 ст. 1 ч. X т. согласно, въ сущности, съ тѣми правилами, которыя существовали по этому предмету еще въ Банкротскомъ уставѣ. Вытекающее изъ нихъ положеніе заключается въ томъ, что всякое письменное заемное обязательство, какъ извѣстное имущество въ рукахъ кредитора, можетъ переходить изъ рукъ въ руки, съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы о такомъ переходѣ каждый разъ сдѣлана была надлежащая надпись или особое условіе, съ указаніемъ кому и когда передается заемное обязательство. Хотя законъ указываетъ для кредитора только одинъ видъ уступки своихъ правъ по обязательству, посредствомъ передачи этого обязательства, по надписи на самомъ заемномъ письмѣ, но очевидно такая уступка можетъ быть произведена по всякому письменному условію. Если всякій письменный актъ можетъ служить доказательствомъ возникшаго договора займа, то и дальнѣйшія измѣненія, послѣдовавшія по этому договору, допускаемыя закономъ, могутъ быть доказываемы тѣми-же способами. Цессіонарій, т. е. лицо, которому передано заемное обязательство, вступаетъ во всѣ права кредитора (цедента), причемъ несостоятельность должника къ уплатѣ долга, невлечетъ за собою отвѣтственности цедента и неуничтожаетъ дѣйствительности передачи, на основаніи общаго положенія, что передавшій право по обязательству, за исправность платежа не отвѣчаетъ. Но совершенно въ другомъ видѣ представляется отношеніе цеден-

8*

та къ цессіонарію, если переданное послѣднему заемное обязательство окажется, само по себѣ, ничтожнымъ или недѣйствительнымъ. Такъ, выданное несовершеннолѣтнимъ заемное обязательство, которое, за силою 220 ст. 1 ч. X т., съ момента выдачи представляется ничтожнымъ, будучи передано кредиторомъ цессіонарію, продолжаетъ быть ничтожнымъ; а вслѣдствіе этого, самый актъ передачи является недѣйствительнымъ и вызываетъ обязанность кредитора, согласно 609 ст. 1 ч. X т., возвратить цессіонарію незаконно полученныя съ него деньги, за передачу ничтожнаго по своему существу обязательства. Но и при передачѣ дѣйствительнаго, въ моментъ возникновенія договора, заемнаго обязательства, цедентъ можетъ явиться отвѣтственнымъ предъ цессіонаріемъ, если окажется, напримѣръ, что до передачи правъ по обязательству, цедентъ—кредиторъ получилъ съ должника полное удовлетвореніе или часть и выдалъ послѣднему платежную росписку. Если, несмотря на полученіе удовлетворенія въ цѣломъ или части, цедентъ уступаетъ цессіонарію заемное обязательство, какъ неоплаченное, то онъ долженъ, согласно 609 ст. 1 ч. X т., возвратить цессіонарію незаконно полученное имъ по обязательству имущество, такъ какъ обязательство, дѣйствительное въ моментъ его выдачи, при передачѣ его было разрѣшено въ части или цѣломъ.

Несмотря на то, что передача заемныхъ обязательствъ дозволена закономъ, относительно ея, однако, сдѣланы нѣкоторые ограниченія. Первое ограниченіе заключается въ томъ, чтобы право на взысканіе по передаваемому заемному обязательству, было безъ оборота на заимодавца или кредитора. Въ этомъ отношеніи передача векселей не содержитъ въ себѣ подобнаго ограниченія. Напротивъ того, передавшій вексель цедентъ, во всякомъ случаѣ, отвѣчаетъ предъ цессіонаріемъ по уступленному имъ векселю, если только въ точности въ передаточной надписи не указано, что цедентъ передаетъ цессіонарію безъ оборота на себя. Затѣмъ; второе ограниченіе, вытекающее изъ существа договора займа, заключается въ томъ, что передача заемныхъ обязательствъ не

можетъ быть допущена по бланковымъ надписямъ. Изъ того, что векселя могутъ быть передаваемы по бланковымъ надписямъ, не слѣдуетъ дѣлать вывода, что по такой-же надписи возможно передавать и заемныя обязательства. Бланковая передача есть исключеніе изъ общаго правила, оправдываемое требованіями торговаго оборота, и какъ исключеніе можетъ быть допускаема по отношенію къ такимъ обязательствамъ, относительно которыхъ, по этому предмету, существуетъ прямое указаніе въ законѣ. Кредиторъ или заступившій его мѣсто цессіонарій, должны быть всегда извѣстны—того требуетъ юридическая природа договора займа. Если заемное обязательство есть только доказательство существованія договора займа, то и передаточная надпись есть согласное съ закономъ измѣненіе въ самомъ договорѣ, посредствомъ подстановки кредиторомъ на свое мѣсто цессіонарія. Поэтому понятно, должникъ имѣетъ право требовать, чтобы цессіонарій указалъ тотъ законный способъ, по которому къ нему перешло право на взысканіе съ должника извѣстнаго имущества, въ извѣстный срокъ. Состоявшія по этому вопросу позднѣйшія разъясненія правительствующаго сената (рѣшен. гр. кас. сен. за 1875 г. № 557 и за 1876 г. № 247), вполне согласны съ нашимъ взглядомъ. Сенатъ, въ этихъ рѣшеніяхъ, категорически высказалъ, что по бланковой надписи могутъ быть передаваемы только векселя; для заемныхъ-же обязательствъ требуется передаточная надпись, съ указаніемъ лица, которому обязательство передается. Къ сожалѣнію этотъ взглядъ, вполне согласный съ точнымъ смысломъ закона, не всегда раздѣлялся правительствующимъ сенатомъ и есть его рѣшенія, въ которыхъ онъ высказываетъ совершенно противоположное, утверждая, что заемное обязательство можетъ быть передано и по бланковой надписи (напр. въ рѣшен. за 1874 г. № 14).

Вотъ тотъ порядокъ, которымъ удостовѣряется существованіе договора займа и вытекающихъ изъ него обязательственныхъ отношеній. Здѣсь рѣчь шла собственно не о порядкѣ совершенія договора, а о порядкѣ совершенія заемна-

ро обязательства, какъ акта, служащаго доказательствомъ займа.

3) *Порядокъ исполненія договора займа.* Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію того порядка, которымъ исполняется заключенный сторонами договоръ.

Исполненіе по всякому вообще обязательству, въ томъ числѣ и по договору займа, заключается въ совершеніи того дѣйствія со стороны обязавшагося, которое назначено по договору и, составляя удовлетвореніе (*solutio*) противной стороны, влечетъ за собою разрѣшеніе обязательства. По договору займа, естественное разрѣшеніе обязательства есть отдача кредитору заемщикомъ или должникомъ, на указанныхъ въ договорѣ условіяхъ, имущества такого-же качества и въ такомъ количествѣ, какое было занято у кредитора (мы не говоримъ здѣсь о разрѣшеніи заемнаго обязательства посредствомъ отреченія кредитора отъ своихъ правъ, прощенія долга, давности и т. п., такъ какъ эти способы свойственны всѣмъ договорамъ и должны найти себѣ мѣсто при изложеніи правилъ о разрѣшеніи обязательствъ вообще).

Русская Правда указываетъ, между прочимъ, что договоръ займа долженъ быть исполненъ такъ, какъ это постановлено сторонами (. . . . камо ся съ нимъ будетъ рядиль, такоже ему имать“ 47 ст. по 3 списку). Въ случаѣ-же неисполненія договора и неплатежа денегъ въ срокъ, должникъ, отрицающій существованіе самаго долга, присуждался кромѣ уплаты долга еще къ платежу истцу трехъ гривенъ за обиду (44 ст. по 3-му списку: „Аще кто взыщеть кунъ на друзѣ, а онъ ся учнетъ запирати на роту, а онъ возьметъ куны свои; занеже не далъ ему есть за много лѣтъ, то платити ему за обиду три гривны“). Но три гривны за обиду истецъ имѣлъ право получить только въ томъ случаѣ, если долгъ ему неуплачивался много лѣтъ. Затѣмъ, въ Русской Правдѣ хотя и нѣтъ прямыхъ указаній о порядкѣ удовлетворенія кредитора со стороны должника, въ томъ случаѣ, если этотъ послѣдній неотрицаетъ своего долга, а отказывается только платить, но надлежитъ

допустить, что отказъ въ платежѣ былъ равносильнъ отрицанію самаго долга и влекъ за собою послѣдствія, указанныя въ вышеприведенной нами 44 ст. Это вытекаетъ изъ того правила Русской Правды, въ силу котораго платежъ долга отсрочивается лишь тогда, когда должникъ—купецъ подвергнется несчастію отъ воды, огня или рати. Въ этомъ случаѣ должнику купцу должна быть сдѣлана разсрочка въ платежѣ долга, на томъ основаніи, что несчастіе, случившееся съ нимъ, зависило отъ воли Божіей. Но если купецъ должникъ пропѣтъ, проиграетъ или растратитъ товаръ, купленный имъ на чужія деньги, то займодавцу предоставляется взыскивать съ такого должника по своему усмотрѣнію, дать ему отсрочку или продать его въ рабство (68 ст. 3 списка: “ Оже кто который купецъ, шедъ гдѣ любо съ чужими кунами, истопится или рать возметъ, или огонь, то не насилити ему, ни продати его; но како начнетъ отъ лѣта платити ему, такоже платитъ, занеже пагуба отъ Бога есть, а не виновать есть; ожели пропиется, или пробѣтся, а въ безуміи чюжь товаръ потравитъ, то како любо тѣмъ, чьи то куны, ждуть ли ему, продадутъ ли его—своя имъ воля”).

Затѣмъ, относительно права должника требовать отъ кредитора своевременнаго принятія отъ него занятаго имущества, въ Русской Правдѣ ничего не говорится.

Въ Псковской Судной Грамотѣ мы не находимъ ничего относительно порядка исполненія договора займа, необезпеченнаго залогомъ или залогомъ.

Затѣмъ, Судебники Іоанна III и Іоанна IV (1497 и 1550 г.г.) содержатъ по этому предмету дальнѣйшее развитіе правилъ, установленныхъ въ Русской Правдѣ. Въ виду того, что письменная форма договора займа начала понемногу входить въ употребленіе, явилось въ Судебникѣ Іоанна IV правило о томъ, что уплата долга по письменному обязательству, должна быть удостовѣрена посредствомъ надписи на самомъ обязательствѣ (36 ст.). Въ случаѣ неплатежа въ срокъ, кредиторъ имѣлъ право потребовать отъ должника, судебнымъ порядкомъ, немедленной уплаты. Отсрочка долга посредствомъ

такъ называемыхъ полѣтныхъ грамотъ; допускалась не иначе, какъ съ разрѣшенія государя (43 ст.). Но какъ Судебникъ Іоанна IV, такъ и Судебникъ Іоанна III уполномочивали бояръ давать полѣтныя отсрочныя грамоты купцамъ, которые, отправясь для торговли, возьмутъ у кого нибудь въ долгъ деньги или товары и въ дорогѣ, по несчастнымъ приключеніямъ, лишатся своего имущества, именно: когда товаръ у купца потонетъ, сгоритъ, будетъ отнятъ непріятелями или разбойниками. Въ этихъ случаяхъ отсрочка посредствомъ полѣтной грамоты давалась на нѣсколько лѣтъ и притомъ безъ платежа процентовъ (Суд. Іоанна IV ст. 90 и соч. Невол. т. V стр. 126). Отсрочка однако недопускалась въ тѣхъ случаяхъ, когда купецъ, взявъ въ долгъ товаръ или деньги, пропьетъ или другимъ подобнымъ образомъ растратитъ ихъ; такой купецъ подлежалъ выдачѣ кредитору головою на продажу. Но кромѣ этихъ правилъ объ обязанности должника при исполненіи договора займа, на основаніи грамотъ Іоанна IV по суднымъ дѣламъ, установлены новыя правила объ обязанности кредитора принять своевременно отъ должника занятое послѣднимъ имущество. Такимъ образомъ, если кредиторъ, по какимъ нибудь причинамъ, отказывался принять уплачиваемую должную сумму, то онъ, по жалобѣ должника, вызывался въ судъ, который и приказывалъ ему принять деньги; если же и послѣ этого кредиторъ нежелалъ принимать платежа, то деньги принимались въ Царскую казну, а должнику судомъ выдавалась отпись, на основаніи которой онъ считался свободнымъ отъ всякихъ притязаній кредитора (о даваемыхъ при Іоаннѣ IV въ разное время общихъ разсрочкахъ въ платежѣ долговъ, мы упоминаемъ мимоходомъ, такъ какъ они не вводятъ никакихъ новыхъ правилъ о порядкѣ удовлетворенія по обязательствамъ).

При царѣ Михаилѣ Федоровичѣ, указомъ отъ 17. ноября 1628 года, повелѣно было, чтобы въ случаѣ неплатежа должникомъ въ срокъ денегъ кредитору, послѣдній имѣлъ право взыскивать какъ проценты, такъ и убытки, если только о томъ было постановлено въ заемной кабалѣ. При этомъ было

пояснено, что количество убытковъ слѣдуетъ назначать не по показанію заимодавца, а по разсмотрѣнію и опредѣленію суда.

Дальнѣйшее развитіе тѣхъ же, въ сущности, правилъ о порядкѣ исполненія договора займа, мы находимъ въ Уложеніи 1649 года. Такъ какъ письменная форма договора займа стала единственною, допускаемою закономъ, то и удовлетвореніе по договору могло быть удостовѣрено только на письмѣ. Вслѣдствіе этого о платежѣ по заемной кабалѣ, должна быть сдѣлана подпись на послѣдней или дана особая росписка. Эта подпись или росписка должна быть утверждена рукою заимодавца и только въ такомъ видѣ та и другая принимается, въ случаѣ спора, въ доказательство сдѣланнаго платежа (глава X ст. 254). Затѣмъ, кредиторъ имѣетъ право требовать удовлетворенія по заемному обязательству въ срокъ, указанный въ этомъ послѣднемъ; но должникамъ, впавшимъ въ несостоятельность, вслѣдствіе какихъ нибудь несчастныхъ причинъ, должна быть сдѣлана разсрочка въ платежѣ долга. Однако не дается никакого снисхожденія должнику, который впалъ въ несостоятельность по своей винѣ или оплошности (глава X, ст. 503—206). Далѣе, установлено правило, въ силу котораго должникъ, опорочившій ложно заемное обязательство и отрицающій существованіе долга, подвергается взысканію вдвое, въ пользу истца. Но если, заявивъ подозрѣніе въ недѣйствительности обязательства, должникъ сознаетъ затѣмъ на судѣ ложность, сдѣланнаго имъ сначала, заявленія, то съ него взыскивается только сумма долга (глава X ст. 259).

Относительно обязанности кредитора принять въ срокъ отъ должника занятое послѣднимъ имущество, въ Уложеніи 1649 года мы не находимъ никакихъ правилъ.

Послѣдующіе за уложеніемъ 1649 года разные указы, до Банкротскаго устава 19 декабря 1800 года, не содержатъ въ себѣ никакихъ новыхъ началъ относительно порядка исполненія договора займа. Въ Банкротскомъ уставѣ установлены по этому предмету слѣдующія правила: всякій, незаплатив-

шій по заемному обязательству въ срокъ, подвергается, въ видѣ неустойки, платежу трехъ процентовъ со всего незаплаченного капитала (2 ч. 35 ст.). Затѣмъ, со дня просрочки присуждается на незаплаченный капиталъ 5 процентовъ въ годъ, пока сумма процентовъ не сравняется съ должнымъ капиталомъ (2 ч. 36 ст.). Когда же сумма процентовъ будетъ равна капиталу, дальнѣйшее теченіе процентовъ прекъсняется (37 ст.). По представленіи заемныхъ писемъ ко взысканію, немедленно справляться объ имѣніи должника, какое будетъ показано кредиторомъ и какое, сверхъ того, окажется свободнымъ (56 ст.). вмѣстѣ съ тѣмъ налагается, соразмѣрно съ долгомъ, запрещеніе на недвижимое а если его окажется недостаточнымъ, то секвестръ на слѣдующую часть движимаго имущества (57 и 58). Одновременно съ этимъ дѣлается распоряженіе о призывѣ должника къ отвѣту и платежу, причемъ срокъ вызова предписывается сообразовать съ мѣстонахожденіемъ отвѣтника. Если должникъ явится по вызову и заплатитъ долгъ, то имущество его освобождается отъ запрещенія и секвестра; а если неявится или явившись не заплатитъ, то означенное имущество поступаетъ въ продажу, для удовлетворенія кредитора (59, 60 и 61 ст.). Взысканіе по крѣпостному заемному письму могло остановить лишь заявленіе спора о подлогѣ и тогда дѣло передавалось въ уголовный судъ (ст. 68). Если же противъ крѣпостнаго заемнаго письма заявленъ былъ споръ о безденежности, то таковой споръ не принимался къ разсмотрѣнію и неостанавливалъ взысканіе. Равнымъ образомъ, уплату всей суммы или части по крѣпостному заемному письму, можно было доказывать или сдѣланною на подлинномъ обязательствѣ надписью, или ясною платежною роспискою, или подобнымъ обязательствомъ, подписаннымъ рукою самаго кредитора. Кромѣ того, уплата по крѣпостному заемному письму удостовѣрялась надписью присутственнаго мѣста, если чрезъ него платежъ должникомъ былъ произведенъ кредиту (ст. 63). Наконецъ, относительно домовыхъ заемныхъ писемъ и счетовъ, допускался споръ о безденежности, причемъ въ доказательство та-

кого спора принимались свидѣтельскія показанія. (ст. 67). Почти всѣ эти правила Банкротскаго устава ¹⁾ вошли цѣликомъ въ 1 ч. X т., съ небольшими только измѣненіями и дополненіями. Такъ, указомъ 10 іюня 1815 года, о явѣ заемныхъ писемъ (пол. собр. закон. № 25900), постановлено, между прочимъ, правило, вошедшее въ 2057 ст. 1 ч. X т., въ силу котораго, если крѣпостное или домовое заемное письмо почему либо несостоится, то надлежитъ его въ семидневный срокъ ²⁾ явить для отмѣтки къ уничтоженію, въ то присутственное мѣсто или тому должностному лицу, гдѣ оно было записано. Далѣе, указомъ 14 мая 1832 года объ учрежденіи коммерческихъ судовъ (пол. собр. зак. № 5360), установлено правило, что надбранное заемное письмо, если оно находится въ рукахъ должника, обыкновенно служить доказательствомъ платежа, когда противное тому не будетъ доказано. Это правило цѣликомъ занесено въ 2053 ст. 1 ч. X т. Затѣмъ, дополненіе правилъ Банкротскаго устава сдѣлано на основаніи Высочайше утвержденнаго 15 апрѣля 1842 года, мнѣнія государственнаго совѣта, которымъ признано, что если за отсутствіемъ займодавца, или-же по какому либо другому обстоятельству, платежъ не можетъ быть произведенъ ни ему, ни его повѣренному, то заемщикъ, съ наступленіемъ срока, представляетъ занятую сумму въ судебное мѣсто по принадлежности и получаетъ отъ него въ томъ квитанцію. Это правило, нашедшее себѣ мѣсто въ 2055 ст. 1 ч. X т., какъ и постановленіе Іоанна IV, имѣетъ цѣлью огражденіе интересовъ должника и указываетъ, какъ способъ разрѣшенія обязательства, представленіе должной суммы, въ указанный срокъ и при извѣстныхъ условіяхъ, въ судебное мѣсто. Наконецъ, постановленія Банкротскаго устава были измѣнены

¹⁾ Исключеніе составляютъ правила о вызовѣ должника къ отвѣту и о порядкѣ наложенія запрещенія и секвестра на его имѣніе.

²⁾ Семидневный срокъ для явки къ уничтоженію, считается отъ дня полученія заемнаго письма отъ присутственнаго мѣста, маклера или нотаріуса, гдѣ оно было засвидѣтельствовано.

указами 28 октября 1808 и 21 марта 1849 г. (пол. собр. зак. № 23317 и 23112) въ томъ, что узаконенные проценты принято считать, вмѣсто пяти, шесть въ годъ, а исчисленіе процентовъ на незаплаченный капиталъ, допущено безъ всякаго ограниченія, хотя бы наросшіе проценты и сравнялись съ суммою долговаго капитала.

Разсмотрѣнными нами правила относительно порядка исполненія договора, указываютъ намъ, что при исполненіи договора займа всегда главная и существенная обязанность лежить на должникѣ и заключается въ уплатѣ въ установленный срокъ кредитору долгаго (*solutio*), а затѣмъ уже на кредитора возлагается обязанность принять въ надлежащее время занятое должникомъ имущество. Но эта послѣдняя обязанность не можетъ быть вполне осуществлена путемъ судебного принужденія, такъ какъ отъ кредитора зависитъ отказаться отъ полученія удовлетворенія по договору, простить должнику его долгъ и въ этихъ уже случаяхъ обязанность кредитора принять должное въ срокъ, упадаетъ сама собою.

Перейдемъ къ болѣе подробному разсмотрѣнію обязанности должника. И такъ, обязанность должника заключается въ уплатѣ кредитору, въ назначенный договоромъ срокъ, занятаго имъ имущества. Если предметомъ займа служили деньги, то отдача такой же суммы денегъ съ процентами или безъ процентовъ, смотря по условію, будетъ служить исполненіемъ, со стороны должника, принятыхъ имъ на себя обязанностей. Но въ другомъ видѣ представляется дѣло, если предметомъ займа служили другія замѣнимыя вещи, а не деньги. Ко времени наступленія срока исполненія договора займа, у должника можетъ и не быть въ наличности такихъ-же замѣнимыхъ вещей, которыя онъ взялъ въ займы. Понятно, что ему должно быть предоставлено право уплатить кредитору стоимость этихъ вещей, сообразуясь съ мѣстомъ и временемъ, когда по условію должно было послѣдовать исполненіе договора. Такое право должника обуславливается тѣмъ, что всякое имущество, подлежащее гражданскому обороту, можетъ быть переведено на денежные знаки, а слѣдовательно, деньги могутъ быть при-

няты какъ эквивалентъ подлежащихъ отдачѣ занятыхъ вещей. Очевидно, условленный процентъ можетъ имѣть одинаковое мѣсто при займѣ денегъ, такъ и при займѣ другаго имущества, и опредѣляется усмотрѣніемъ договаривающихся сторонъ.

Затѣмъ, съ обязанностію должника уплатить (*solutio*) слѣдующее кредиту по договору займа, связывается обязанность произвести эту уплату въ опредѣленномъ договоромъ мѣстѣ. Если-же мѣсто исполненія неуказано, то, не только въ силу общихъ началъ права, но и согласно 2055 ст. 1 ч. X т., должникъ обязанъ произвести уплату въ мѣстѣ нахожденія кредитора или заимодавца. Указывая, что за отсутствіемъ заимодавца должникъ можетъ слѣдующій съ него платежъ внести въ судебное мѣсто, 2055 ст. очевидно требуетъ чтобы при нахожденіи заимодавца въ своемъ мѣстѣ жительства, должникъ обязательно представилъ туда свой платежъ. Но само собою разумѣется, что уплата по заемному обязательству въ мѣстѣ жительства кредитора, будетъ невозможна для должника, если только послѣдній не знаетъ, гдѣ проживаетъ кредиторъ. Тогда должникъ обязанъ произвести платежъ по мѣсту совершенія договора займа. Обусловливается это тѣмъ, что кредиторъ, не указавъ своего мѣста жительства должнику, предполагаетъ пожелавшимъ получить платежъ тамъ, гдѣ онъ вступилъ въ договоръ съ должникомъ. Затѣмъ, ни въ какомъ случаѣ должникъ не имѣетъ права требовать, чтобы кредиторъ принялъ платежъ въ мѣстѣ его жительства. Вступая въ договоръ займа, должникъ принялъ на себя уплату долга кредитору въ срокъ и такой платежъ обусловливается одною обязанностію, возложенною по договору, а не явкою еще къ нему кредитора за требованіемъ исполненія обязательства.

Очевидно, что разрѣшеніе обязательства по договору займа, какъ и самое существованіе такого договора, можетъ быть удостовѣрено всякими письменными доказательствами. Такимъ образомъ, указанныя въ законѣ письменныя доказательства удовлетворенія должника кредитору, не исчерпываютъ всѣхъ письменныхъ доказательствъ разрѣшенія обязательствъ. Един-

ственное и притомъ безусловное требованіе, которое можетъ быть предъявлено ко всякому письменному доказательству разрѣшенія обязательства,—заключается въ томъ, чтобы оно содержало въ себѣ ясное указаніе произведеннаго должникомъ кредитору платежа по извѣстному договору займа. Отсутствіе такой ясности опорочиваетъ самое письменное доказательство и лишаетъ его всякаго значенія. Поэтому нельзя согласиться со взглядомъ правительствующаго сената о томъ, что платежная росписка безъ всякаго означенія къ какому именно обязательству она относится, все таки можетъ служить доказательствомъ уплаты, при соображеніи съ другими обстоятельствами дѣла (сбор. рѣш. за 1869 г. № 569, за 1872 г. № 100, за 1874 г. № 58, за 1875 г. № 557 и за 1876 г. № 159). Если существованіе договора займа, какъ и его разрѣшеніе, можетъ быть по закону удостовѣрено только путемъ письменныхъ доказательствъ, то одни эти письменныя доказательства и должны быть приняты во вниманіе. Вводить же другія, побочныя обстоятельства, для пополненія и поясненія того, что само по себѣ неясно, представляется неосновательнымъ и несогласнымъ съ закономъ. Что нибудь изъ двухъ: или содержаніе договора займа и его разрѣшеніе можетъ быть удостовѣряемо только письменными доказательствами, или же то и другое можетъ быть доказываемо всякими иными способами. Въ первомъ случаѣ, только письменные акты играютъ роль въ дѣлѣ доказыванія и никакія побочныя обстоятельства не могутъ быть приняты во вниманіе; а во второмъ, письменные акты не имѣютъ никакого преимущества предъ другими доказательствами. Такимъ образомъ, платежная, напримѣръ, росписка, безъ обозначенія къ какому именно обязательству она относится, не имѣетъ значенія доказательства разрѣшенія обязательства, и никакими побочными обстоятельствами дѣла, а равно допросомъ свидѣтелей, пополняема быть не можетъ. Но сопровождавшее эту платежную росписку письмо кредитора, какъ актъ письменный и непосредственно относящійся къ предмету исполненія обязательства, можетъ пополнять недостающій пробѣлъ въ самой роспискѣ и указать къ какому

именно обязательству она относится. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ не побочныя обстоятельства дѣла принимаются въ расчетъ, а два письменныхъ акта: росписка и письмо, которые, въ своей совокупности, составляютъ надлежащее доказательство разрѣшенія обязательства. Тоже самое будетъ, если письмо или записка кредитора, хотя и послѣдовавшія за платежною роспискою, будутъ дополнять и уяснять смыслъ послѣдней.

Но кромѣ письменныхъ доказательствъ, въ видѣ платежныхъ росписокъ, писемъ, надписей на самомъ заемномъ обязательствѣ объ уплатѣ и т. п., допускается закономъ еще особый способъ доказательства погашенія обязательства по договору. Этотъ способъ есть возвращеніе со стороны кредитора должнику, выданнаго имъ письменнаго заемнаго обязательства. Очевидно, если только письменный актъ служить доказательствомъ существованія договора займа, то возвращеніе этого акта должнику, будучи уничтоженіемъ доказательства существованія договора, служить, вмѣстѣ съ тѣмъ, способомъ доказывать разрѣшеніе обязательства. Поэтому представляется совершенно неумѣстнымъ указаніе 2053 ст. 1 ч. X т. на то, что *наддранное* заемное письмо, въ рукахъ должника, служить доказательствомъ платежа. Отсюда, *arguente a contrario* слѣдуетъ, что ненаддранное заемное письмо, хотя бы и находящееся въ рукахъ должника, не можетъ служить доказательствомъ уплаты, — что очевидно неосновательно. Такимъ образомъ, такая редакція 2053 ст. 1 ч. X т. можетъ привести къ несообразнымъ выводамъ и заставляетъ думать, что нахожденіе у должника ненаддраннаго заемнаго письма, не избавляетъ его отъ обязанности доказать погашеніе или разрѣшеніе обязательства. Между тѣмъ, само по себѣ очевидно, что кредиторъ, какъ истецъ, прежде всего, долженъ доказать существованіе договора займа. Нахожденіе въ его рукахъ заемнаго обязательства, служить законнымъ предположеніемъ, что платежъ по обязательству не произведенъ и договоръ продолжаетъ свое существованіе. Но разъ въ его рукахъ нѣтъ письменнаго акта, удостоверяющаго о существо-

ваніи договора, и такой актъ находится въ рукахъ обязавшагося должника, законное предположеніе отсюда то, что обязательство разрѣшено, пока противное не будетъ доказано. А доказать противное обязанъ кредиторъ, и понятно не иначе, какъ посредствомъ письменныхъ актовъ. Такимъ образомъ, безразлично, будетъ ли въ рукахъ должника заемное обязательство въ цѣломъ видѣ или въ надранномъ—оно служитъ доказательствомъ разрѣшенія этого обязательства, пока противное не будетъ доказано кредиторомъ.

Если, затѣмъ, должникъ не исполнитъ своей обязанности и не уплатитъ долга кредиту въ надлежащій срокъ, то онъ, во всякомъ случаѣ, подвергается, посредствомъ судебного принужденія, взысканію: во 1-хъ, занятаго имъ имущества, во 2-хъ, условленныхъ процентовъ и въ 3-хъ, неустойки. При этомъ, какъ мы указали выше и какъ это слѣдуетъ изъ смысла 2056 ст. 1 ч. X т., такія послѣдствія наступаютъ для должника, несмотря на то, что договоръ займа былъ обремененъ и не въ установленную закономъ письменную форму, и не явленъ въ срокъ. Коль скоро договоръ займа и вытекающія изъ него послѣдствія доказаны кредиторомъ, каимъ бы то ни было письменнымъ актомъ, онъ имѣетъ одинаковыя права на взысканіе съ должника не только капитальной суммы, но и процентовъ, со дня просрочки, а равно и установленной неустойки. Это право кредитора ограничивается исключительно въ случаѣ несостоятельности должника. Нельзя допустить, чтобы послѣдствія, наступающія для должника, незаплатившаго въ срокъ, обуславливались не юридическою природою договора займа, а тѣми формами, въ которыя обремененъ былъ этотъ договоръ. Нельзя признать это и потому, что соблюденіе извѣстныхъ формъ совершенія договора займа,

Статья эта говоритъ: „Ежели по заемному письму не будетъ заплочено всѣхъ денегъ въ установленный срокъ, то займодавецъ обязанъ по сроку, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, или явить оное только для вѣдома къ нотаріусу, или же представить прямо для взысканія, куда слѣдуетъ. *Если же сего учинено не будетъ, то удовлетвореніе по такому заемному письму производится, въ случаѣ несостоятельности при конкурсѣ, не нравно....*“

установлено въ интересахъ третьихъ лицъ, неучаствовавшихъ въ данной сдѣлкѣ. А коль скоро несоблюденіемъ этихъ формъ интересы третьихъ лицъ немогутъ быть нарушены, то очевидно оно и не должно имѣть никакихъ послѣдствій для кредитора, а тѣмъ болѣе не должно служить средствомъ облегченія неисправнаго должника, относительно послѣдствій, вытекающихъ изъ неуплаты въ срокъ занятаго. Что касается лежащихъ по исполненію договора займа на кредитора обязанности, то въ числу такихъ обязанностей, какъ мы указали, относится только обязанность, притомъ ограниченная, принять отъ должника въ срокъ, занятое послѣднимъ у него имущество. Понятно, что должникъ долженъ быть гарантированъ въ тѣхъ случаяхъ, когда кредиторъ, неотказываясь отъ права на полученіе платежа по договору и не прощая должнику долгъ, вмѣстѣ съ тѣмъ по какимъ либо соображеніямъ отказывается въ установленный срокъ принять платежъ (solutio). Въ этихъ видахъ и установлено въ 2055 ст. 1 ч. X т. правило, въ силу котораго должникъ имѣетъ право внести слѣдующій по договору платежъ въ судебное мѣсто, если кредиторъ не будетъ принимать отъ него этотъ платежъ или по какимъ либо другимъ причинамъ его нельзя будетъ произвести въ установленный срокъ лично кредитору. Очевидно, внесеніе платежа въ присутственное мѣсто, должно обуславливаться уважительными причинами, лишившими должника возможности произвести платежъ кредитору лично. Естественный порядокъ исполненія договора займа—это удовлетвореніе лично кредитора или его законно уполномоченнаго, поэтому внесеніе денегъ въ судебное мѣсто еще не служитъ доказательствомъ исполненія обязательства по договору и на должникѣ лежитъ обязанность на судѣ доказать существованіе, въ данномъ случаѣ, тѣхъ уважительныхъ причинъ, которыя лишили его возможности произвести платежъ непосредственно кредитору. Въ виду уже изложенныхъ основаній, въ числу такихъ уважительныхъ причинъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ относить ненахожденіе кредитора въ мѣстѣ жительства должника. Поэтому, ничѣмъ не можетъ быть оправданъ высказанный правительствующимъ. гр. и уг. пр. вѣд. въ 1882 г.

щимъ сенатомъ взглядъ о томъ, что законъ не воспрещаетъ, будто-бы, отсутствіе плательщика изъ мѣста жительства заимодавца, относить къ числу уважительныхъ причинъ, о которыхъ говорится въ 2055 ст. 1 ч. X т. и въ силу которыхъ должникъ имѣетъ право внести слѣдующій платежъ въ судебное мѣсто (сбор. рѣш. за 1869 г. № 1199). Уже изъ того, что обязанность уплаты обуславливается существованіемъ одного договора и срокомъ въ немъ назначеннымъ, слѣдуетъ необходимый выводъ, что кредиторъ, для полученія права на платежъ, не обязывается еще явкой въ мѣсто жительства должника, для требованія этого платежа. Если же кредиторъ не обязанъ предъявлять особаго требованія объ удовлетвореніи, для того, чтобы для него наступило право на полученіе платежа, то, само собою разумѣется, этотъ платежъ долженъ быть произведенъ должникомъ кредиту, безъ явки послѣдняго въ мѣсто его жительства. А такъ какъ производство платежа составляетъ отдачу лично кредитору занятаго имущества, то естественно эта отдача должна быть произведена или въ мѣста жительства кредитора, или же по мѣсту совершенія договора. Наконецъ, изъ того, что внесеніе платежа въ судебное мѣсто составляетъ исключительный способъ исполненія должникомъ принятыхъ на себя по договору обязанностей, естественно вытекаетъ во 1-хъ, что вносимый въ судебное мѣсто платежъ, долженъ быть принятъ отъ должника судебнымъ мѣстомъ лишь при наличности тѣхъ уважительныхъ причинъ, о которыхъ говорится въ 1055 ст. 1 ч. X т., а во 2-хъ, что и послѣ принятія судомъ, платежъ не считается поступившимъ въ собственность кредитора, пока этотъ послѣдній или не приметъ его, или не признаетъ дѣйствительности тѣхъ обязательствъ, которыя послужили должнику основаніемъ представить платежъ по договору въ судебное мѣсто. Первое, выведенное нами положеніе, сколько намъ извѣстно, признается всѣми. И дѣйствительно, было бы непонятно утвержденіе, что судебное мѣсто обязано принимать платежъ отъ должника безъ всякаго со стороны его указанія тѣхъ основаній, которыя даютъ ему право на такое внесеніе. Судебное мѣсто не сберегательная кас-

са, куда можно было - бы вносить, безъ указаній законныхъ основаній, всякаго рода платежи; оно обязано, сверхъ того, принимать такія платежи, при наличности извѣстныхъ условій.

Но второе положеніе, на которое мы указали, къ сожалѣнію неусвоено еще нашею судебною практикою. Такъ, правительствующій сенатъ, въ рѣшеніи своемъ за 1876 г. № 448, между прочимъ, высказалъ, что должникъ, представляя деньги въ судъ, какъ платежъ по договору, тѣмъ самымъ установилъ за кредиторами право собственности на нихъ. Отсюда, по мнѣнію правительствующаго сената, слѣдуетъ, что просьба того же должника, обращенная въ судъ объ удержаніи этихъ денегъ и невыдачѣ ихъ кредитору, до окончаніи другаго, заведеннаго въ судѣ дѣла, есть просьба объ обезпеченіи иска и не можетъ служить препятствіемъ къ признанію его внесеннымъ платежъ по договору въ установленный срокъ. Впрочемъ, отъ этого взгляда, какъ кажется, отказался правительствующій сенатъ въ послѣдующемъ своемъ рѣшеніи, состоявшемся въ 1880 г. (сбор. рѣш. за 1880 г. № 93). Здѣсь онъ впадаетъ въ другую крайность и утверждаетъ, что пока внесенныя должникомъ въ судебное мѣсто деньги, не будутъ выданы надлежащему кредитору, до тѣхъ поръ онѣ составляютъ собственность должника, который имѣетъ право требовать возвращенія ихъ. Дѣло въ томъ, что должникъ, внесшій деньги въ судебное мѣсто, не перестаетъ быть ихъ собственникомъ съ момента принятія у него этихъ денегъ судомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, не одно полученіе кредиторомъ, изъ суда, внесеннаго должникомъ платежа, переноситъ на кредитора право собственности на внесенный платежъ; такое же право собственности для кредитора должно устанавливать и признаніе имъ основательности сдѣланнаго должникомъ взноса, помимо его, въ судебное мѣсто. Этимъ признаніемъ, въ виду заявленія самаго должника, сдѣланнаго судебному мѣсту, обязательство принятое по договору считается окончаннымъ, а слѣдовательно, платежъ по нему принадлежитъ кредитору.

Въ такомъ видѣ представляется намъ порядокъ исполненія договора займа, по нашимъ законамъ.

Мы полагаемъ, что изложенныя нами данныя оправдываютъ сдѣланное нами выше опредѣленіе договора займа по нашимъ законамъ и подтверждаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, справедливость выведенныхъ нами изъ указаннаго опредѣленія положеній, относительно юридической природы договора займа.

К. Змировъ.

О НЕДОСТАТКАХЪ НАШЕГО СУДА ПРИСЯЖНЫХЪ.

III.

Кто имѣлъ возможность слѣдить за приговорами, постановляемыми присяжными засѣдателями въ уѣздныхъ сессіяхъ и въ сессіяхъ большихъ городовъ, особенно столичныхъ, и сравнивать ихъ между собою, тотъ конечно не могъ не замѣтить существеннаго между ними различія, заключающагося въ томъ, что въ первыхъ изъ нихъ преобладаютъ приговоры обвинительные, а во вторыхъ—оправдательные. Такое существенное различіе въ характерѣ самихъ приговоровъ присяжныхъ большихъ городовъ и уѣздныхъ,—различіе настолько рѣзкое, что оно не можетъ ускользнуть и отъ самаго поверхностнаго наблюдателя,—и притомъ различіе не временное, а, напротивъ того, постоянное, повторяющееся изо дня въ день, конечно не можетъ быть объясняемо одною только простою случайностью, и объясненіе его, естественно, слѣдуетъ искать въ самомъ составѣ суда присяжныхъ засѣдателей; или присяжные засѣдатели уѣздныхъ городовъ слишкомъ строги, даже въ ущербъ справедливости, или же, наоборотъ, присяжные засѣдатели столичныхъ и другихъ большихъ городовъ, въ ущербъ правосудію, слишкомъ снисходительны. Намъ кажется, что мы не ошибемся, если признаемъ, что, по отношенію къ нашимъ судамъ присяжныхъ засѣдателей, и то и другое предположеніе, до известной степени, имѣетъ мѣсто. Справедливость перваго предположенія, объ излишней строгости нашихъ уѣздныхъ присяж-

ныхъ засѣдателей и существенныя причины его, мы старались доказать въ предыдущей нашей статьѣ, посмотримъ же теперь, насколько вѣрно второе предположеніе, и если вѣрно, хотя отчасти, то въ чемъ заключаются существенныя причины этого явленія?

Въ предыдущей нашей статьѣ, говоря о тѣхъ нареканіяхъ, которыми подвергается нашъ судъ присяжныхъ засѣдателей, по поводу большаго числа оправдательныхъ приговоровъ, мы указывали на то, что для того, чтобы правильно судить о дѣятельности присяжныхъ засѣдателей, намъ недостаточно еще имѣть точныя свѣдѣнія о числѣ оправдательныхъ приговоровъ вообще. Дѣятельность суда присяжныхъ засѣдателей, какъ основаннаго на довѣріи, въ этомъ отношеніи неуловима для контроля. Причины оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ засѣдателей могутъ заключаться, какъ въ неумѣломъ, небрежномъ и неправильномъ отношеніи присяжныхъ къ своимъ обязанностямъ, такъ и въ недостаточности уликъ къ обвиненію, въ слабости и неправильности самаго обвиненія, такъ что для того, чтобы утверждать, что по извѣстному дѣлу присяжными засѣдателями постановленъ неправильный оправдательный приговоръ, намъ необходимо доказать, что по данному дѣлу присяжнымъ засѣдателямъ были представлены полныя доказательства виновности подсудимаго. Такимъ, болѣе вѣрнымъ и болѣе другихъ, такъ сказать, осязательнымъ доказательствомъ, является, конечно, собственное сознаніе подсудимаго, данное имъ на судѣ; въ виду этого, для того, чтобы составить себѣ по возможности правильное понятіе о дѣятельности присяжныхъ засѣдателей, намъ необходимо имѣть точныя свѣдѣнія о приговорахъ по такимъ преступленіямъ, въ которыхъ на судѣ было полное сознаніе подсудимыхъ и притомъ не возбуждалось вопроса о вѣняемости. Своды статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ, не даютъ намъ такихъ данныхъ, и хотя чрезъ это мы и лишены возможности провѣрить путемъ официальныхъ данныхъ, дѣятельность нашихъ присяжныхъ засѣдателей въ этомъ отношеніи, но тѣмъ не

менѣе, какъ намъ кажется, мы смѣло можемъ сказать, что каждому, болѣе или менѣе знакомому съ судомъ присяжныхъ засѣдателей, особенно въ столицахъ, не безъизвѣстны случаи оправданія присяжными засѣдателями сознающихъ на судѣ подсудимыхъ, даже и тогда, когда не возбуждалось вовсе вопроса о вѣроятности. Конечно, случаи эти, отдѣльно взятые, какъ исключенія, еще не могутъ служить доказательствомъ излишней снисходительности присяжныхъ засѣдателей. Выдѣленіе вопроса о вѣроятности зависитъ не отъ присяжныхъ засѣдателей, а отъ суда, и присяжные засѣдатели, если судомъ и не было выдѣлено такого вопроса, во всякомъ случаѣ, должны разрѣшить его, какъ одинъ изъ элементарныхъ вопросовъ, входящихъ въ составъ общаго вопроса о виновности, и потому могутъ признать невѣроятнымъ, а слѣдовательно и невиновнымъ, и такого, сознающагося подсудимаго, относительно котораго особаго вопроса о вѣроятности и не было предлагаемо. Но когда эти случаи оправданія сознающихъ на судѣ подсудимыхъ, являются не рѣдкимъ исключеніемъ, а явленіемъ обыденнымъ, и притомъ по отношенію къ извѣстнаго рода преступленіямъ, или къ лицамъ, принадлежащимъ къ извѣстному сословію, то естественно зарождается подозрѣніе и небезъосновательное, что такіе оправдательные приговоры присяжныхъ являются не послѣдствіемъ признанія ими подсудимыхъ невѣроятными, а просто помилованіемъ ихъ. Справедливость этого предположенія находитъ себѣ подтвержденіе и въ другаго рода приговорахъ присяжныхъ засѣдателей, такъ называемыхъ *измѣненными*, это—когда присяжные засѣдатели признаютъ подсудимаго виновнымъ не въ томъ преступленіи, въ которомъ онъ обвиняется, а въ меньшемъ, измѣняющемъ иногда даже самую подсудность дѣла, какъ напр. вмѣсто кражи со взломомъ, отвергая взломъ, въ простой кражѣ, или вмѣсто грабежа—открытаго похищенія, въ тайномъ похищеніи—кражѣ и т. п. Приговоры эти, какъ имѣющіе видъ обвинительныхъ, такъ и остаются незамѣченными нашею уголовною статистикою, а между тѣмъ, такіе приговоры являются дѣломъ самымъ обыкновеннымъ и весьма не-

большой процент обвиненій, по извѣстнаго рода дѣламъ, проходить на судѣ столичныхъ присяжныхъ засѣдателей неизмѣненнымъ. Эти приговоры, какъ намъ кажется, еще болѣе чѣмъ приговоры оправдательные, указываютъ на то, что присяжные засѣдатели, при постановленіи ихъ, выходятъ изъ предѣловъ предоставленной имъ по закону власти. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же допустить, чтобы наши обвинительныя камеры, при преданіи суду, дѣйствовали бы всегда съ какимъ то запросомъ, обвиняя лицъ въ высшемъ преступленіи противъ дѣйствительно ими совершеннаго; нельзя допустить уже потому, что сами же подсудимые на судѣ нерѣдко сознаются именно въ этомъ высшемъ преступленіи и, несмотря на то, все таки признаются присяжными засѣдателями виновными въ низшемъ. Дѣйствительно, напрасно мы стали бы закрывать глаза на такіе приговоры, и, пользуясь отсутствіемъ официальныхъ данныхъ и слабостью нашей уголовной статистики, защищать нашъ судъ присяжныхъ во что бы то ни стало, доказывая, что наши присяжные засѣдатели при постановленіи ими приговоровъ, всегда дѣйствуютъ въ предѣлахъ предоставленной имъ по закону власти и не допускаютъ помилованія. Ежедневный опытъ убѣждаетъ насъ въ противномъ; приговоры присяжныхъ засѣдателей, которыми оправдываются обвиняемые, признавшіе себя виновными, или признаются виновными въ меньшемъ преступленіи, вопреки собственному сознанію обвиняемыхъ, далеко не рѣдкое явленіе, особенно въ судахъ столичныхъ, и какое бы ни было число такихъ приговоровъ, во всякомъ случаѣ они ясно указываютъ на то, что между судомъ и закономъ существуетъ какой то разладъ, умаляющій значеніе суда и подрывающій къ нему довѣріе, какъ къ учрежденію, дѣйствующему не строго по закону, но и по произволу, столь неумѣстному въ дѣлѣ суда. Откуда же происходитъ этотъ разладъ, гдѣ причины, породившія его? Причинъ этого разлада конечнаго, но мы остановимся пока на главныхъ, болѣе существенныхъ изъ нихъ. Отвѣтъ на предложенный нами вопросъ напрашивается самъ собою; если дѣйствительно существуетъ разладъ между зако-

помъ и судомъ, то очевидно, что нибудь изъ двухъ: или нашъ судъ плохъ, наши присяжные засѣдатели настолько еще неразвиты, что не дозрѣли до понятія законности, или же нашъ уголовный законъ настолько устарѣлъ и обветшалъ, что примѣненіе его и примиреніе съ дѣйствительною жизнью, въ иныхъ случаяхъ, представляется неудобноисполнимымъ.

Оправдательные приговоры присяжныхъ засѣдателей, вообще, а также и сознающихся на судѣ, сравнительно въ большемъ числѣ появляются, какъ мы это замѣтили выше, въ судахъ большихъ городовъ и особенно столичныхъ. Такое явленіе, на первый взглядъ, можетъ показаться трудно объяснимымъ. Въ составѣ присяжныхъ засѣдателей большихъ городовъ, особенно въ столицахъ, мы нерѣдко встрѣчаемъ не только лицъ, вполне развитыхъ и получившихъ высшее образованіе, но даже и юристовъ, и нашихъ знаменитыхъ ученыхъ; правда, что они и въ столичныхъ судахъ далеко не составляютъ большинства и составы нашихъ присяжныхъ засѣдателей, даже столичныхъ судовъ, не всегда можно признать состоящими изъ „лучшихъ гражданъ“, какъ того желалъ законодатель; причины этого, по нашему мнѣнію, заключаются главнымъ образомъ въ самомъ законѣ, опредѣляющемъ составъ присяжныхъ засѣдателей, на недостатки котораго мы постараемся указать въ послѣдствіи, но, во всякомъ случаѣ, нельзя не признать того, что лица, призываемыя къ исполненію обязанности присяжныхъ засѣдателей въ большихъ городахъ, способны нести ее, что это и болѣе развитые и лучшіе наши присяжные засѣдатели. Какимъ же образомъ примирить эти два положенія? Какъ объяснить себѣ причину, почему именно этими то, и болѣе развитыми и лучшими нашими присяжными засѣдателями, допускается, такъ сказать охотнѣе, превышеніе предоставленной имъ по закону власти, тогда какъ, казалось бы, отъ нихъ то именно мы и въ правѣ были ожидать строгаго и законнаго выполненія своихъ обязанностей? Объяснить эту причину можно только тѣмъ, что наши и болѣе развитые и лучшіе присяжные засѣдатели не въ силахъ, такъ сказать, исполнить возложенныя на нихъ

обязанности, не вслѣдствіе ихъ къ тому неспособности или личныхъ ихъ недостатковъ, а вслѣдствіе недостатковъ того закона, судить по которому они призваны, и что они, какъ лица болѣе развитыя, а слѣдовательно, болѣе способныя понимать и соображать послѣдствія своихъ приговоровъ, скорѣе склоняются нарушить свой долгъ и превысить свою власть, взявъ, такъ сказать, *иръхъ на свою душу*, чѣмъ признать подсудимаго виновнымъ, зная, что онъ за это будетъ приговоренъ къ чрезмѣрному, несоотвѣтствующему его винѣ, несправедливому наказанію.

Такое рѣшеніе вопроса, а именно, что одною изъ причинъ большаго числа оправдательныхъ приговоровъ является отсталость нашего уложенія о наказаніяхъ, конечно рѣшеніе не новое. На это указывалось неоднократно и въ нашей литературѣ. Такъ И. И. Фойницкій въ статьѣ своей: „Оправдательныя рѣшенія присяжныхъ засѣдателей“ ¹⁾ въ числѣ прочихъ причинъ, препятствующихъ правильному отправленію присяжными засѣдателями ихъ обязанностей, указываетъ на недостатки нашего уложенія. Недостатки эти, по отношенію къ дѣятельности суда присяжныхъ засѣдателей, онъ видитъ: въ крайне тѣсномъ предѣлѣ для суда при выборѣ наказаній, въ сбивчивыхъ и неясныхъ опредѣленіяхъ, въ устарѣлости взгляда на нѣкоторыя дѣянія, признаваемые преступными, а главнымъ образомъ, въ карательной системѣ, принятой уложеніемъ, невыдерживающей никакой критики. А. О. Кони въ статьѣ своей „Спорный вопросъ нашего судоустройства,“ ²⁾ подробно разбирая дѣятельность судовъ присяжныхъ засѣдателей по дѣламъ о преступленіяхъ противъ правилъ о паспортахъ, какъ на причину, постоянно повторяющихся оправдательныхъ приговоровъ по этимъ дѣламъ, указываетъ на неосновательность всей нашей паспортной системы и отсталость законовъ уголовныхъ, ее охраняющихъ. Наконецъ, обветшалость и непригодность нашего уложенія приз-

¹⁾ См. журналъ гражд. и угол. права 1879 г. кн. 6.

²⁾ См. Вѣстникъ Европы 1881 г. Январь.

наны въ настоящее время и официально, и наше уложеніе, какъ извѣстно, пересматривается по Высочайшему повелѣнію. Посмотримъ же теперь, въ чемъ именно заключаются эти существенные, но общіе недостатки нашего уложенія, которые, главнымъ образомъ, и препятствуютъ нашимъ присяжнымъ засѣдателямъ въ правильномъ исполненіи ими своихъ обязанностей и не представляется ли возможность устранить ихъ, не выжидая пересмотра всего уложенія и изданія новаго уголовного кодекса.

Такое явленіе, что большинство оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ засѣдателей является слѣдствіемъ несовершенства уголовныхъ законовъ и недостатковъ, кроющихся въ нихъ, мы встрѣчаемъ и въ исторіи судовъ присяжныхъ другихъ странъ, особенно Франція, а потому и обратимся прежде всего къ исторіи ея.

Во Франціи, съ начала дѣйствія судовъ присяжныхъ засѣдателей, имъ не было представлено права признанія подсудимыхъ заслуживающими снисхожденія, въ смыслѣ смягченія наказанія подсудимымъ. Законъ 1791 года назначалъ за каждое преступленіе опредѣленное наказаніе, но присяжные пользовались болѣе широкимъ правомъ, равносильнымъ праву помилованія подсудимаго, такъ какъ признаніе ими поводовъ къ *excuses*, влекло за собою освобожденіе подсудимаго отъ суда. Затѣмъ, это право присяжныхъ было ограничено, и по закону 3 брюмера IV года, признаніе поводовъ къ снисхожденію должно было влечь за собою только смягченіе наказанія. Поводы къ снисхожденію въ началѣ опредѣлялись самими присяжными, но современемъ и это право присяжныхъ стало подвергаться ограниченію и послѣ того, когда кассационный судъ высказался нѣсколько разъ въ томъ смыслѣ, что только тѣ поводы могутъ произвести смягченіе, которые положительно указаны въ законѣ, правило это вошло въ законъ 1810 года, 65 статьею котораго опредѣлено, что „никакое преступленіе и проступокъ не можетъ быть извиняемо, а наказаніе смягчено внѣ тѣхъ случаевъ и обстоятельствъ, въ коихъ законъ объявляетъ дѣяніе извинительнымъ (*excusable*) или доз-

воляетъ назначить за него менѣе тяжкое наказаніе.“ „Когда установилось твердо принятое въ ст. 65 французскаго уголовного уложенія 1810 года правило, по которому можно было ссылаться только на тѣ поводы къ снисхожденію, которые были положительно указаны въ законѣ, тогда“ говорить Липманъ „обнаружилась очевидная несостоятельность всей системы уголовного уложенія, въ которомъ установлены были одни только постоянно неизмѣнныя наказанія и ярко выступила излишняя строгость закона. Присяжные скорѣе рѣшались успокоить свою совѣсть такъ называемымъ „благодѣтельнымъ нарушеніемъ присяги“ (*par jure pieux*) чѣмъ навлечь своимъ рѣшеніемъ на обвиняемаго наказаніе, несоразмѣрное съ его виною. Присяжные, такимъ образомъ, самовольно устранили примѣненіе строгаго закона постановленіемъ оправдательныхъ рѣшеній“ ¹⁾. Это же, при общей строгости наказаній, налагаемыхъ закономъ уголовнымъ, вызвало конечно большое число оправдательныхъ приговоровъ. Такъ было до закона 1832 года, предоставившаго присяжнымъ засѣдателямъ, вновь, право опредѣлять поводы къ снисхожденію (*circonstances atténuantes*). Законъ этотъ, предоставившій суду возможность, до известной степени, соразмѣрять наказаніе съ виною подсудимаго, уменьшая это наказаніе на двѣ степени, противъ положеннаго въ законѣ, въ случаѣ признанія подсудимаго присяжными засѣдателями заслуживающимъ снисхожденія, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ то, что число оправдательныхъ и измѣненныхъ приговоровъ присяжныхъ стало уменьшаться съ каждымъ годомъ и вотъ что мы находимъ по этому поводу у Faustin Hélie: „До закона 28 апрѣля 1832 года число оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ засѣдателей было очень велико, по причинѣ крайней строгости уголовного закона. Законъ о смягчающихъ обстоятельствахъ, давшій возможность соразмѣрять наказаніе съ преступленіемъ, изсушилъ,

¹⁾ Boitard I c. p. 293. Le Sellyer I c. p. 552. Morin. Répertoire général et raisonné. Questions au jury. II p. 600.

Lippmann. Historisch-dogmatische Darstellung der Lehre von der richterlichen Strafänderungsbefugnis nach französischem Recht. 1863.

такъ сказать, этотъ источникъ безнаказанности. Такъ, до 1832 г. число оправданныхъ подсудимыхъ доходило до 46 на 100, съ этого же времени это число стало постепенно уменьшаться. Въ 1851 г. число оправданныхъ было 33 на 100, въ 1852—31, въ 1853—27, въ 1854 и 1855—25 и наконецъ 1863—1864—25 и 24¹⁾. Далѣе, переходя къ разсмотрѣнію обвинительныхъ приговоровъ, онъ говоритъ: „До закона 28 апрѣля 1832 года, присяжные, находя обвиненіе основательнымъ, въ иныхъ случаяхъ, произносили обвинительныя приговоры, измѣнивъ однако обвиненіе: въ 1826 году только 40 обвинительныхъ приговоровъ изъ 100 были постановлены безъ измѣненія самаго обвиненія, въ 1831 число это упало уже до 31. Но какъ только новый законъ далъ возможность уравнивать наказанія, число обвинительныхъ приговоровъ, согласныхъ съ обвиненіемъ, стало возвышаться съ каждымъ годомъ. Число это, которое въ 1832 г. было 38 на 100 обвиненій, немедленно же поднялось въ 1833 до 43 на 100, до 42—въ 1834, до 43—въ 1836, и т. д. и статистика подтверждаетъ, что оно поднялось до 51—въ 1850, до 54—въ 1851, до 62—въ 1853, до 67—въ 1854 и 1855, и это послѣднее число поддерживалось и въ слѣдующіе годы. Эти цифры свидѣтельствуютъ о твердомъ содѣйствіи присяжныхъ засѣдателей дѣлу уголовного правосудія“¹⁾.

И такъ, излишняя суровость закона уголовного, крайнее стѣсненіе, какъ суда въ выборѣ наказанія, такъ и присяжныхъ засѣдателей въ выраженіи ихъ мнѣній о существованіи такихъ обстоятельствъ, которыя должны быть признаны смягчающими вину подсудимаго и невозможность вслѣдствіи сего соразмѣрить дѣйствительную вину подсудимаго съ наказаніемъ, вотъ тѣ существенныя причины, которыя, какъ то доказано опытомъ, препятствовали правильному отправленію правосудія присяжными засѣдателями во Франціи. Посмотримъ же теперь, не существуетъ-ли у насъ подобныхъ же причинъ и не

¹⁾ Faustin Hélie. Traité de l'instruction criminelle. T. VII. Du Jury. № 3138.

они ли вызываютъ большинство оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ засѣдателей?

Прежде всего, нельзя не обратить вниманія на то, что одна изъ существенныхъ причинъ, препятствующихъ правильному отправленію правосудія присяжными засѣдателями во Франціи, причина, съ устраненіемъ которой, какъ это мы сейчасъ видѣли, число обвинительныхъ приговоровъ присяжныхъ засѣдателей сразу увеличилось, и стало возрастать годъ отъ году, это — стѣсненіе присяжныхъ засѣдателей при признаніи подсудимыхъ заслуживающими снисхожденія, была устранена нашимъ законодательствомъ, введеніемъ 814 и 828 ст. уст. угол. суд., предоставившими присяжнымъ засѣдателямъ право, по своему усмотрѣнію, признавать подсудимыхъ заслуживающими снисхожденія и обязывающими судъ, въ случаѣ такого признанія, уменьшить наказаніе подсудимому на одну, а въ случаѣ, если судъ усмотритъ въ дѣлѣ обстоятельства уменьшающія вину, и на двѣ степени. Означенныя статьи вошли въ уставъ изъ основныхъ положеній ст. 90 и 92. При обсужденіи ихъ въ государственномъ совѣтѣ, сначала въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и гражданскихъ дѣлъ, а затѣмъ, въ общемъ собраніи, признано было почти единогласно ¹⁾ необходимымъ предоставить нашимъ присяжнымъ засѣдателямъ такое право, „дабы“, какъ сказано въ журналахъ государственнаго совѣта, *„при дѣйствіи нашихъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, строгихъ законовъ о наказаніяхъ, отнять у нихъ неизбежное безъ того побужденіе къ оправданію такихъ преступниковъ, которые, въ случаѣ признанія ихъ виновными, подлежали-бы по закону строгому наказанію“*. Изъ этихъ соображеній государственнаго совѣта видно, что онъ предви-

¹⁾ По мнѣнію одного члена, графа Панина, признаніе присяжными засѣдателями подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія, должно влечь за собою уменьшеніе ему наказанія только въ томъ случаѣ, если судъ согласится. съ этимъ и находить законныя основанія къ смятченію. Къ мнѣнію этому, въ общемъ собраніи, присоединились еще два члена и вопросъ разрѣшенъ большинствомъ 22 голосовъ противъ 3-хъ. См. журналы соедин. департ. зак. и гражд. дѣлъ стр. 223 и 224 и общ. собр. стр. 17, 18 и 19.

дѣлѣ возможность оправданія подсудимыхъ, вслѣдствіи строгости „въ нѣкоторыхъ случаяхъ“ нашихъ законовъ, и во избѣжаніе этого, и для умаленія, такъ сказать, этой строгости, предоставилъ присяжнымъ засѣдателямъ право, изображенное въ 90 и 93 ст. основныхъ положеній. Эта же строгость законовъ и тѣже соображенія имѣлись въ виду и при обсужденіи власти суда при опредѣленіи наказанія и вызвали 75 ст. основныхъ положеній, перешедшую, затѣмъ, въ 774 ст. уст. угол. суд., предоставляющую суду право собственною властью уменьшать наказаніе на двѣ степени. И этимъ неограничился нашъ законодатель, а почти одновременно съ обнародованіемъ уставовъ, именно 17 апрѣля 1863 г. изданъ былъ законъ о смягченіи наказаній. Законъ этотъ вошедшій въ новое уложеніе о наказаніяхъ 1866 г. отмѣнялъ тѣлесныя наказанія и сократилъ сроки заключеній въ исправительныхъ наказаніяхъ.

Такимъ образомъ и другая причина, которая препятствовала правильному отправленію правосудія присяжными засѣдателями во Франціи, у насъ, повидимому, была предусмотрѣна и къ устраненію ея были приняты мѣры. Посмотримъ же теперь, въ чемъ заключались эти мѣры, что понималъ нашъ законодатель подъ строгостью наказаній и какъ смягчилъ онъ ихъ.

Смягченіе наказаній исправительныхъ, заключалось, какъ мы сказали выше, только въ сокращеніи сроковъ заключеній, самыя же наказанія остались тѣ же самыя, и даже число степеней, на которыя подраздѣлялось каждое изъ этихъ наказаній, осталось прежнее. Такъ 35 ст. 1 ч. XV т. опредѣлено было наказаніе, состоящее въ содержаніи въ арестантскихъ ротахъ, на время отъ 1 года до 10 лѣтъ, съ подраздѣленіемъ его на 5 степеней; по уложенію 1866 г. (ст. 31) осталось тоже наказаніе и тоже число степеней, но срокъ содержанія сокращенъ отъ 1 года до 4 лѣтъ; 4 степени рабочаго дома съ заключеніемъ на время отъ 3 мѣсяцевъ до 3 лѣтъ (37 ст. 1 ч. XV т.), замѣнены въ уложеніи четырьмя же степенями рабочаго дома на время отъ 2 мѣсяцевъ до 2 лѣтъ (33 ст.

улож.); 5 степеней заключенія въ крѣпости (ст. 38 и 39 1 ч. XV т.) на время отъ 6 недѣль до 6 лѣтъ, замѣнены 5 степенями заключенія тамъ же, на время отъ 4 недѣль до 4 лѣтъ (34 и 35 ст. ул. о наказ.); 4 степени смирительнаго дома съ заключеніемъ на время отъ 3 мѣсяцевъ до 3 лѣтъ (40 и 41 ст. 1 ч. XV т.), замѣнены 4 степенями заключенія тамъ же, на время отъ 2-хъ мѣсяцевъ до 2-хъ лѣтъ (36 и 37 ст. улож.), и наконецъ, три степени заключенія въ тюрьмѣ на время отъ 3 мѣсяцевъ до 2 лѣтъ (42 ст. 1 ч. XV т.) замѣнены 3 ст. тюремнаго заключенія на время отъ 2 мѣсяцевъ до 1 года и 4 мѣсяцевъ (38 и улож.) Кратковременной арестъ остался безъ измѣненія. Изъ этого сравненія наказаній, опредѣленныхъ 1 ч. XV т. и уложеніемъ 1866 года, видно, что уложеніемъ, въ иныхъ случаяхъ и весьма значительно сокращены высшіе сроки наказаній (maximum), а именно: на 6 лѣтъ въ арестантскихъ ротахъ, на 2 года въ крѣпости, на 1 годъ въ рабочемъ и смирительныхъ домахъ и на 8 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, низшіе же сроки (minimum) или совсѣмъ не понижены, какъ въ наказаніи арестантскими ротами, или же понижены весьма незначительно, а именно въ рабочемъ и смирительномъ домахъ и тюрьмѣ на 1 мѣсяцъ, а въ крѣпости только на 2 недѣли.

Такимъ образомъ оказывается, что нашъ законодатель признавая нѣкоторые роды наказаній строгими и желая уменьшить суровость ихъ, понизилъ только одинъ высшій предѣлъ ихъ, оставивъ низшій предѣлъ въ прежнемъ размѣрѣ. Такой пріемъ въ смягченіи наказаній, едва ли можетъ быть признанъ правильнымъ и цѣлесообразнымъ. Дѣйствительно, при принятой въ уложеніи системѣ дѣленія cadaго рода наказаній на степени и назначенія, въ большинствѣ случаевъ, за преступленія точно опредѣленнаго наказанія, съ указаніемъ не только на родъ, но и на степень, оказывается, что уменьшеніе только высшаго предѣла извѣстнаго рода наказанія, отозвалось существенно только на высшихъ степеняхъ этого рода, самая же низшая степень осталась почти безъ измѣненія. Такъ что существенныя смягченія такимъ умень-

шеніемъ оказаны такимъ обвиняемымъ, которые могли быть приговорены къ высшей степени наказанія и особенно въ высшей его мѣрѣ, т. е. такимъ, которыхъ самъ законъ считаетъ болѣе преступными; для тѣхъ же обвиняемыхъ, которые могутъ быть приговорены только къ наказанію определенному въ низшей степени и притомъ въ самой низшей его мѣрѣ, т. е. для такихъ, которыхъ самъ законъ признаетъ менѣе преступными и для которыхъ смягченіе то и было бы болѣе всего умѣстнымъ, наказаніе оставлено въ томъ же размѣрѣ или же уменьшено весьма незначительно. Совсѣмъ иного взгляда держатся законодательства другихъ европейскихъ государствъ. Возьмемъ, для примѣра, хоть кражу со взломомъ и сравнимъ взглядъ на это преступленіе, по отношенію къ полагаемому за него наказанію, нашего закона и другихъ законодательствъ. Мы нарочно выбираемъ для сравненія это преступленіе, такъ какъ кража со взломомъ самое, такъ сказать, обыденное преступленіе, такъ что изъ общаго числа всѣхъ подсудимыхъ, значительный процентъ всегда составляютъ обвиняемые въ этомъ преступленіи. Такъ, изъ сводовъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ видно, что изъ общаго числа подсудимыхъ, судившихся въ 1877 году, 40200 человекъ, 10659 человекъ судилось за кражу со взломомъ; въ 1876 году, изъ 38912 подсудимыхъ, судилось за кражу со взломомъ 10120 человекъ; въ 1875 году, изъ 37480—9889 человекъ, т. е. каждый разъ болѣе 26⁰/₀.

Нашъ уголовный законъ 1 ч. XV т. различалъ кражи по цѣнѣ похищеннаго имущества, но независимо отъ цѣны похищеннаго признавалъ болѣе тяжкими, а слѣдовательно и подлежащими высшему наказанію, такія кражи, которыя совершены были посредствомъ взлома, при чемъ взломъ подраздѣлялъ на два рода. Къ первому роду были отнесены: „подкопъ подъ домъ или иное зданіе, разбитіе воротъ или наружныхъ дверей зданія, проломаніе стѣны, кровли и иной проломъ“; ко взлому же втораго рода: „разбитіе или поврежденіе оконъ или внутреннихъ въ зданіи дверей, шкафовъ, сундуковъ, ларцевъ или иныхъ хранилищъ, въ коихъ находились

украденныя вещи или другіе предметы, или же отбитіе замковъ, бывшихъ на тѣхъ сундукахъ, или иныхъ хранилищахъ, или оторваніе приложенныхъ къ нимъ печатей“ (ст. 2228). Къ кражамъ со взломомъ втораго рода, приравнена была по наказанію и „кража“ запертыхъ сундуковъ, ларцевъ или иныхъ хранилищъ какого либо движимаго имущества, хотя и безъ разбитія и поврежденія оныхъ, а равно и открытіе сихъ сундуковъ, ларцевъ, шкафовъ или иныхъ хранилищъ, посредствомъ поддѣльныхъ или подобранныхъ, или украденныхъ ключей или крючьевъ, гвоздей или иныхъ—какого либо рода орудій“ (ст. 2229) при чемъ закономъ, для лицъ непривилегированныхъ, за кражу со взломомъ перваго рода полагалась отдача въ арестантскія отдѣленія съ высшимъ предѣломъ содержанія—6 лѣтъ, а втораго рода, арестантскія же отдѣленія до 4 лѣтъ. Тотъ же самый взглядъ на кражи со взломомъ, и тѣ же подраздѣленія взломовъ сохранены и въ уложеніи 1866 года, при чемъ только наказанія, вслѣдствіи общаго сокращенія сроковъ наказаній, измѣнились, и по уложенію, виновный въ кражѣ со взломомъ перваго рода, приговаривается къ арестантскимъ ротамъ не свыше 3 лѣтъ, а втораго рода не свыше 2½ лѣтъ.

Германское уголовное уложеніе 1870 года, не знаетъ различія кражъ по цѣнѣ похищеннаго, а раздѣляетъ кражи на простыя и тяжкія. Тяжкими кражами оно, между прочимъ, признаетъ такія кражи: „когда будетъ украдено изъ зданія или обнесеннаго оградой мѣста (umschlossenen Baume), посредствомъ взлома (Einbruch), взлѣзанія (Einsteigen) или взломанія хранилищъ (Erbrechen von Behältnissen) (2 п.); когда кража будетъ совершена посредствомъ употребленія для отомкнутія зданія, или входа въ обнесенное оградой помѣщеніе, или же для открытія находящихся внутри дверей или хранилищъ, фальшивыхъ ключей или иныхъ непредназначенныхъ для обыкновеннаго открытія орудій (3 п. 243 ст.) и за нихъ опредѣляетъ наказаніе, высшій предѣлъ котораго заключеніе въ цухтгаузъ до 10 лѣтъ. Заключеніе же въ цухтгаузъ это самое высшее наказаніе, непосредственно слѣдующее за смертною

казню, (14 ст.) слѣдовательно, оно можетъ быть приравнено къ нашимъ каторжнымъ работамъ.

Французское уголовное уложеніе (Code penal) точно также не различаетъ кражъ по цѣнѣ похищеннаго, а признаетъ болѣе или менѣе тяжкою, а слѣдовательно и подлежащую большей отвѣтственности, такую кражу; которая сопровождалась однимъ или нѣсколькими изъ увеличивающихъ обстоятельствъ, предусмотрѣнныхъ въ законѣ. Къ числу такихъ увеличивающихъ обстоятельствъ по 4 п. 381 ст. отнесены случаи, „когда виновные совершили кражу или посредствомъ внѣшняго (наружнаго) взлома или влѣзанія (effraction ou escalade) или фальшивыхъ ключей (fausses clefs), въ домѣ, квартирѣ, комнатѣ, или жиломъ, или служащемъ для жилья, помѣщеніи, или ихъ принадлежностяхъ“. Причемъ совершеніе кражи посредствомъ одного изъ способовъ, указанныхъ въ § 4 ст. 381, хотя бы даже взломъ, влѣзаніе и употребленіе фальшивыхъ ключей имѣли мѣсто въ строеніяхъ, паркахъ или городбахъ (enclos), неслужащихъ для жилья и несоставляющихъ принадлежности жилыхъ домовъ и хотя взломъ былъ только внутренній (interieure)“ можетъ влечь для лицъ, виновныхъ въ томъ, на основ. 384 ст. наказаніе, заключающееся въ срочныхъ каторжныхъ работахъ, высшей срокъ которыхъ, на основ. 19 ст., 20 лѣтъ.

Венгерское уголовное уложеніе о преступленіяхъ и проступкахъ, различаетъ кражи по цѣнѣ похищеннаго, называя проступкомъ кражу, на сумму менѣе 50 гульденовъ и преступленіемъ кражу на большую сумму, но вмѣстѣ съ этимъ, независимо отъ цѣнности похищеннаго, оно признаетъ преступленіемъ такую кражу, когда она совершена въ зданіи, огороженномъ помѣщеніи или же на кораблѣ, посредствомъ взлома или влѣзанія, или когда съ цѣлью кражи были взломаны замки или другія приспособленія для безопасности (3 п. 336 ст.) и, на основ. 340 ст., полагаетъ за это, какъ высшее наказаніе, заключеніе въ цухтгаузъ до 5 лѣтъ. Заключеніе же въ цухтгаузъ, какъ и по германскому уложенію,

есть самое высшее наказаніе, непосредственно слѣдующее за смертною казнью.

Наконецъ, по Бельгійскому уголовному уложенію, болѣе другихъ мягкому, за кражу, совершенную посредствомъ взлома, взлѣза или фальшивыхъ ключей (*à laide d'effraction, d'escalade ou de fausses clefs*) по 467 ст. полагается заключеніе въ смирительный домъ, до 10 лѣтъ (ст. 13). Тоже самое наказаніе полагается и по Итальянскому уложенію 1859 года. Смирительный же домъ, судя по мѣсту, которое онъ занимаетъ въ общей лѣстницѣ наказаній этихъ уложеній, можетъ быть приравненъ къ нашимъ арестантскимъ ротамъ или рабочему дому.

Изъ сравненія законоположеній вышеприведенныхъ законодательствъ видно, что высшій предѣлъ наказаній за кражу со взломомъ, по всѣмъ этимъ законодательствамъ, опредѣленъ несравненно болѣе строгій, чѣмъ нашимъ уложеніямъ, несмотря на то, что нѣкоторыя изъ этихъ законодательствъ, какъ Германское и Венгерское, позднѣйшія. Наказанія эти являются болѣе строгими, не только по сравненію съ уложеніемъ, но и съ прежде дѣйствовавшимъ закономъ уголовнымъ (1 ч. XV т.), такъ высшее наказаніе, которому могъ подлежать виновный въ кражѣ со взломомъ, на основаніи этого закона, было 6 лѣтъ арестантскихъ ротъ,—тогда какъ, по самому снисходительному изъ вышеприведенныхъ иностранныхъ законодательствъ, высшій срокъ заключенія 10 лѣтъ. Тоже самое можно замѣтить и по отношенію къ нѣкоторымъ другимъ преступленіямъ. И дѣйствительно, нашъ законъ уголовный, ежели его разсматривать съ этой точки зрѣнія, не только не можетъ быть названъ строгимъ, напротивъ того, въ иныхъ случаяхъ, даже положительно слабымъ, и каждому практику конечно хорошо извѣстны случаи, въ которыхъ наказаніе, опредѣленное закономъ, являлось не только несоотвѣтствующимъ важности совершеннаго преступленія, но просто какою то насмѣшкою. Достаточно указать на всѣ эти миллионы растраты съ подлогомъ и безъ онаго, чтобы согласиться съ этимъ. Приведемъ въ примѣръ одно дѣло, разсматривавшееся

въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ въ 1879 году. По этому дѣлу обвинялось нѣсколько лицъ въ мошенничество, съ особыми приготовленіями. Мошенничество это заключалось въ томъ, что изъ одного частнаго банка, посредствомъ поддѣльныхъ чековъ, получено было болѣе 240,000 рублей и притомъ не въ одинъ приемъ, а въ нѣсколько. Каждая такая получка сопряжена была съ особыми приготовленіями, такъ: выкрадывались чистыя книжки чековъ, записки лицъ, подписи которыхъ должны были быть поддѣланы, поддѣлывались подписи и т. п. однимъ словомъ предпринимались различнаго рода дѣйствія, которыя ясно свидѣтельствовали и о крайней испорченности обвиняемыхъ, ихъ нравственномъ паденіи и вмѣстѣ съ тѣмъ о высокой степени ихъ умственнаго развитія. Большая часть похищенныхъ денегъ такъ и осталась нерозысканною и очевидно была утаена. И что же, несмотря на всю возмутительность этого, такъ сказать, артистически выполненнаго мошенничества, судъ могъ приговорить главнаго виновнаго, лицо не принадлежащее къ привилегированному сословію, только къ отдачѣ въ арестантскія отдѣленія на полтора года, какъ къ самой высшей мѣрѣ наказанія, положеннаго закономъ, а такому же обвиняемому, за подобное преступленіе въ Германіи, грозило-бы заключеніе въ цухтгаузъ до пяти лѣтъ.

Вслѣдствіе такого ошибочнаго взгляда нашего законодателя на уменьшеніе суровости наказанія, оказалась неустраивающею и третья причина, изъ указанныхъ нами выше, а именно: невозможность суду, въ иныхъ случаяхъ, соразмѣрность вину обвиняемаго съ положеннымъ ему по закону наказаніемъ, вслѣдствіи крайняго стѣсненія суда въ выборѣ наказанія, хотя недостатокъ въ этомъ отношеніи нашего закона уголовного вполнѣ сознавался законодателемъ при введеніи суда присяжныхъ и въ устраненіе его имъ были приняты мѣры. Вотъ какъ рассуждалъ по этому поводу государственный совѣтъ, обсуждая вопросъ о власти суда при опредѣленіи наказанія: „Законодательство наше, при изданіи уложенія о наказаніяхъ, не могло не принять во вниманіе не-

удовлетворительность прежняго состава нашихъ судебныхъ мѣстъ, и вслѣдствіе того старалось ограничить судъ въ назначеніи наказаній. Съ этою цѣлью опредѣлены до мельчайшихъ подробностей обстоятельства, могущія увеличить или уменьшить вину и наказаніе. Такое стѣсненіе власти едва-ли будетъ умѣстно при новомъ судоустройствѣ и въ особенности при устномъ судопроизводствѣ. Никакой законъ не можетъ ни предусмотрѣть всѣхъ обстоятельствъ, которыя необходимо принять въ соображеніе, при опредѣленіи подсудимому мѣры наказанія, ни опредѣлить каждое изъ сихъ обстоятельствъ. Между тѣмъ, чрезмѣрное стѣсненіе судей въ опредѣленіи наказанія, имѣетъ весьма вредныя для правосудія послѣдствія. Судьи, не будучи въ правѣ смягчить наказаніе подсудимому, заслуживающему, по ихъ мнѣнію, снисхожденія, рѣшаются скорѣе признать его неизобличеннымъ, чѣмъ приговорить къ наказанію чрезмѣрно строгому“. Въ виду этихъ соображеній была установлена 75 ст. основ. полож., перешедшая въ 773 ст. уст. угол. суд., на основаніи которой, при опредѣленіи наказанія на основаніи законовъ, суду предоставлено право, по обстоятельствамъ уменьшающимъ вину подсудимаго, смягчать наказаніе одною или двумя степенями, переходя притомъ и къ ближайшему низшему роду наказаній, если въ высшемъ, по уложенію о наказаніяхъ, нѣтъ степени, назначенной въ законѣ за преступное дѣяніе подсудимаго. Сообразно съ этимъ измѣнена и 147 ст. 1 ч. XV тома, на основаніи которой, прежній судъ, въ случаѣ признанія въ дѣлѣ предусмотрѣнныхъ въ законѣ уменьшающихъ вину обстоятельствъ, могъ уменьшить наказаніе только въ мѣрѣ, и замѣнена новою 138 ст. улож. о наказаніяхъ, предоставившею суду право, за обыкновенныя преступления, понижать наказаніе на двѣ степени, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ это право суда еще болѣе расширено, такъ напр. по дѣламъ о кражахъ, въ случаѣ признанія подсудимаго 1) добровольно возвратившимъ украденное хозяину, 2) дѣйствовавшимъ по крайности и неимѣнію никакихъ средствъ къ пропитанію и

работѣ, 3) похитившимъ вещь стоимостью менѣе 50 коп. ¹⁾ суду предоставлено право понизить наказаніе на три степени. Какія же оказались послѣдствія отъ такого расширенія власти суда при опредѣленіи наказанія? Дѣйствительно, по всѣмъ тѣмъ преступленіямъ, за которыя по закону опредѣлены уголовныя наказанія, власть суда въ назначеніи наказаній значительно расширилась, что же касается до тѣхъ преступленій, за которыя по закону опредѣлены наказанія исправительныя, особенно по 31 ст. улож. о наказаніяхъ, чаще другихъ встрѣчаемой въ уложеніи, то по отношенію къ нимъ такое расширеніе власти суда, въ иныхъ случаяхъ, оказалось если не вполнѣ фиктивнымъ, то во всякомъ случаѣ весьма незначительнымъ, а въ иныхъ случаяхъ оказалось даже совершенно противнымъ. Причины этого заключаются въ томъ, что вмѣстѣ съ предоставленіемъ суду права понижать наказаніе на степени, вмѣсто мѣры, самые сроки заключеній, какъ мы это видѣли выше, были значительно сокращены, а число степеней по каждому наказанію осталось тоже самое, вслѣдствіе чего прежніе размѣры заключенія, опредѣленные степенями, значительно уменьшились. Такъ, по 35 ст. 1 ч. XV т. каждая изъ первыхъ 4-хъ степеней заключала въ себѣ по два года, а 5 степень 1 годъ, тоже наказаніе по 31 ст. уложенія о наказаніяхъ по 1, 2, 3 и 5 степенямъ, заключаетъ въ себѣ уже только по $\frac{1}{2}$ году, а 4 степень 1 годъ. Вслѣдствіе этого оказалось то, что тамъ, гдѣ прежній судъ, дѣйствуя при назначеніи наказаній въ предѣлахъ одной только степени, указанной закономъ, могъ, при выборѣ наказаній, располагать двумя годами, въ настоящее время, съ расширеніемъ его власти, и имѣя право понизить наказаніе на двѣ степени, а слѣдовательно, дѣйствуя въ предѣлахъ трехъ степеней, можетъ, при выборѣ наказаній, располагать тѣми же двумя годами, а въ иныхъ случаяхъ, если, какъ напр. когда нормальное наказаніе опредѣлено 1 ст.

¹⁾ По 2250 ст. XV т. 1 ч. хотя суду тоже было предоставлено право уменьшать наказаніе подсудимому на 3 степени въ случаѣ добровольнаго возвращенія хозяину похищеннаго, но только тогда, когда это было сдѣлано прежде начала слѣдствія.

31 ст.—только $1\frac{1}{2}$ годомъ. Пояснимъ это примѣрами: за кражу со взломомъ 1-го рода, по 2228 ст. 1 ч. XV т., полагалось наказаніе по 3 степени 35 ст.—отдача въ исправительныя арестантскія роты на время отъ 4 до 6 лѣтъ, т. е. судъ, не выходя изъ степени, могъ выбирать наказаніе въ предѣлахъ 2-хъ лѣтъ, нынѣ же, на основаніи 1647 ст., за это преступленіе полагается наказаніе по 3 степени 31 ст. уложенія, высшій предѣлъ котораго 3 года; пользуясь правомъ уменьшить наказаніе на 2 степени, оно можетъ быть назначено по 5 степени той же статьи, низшій предѣлъ котораго 1 годъ, т. е. судъ и нынѣ можетъ дѣйствовать въ тѣхъ же предѣлахъ. За нанесеніе въ запальчивости ранъ, послѣдствіемъ коихъ была смерть, по 2 части 2033 ст. 1 ч. XV т. полагалось наказаніе по 2 степени 35 ст.—арестантскія роты отъ 6 до 8 лѣтъ, т. е. судъ могъ дѣйствовать въ предѣлахъ 2 лѣтъ, по уложенію же о наказаніяхъ по 2 ч. 1484 ст. полагается наказаніе по 2 ст. 31 ст., высшій предѣлъ которой 3 года, уменьшивъ это наказаніе на двѣ степени, перейдя къ 4 степени, низшій предѣлъ заключенія по которой полагается $1\frac{1}{2}$ года, окажется, что и нынѣ судъ будетъ дѣйствовать въ предѣлахъ тѣхъ же 2 лѣтъ. Но возьмемъ другой примѣръ, кражу съ пожара: обвиняемый возвратилъ все похищенное добровольно, до начала слѣдствія, по 1 части XV т. судъ, назначая наказаніе по 2 степени 35 ст., съ высшимъ предѣломъ въ 8 лѣтъ, могъ, на основаніи 2250 ст., уменьшить наказаніе на 3 степени и назначить его по 5 ст. 35 ст. съ низшимъ предѣломъ въ 1 годъ, т. е. дѣйствовать въ предѣлахъ 7 лѣтъ, по уложенію же о наказаніяхъ 1866 г., назначая наказаніе на основаніи 1646 ст., по 2 степени 31 ст., съ высшимъ предѣломъ въ $3\frac{1}{2}$ года, судъ можетъ перейти, на основаніи 1663 ст. къ 5 степени 31 ст., низшій предѣлъ наказанія по которой 1 годъ, т. е. будетъ дѣйствовать въ предѣлахъ только $2\frac{1}{2}$ лѣтъ. Тоже почти самое оказывается и относительно преступленій, за которыя полагаются другія исправительныя наказанія; такъ на примѣръ, за оскорбленіе чиновника дѣйствіемъ въ присутственномъ мѣстѣ,

судъ, приговаривая на основаніи 324 ст. 1 ч. XV т., къ наказанію въ смирительномъ домѣ на время отъ 1 года до 3 лѣтъ, дѣйствовалъ въ предѣлахъ 2 лѣтъ, а нынѣ, по уложенію о наказаніяхъ, по ст. 285, и со сбавкою двухъ степеней можетъ дѣйствовать въ предѣлахъ только 1 года и 10 мѣс. и т. п. А между тѣмъ, эти то исправительныя наказанія, а именно: отдача въ арестантскія отдѣленія и заключеніе въ рабочемъ и смирительномъ домахъ и являются у насъ болѣе употребительными чѣмъ наказанія уголовныя и болѣе ихъ примѣняются судомъ. Въ доказательство этого мы позволимъ себѣ сослаться на таблицы сводовъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ. Изъ нихъ видно, что изъ общаго числа осужденныхъ въ 1875 году—24701, приговорено къ уголовнымъ наказаніямъ—3460, т. е. 14⁰/₀ и къ означеннымъ выше исправительнымъ 9756 человекъ, т. е. болѣе 39⁰/₀, въ 1876 г. изъ 25470 осужденныхъ къ уголовнымъ наказаніямъ приговорено 3216 человекъ менѣе 13⁰/₀ и къ тѣмъ же исправительнымъ 10145 человекъ, болѣе 39⁰/₀, и въ 1877 году изъ 25973 человекъ къ уголовнымъ наказаніямъ приговорено 3373 человека менѣе 13⁰/₀ и къ тѣмъ же исправительнымъ—10069 человекъ 39⁰/₀, т. е. другими словами, къ означеннымъ нами исправительнымъ наказаніямъ приговаривалось, ежегодно, подсудимыхъ въ трое болѣе, чѣмъ къ наказаніямъ уголовнымъ. Такимъ образомъ, что же оказывается? Что нашъ законодатель, желая расширить власть суда и предоставить ему по возможности широкій просторъ въ выборѣ наказаній, съ цѣлью избѣжать неправильныхъ оправдательныхъ приговоровъ, въ сущности, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, не только не предоставилъ суду простора, болѣе прежняго, но напротивъ того, въ иныхъ случаяхъ, даже еще болѣе стѣснилъ его. А такое крайнее стѣсненіе суда при выборѣ наказаній, не могло не отразиться и на приговорахъ присяжныхъ засѣдателей. Положимъ, что присяжные засѣдатели, при разрѣшеніи вопроса о виновности, не должны принимать во вниманіе тѣ послѣдствія, которыя могутъ произойти отъ ихъ приговоровъ, что нашъ за-

конъ старается тщательно уберечь ихъ отъ знанія этихъ послѣдствій, воспрещая даже говорить во время судебныхъ преній о томъ наказаніи, которому можетъ подлежать подсудимый, но практика судовъ присяжныхъ засѣдателей другихъ государствъ, достаточно ясно доказываетъ, что мало мальски развитые присяжные засѣдатели не могутъ устранить себя отъ этого, и что наши присяжные засѣдатели, какъ бы не оберегали ихъ законъ отъ знакомства съ послѣдствіями ихъ приговоровъ, все таки, если между ними и не найдется лицъ, знакомыхъ съ нашимъ уложеніемъ теоретически или даже практически, какъ участвовавшихъ прежде въ сессіяхъ, весьма скоро знакомятся съ нимъ и узнаютъ, что судъ, при выборѣ наказаній, ограниченъ крайне тѣсными предѣлами и дѣйствуетъ какъ бы въ какомъ то заколдованномъ кругу, изъ котораго никакъ не можетъ выбиться. А такое знакомство и ведетъ къ тѣмъ послѣдствіямъ, что и наши болѣе развитые и разумные присяжные засѣдатели, въ иныхъ случаяхъ, прибѣгаютъ къ тому же *rag iure rei*, какъ и французскіе, и рѣшаются скорѣе принять грѣхъ на свою душу, чѣмъ обвинить подсудимаго и тѣмъ подвергнуть его незаслуженному имъ суровому наказанію. Для нагляднаго убѣжденія въ справедливости этого, мы позволимъ себѣ представить краткое описаніе одного дня засѣданія съ присяжными засѣдателями въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ.

Одинъ изъ первыхъ дней сессіи: присяжные засѣдатели изъ новыхъ, въ первый разъ призванныхъ, прежде въ сессіяхъ неучаствовали и лицъ, знакомыхъ съ уложеніемъ между ними нѣтъ. Разсматриваются три дѣла о кражахъ: по первому дѣлу подсудимый обвиняется въ кражѣ изъ чулана, со взломомъ замка, разной провизіи. Подсудимый сознается и объясняетъ причину совершенія преступленія желаніемъ опохмѣлиться. Присяжные засѣдатели строги, признаютъ его виновнымъ и не даютъ снисхожденія. Судъ, въ виду чистосердечнаго признанія подсудимаго, понижаетъ наказаніе на одну степень и приговариваетъ его, какъ лицо непривелигированное, къ лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоя-

нію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на 1 годъ. Дѣло второе: обвиняется подсудимый въ кражѣ со взломомъ замка, изъ дворницкой, полусубка; въ преступленіи сознается, причѣмъ объясняетъ его тѣмъ, что былъ въ нетрезвомъ видѣ. Присяжные засѣдатели признають его виновнымъ, но заслуживающимъ снисхожденія; судъ, послѣ нѣкотораго размышленія, въ виду того, что понизить наказаніе подсудимому на двѣ степени и перейти отъ 4 степени 31 ст. — къ 1 степени 33 ст. неудобно, такъ какъ срокъ заключенія выходитъ болѣе продолжительный, а именно 1 годъ и 4 мѣс., приговариваетъ его къ тому же наказанію, какъ и перваго — къ отдачѣ въ арестантскія отдѣленія на 1 годъ. Дѣло третье: кража изъ запертаго чердака, со взломомъ замка, 3-хъ юбокъ и 2-хъ рубашекъ. Подсудимый сознается; причину, побудившую его совершить преступленіе, объяснить не можетъ, говорить: просто по глупости. Вопросы о крайности не предполагается, такъ какъ подсудимый живетъ на мѣстѣ, у хозяина. Присяжные засѣдатели, послѣ долгихъ совѣщаній, выносятъ обвинительный приговоръ, но прибавляютъ въ немъ, что подсудимый *заслуживаетъ полную снисхожденія*. Судъ, послѣ долгихъ размышленій, рѣшается понизить наказаніе на 2 степени и приговариваетъ подсудимаго въ рабочій домъ на 1 годъ и 4 мѣсяца. Что же удивительнаго, что послѣ этого, эти же самые строгіе присяжные засѣдатели, на завтра, да такъ и до конца всей сессіи, по всѣмъ подобнымъ дѣламъ, несмотря на сознаніе подсудимыхъ, безъ долгихъ размышленій, стануть выносить оправдательные приговоры, или же, если они подогадливыѣ, или какъ нибудь будутъ наведены на такую мысль защитой, стануть, несмотря на сознаніе подсудимыхъ и на лежащіе передъ ними сломанные замокъ или пробой, на предложенный имъ отъ суда вопросъ о виновности подсудимаго, отвѣчать: „да, виновенъ, но замка или пробоя не ломалъ“. И никакія объясненія председательствующихъ на судѣ, по подобнымъ дѣламъ, и напоминаніе имъ объ ихъ обязанностяхъ, власти, предоставленной имъ по закону и принятой ими присягѣ, не помогутъ дѣ-

лу; присяжные засѣдатели покорно выслушаютъ ихъ, какъ укоръ, вполнѣ сознавая, что они и превышаютъ свою власть и нарушаютъ принятую ими присягу, и все-таки будутъ выносить оправдательные приговоры, особенно, если еще окажется на судѣ, что подсудимый болѣе или менѣе продолжительное время содержался подъ стражею. И если принять во вниманіе, что дѣла, подобныя приведеннымъ мною, не составляютъ какого-либо исключенія, а напротивъ того, являются совершенно заурядными, то станетъ понятно, почему у насъ можетъ оказаться вообще большой 0/0 оправдательныхъ приговоровъ.

И такъ, вотъ та существенная причина, которая вызываетъ большинство оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ засѣдателей— это крайнее стѣсненіе суда при опредѣленіи наказанія, и какія бы мѣры ни принималъ законодатель для сокращенія числа такихъ приговоровъ, всѣ они окажутся недѣйствительными до тѣхъ поръ, пока суду не будетъ предоставлено широкаго простора въ выборѣ наказаній. На это намъ могутъ замѣтить, что такъ какъ большинство оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ засѣдателей постановляется по маловажнымъ дѣламъ, то въ виду этого, было бы вполнѣ цѣлесообразнымъ изъять подобныя дѣла, какъ напр. о нѣкоторыхъ кражахъ со взломомъ, изъ компетентности судовъ присяжныхъ засѣдателей и передать ихъ мировымъ судьямъ. На это мы позволимъ себѣ замѣтить, что совершенно вѣрно, что эта мѣра значительно сократитъ число оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ засѣдателей, такъ какъ чѣмъ менѣе будетъ приговоровъ, тѣмъ менѣе будетъ и оправданій, но, во первыхъ, кража со взломомъ, какъ это мы видѣли изъ приведенныхъ нами выше законоположеній иностранныхъ законодательствъ, всѣми законодательствами считается болѣе важнымъ и тяжкимъ преступленіемъ, безъ различія того, въ чемъ заключается взломъ; во вторыхъ, еслибы законодатель и счелъ возможнымъ предпринять такую мѣру, то при выполнении ея онъ легко можетъ впасть въ такую же ошибку, въ какую онъ впалъ при смягченіи наказаній; опредѣлить, въ совершенно

однородныхъ и одного вида преступленійхъ, которое должно считать болѣе важнымъ и которое менѣе важнымъ, по внѣшнимъ признакамъ, невозможно, и весьма легко можетъ случиться, что то преступленіе, которое, по закону, по внѣшнимъ его признакамъ, будетъ опредѣлено какъ менѣе важное, по существу окажется далеко не такимъ, а слѣдовательно, обвиняемый по такому преступленію избѣгнетъ заслуженнаго имъ наказанія; и въ третьихъ, судъ присяжныхъ засѣдателей, во всякомъ случаѣ, лучшій судъ, чѣмъ единоличный судъ мирового судьи; это признаетъ и самъ законъ, подчинившій его компетентности болѣе важныя дѣла, а потому естественно стремиться къ тому, чтобы большее число дѣлъ по возможности разсматривалось этимъ лучшимъ судомъ, а не къ противоположному. Выдѣленіе изъ компетентности суда присяжныхъ засѣдателей значительнаго числа дѣлъ, можетъ быть оправдаваемо соображеніями экономическими, а никакъ не юридическими. Намъ могутъ замѣтить, что на приговоры присяжныхъ засѣдателей имѣетъ вліяніе предварительное и притомъ продолжительное содержаніе обвиняемыхъ подъ стражею; что присяжные засѣдатели на такихъ обвиняемыхъ смотрятъ какъ бы на отбывшихъ уже наказаніе содержаніемъ подъ стражею до суда, а потому и оправдываютъ ихъ, и что, такимъ образомъ, одна изъ существенныхъ причинъ оправдательныхъ приговоровъ заключается не въ ограниченіи власти суда при опредѣленіи наказанія, а въ недостаткахъ устава уголовного судопроизводства. Такое заключеніе отчасти вѣрно; дѣйствительно, присяжные засѣдатели не могутъ не принимать этого въ соображеніе при постановленіи ими приговоровъ и естественно оправдываютъ такихъ подсудимыхъ, зная, что все проведенное ими подъ стражею время, не будетъ принято въ зачетъ при назначеніи наказанія, и наказаніе, состоящее болѣею частью тоже въ заключеніи, да еще и продолжительномъ, все-таки придется отбывать подсудимому, но если бы судъ пользовался широкимъ правомъ при выборѣ наказаній, и могъ бы, принимая во вниманіе продолжительное содержаніе подсудимаго подъ стражею до суда, назначить ему ничтожное

наказаніе, то присяжные засѣдатели не имѣли бы достаточныхъ основаній къ оправданію такихъ подсудимыхъ. Конечно, не въ этомъ только заключается недостатокъ нашего уложенія о наказаніяхъ; есть много другихъ недостатковъ, которые точно также имѣютъ вліяніе на правильное отправленіе присяжными засѣдателями ихъ обязанностей, такъ напр., въ нашемъ уложеніи весьма нерѣдко признаются преступными и преслѣдуются подъ страхомъ наказанія, иногда и весьма серьезнаго, такія дѣянія, которыя, по понятіямъ присяжныхъ засѣдателей, да и всего современнаго общества, не составляютъ вовсе преступленія, какъ напр. преступленія противъ паспортной системы, нѣкоторыя преступленія противъ вѣры и т. п., но мы не будемъ останавливаться на этихъ недостаткахъ, такъ какъ, во первыхъ, такихъ дѣлъ весьма немного, а во вторыхъ, недостатки эти такъ сказать частные, а не общіе, и могутъ быть устранены только пересмотромъ всего уложенія и мы имѣли въ виду указать не на всѣ причины, вызывающія неправильные приговоры нашихъ присяжныхъ засѣдателей, а только на главныя изъ нихъ и притомъ общія, такими же, какъ мы это старались доказать, является — крайнія стѣсненія власти суда при выборѣ наказаній. Устранить эту причину возможно было прежде, возможно и въ настоящее время, не выжидая пересмотра всего уложенія и устраненіе ея вызывается настоятельною необходимостью, такъ какъ дальнѣйшее ея существованіе вредно отражается и на судѣ и на обществѣ; на судѣ потому, что вынуждая присяжныхъ засѣдателей къ частому нарушенію своихъ обязанностей, приучаетъ ихъ къ произволу; на обществѣ потому, что приучая его къ произволу на судѣ, вселяетъ въ немъ недовѣріе и неуваженіе къ суду.

Н. Пулимовъ.

О НАУЧНОМЪ ИЗУЧЕНИИ ПРАВА.

II.

Юристу-практику представляется вполне яснымъ и определеннымъ, зачѣмъ изучаетъ онъ право? Сама практическая жизнь указываетъ ему его задачу. Право существуетъ для того, чтобы быть примѣняемымъ къ людскимъ отношеніямъ, чтобы регулировать возникающіе въ общественной жизни столкновения борющихся интересовъ. Но такое примѣненіе правовыхъ нормъ къ частнымъ случаямъ, не можетъ, какъ показываетъ повседневный опытъ, обойтись безъ сомнѣній и спора о томъ, что должно быть признано въ каждомъ данномъ случаѣ правомъ, на основаніи дѣйствующаго въ данномъ мѣстѣ законодательства. Если случай оказывается сколько нибудь сложнымъ, разрѣшеніе этого вопроса требуетъ соображенія всей системы законодательствъ или по крайней-мѣрѣ довольно обширной его отрасли. Поэтому, въ большинствѣ случаевъ, разрѣшеніе частнаго юридическаго казуса; не можетъ быть совершенно посредствомъ простой справки съ приличнымъ данному случаю закономъ. Найти такой законъ, а тѣмъ болѣе понять его, нельзя безъ общаго знакомства съ системой законодательства. Законы не суть изолированныя другъ отъ друга постановленія, ничѣмъ несвязанныя другъ съ другомъ, никакъ невліяющія другъ на друга. Напротивъ, дѣйствуя въ одной и той-же общественной средѣ, они, по необходимости,

соединяются въ одну, связанную систему нормъ, другъ друга опредѣляющихъ, ограничивающихъ, исполняющихъ. Практическое изученіе права, непрестанно встрѣчаясь съ фактомъ взаимной зависимости, взаимной обусловленности законодательныхъ постановленій, не можетъ ограничиться отрывочнымъ, разрозненнымъ изученіемъ. Оно ощущаетъ потребность объединенія, систематизированія и въ силу того, развивается въ науку положительнаго права.

Наука положительнаго права есть безъ сомнѣнія наука прикладная, развивающаяся въ силу потребностей практическаго изученія права и имѣющая своей задачей систематическую разработку дѣйствующаго въ данномъ обществѣ права. Но всякая практика предполагаетъ уже теорію, всякая прикладная наука — соотвѣтствующую ей чистую науку. Прикладная наука потому и есть *прикладная*, что учитъ насъ предлагать къ разрѣшенію частныхъ практическихъ вопросовъ выводы науки чистой. Практика ставитъ намъ вопросы, теорія даетъ общія начала, какъ основу ихъ разрѣшенія. Такъ и юристъ въ своей практической дѣятельности не можетъ обойтись безъ руководящихъ указаній теоріи. Безъ нихъ онъ совершенно запутается въ массѣ постоянно мѣняющихся постановленій законодательства. Ему не разобраться въ этомъ хаосѣ, если на помощь ему не придутъ выработанныя теоріею категории и общая классификація юридическихъ институтовъ. Безъ обобщающей теоріи не только юристамъ каждаго отдѣльнаго государства, но даже каждому отдѣльному поколѣнію юристовъ данной страны пришлось бы начинать трудъ изученія права, такъ какъ законы, нерѣдко, мѣняются быстрѣе смѣны людскихъ поколѣній. Только существованіе теоретическаго изученія, на ряду съ практическимъ, создаетъ для правовѣдѣнія возможность непрерывнаго преемственнаго развитія.

Впрочемъ, необходимость существованія на ряду съ практическимъ изученіемъ права и чистой науки права, признается почти всѣми. Другое дѣло опредѣленіе задачи теоретическаго изученія права. Тутъ мнѣнія расходятся весьма значительно и разногласіе касается не только подробностей, но и

самого существа вопроса. Нерѣдко задача научнаго изученія права формулируется такъ, что нарушается совершенно соотвѣтствіе между теоретическимъ и практическимъ изученіемъ права, между чистой и прикладной наукой права.

Задачи чистой и прикладной науки по необходимости различны. Каждая изъ нихъ ставитъ себѣ свою особую цѣль: въ этомъ и заключается существо ихъ различія. Но для того, чтобы чистая наука соотвѣтствовала прикладной и наоборотъ, необходимо, чтобы обѣ онѣ касались одного и того же предмета. Въ особенности ихъ задачъ—ихъ различіе, въ единствѣ ихъ предмета—ихъ соотвѣтствіе. Науки, имѣющія различные предметы, не могутъ относиться одна къ другой, какъ соотвѣтствующія чистая и прикладная науки. Нельзя, напримеръ, исторію архитектуры счесть чистой наукой, соотвѣтствующей архитектурному искусству, какъ прикладному знанію; нельзя, потому что строительное искусство прилагаетъ не законы историческаго развитія архитектуры, а законы механики.

Вотъ противъ этого требованія соотвѣтствія чистой и прикладной науки нерѣдко грѣшатъ при опредѣленіи задачи научнаго изученія права и притомъ представители самыхъ разнообразныхъ направленій.

Многіе склоны сводить задачу теоріи права къ опредѣленію того, какимъ *долженъ* быть юридическій порядокъ. Такъ смотрятъ на дѣло прежде всего идеалисты. Вѣря въ существованіе абсолютнаго права, они ставятъ задачей науки права отысканіе этого абсолютнаго права. Это своего рода алхимики—алхимики права. Они ищутъ философскій камень, которымъ бы можно было превращать желѣзный вѣкъ въ золотой. Ихъ цѣль не объясненіе существующаго общественнаго порядка, а замѣна его другимъ, лучшимъ, совершеннѣйшимъ. Зачѣмъ станутъ они трудиться надъ выясненіемъ частныхъ историческихъ формъ права, когда все историческое право напередъ осуждено ими, какъ сплошная ошибка, какъ сплошное искаженіе вѣчной идеи права? Если изученіе историческихъ формъ права можетъ представлять для нихъ какой

интересъ, то развѣ какъ вспомогательное средство для познанія абсолютнаго права, какъ исторія заблужденій человѣческаго правосознанія, могущая предостеречь отъ повторенія такихъ ошибокъ. Но въ самомъ изученіи этого измѣнчиваго, относительнаго права, въ его объясненіи они никоимъ образомъ не могутъ видѣть цѣли.

Такимъ образомъ идеалисты совершенно лишаютъ теорію права характера объективнаго научнаго изученія. Теорія права по ихъ воззрѣнію, не ищетъ, какъ всякая другая наука, познанія и объясненія существующаго, того, что есть, а указываетъ на то, что должно бы быть ¹⁾. И этимъ, конечно, совершенно нарушаютъ всякое соотвѣтствіе между прикладной юриспруденціей и чистой наукой права. Практическое правовѣдѣніе знаетъ только дѣйствительно существующее право, и ждетъ отъ теоріи выводовъ, относящихся къ тому же дѣйствительному, историческому праву. А взамѣнъ того идеалисты предлагаютъ изслѣдованія о такомъ правѣ, котораго нѣтъ и никогда не было, и которое отличается отъ дѣйствующаго права, какъ день и ночь. Практическое правовѣдѣніе ждетъ общихъ научныхъ выводовъ, которыми бы оно могло руководствоваться при толкованіи и систематической обработкѣ дѣйствующаго права, а идеалистическая теорія даетъ лишь предположенія о томъ, чѣмъ и какъ замѣнить это дѣйствующее право.

Къ такому же нарушенію соотвѣтствія теоретическаго правовѣдѣнія прикладному приходятъ и представители крайняго положительнаго направленія, хотя и совершенно инымъ путемъ ²⁾. Они признаютъ, что задачей науки вообще можетъ быть только изученіе и объясненіе дѣйствительно существующаго, а не выработка идеала. Признавая, совершенно правильно, мѣняющіеся принципы права не законами обще-

¹⁾ Выразителемъ этого воззрѣнія въ нашей новѣйшей литературѣ является *Хальбинковъ*, „Право и государство въ ихъ обихъ отношеніяхъ“. Варшава, 1874 года.

²⁾ Смотри въ особенности *Муромцева*. *Опредѣленіе и основное раздѣленіе права*. Москва. 1879. стр. 4 слѣд.

ственной жизни въ научномъ смыслѣ, а лишь явленіями, законы, которыхъ должны быть открыты наукой, они не признають задачей науки права выработку такихъ принциповъ. Задача социальнихъ наукъ, говорятъ они, вообще состоитъ въ изученіи законовъ, по которымъ происходятъ явленія общественной жизни. Въ частности правовѣдѣнію надлежитъ изучить законы развитія той области социальнихъ явленій, которая извѣстна подъ именемъ права. При отсутствіи одного идеальнаго праваго состоянія и при постоянной смѣнѣ формъ общественной и юридической жизни, наука должна открыть законы, по которымъ происходитъ означенная смѣна) Отсюда конечно необходимымъ выводомъ представляется отождествленіе научнаго изученія права съ изученіемъ историческимъ, такъ что практическому правовѣдѣнію мы можемъ, съ этой точки зрѣнія, противопоставить, какъ чистую науку, только исторію права.

Надо отдать справедливость этому опредѣленію задачи науки права. Оно исходитъ изъ совершенно правильнаго пониманія задачи науки вообще, какъ опредѣленія того, что *есть*, а не того, что представляется намъ лишь желательнымъ. Тѣмъ не менѣе и эта формулировка задачи теоретическаго правовѣдѣнія грѣшитъ, подобно только что разсмотрѣнной нами, нарушеніемъ соотвѣтствія между чистымъ знаніемъ и прикладнымъ. Практическое правовѣдѣніе имѣетъ дѣло съ существующими правовыми нормами и притомъ лишь до тѣхъ поръ, пока они не замѣнены другими; исторія права напротивъ изучаетъ самую смѣну однихъ юридическихъ нормъ другими. Исторія выясняетъ законы развитія права, но не способна дать такихъ выводовъ, которые бы могли быть прилагаемы юристомъ практикомъ къ разрѣшенію подлежащей ему задачи: примѣненія даннаго дѣйствующаго права къ частнымъ случаямъ; ибо исторія права ничего не говоритъ о правѣ въ его недвижномъ состояніи, какимъ именно оно предполагается при практическомъ примѣненіи.

*) Муромцевъ, 14.

Практическое правовѣдѣніе никоимъ образомъ не можетъ быть приложеніемъ выводовъ исторіи права. Но оно само составляетъ часть того матеріала, который изучаетъ юристъ-историкъ, такъ какъ историческое изученіе права не можетъ, конечно, игнорировать практическаго примѣненія законовъ. Поэтому исторія права приблизительно такъ относится къ практическому правовѣдѣнію, какъ исторія какого-либо искусства къ строительному искусству, но отнюдь не какъ чистая наука къ прикладной напр. механика къ инженерному искусству.

Однако такое разъединеніе практическаго и научнаго изученія права не есть вовсе необходимое слѣдствіе того возрѣнія на задачу науки, отъ котораго отправляются въ своихъ разсужденіяхъ представители положительнаго направленія. Если принципы права суть измѣнчивыя явленія правовой жизни, если наука права должна искать не абсолютныхъ принциповъ права, а объясненія правовыхъ явленій, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы она должна была ограничиться объясненіемъ только развитія права. Законы развитія определенной группы явленій нельзя считать единственными законами этой группы явленій. На ряду съ законами движенія явленій наука должна выяснить и законы ихъ недвижнаго существованія, на ряду съ динамическими законами и законы статическіе. Эмбриологіей не исчерпывается все ученіе о жизненныхъ явленіяхъ и эмбриологіей нельзя замѣнить физиологію, какъ нельзя замѣнить геогнозіей геологію, исторіей народнаго хозяйства политическую экономію и т. п. Нѣтъ основанія, почему бы тоже самое не примѣнялось и къ изученію права, почему бы здѣсь изученіе и объясненіе правовыхъ явленій должно было сводиться исключительно къ изученію *развитія* ихъ?

Если бы люди сознававшіе бесплодность изысканій алхимиковъ, стали бы поэтому требовать, чтобы алхимія замѣнилась бы исторіей земной коры, развѣ могла бы тогда сложиться научная химія? Нѣтъ, не только мы не имѣли бы тогда химіи, но не имѣли бы и геогнозіи, предполагающей уже уста-

новленіе химіа Заслуга творцевъ химіа заключается въ томъ, что онѣ не ограничились поверхностнымъ, огульнымъ отрицаніемъ алхиміи, но сумѣли глубже проникнуть въ дѣло, отдѣлить въ работахъ алхимиковъ истинное зерно отъ уродливыхъ наростовъ, для поверхностнаго ума совсѣмъ его покрывавшихъ.

Все это, конечно, въ одинаковой степени примѣнимо и къ наукѣ права. И тутъ объясненіе явленій не можетъ ограничиваться исключительно объясненіемъ ихъ историческаго развитія. Признавая, что принципы права въ смыслѣ идей обуславливающихъ въ насъ сознаніе правовой возможности, не имѣютъ въ себѣ ничего абсолютнаго, что они относительны и потому измѣнчивы, мы этимъ еще нисколько не вынуждаемся признать единственной задачей теоретическаго изученія права изученіе исторической смѣны этихъ принциповъ. Какъ бы не были измѣнчивы эти принципы, сознаніе права однако все таки останется сознаніемъ возможности воздѣйствія, обусловленной той или другой общей идеей. Для объясненія правовыхъ явленій поэтому одинаково необходимо. какъ изслѣдовать измѣняющееся исторически содержаніе принциповъ права, такъ и опредѣлить общія свойства и элементы такого сознанія обусловленной возможности, его психологическую основу и его социальное значеніе.

Но если мы примемъ и какое либо другое воззрѣніе на предметъ науки права, мы все таки придемъ неизбежно къ признанію необходимости выяснять не одну только смѣну правовыхъ явленій, но и самыя свойства этихъ явленій независимо отъ ихъ смѣны. Это необходимо для самаго историческаго изученія: какимъ образомъ выдѣлить изъ общей исторіи человѣчества исторію права, не выяснивъ характерныхъ особенностей правовыхъ явленій? Къ этому приходятъ волей не волей и самыя рѣшительные приверженцы исключительно историко-научнаго изученія права. Такъ проф. Муромцевъ свое новѣйшее изслѣдованіе ¹⁾ посвятилъ ни чему иному,

¹⁾ Опредѣленіе и основное раздѣленіе права 1879.

какъ именно выясненію свойствъ правовыхъ явленій, совершенно оставляя въ сторонѣ изслѣдованіе порядка смѣны правовыхъ принциповъ.

Гораздо ближе къ истинѣ опредѣленія задачи научнаго правовѣдѣнія, данное въ самое послѣднее время приватъ—доцентомъ грацскаго университета, Пферше¹⁾. Онъ видитъ задачу науки права въ выясненіи дѣйствія права, при чемъ имѣетъ въ виду такъ сказать общее дѣйствіе права, напирѣмъ дѣйствіе гражданского права на общій складъ экономической жизни. Опредѣленіе же частнаго дѣйствія права, выражающагося въ установленіи отдѣльныхъ субъективныхъ правъ, онъ считаетъ не научной, а практической задачей и главный недостатокъ современнаго состоянія науки права видитъ именно въ томъ, что главное вниманіе обращается теперь на этотъ совершенно второстепенный, по его мнѣнію, моментъ дѣйствія права.

Отрицаніе научнаго значенія опредѣлений субъективныхъ правъ есть очевидно опять таки результатъ совершенно превратнаго пониманія требуемаго для научности изслѣдованія объективизма. Объективизмъ есть дѣйствительно необходимое условіе научности. Но объективизмъ этотъ долженъ заключаться только въ объективномъ отношеніи къ изслѣдуемому предмету, а не въ томъ вовсе, что бы самъ изслѣдуемый предметъ не имѣлъ субъективнаго характера. И совершенно субъективныя явленія могутъ быть предметомъ строго объективнаго изслѣдованія. Поэтому то обстоятельство, что субъективныя права имѣютъ, положимъ, и менѣе объективный характеръ, нежели общее дѣйствіе права, нисколько не можетъ служить основаніемъ къ непризнанію научнаго характера за изученіемъ субъективныхъ правъ. Между тѣмъ выясненіе общаго дѣйствія права уже предполагаетъ анализъ обусловливаемыхъ правомъ юридическихъ отношеній. Невозможно, напирѣмъ, выяснить вліяніе тѣхъ или другихъ законодательныхъ поста-

¹⁾ Methodik der Privatrechts-Wissenschaft. Graz 1091.

новленій на розвитіє кредита, не выяснивъ предварительно того, какія создаются ими отношенія между кредиторомъ и должникомъ.

Конечно, дѣйствіе законодательныхъ постановленій не исчерпывается устанавливаемыми ими субъективными правами. Новый законъ можетъ повліять на положеніе и тѣхъ, кому не предоставляется никакихъ правъ, на кого онъ не возлагаетъ никакихъ обязанностей. Возможно и менѣе интензивное дѣйствіе юридической нормы, не принимающее формы установленія юридическихъ отношеній и въ общей суммѣ это дѣйствіе можетъ имѣть большое общественное значеніе. Но установленіе субъективныхъ правъ все таки есть основная и наиболѣе опредѣленная форма дѣйствія права. Для полноты же изслѣдованія возможно расширить предѣлы юридическаго анализа, распространить его, на это косвенную, второстепенную форму дѣйствія права, и въ выставленномъ Іерингомъ ученіи о рефлексивномъ дѣйствіи права можно, какъ мнѣ кажется, найти весьма подходящій для этого путь.

Если не увлекаясь ложно направленнымъ стремленіемъ къ объективизму, мы опредѣлимъ задачу научнаго правовѣдѣнія, какъ выясненіе дѣйствія права вообще, не исключая при этомъ изученія субъективныхъ правъ, а, напротивъ, придавая имъ первенствующее значеніе, какъ основной формѣ дѣйствія права, то этимъ мы достигнемъ полного соответствія чистой науки и науки прикладной. Практическое правовѣдѣніе имѣетъ своей задачей изученіе дѣйствія той или другой національной системы права, теористическое—дѣйствія правъ вообще. И то, и другое главнымъ образомъ сосредотчиваетъ свое изученіе на анализѣ субъективныхъ правъ, не игнорируя однако и общаго вліянія права на ходъ явленій общественной жизни. Правда у цивилистовъ замѣтна склонность къ исключенію изъ круга своихъ изслѣдованій всякаго соціального, или, какъ прежде говорили, политическаго элемента. Но у публицистовъ на оборотъ мы звѣдаемъ преобладаніе политики надъ догмой. И то, и другое есть конечно односторонность, обусловленная ходомъ историческаго развитія той и другой отрасли права:

преобладающимъ вліяніемъ римскаго права и судебной практики въ одной изъ нихъ и на оборотъ преобладаніемъ философскихъ системъ вмѣстѣ съ полнымъ почти отсутствіемъ судебной практики въ другой. Но теперь замѣтно стремленіе сгладить эти односторонности. Особенно заслуживаетъ вниманіе въ этомъ отношеніи весьма опредѣленно сказавшееся въ послѣднее время стремленіе сблизить приемы цивилистическихъ и криминалистическихъ изслѣдованій. Извѣстно, что нѣкоторые цивилисты прямо указываютъ на методы разработки уголовного права, какъ на образецъ, заслуживающій безусловнаго подражанія.

III.

Въ послѣднее время, какъ естественная реакція противъ долгаго крайняго увлеченія философскими, основанными на дедукціи изъ природы человѣка и общества, построеніями, въ юридической теоріи стало замѣтно стремленіе совершенно устранить изъ науки права всякій философскій элементъ, сосредоточивъ все изслѣдованіе исключительно на изученіи эмпирическаго матеріала. Но такое изслѣдованіе въ лучшемъ случаѣ можетъ дать намъ только эмпирически подмѣченное однообразіе явленій, установленіе только эмпирическихъ законовъ. Для того, чтобы объяснить это однообразіе, для того, чтобы эмпирическій законъ сталъ научнымъ закономъ въ настоящемъ смыслѣ слова, нельзя обойтись безъ философскаго изслѣдованія. Нельзя не искать объясненія подмѣченнаго эмпирически однообразія въ свойствахъ природы человѣка и члвчческаго общества. Но изученіе природы человѣка и общества можетъ служить не только для объясненія уже полученныхъ эмпирически обобщеній. Оно и наоборотъ можетъ быть основой прямыхъ дедуктивныхъ заключеній.

Такъ какъ право есть явленіе и психическое, и вмѣстѣ соціальное, то условія его образованія и существованія не могутъ въ извѣстной степени не совпадать съ общими условіями психическихъ и соціальныхъ явленій. Поэтому выводы психологій и соціологій могутъ служить основой для выведенія изъ нихъ извѣстныхъ положеній теоріи права. Но конечно, такіе

выводы нуждаются всегда въ повѣркѣ данными, почерпаемыми нами изъ изученія дѣйствительно существующаго юридическаго строя. Такая повѣрка дедуктивныхъ заключеній въ теоріи права тѣмъ болѣе необходима, что въ силу комбинаціи психическихъ и соціальныхъ условій правовыя явленія представляются въ высшей степени сложными и потому дедуктивное изслѣдованіе можетъ быть примѣняемо въ этой области лишь съ крайнею осторожностью.

Съ другой стороны и психологія, и соціологія даютъ намъ пока лишь весьма ограниченное число прочно установленныхъ выводовъ. При такомъ положеніи дѣла примѣненіе дедуктивнаго метода въ теоретическомъ изученіи права естественно ограничивается весьма узкими рамками. На каждомъ шагѣ онъ требуетъ повѣрки и дополненія путемъ индуктивнаго изслѣдованія.

Но во всякомъ случаѣ нельзя противопоставлять наукѣ положительнаго права философію права. Самое раздѣленіе науки права на положительное правовѣдѣніе и на философію права ведетъ свое начало отъ того времени, когда подъ вліяніемъ философской системы Вольфа и свойственнаго ей примирительнаго направленія установлены были двѣ параллельныя системы наукъ раціональныхъ и эмпирическихъ. Какъ извѣстно Бэконъ противопоставилъ силлогистическому методу—методъ индуктивный. Англійскіе мыслители Ньютонъ и Локкъ слѣдовали Бэкону. Но Лейбницъ явился защитникомъ силлогистическаго, дедуктивнаго метода Декарта. Для обоихъ направлений, однако, философія была синонимомъ науки. Вольфъ, послѣдователь Лейбница, допустилъ, однако, компромиссъ. Принявъ въ наукѣ и силлогизмъ, и индукцію, онъ не сумѣлъ сдѣлать этого лучше, какъ узаконивъ существованіе двухъ параллельныхъ наукъ объ одномъ и томъ предметѣ. „Вольфъ подарилъ, говоритъ проф. Троицкій ¹⁾, титулъ науки и системѣ знаній *per sillogismum*, и системѣ знаній *per inductionem*;

¹⁾ Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. Москва, 1867, стр. 119.

но эпитетъ той и другой науки отличаютъ въ немъ пристрастіе схоластика и картезіанца. Наука *per inductionem* названа была *эмпирической*, наука *per sillogismum*—*раціональною*. Чтобы понять къ какой наукѣ должны были наклоняться симпатіи нѣмецкихъ ученыхъ, надобно припомнить, что до этого времени эмпириками назывались обыкновенно такіе врачи, которыхъ искусство основано было на однихъ практическихъ замѣчаніяхъ надъ дѣйствіями лекарствъ, иначе сказать, которые не были подготовлены къ своей практикѣ знаніемъ анатоміи, фізіологіи и паталогіи человѣческаго тѣла. Вольфъ употребилъ слово эмпирической, какъ синонимъ индуктивнаго, но ассоціація невыгодныхъ понятій съ первымъ терминомъ должна была производить свое дѣйствіе на научныя симпатіи, бросая невыгодный свѣтъ на индуктивную науку. Напротивъ, наука раціональная, или *per sillogismum*, удержала за собою подаренный ей еще схоластикою княжескій титулъ философіи. То, что наука *per sillogismum*, или раціональная и философія осталась у Вольфа синонимами, какъ и въ самые темные вѣка схоластическаго варварства—это Вольфово разграниченіе между философіею и нефилософіею надобно всегда имѣть въ виду, чтобы не потеряться въ лабиринтъ нѣмецкой терминологіи. Философія занимается у нихъ всѣми предметами знанія,—и веществомъ, и духомъ, но занимается по методамъ схоластики, представляя не-философіи обрабатывать тѣ же предметы по методу Бекона“. Это раздѣленіе было перенесено и въ науку права, и сохраняется въ нѣмецкой литературѣ до сихъ поръ.

Такъ Краузе, основатель такъ-называемой органической школы правовѣдѣнія, ученія которой пользовались въ послѣднее время въ Германіи и Италіи особенной популярностью, опредѣляетъ философію права, какъ познаніе права и государства въ чистомъ разумѣ. Поэтому она не исчерпываетъ всей науки права, которая объемлетъ всякаго рода познаніе о правѣ, слѣдовательно и историческое познаніе права, или исторію права, которая есть познаніе о томъ, что люди признаютъ правомъ на этой землѣ (*auf dieser Erde*) и чему они

дали силу, какъ праву, въ гражданской жизни и гражданскомъ законодательствѣ. — Напротивъ, философія права познаетъ, что само въ себѣ есть правое сообразно съ разумной природой людей, народовъ, человѣчества, независимо отъ всякой исторіи, отъ всякаго историческаго законодательства и государства; слѣдовательно философія ищетъ познать что есть вѣчное правое, и слѣдовательно будетъ правымъ вездѣ, во всей вселенной, для всѣхъ разумныхъ существъ, для всякаго духа. Предметъ философіи есть такимъ образомъ чистое понятіе права, или идея, которую она должна воплотить въ наглядный образъ—идеаль права и государства ¹⁾. Въ подобномъ же родѣ опредѣляетъ философію права одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ публицистовъ Австріи — Лоренцъ Штейнъ. Философія права, по его словамъ, есть систематическое познание основывающагося на вѣчно неизмѣнной органической сущности личности вѣчно неизмѣннаго (ewig gleichen) права въ себѣ, чистаго правопонятія ²⁾.

Эти опредѣленія философіи права, какъ особой науки, всецѣло покоятся на такихъ предпосылкахъ, которыя рѣшительно отвергаются наукой. Они предполагаютъ существованіе вѣчнаго права; мало того, они предполагаютъ возможность познавать не только явленія, но и сущности, именно сущность человѣческой природы, и изъ такого познанія думаютъ вывести вѣчную идею права въ себѣ. Но современная наука, вѣрная положительному методу, не задается познаніемъ безотносительнаго, абсолютнаго, познаніемъ самыхъ сущностей. Оставляя въ сторонѣ такія мечтательныя цѣли, она ограничивается болѣе скромной, но вмѣстѣ и болѣе положительной задачей изученія явленій и подмѣчаемыхъ въ нихъ одообразій.

Только такое познаніе возможно для человѣка. Возможность сверхчувственнаго, метафизическаго знанія сущностей

¹⁾ Krause, Das System der Rechtsphilosophie. Leipzig. 1874, ss. 3—5.

²⁾ Stein, Gegenwart und Zukunft der Rechts und Staatswissenschaft Deutschlands. 1876, s. 112.

есть совершенно бездоказательное и весьма сомнительное предположение. Старыя попытки обоснованія возможности метафизическаго познанія признаются несостоятельными самими современными метафизиками. Метафизическія системы явившіяся послѣ Канта признають необходимымъ условіемъ возможности метафизическаго познанія тождество мышленія и бытія, но ничѣмъ не доказываютъ дѣйствительнаго существованія этого условія. „Поэтому говоритъ Эдуардъ Гартманъ, самъ ярый метафизикъ и потому особенно компетентный судья въ этомъ вопросѣ, все это филоствование покоилось на условіи, висящимъ совершенно въ воздухѣ, все это филоствование вытекало изъ недоказаннаго предположенія“ ¹⁾). О себѣ самомъ, впрочемъ, Гартманъ утверждаетъ, что ему удалось разрѣнить эту основную проблему всякой метафизики, удалось доказать возможность познанія сверхчувственнаго. Онъ хвалится, что доказалъ индуктивно на основаніи опыта, тождество мышленія и бытія, или по крайней чрезвычайно большую вѣроятность этого тождества). Мы не можемъ входить здѣсь въ подробную оцѣнку этого „индуктивнаго“ доказательства мышленія и бытія. Да едвали и заслуживаетъ этого аргументація, ставящая себѣ цѣлью доказать возможность познанія сверхчувственнаго методами эмпирическаго знанія, всецѣло основывающаго на данныхъ чувственнаго. Нелѣпа самая мысль о возможности познать посредствомъ опыта т. е. посредствомъ чувствъ—сверхчувственное.

Въ настоящее время, если философія отстаивается, какъ самостоятельная наука, то уже не въ смыслъ сверхчувственнаго познанія сущностей, а лишь въ смыслъ болѣе обобщеннаго знанія, но источникъ и методъ ея тотъ же, что и другихъ наукъ. Такъ понимаетъ философію Огюстъ Контъ: для него философія есть общая система человѣческихъ знаній ³⁾).

¹⁾ Philosophie des Unbewussten, 8 Aufl. II, s. 464.

²⁾ Тамъ же, s. 464—466.

³⁾ Cours de philosophie positive, I, p. 5: Le système gèneral des conceptions humaines.

Основатель эволюціонизма Гербертъ Спенсеръ повторяетъ тоже опредѣленіе философіи: необъединенное знаніе есть знаніе не научное, объединенное отчасти — наука; объединенноевполнѣ — философія ¹⁾). Льюисъ отстаиваетъ правда возможность метафизики, но подъ нею онъ не разумѣетъ сверхчувственного познанія и, потому противуполагаетъ ее метэмпириѣ, какъ *эмперическую метафизику*. Для метафизики, пользующейся тѣмъ же самымъ положительнымъ, какъ и всѣ другія науки есть лишь „наука общихъ началъ“ и занимаетъ относительно науки положеніе нѣсколько аналогичное отношенію алгебры къ ариѳметикѣ. Предметъ ариѳметики—количества; алгебра же имѣетъ дѣло не съ количествами, а съ ихъ отношеніями. Такъ и предметъ науки—законъ чувственныхъ явленій, предметъ же метафизики—не эти законы, но законы законовъ, исчисленіе ихъ дѣйствій ²⁾).

Къ этому сводится и опредѣленіе проф. кіевскаго университета Козлова „предметъ философіи, говоритъ онъ, есть міръ, какъ цѣлое изъ всѣхъ извѣстныхъ вещей, явленій, событий и слѣдовательно въ ней мы должны искать положеній или сужденій, которыя бы имѣли въ виду все, что входитъ въ человѣческое сознаніе, какъ сущее какимъ-либо опредѣленнымъ способомъ ³⁾). Но этотъ міръ, служащій предметомъ философіи, не есть „готовое цѣлое“ въ себѣ (an sich), какъ гдѣ-то и когда-то законченный синтезъ безконечнаго ряда міровыхъ состояній, однимъ словомъ: какъ абсолютно-замѣнутое существо. Не это фантастическое представленіе составляло и будетъ составлять предметъ философіи: оно только, въ силу разныхъ историческихъ обстоятельствъ, было подставлено подъ истинное понятіе міра, какъ *цѣлаго*, состоящаго изъ *вещей, явленій, событий*, не синтезированныхъ гдѣ-то помимо нашего сознанія, но ждущихъ своего синтеза въ немъ, т. е. въ

¹⁾ Основныя начала, стр. 144.

²⁾ Льюисъ. Вопросы о жизни и духѣ, I, 1875, стр. 67, 68.

³⁾ Философскіе этюды, I, 1876, стр. 67.

области, гдѣ эти вещи, явленія, событія *суть* какъ такія, и гдѣ въ понятіи бытія готова *всеобъемлющая форма*, могущая вмѣстить ихъ въ какомъ бы то ни было дѣйствительно данномъ количествѣ. Но эта форма вовсе не гарантируетъ намъ дѣйствительнаго синтеза вещей, а указываетъ только возможность его. Такъ что „подлинной задачей“ философіи всегда было не „познать міръ, какъ заготовъ-законченное цѣлое, а лишь построить понятіе міра“ ¹⁾.

Если признать, согласно съ этимъ, что задача философіи заключается лишь въ высшемъ обобщеніи научнаго знанія, то философія права сольется въ одно съ наукой положительнаго права, занимая среди ея отдѣльныхъ отраслей мѣсто общаго ученія о правѣ.

Такой взглядъ находятъ уже себѣ между юристами сторонниковъ даже въ Германіи, и это выражается въ стремленіи отождествить философію права съ энциклопедіей, какъ общимъ ученіемъ о правѣ. Уже Фридендеръ, оставая важное значеніе энциклопедіи, утверждалъ вмѣстѣ съ тѣмъ невозможность существованія еще и философіи права, какъ особой науки ²⁾. Но опредѣленнымъ образомъ необходимость слитія, отождествленія философіи и энциклопедіи было признано впервые въ русской литературѣ, именно проф. Карсевичемъ ³⁾. Въ современной германской литературѣ представителемъ этого взгляда является Меркель. Онъ полагаетъ что должно вовсе и безусловно отвергнуть философію права, какъ науку, черпающую свой матеріалъ изъ какого то особаго источника, помимо изученія дѣйствительно существующаго права. Философія права, по его мнѣнію, можетъ быть признана только въ смыслѣ общаго ученія о правѣ, занимающаго въ общей системѣ науки права такое же мѣсто, какое въ каждой спеціальной наукѣ занимаетъ ея общая часть.

¹⁾ Тамъ же, стр. 27—30.

²⁾ Juristische Encyclopädie oder System der Rechtswissenschaft, 1847, s. 143.

³⁾ Энциклопедія права, стр. 22. Къ нему присоединяется и *Деллпрозъ*. Очерки, I, стр. 20.

Но всетаки это воззрѣніе далеко еще не получило общаго признанія. Напротивъ оно встрѣчаетъ еще много противниковъ, выходящихъ при томъ изъ разнообразныхъ основаній. Многие, какъ напр. Шютце, отстаиваютъ старое раздвоеніе философіи права и положительнаго правовѣденія. На ихъ взглядъ то общее ученіе, о которомъ говоритъ Меркель, это энциклопедія права. „Философія же права есть часть практической философіи, т. е. той философіи, которая примѣняетъ формальные законы мышленія дедуктивнымъ методомъ къ обоснованію абсолютнаго и его идейнаго содержанія. И именно та часть, которая занимается идеей права, выводя ее изъ высшаго понятія и затѣмъ изслѣдуя ее въ ея логическомъ развѣтвленіи. Философія права относится къ положительному правовѣдѣнію, какъ идеальный юридическій порядокъ къ реальному настоящаго и прошедшаго времени. Это довольно туманное различіе Шютце поясняетъ на примѣрахъ, показывающихъ въ чемъ различіе между философскимъ и положительно—правовымъ изученіемъ юридическихъ институтовъ. Онъ беретъ для этого наиболѣе важные институты: договоръ, собственность, государство, наказаніе. Для догматика или историка обязательность договоровъ несомнѣнный фактъ, отъ котораго онъ отправляется, какъ отъ даннаго. Напротивъ, философъ не можетъ обойти вопроса, обязательны ли договоры, и, если да, то почему? Точно также относительно института частной собственности философъ задается вопросомъ о томъ, на сколько она согласима съ идеей права и въ особенности съ притязаніемъ (*Anrecht*) всѣхъ на имущество, какъ объектъ удовлетворенія потребности. Юристъ—историкъ лишь случайно встрѣчается съ подобными вопросами. Относительно государства философія правъ ставитъ вопросъ о томъ, является ли оно разумной необходимостью или *лишь* историческимъ продуктомъ? Какая форма правленія согласна съ разумомъ? Образуется ли оно по *своей сущности* изъ договора и т. п. ¹⁾.

Но и эти примѣры неубѣдительны. На сколько подобные

¹⁾ Schütze (Grünhut's, Zeitschrift 1879, II.) s. s. 20, 22, 22, 24.

вопросы вообще могут подлежать научному разрѣшенію, безъ разрѣшенія ихъ не можетъ обойтись и положительное правовѣдѣніе. Юристъ догматикъ не можетъ не поставить вопроса объ условіяхъ обязательности договора, а выяснить эти условія невозможно безъ выясненія самаго основанія его обязательности. Съ другой стороны такіе вопросы, какъ вопросы о согласной съ разумомъ формѣ правленія, должно признать совершенно праздными, такъ какъ оцѣнка формъ правленія не можетъ быть сдѣлана безъ соображенія съ данными историческими условіями.

Такимъ образомъ философское изученіе права не можетъ быть отдѣляемо въ особую науку. Приемы философскаго и положительнаго изученія права, для того чтобы дать плодотворные результаты, должны быть непременно соединяемы во едино, какъ составные элементы одного научнаго изслѣдованія.

Между тѣмъ у юристовъ вошло въ обычай не только противуполагать другъ другу философское и положительное изученіе права, но и самое положительное изученіе права подраздѣляютъ на догматическое, историческое и сравнительное. Но какъ философское и положительное изученіе не могутъ быть раздѣляемы безъ прямого ущерба для плодотворности научнаго изслѣдованія, такъ и это раздробленіе элементовъ положительнаго изученія не можетъ быть допускаемо. Наука стремится къ возможно большему обобщенію, и потому совершенно нецѣлесообразно произвольно ограничивать изслѣдуемый матеріалъ только правомъ данной народности или даже только правомъ, дѣйствующимъ въ данный, случайно взятый, историческій моментъ. *

Въ практическомъ изученіи права еще можно ограничиваться изученіемъ только дѣйствующаго въ данный моментъ права (догматическое изученіе). Но и чисто-практическія цѣли нерѣдко требуютъ историческаго изученія. Въ силу преемственной связи смѣняющихся другъ друга законовъ, а еще болѣе въ силу того, что никогда не мѣняется сразу все наличное право, во всѣхъ его частяхъ, для истолкованія и поста-

новленій дѣйствующаго права иногда безусловно необходимо обратиться къ историческому изслѣдованію. Въ отношеніи же теоріи не можетъ быть и сомнѣнія въ невозможности ограниченія однимъ догматическимъ матеріаломъ. При такомъ условіи пришлось бы для каждой исторической эпохи созидать особую теорію права. Да и не возможно найти мотива, который могъ бы побудить насъ въ теоретическомъ изученіи права ограничиваться однимъ догматическимъ матеріаломъ. Необходимость соединенія догматическаго изученія съ историческимъ признается теперь уже всѣми. За то большая неопредѣленность царитъ по вопросу о сравнительномъ изученіи права. Причина этого, конечно, въ новизнѣ самаго дѣла. Правда указанія на желательность сравнительнаго изученія права мы можемъ найти еще у Лейбница. Затѣмъ весьма энергическихъ сторонниковъ нашло себѣ сравнительное изученіе права въ самомъ началѣ настоящаго столѣтія въ лицѣ Тибо и Фейербаха. Но тутъ дѣло только ограничилось пожеланіями. Первая попытка дѣйствительнаго примѣненія на дѣлѣ сравнительнаго изученія права принадлежитъ послѣдователямъ Гегеля. Таково изслѣдованіе Ганса объ наследственномъ правѣ и болѣе новое изслѣдованіе Лассалы. „Система приобрѣтенныхъ правъ.“ Но эти работы учениковъ Гегеля имѣютъ лишь весьма условное значеніе. Дѣло въ томъ, что у гегелианцевъ имѣется уже готовое, предвзятое построеніе исторіи. Поэтому сравнительное изученіе служитъ имъ не средствомъ раскрытія законовъ правовыхъ явленій, а только иллюстраціей уже установленнаго закона. Установленіе же законовъ историческаго развитія совершается совершенно инымъ путемъ, не путемъ положительнаго изслѣдованія, а чисто метафизическимъ путемъ.

На надлежащую научную почву сравнительное изученіе права было поставлено лишь въ самое послѣднее время. Только теперь стали смотрѣть на сравнительное изученіе какъ на средство индуктивнаго изслѣдованія. Непосредственнымъ поводомъ къ этому послужили современные успѣхи исторіи культуры (труды Тэйлора, Леббока, Моргана и др.), которые

основываются на сравнительномъ изученіи народнаго быта. Связь между культурой и правомъ такая тѣсная, что мысль о примѣнимости къ изученію права тѣхъ же приѣмовъ, что и къ изученію культуры, представляется сама собой. Но, какъ я сказалъ, относительно условій, въ какія должно быть поставлено сравнительное изученіе права, царить еще большая неопредѣленность.

Прежде всего представляется спорнымъ вопросъ о томъ, чего можно ожидать отъ примѣненія сравнительнаго метода къ изученію права, можетъ-ли оно дать намъ новые факты, какъ это мы видимъ напр. въ сравнительномъ языкознаніи, въ сравнительномъ изученіи культуры?

Англійскій историкъ Фриманъ¹⁾, которому принадлежитъ одна изъ лучшихъ попытокъ примѣнить сравнительный методъ къ изученію государственнаго строя арійскихъ народностей, является рѣшительнымъ защитникомъ продуктивнаго значенія сравнительнаго изученія права. Онъ исходитъ при этомъ изъ тройной классификаціи причинъ сходствъ, представляющихся намъ въ учрежденіяхъ сродныхъ народовъ. Во первыхъ, эти сходства могутъ быть результатомъ прямаго заимствованія, подражанія. Такъ большинство современныхъ государствъ представляютъ въ своихъ государственныхъ учрежденіяхъ подражаніе англійской конституціи. Наряду съ такого рода заимствованіями въ общественныхъ учрежденіяхъ замѣчаются и такіа сходства, которыя обусловливаются просто одинаковостью условій жизни того и другаго общества, такъ какъ одинаковыя причины всегда приводятъ къ одинаковымъ результатамъ. Но кромѣ этихъ двухъ группъ сходствъ существуетъ, по мнѣнію Фримана, еще и третья. Къ ней онъ относитъ тѣ сходства въ общественныхъ учрежденіяхъ, которыя не могутъ быть объяснены ни заимствованіемъ, ни дѣйствіемъ одинаковыхъ причинъ, а имѣютъ своимъ основаніемъ общность

¹⁾ Freeman. Comparative politics. London. 1873 Lecture I. The range of the comparative sciences. p. 1—36. Переведено мною на русскій языкъ: Сравнительная политика.

происхожденія данныхъ народовъ, такъ что они являются общимъ наслѣдіемъ народовъ, представляющихъ развѣтвленіе первоначально одной общей расы. Признаніе существованія этой третьей группы сходствъ является, конечно, необходимымъ условіемъ того, чтобы и сравнительное изученіе права, подобно сравнительному изученію языка и матеріальной культуры могло привести къ установленію новыхъ, неизвѣстныхъ изъ другихъ источниковъ, фактовъ. Но самое существованіе такихъ сходствъ многими оспаривается и вмѣстѣ оспаривается конечно возможность въ изученіи права придти, посредствомъ примѣненія сравнительной методы, къ открытію какихъ-либо новыхъ фактовъ.

Отвергая возможность признать существованіе этой третьей группы сходства, утверждаютъ, что относящіеся къ ней сходства представляютъ лишь соединеніе сходствъ двухъ первыхъ группъ. Между переносомъ напр. крестоносцами феодальной системы на востокъ, и сходствомъ, замѣчаемымъ вообще въ учрежденіяхъ грековъ, римлянъ и германцевъ, какъ трехъ отраслей западной вѣтви арійцевъ, различіе заключается единственно въ томъ, что въ первомъ случаѣ воспроизведена была вся феодальная система, въ полномъ ея видѣ, во второмъ же случаѣ отдѣльными арійскими народами воспроизводились лишь зачатки неразвитаго общественнаго строя ихъ первоначальной родины, получившія у cadaго изъ нихъ дальнѣйшее развитіе уже самостоятельное и сродное лишь въ силу того, что одинаковыя причины приводятъ къ одинаковымъ слѣдствіямъ. Такимъ образомъ тѣ случаи сходства, которые по классификаціи Фримана относятся къ третьей группѣ, въ дѣйствительности не имѣютъ за собой особаго, самостоятельнаго основанія, а объясняются какъ результатъ совокупнаго дѣйствія и подражанія, и одинаковыхъ условій общественнаго развитія ¹⁾).

Вся эта аргументація опирается однако на молчаливо под-

¹⁾ Сергеевичъ, Государство и право въ исторіи. (Сборникъ госуд. знаній. изд. Безобразовымъ, т. VII, 1879) стр. 42--50.

разумѣваемое предположеніе, не только недоказанное, но и весьма сомнительное. Отрицать самостоятельную основу сходствъ третьей группы, можно лишь отрицая вмѣстѣ съ тѣмъ возможность инаго пути унаслѣдованія учреждений народа — родоначальника, какъ только путемъ сознательнаго, произвольнаго подражанія. Данныя современной психологіи говорятъ напротивъ въ пользу возможности и несознательнаго, произвольнаго воспроизведенія учреждений первоначальной родины въ силу факта психической наслѣдственности, достаточно установленнаго изслѣдованіями Гальтона и Рибо. Но разъ мы признаемъ существованіе психической наслѣдственности, намъ уже невозможно будетъ сводить всѣ сходства въ общественныхъ учрежденіяхъ къ дѣйствию одинаковыхъ условій и къ сознательному подражанію. Намъ необходимо признать существованіе и третьей группы сходствъ, сходствъ, основывающихся на несознательномъ подражаніи, на психической наслѣдственности.

Другое возраженіе, выставленное противъ соображеній Фримана, о возможности придти посредствомъ сравнительнаго изученія права къ открытію новыхъ фактовъ состоитъ въ томъ, что данныя сравнительнаго изученія права не могутъ дать такого результата, такъ какъ юридическія понятія болѣе отвлечены, нежели понятія, съ которыми имѣетъ дѣло сравнительное изученіе матеріальной культуры. Вотъ, какъ формулируетъ это возраженіе проф. Ковалевскій ¹⁾.

„Сравнительная грамматика несомнѣнно въ состояніи открыть предъ нами картину матеріальнаго быта арійцевъ въ эпоху ихъ совмѣстнаго сожителства; но сдѣлать тоже въ равной мѣрѣ и по отношенію къ общественному быту ихъ—она положительно не можетъ, и вотъ по какой причинѣ. Когда въ арійскихъ языкахъ мы находимъ однокоренныя выраженія для обозначенія, положимъ, породъ домашнихъ животныхъ, то намъ не представляется труда вывести заключеніе, что прирученіе

¹⁾ Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи и приемы изученія права. 1880, стр. 13.

ихъ челоуѣкомъ имѣло мѣсто еще въ эпоху совмѣстнаго сожителства аріійцевъ; тоже далеко нельзя сказать о терминахъ служащихъ для обозначенія какихъ-либо не матеріальныхъ, а нравственныхъ понятій. Изъ того обстоятельства, что *gegere* и *gise*—слова однокоренныя еще не слѣдуетъ, чтобы конкретныя представленія, связанныя съ каждымъ изъ нихъ были бы тождественны; сравнительная грамматика безсильна сказать намъ, что разумѣли подъ правленіемъ римляне,—то же ли что германцы или нѣтъ?“

Нельзя, конечно, отрицать, что опредѣленіе точнаго значенія словъ, когда они обозначаютъ понятія нравственныя, дѣло весьма трудное. Но отсюда едва-ли можно сдѣлать выводъ, что сравнительное изученіе права не можетъ привести къ открытію новыхъ фактовъ. Если „сравнительная грамматика безсильна сказать намъ, что разумѣли подъ правленіемъ римляне,—то же-ли что германцы, или нѣтъ“, то вѣдь точно также безсильна она сказать и что разумѣли они подъ мельницей, молотомъ, плугомъ, лодкой. Значеніе словъ мы вообще узнаемъ не изъ грамматики. Но если на основаніи другихъ, не грамматическихъ данныхъ, мы опредѣлимъ, положимъ, тождество понятій, обозначавшихся словами *gegere* и *gise*, то указаніе сравнительной грамматики на происхожденіе этихъ словъ отъ одного корня прольетъ для насъ совершенно новый свѣтъ на общественный бытъ западныхъ аріійцевъ въ ту отдаленную эпоху, когда они еще не подѣлились на грековъ, италійцевъ и германцевъ, давая намъ право съ увѣренностью утверждать, что тогда уже существовало у аріійцевъ правительство. Различіе въ примѣнимости сравнительной методы къ открытію новыхъ фактовъ въ изученіи матеріальной культуры и въ изученіи права едва-ли можно проводить далѣе различія въ степени. Въ одномъ случаѣ этотъ приемъ приложимъ легче, въ другомъ—онъ представляетъ большія трудности. Но въ обоихъ случаяхъ онъ одинаково возможенъ.

Другой спорный вопросъ по отношенію къ условіямъ примѣнимости сравнительнаго метода къ изученію права, есть вопросъ о томъ, должно-ли быть сравнительное изученіе права

непремѣнно историко-сравнительнымъ? Другими словами: необходимо-ли ограничивать сравненіе только сравненіемъ соотвѣтственныхъ историческихъ стадій развитія права?

Такое ограниченіе весьма существенно, такъ какъ опредѣленіе соотвѣтствія историческихъ стадій необходимо предполагаетъ основательное предварительное изученіе исторіи сравниваемыхъ системъ правъ, а такое изученіе возможно въ настоящее время по отношенію лишь къ весьма ограниченному числу народовъ. Поэтому у тѣхъ, кто, какъ, на примѣръ, Постъ ¹⁾, не требуетъ, чтобы сравнительное изученіе было непремѣнно историко-сравнительнымъ, и даже напротивъ, противопоставляетъ сравнительное изученіе историческому, оно получаетъ гораздо болѣе широкое примѣненіе. Но многіе относятся отрицательно къ такому изученію, называя его презрительно „сопоставительнымъ“ и отрицая за нимъ всякое научное значеніе. „Здравый смыслъ, по мнѣнію проф. Ковалевскаго, говоритъ всякому, что такого рода сравненіе, какъ бы любопытны ни были сравниваемые факты, никакого научнаго значенія не имѣетъ и имѣть не можетъ“). Такое безусловное осужденіе „сопоставительнаго“ метода едва-ли можно признать справедливымъ. Спору нѣтъ, для изученія исторіи права не можетъ принести пользы сравненіе всевозможныхъ юридическихъ институтовъ. Для историческихъ цѣлей и изученіе должно быть непремѣнно историко-сравнительнымъ. Но сдѣлать отсюда выводъ, что „сопоставительный“ методъ и вовсе не можетъ имѣть никакого научнаго значенія, было-бы слишкомъ поспѣшнымъ заключеніемъ.

Сравненіе употребляется какъ пріемъ изслѣдованія не въ однѣхъ общественныхъ наукахъ. И естествоиспытателю не обойтись безъ сравненія; оно играетъ въ наукахъ естественныхъ, даже въ астрономіи, физики, химіи, не говоря уже о біологіи, весьма видную роль, и при томъ не только для вы-

¹⁾ Post, Bausteine für eine allgemeine Rechtswissenschaft auf vergleichend-ethnologischer Basis. B. I. 1880, s. 8 und. ff.

²⁾ Ковалевскій. Историко-сравнительный методъ, стр. 1,

ясненія законовъ развитія, но и при изслѣдованіи такихъ вопросовъ, гдѣ нѣтъ и рѣчи о какомъ-либо генезисѣ. Словомъ въ естествознаніи примѣняется не только историко или генетико-сравнительный методъ, но и просто методъ сопоставленія.

Значеніе сравненія въ научныхъ изслѣдованіяхъ вообще можетъ быть сведено къ тремъ главнымъ функціямъ ¹⁾. Во первыхъ, сравненіе предметовъ, кажущихся на первый взглядъ совершенно разнородными, можетъ нерѣдко привести къ открытію объясненія явленій. Такъ объясненіе явленія радуги было найдено благодаря тому, что Рожеръ Беконъ сталъ сравнивать это явленіе съ явленіями, замѣчаемыми при прохожденіи луча чорезъ призму. Ложное глубокомысліе, безъ сомнѣнія, нашло бы такое сравненіе „сопоставленіемъ, неимѣющимъ научнаго значенія“, такъ какъ на такое сравненіе Р. Беконъ былъ наведенъ, повидимому, чисто внѣшнимъ сходствомъ получаемыхъ при этомъ цвѣтовъ. Можно указать весьма любопытный и болѣе новый примѣръ научнаго открытія, на которое изслѣдователь былъ наведенъ подмѣченнымъ имъ сходствомъ въ запахахъ. Я говорю объ открытіи озона, явившемся какъ слѣдствіе, замѣченнаго Шенбейномъ сходства между запахомъ, развивающимся отъ электрическихъ искръ и ударовъ молніи и запахомъ при медленномъ горѣніи фосфора.

Во вторыхъ, сравненіе можетъ служить средствомъ открытія явленій, иногда весьма общихъ, но проявляющихся болѣею частью въ такой формѣ, что они укрываются отъ нашего вниманія. Только когда путемъ сравненія всевозможныхъ предметовъ мы натыкаемся, наконецъ, на такой, въ которомъ данное свойство выражено въ достаточно рѣзкой, бросающейся въ глаза формѣ, мы замѣчаемъ это свойство. Такъ магнитная руда дала поводъ къ открытію магнетизма, исландскій шпатель — двойнаго лучепреломленія, сѣрно-кислый хининъ — флуоресценціи и т. п.

¹⁾ Джесонсъ Основы науки 1881. стр. 557 566, 569.

Наконецъ, въ третьихъ, только посредствомъ длиннаго ряда сравненій, подбирая одинъ предметъ къ другому, можно съ точностью опредѣлить границы распространенія извѣстнаго свойства или явленія. При такомъ сопоставленіи предметовъ въ одинъ непрерывный рядъ удастся открывать то или другое качество тамъ, гдѣ оно прежде и не подозрѣвалось. Такъ съ давнихъ поръ установилось убѣжденіе, что электрическіе проводники и изоляторы принадлежатъ къ двумъ противоположнымъ классамъ веществъ. Но Фарадей показалъ, что чистая мѣдная проволока и гуттаперча, только крайніе примѣры изъ цѣлаго ряда веществъ, представляющихъ всевозможныя измѣненія въ ихъ способности проводимости. Даже лучшіе изоляторы допускаютъ атомную индукцію, которая необходимо предшествуетъ проводимости. Поэтому Фарадей полагаетъ, что всѣ вещества болѣе и менѣе раздражаютъ электричество, хотя въ иныхъ мы не можемъ измѣрить это дѣйствіе.

Если такимъ образомъ даже въ физикѣ, наукѣ гораздо болѣе точной, простое сопоставленіе не только не презирается какъ ненаучный приѣмъ, а напротивъ примѣняется въ весьма широкомъ объемѣ, и съ большимъ успѣхомъ, то нѣтъ никакого основанія не допускать примѣненія сопоставительнаго метода и къ изученію права. Сомнѣнія, же выражаемыя по отношенію къ допустимости такого приѣма сравненія, слѣдуетъ счесть выраженіемъ скорѣе основаннаго на одностороннемъ увлеченіи историческимъ направленіемъ предразсудка, нежели дѣйствительныхъ требованій строгой научности, которая не отворачивается отъ фактовъ, а тѣмъ болѣе отъ любопытныхъ. Такимъ образомъ, одна ли мы ошибемся, сказавъ, что оба ограниченія, которыя нѣкоторые юристы считаютъ необходимымъ установить въ отношеніи примѣнимости сравнительно метода къ изученію права, оказываются при ближайшемъ разсмотрѣніи лишенными основанія.

IV.

Наука обобщаетъ наше знаніе; она замѣняетъ непосредственное частное, но и болѣе конкретное знаніе, болѣе абстракт-

тнмъ и болѣе общимъ; она изучаетъ частности только какъ матеріалъ для обобщенія, стремясь придти къ выводамъ, причѣннымъ къ цѣлымъ группамъ сходныхъ явленій и замѣняющимъ для насъ поэтому знаніе всѣхъ частныхъ явленій, относящихся къ той или другой изслѣдованной группѣ. Но обобщеніе не можетъ быть совершено надъ сырымъ матеріаломъ, въ томъ видѣ какъ онъ дается намъ непосредственнымъ наблюденіемъ. Сопоставляя непосредственныя данныя наблюденія, не подвергнутыя аналитическому разложенію на составныя элементы, мы можемъ подмѣтить въ нихъ сходство лишь въ весьма ограниченныхъ предѣлахъ и притомъ весьма легко этимъ путемъ впасть въ ошибки, сблизивъ такія явленія, которыя въ дѣйствительности представляютъ весьма мало общаго и наоборотъ.

Для того, чтобы расширить обобщенія и дать имъ надежную постановку, необходимо предварительно подвергнуть представляющей намъ въ наблюденіи матеріалъ извѣстной обработкѣ. Мы подвергаемъ для этого наши представленія анализу, разлагая ихъ на составныя элементы, съ тѣмъ чтобы найти общіе элементы, изъ различныхъ комбинацій которыхъ составляется все разнообразіе нашихъ представленій извѣстнаго рода. Затѣмъ, полученные посредствомъ анализа общіе элементы нашихъ представленій мы комбинируемъ уже сознательно и такъ, какъ того требуютъ цѣли научнаго изслѣдованія, построая, конструируя такимъ образомъ научныя понятія, которыя, какъ идеальныя построенія, не суть простыя копія дѣйствительности, но своеобразныя, требующіяся для цѣлей науки, конструкціи. Наконецъ полученные путемъ конструкціи научныя понятія мы классифицируемъ, соединяя ихъ въ группы, руководясь ихъ сходствомъ и различіемъ.

Всѣ эти приемы: анализъ, конструкція и классификація, суть общіе приемы научнаго изслѣдованія, отнюдь не составляющіе исключительной принадлежности только науки права. Но это не сознается нерѣдко и самими юристами, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ анализу и, въ особенности, въ отношеніи къ конструкціи. Такъ Іерингъ, излагая ученіе объ

юридическомъ анализѣ и юридической конструкціи, для поясненія этихъ приѣмовъ, ссылается не на общія начала научной методологіи, а на примѣръ азбуки для объясненія анализа, и на примѣръ органическихъ тѣлъ для поясненія юридической конструкціи,—подобія въ обоихъ случаяхъ весьма отдаленныя и неполныя. Муромцевъ же прямо относитъ всѣ приѣмы юридической инструкціи къ „особенностямъ юридическаго воззрѣнія“ ¹⁾, имѣющимъ лишь „условное практическое значеніе и немогущимъ служить средствомъ научнаго объясненія“ ²⁾.

Мы постараемся доказать, что ни въ конструкціи, ни въ анализѣ нельзя никомъ образомъ видѣть особенности юридическаго воззрѣнія, что, напротивъ, мы имѣемъ тутъ дѣло лишь съ частнымъ примѣненіемъ общихъ научныхъ приѣмовъ обобщенія. Начнемъ съ анализа.

Въ противоположность обыденному воззрѣнію, юристъ не разсматриваетъ каждый отдѣльный юридическій казусъ, какъ одно цѣлое. Онъ, напротивъ, всегда разлагаетъ представляющійся ему практический вопросъ на составные элементы, устанавливая сначала распознаваніе, діагнозъ каждаго отдѣльнаго элемента, и затѣмъ уже давая рѣшеніе вопроса, такъ какъ онъ ставится практикой, основывая это рѣшеніе на совокупности діагнозовъ составляющихъ этотъ случай элементовъ. Въ силу этого тамъ, гдѣ не-юристъ видитъ одинъ нераздѣльный вопросъ, допускающій только категорическое рѣшеніе въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ, юристъ нерѣдко видитъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ вопросовъ, допускающихъ каждый самостоятельное рѣшеніе. Въ отношеніи къ отдѣльному практическому случаю такое аналитическое его разложеніе можетъ естественно показаться лишь напраснымъ усложненіемъ и запутываніемъ вопроса. Но если, не ограничиваясь отдѣльнымъ случаемъ, мы примемъ во вниманіе безконечный рядъ разнообразныхъ случаевъ, представляемыхъ юридической

¹⁾ Опредѣленіе и основное раздѣленіе права, стр. 93.

²⁾ Тамъ же, стр. 121.

практикой, то мы поймемъ, что юридическій анализъ не запутывается, не усложняетъ разрѣшеніе отдѣльныхъ случаевъ, а напротивъ чрезвычайно его упрощаетъ. Дѣло въ томъ, что посредствомъ такого аналитическаго разложенія мы сводимъ все безконечное разнообразіе юридическихъ казусовъ, встречающихся въ жизни, къ различнымъ комбинаціямъ небольшого числа все однихъ и тѣхъ же основныхъ элементовъ. Такимъ образомъ изученіемъ этихъ элементовъ мы замѣняемъ изученіе всего этого постраго разнообразія возможныхъ казусовъ. Понятно, что это даетъ большую экономію времени и труда.

Можно ли признать этотъ приѣмъ юридическаго анализа своеобразною особенностью правовѣдѣнія? Чтобы убѣдиться въ противномъ, стоитъ только открыть любой курсъ логики: мы вездѣ найдемъ изложеніе совершенно аналогичныхъ приѣмовъ анализа нашихъ представленій, какъ общихъ приѣмовъ образованія понятій. Зигвартъ, такъ тотъ такое разложеніе нашихъ представленій на ихъ общіе основныя элементы прямо считаетъ основнымъ вопросомъ всего ученія о методахъ ¹⁾). Въ старыхъ логикахъ, правда, процессъ образованія общихъ понятій излагался нѣсколько односторонне. Дѣло представлялось такъ, какъ будто общія понятія мы образуемъ всегда однимъ путемъ: путемъ послѣдовательнаго опущенія въ нихъ признаковъ, такъ, что общей формой соотношенія понятій признавали соотношенія вида и рода. Это вѣроятно и побудило Геринга искать объясненія юридическаго анализа не въ общихъ приѣмахъ логическаго анализа, а въ аналогіи съ азбукой. Дѣйствительно въ старыхъ логикахъ онъ не нашелъ бы пожалуй подходящей формулы для объясненія того, что онъ называетъ различіемъ самостоятельныхъ и несамостоятельныхъ, конкретныхъ и абстрактныхъ элементовъ. Онъ поясняетъ это различіе сравненіемъ съ различіемъ гласныхъ и согласныхъ. Гласная юридической азбуки это то, что можетъ существовать въ жизни само по себѣ, отдѣльно напр. купля-продажа,

¹⁾ Sigwart, Logik, B. II Methodenlehre, 1878, s. 5.

завѣщаніе. Согласно это то, что мыслимо только какъ принадлежность чего либо другаго, таково напр. понятіе просрочки. Повторяю, подыскать подходящую формулу для такого различія дѣйствительно могло бы представиться затруднительнымъ, если держаться только старыхъ логикъ. Но современные нѣмецкіе логики, Зигвартъ, Лотце, Вундтъ, не признаютъ опущеніе признаковъ общимъ приѣмомъ образованія понятій, не признаютъ и различіе вида и рода общей формой ихъ соотношенія. По словамъ Вундта, соотношеніе вида и рода есть лишь одна изъ возможныхъ формъ соотношенія понятія и общность есть общее свойство понятій, лишь въ томъ смыслѣ, что каждое понятіе состоитъ изъ элементовъ, которые входятъ въ составъ и другихъ понятій и различной комбинаціей которыхъ единственно и обуславливается различіе отдѣльныхъ понятій ¹⁾). Поэтому нельзя сказать, чтобы большая отвлеченность понятія обуславливала всегда и большую общность. Такъ напр. понятіе обязательства менѣе абстрактно нежели понятіе отсрочки. Но нельзя сказать, чтобы оно вмѣстѣ съ тѣмъ было и менѣе общимъ. При такомъ взглядѣ на дѣло и общимъ приѣмомъ обобщенія является не опущеніе частныхъ признаковъ, а разложеніе представленій на ихъ составные элементы, и нѣтъ уже надобности искать объясненія приѣмовъ юридическаго анализа внѣ логическихъ формулъ. Въ нѣмецкой литературѣ и была уже сдѣлана попытка воспользоваться результатами логическихъ изслѣдованій Зигварта и Лотце для объясненія процесса образованія юридическихъ понятій ²⁾).

Такимъ же совершенно общимъ логическимъ приѣмомъ представляется и то, что Іерингъ называетъ логической концен-траціей понятій. Тутъ все дѣло заключается въ опредѣленіи взаимнаго соотношенія понятій и слѣдуетъ только замѣтить, что Іерингъ опускаетъ изъ виду разнообразіе формъ этого соотношенія. Соотношеніе понятій можетъ быть не только отношеніемъ

¹⁾ Wundt, Logik, I, 1880, s. 96.

²⁾ Rümelin, Juristische Begriffsbildung. 1878.

соподчиненія, но можетъ принимать и различныя другія формы напр. взаимоисключенія (случай и умыселъ), соотносительности (право и обязанность), соприкосновенія (*dies incertus an, certus quando u conditio*), перекрещиванія (вещныя и имущественныя права) и т. д. ¹⁾).

Но эта т. н. Герингомъ логическая концентрація понятій даетъ объединеніе матеріала лишь въ весьма узкихъ рамкахъ. Для того, чтобы объединеніе могло обнять весь матеріалъ общихъ элементовъ, полученныхъ путемъ анализа, а не отдѣльныя только ихъ группы, необходимо обратиться къ синтезу, посредствомъ юридической конструкціи. Подобно анализу и юридическая конструкція не представляетъ исключительной особенности юридической науки. Это общій приемъ научнаго обобщенія ²⁾). Не слѣдуетъ думать, чтобы научныя обобщенія были просто суммированными копіями дѣйствительности. Такія копіи по необходимости представляются неясными, неопредѣленными. Они подобны тому смутному впечатлѣнію, какое мы получимъ, если наложимъ одну на другую нѣсколько прозрачныхъ картинъ и станемъ разсматривать ихъ противъ свѣта. При этомъ конечно и краски, и очертанія контуровъ сольются, смѣшаются, потерявъ всякую опредѣленность. Обобщенія подобныя такимъ неяснымъ впечатлѣніямъ не годятся для цѣлей науки. Они могутъ пожалуй удовлетворить потребностямъ обыденной жизни, гдѣ мы заурядъ руководствуемся неясными, для насъ самихъ смутными представленіями. Но наука требуетъ прежде всего отчетливости, ясности, опредѣленности. И въ дѣйствительности научныя обобщенія не суть вовсе суммированныя лишь копіи дѣйствительности. Всѣ научныя обобщенія суть идеальныя построенія, представляющія собою своеобразныя комбинаціи полученныхъ путемъ анализа общихъ элементовъ нашихъ представленій. Эти комбинаціи не копируютъ рабски дѣйствительность; они составляются свободно, сообразно цѣ-

¹⁾ Wundt, Logik, I. s. 113.

²⁾ Льюисъ, Вопросы о жизни и духѣ т. I, Спб. 1876 г. стр. 272—300.

лямъ научнаго обобщенія. и потому всегда уклоняются нѣсколько отъ дѣйствительности. Таковъ характеръ обобщеній во всѣхъ наукахъ безъ исключенія: всякая наука даетъ не копію дѣйствительности, а идеальное построеніе. Такъ напри- мѣръ, когда говорятъ, что луна обращается по опредѣленной орбитѣ вокругъ земли, то это нельзя понимать, какъ простое опи- саніе дѣйствительно совершающагося обращенія луны вокругъ земли—это только идеальное построеніе объясняющее намъ дви- женіе луны. Въ дѣйствительности луна вовсе не описываетъ эллипсисовъ вокругъ земли. Если бы она въ своемъ движе- ній оставляла за собою видимый слѣдъ, слѣдъ этотъ имѣлъ бы фигуру не эллипсиса и вообще не замкнутой кривой, а не замыкающейся волнообразной линіи. Весьма наглядно вы- ражается конструктивный характеръ научныхъ обобщеній въ кристаллографическихъ системахъ. Для того, чтобы объяснить сложные явленія, наблюдаемыя въ кристаллахъ, кристалло- графы воображаютъ, что внутри каждаго кристалла сущест- вуютъ извѣстныя оси или линіи направленія, соотносительной длиною и взаимнымъ наклоненіемъ которыхъ опредѣляется природа кристалла. Въ одномъ классѣ кристалловъ есть че- тыре такихъ оси; во всѣхъ другихъ только три; они могутъ быть или одинаковой длины или различной, или перпендику- лярны другъ къ другъ или наклонны. Этимъ различіемъ чи- сла, длины и наклона воображаемыхъ осей обуславливается дѣленіе кристалловъ на семь различныхъ системъ, представ- ляющихъ различіе геометрическихъ формъ и физическихъ свойствъ. Но конечно эти оси только воображаемыя. Такимъ образомъ вся кристаллографія опирается на конструкцію, на идеальное построеніе.

Совершенно такое же, не только практическое, но и на- учное значеніе имѣетъ и юридическая конструкція. Между ней и конструкціями напр. астрономическими или кристалло- графическими нѣтъ никакого принципиальнаго различія. Но конечно приемы юридической конструкціи иные, такъ какъ тутъ и самый предметъ подлежащій объясненію совсѣмъ не тотъ.

Основной приём юридической конструкции заключается, какъ извѣстно въ томъ, что отношенія юридическія, существующія между людьми, объективируются, рассматриваются, какъ самостоятельныя существа, возникающія, измѣняющіяся въ теченіи своего существованія и, на конецъ, прекращающіяся. Затѣмъ, въ организаціи, въ структурѣ этихъ отношеній различаютъ ихъ субъектовъ, т. е. тѣхъ лицъ, между которыми происходятъ отношенія, и ихъ объекты, т. е. тѣ силы, пользованіе которыми служитъ поводомъ установленія отношеній. Наконецъ, въ содержаніи отношеній различаютъ всегда два элемента: право и соотвѣтствующую праву обязанность.

Подобно тому, какъ опредѣленіемъ числа, соотносительной длины и положенія осей опредѣляются всѣ свойства кристалла, такъ и опредѣленіе всѣхъ свойствъ различныхъ юридическихъ отношеній сводится къ опредѣленію ихъ субъекта объекта, содержанія и условій установленія и прекращенія. Конструкция юридическихъ отношеній выполняетъ совершенно ту же функцію, какъ и конструкция кристаллографическихъ системъ. Это есть приравненное для цѣлей юридическаго изслѣдованія идеальное построеніе. Поэтому и критика юридической конструкции не можетъ заключаться въ разрѣшеніи вопроса о томъ, соотвѣтствуетъ ли она во всѣхъ своихъ частностяхъ дѣйствительности. Оси кристалла, орбита луны существуютъ только въ нашемъ мышленіи, мы только воображаемъ ихъ себѣ. И это нисколько не мѣшаетъ этимъ конструкціямъ имѣть высокое научное значеніе. Не бѣда поэтому, если и юридическая конструкция не представляетъ простой копіи дѣйствительности. Оцѣнка ея должна обуславливаться исключительно тѣмъ, представляется ли она пригодной формой для нагляднаго и точнаго воспроизведенія всѣхъ свойствъ правовыхъ явленій и ихъ взаимнаго соотношенія. Пригодность для этой цѣли установившагося пріема юридической конструкции, какъ конструкции отношеній, лучше всего доказывается успѣшнымъ ея примѣненіемъ на практикѣ. Выработанный собственно цивилистами, этотъ приёмъ конструкціи находитъ себѣ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе ши-

рокое примѣненіе. И по самому существу своему онъ вполне пригоденъ для воспроизведенія всевозможныхъ юридическихъ явленій, какъ бы они ни были разнообразны.

Но вполне признавая высокое достоинство установившагося въ наукѣ приема конструкціи, я не могу не указать на рѣшительную необходимость дальнѣйшаго развитія этого приема. Совершенно сохраняя всѣ выработанныя до сей поры элементы юридической конструкціи необходимо сдѣлать къ нимъ одно, впрочемъ довольно существенное, добавленіе. Обыкновенно юридическія нормы, существованіе которыхъ составляетъ необходимое предположеніе превращенія фактическихъ отношеній въ юридическія, только и принимаются въ соображеніи какъ такое *conditio sine qua non* юридическихъ отношеній. Въ самомъ началѣ, обыкновенно въ введеніи, дается краткій очеркъ ученія о нормахъ, между прочимъ и о дѣйствіи ихъ во времени, и затѣмъ ужъ въ дальнѣйшемъ изложеніи совершенно игнорируется тотъ фактъ, что нормы не неподвижны, а измѣнчивы. Весь анализъ сводится къ опредѣленію того, какъ сказывается измѣненія въ различныхъ элементахъ юридическаго отношенія, только они разсматриваются, какъ переменныя. При практическомъ изученіи какой-нибудь одной законодательной системы это, конечно, вполне законный приемъ. Но разъ дѣло идетъ объ общей юридической теоріи, это приемъ рѣшительно несостоятельный. Общей теоріи приходится считаться съ разнообразнѣйшими системами права: какъ же ихъ умѣстить всѣхъ въ рамки юридической конструкціи? Для того, чтобы сравнительное изученіе не являлось какимъ то случайнымъ придаткомъ, лишеннымъ строго научной, объективной постановки, эксплуатируемымъ лишь для разрѣшенія чисто субъективнаго вопроса: какая система лучше?—необходимо принять во вниманіе въ самой юридической конструкціи и измѣнчивость нормъ. Если мы станемъ въ юридическихъ конструкціяхъ разсматривать какъ переменныя и элементы отношеній, и нормы ихъ опредѣляющія, то мы получимъ естественно двоякую группировку юридическихъ явленій. Группировка основанная на сходствѣ и различіи эле-

ментовъ юридическихъ отношеній дать классификацію системой. Группировка, основанная на различіи выражающихся въ нормахъ юридическихъ принциповъ, дастъ намъ рядъ юридическихъ типовъ.

О необходимости отказаться отъ исключительно систематизирующаго направленія и въ дополненіе къ классификаціи системой выработать классификацію рядами я уже говорилъ въ этомъ самомъ журналѣ ¹⁾. Я позволилъ себѣ вновь возвратиться къ этому вопросу въ виду того, что профессоръ С. В. Пахманъ, въ извѣстной рѣчи своей признаетъ мою мысль о недостаточности одного систематизирующаго направленія, просто продуктомъ неправильнаго пониманія существа юридической науки въ собственномъ смыслѣ ²⁾. Но едва ли это не плодъ недоразумѣнія. Быть можетъ, тогда я недостаточно ясно выразился. По крайней мѣрѣ очевидно, что почтенный профессоръ меня не понялъ. Опровергая правильность того, будто „юридическая наука и смотритъ на право, какъ на нѣчто неизмѣнное“ ³⁾ онъ всю силу своей аргументаціи направляетъ на доказательство того, что „юристу нѣтъ никакого дѣла до построенія какого-то неизмѣннаго, вѣчнаго права.“ Но ничего подобнаго я нигдѣ и не говорилъ. Разсматривать, что либо „какъ неизмѣнное,“ и „построить неизмѣнное“—двѣ вещи совершенно различныя. И завѣдомо измѣняющееся можно, для упрощенія научнаго анализа, разсматривать какъ неизмѣнное. Да и самъ С. В. Пахманъ дальше говоритъ совершенно тоже самое: „измѣняемость нормъ положительнаго права для юриста совершенно безразлична“. Если измѣнчивость для него безразлична, то онъ конечно въ своемъ анализѣ ее игнорируетъ. Но я только и хотѣлъ указать на это игнорированіе измѣняемости юридическихъ нормъ.

¹⁾ Журналъ гражд. и угол. права. 1879 г. № 2 Наука права и естествознаніе стр. 42 и слѣд.

²⁾ Журналъ гражд. и угол. права 1882, № 3, О современномъ движеніи въ науку права, стр. 50.

³⁾ У меня собственно сказано: „систематикъ разсматриваетъ юридическій строй какъ неизмѣнный“ Авторъ рѣчи вѣроятно потому и не понялъ моихъ словъ, что измѣнилъ ихъ.

Но теперь другой вопрос: является ли это игнорирование измѣняемости нормъ необходимымъ требованіемъ юридическаго метода? С. В. Пахманъ утверждаетъ, что да, что иначе мы придемъ къ смѣшенію правовѣдѣнія съ тѣмъ, что онъ называетъ историко-философской разработкой права. Задачей такой разработки онъ считаетъ изученіе жизненныхъ основъ ¹⁾, фактической стороны права ²⁾. Но если такъ, то я, признаюсь, рѣшительно не понимаю, какимъ образомъ восполненіе анализа принятіемъ въ соображеніе измѣняемости не только элементовъ юридическихъ отношеній, но и юридическихъ нормъ можетъ обуславливать собою смѣшеніе юридическаго изслѣдованія съ такого рода историко-философскимъ изученіемъ? Почему классификація рядами больше, чѣмъ классификація системой, затрогиваетъ жизненные основы. Если можно, не касаясь жизненныхъ основъ права, построить удовлетворительную научную классификацію права, въ чемъ я сильно сомнѣваюсь, то точно также возможно построить и классификацію рядомъ, и наоборотъ. Классификація системой и классификація рядомъ это двѣ общія логическія формы группировки понятій и ни одна изъ нихъ не можетъ имѣть какой-либо особой связи съ жизненными основами права ³⁾.

Н. Коркуновъ.

¹⁾ стр. 20.

²⁾ стр. 51.

³⁾ Считаю долгомъ замѣтить, что мысли проф. Пахмана переданы неточно. Какъ видно изъ его «рѣчи» (стр. 41, 51, 52 и др.), онъ вовсе не утверждаетъ, будто юридическая наука должна «игнорировать» измѣняемость права; напротивъ, онъ прямо заявляетъ, что неправиленъ взглядъ «многихъ» (и между прочимъ г. Коркунова), будто юридич. наука смотритъ на право (или, что тоже, юридич. строй), «какъ на нѣчто неизмѣнное». Мало того: объясняя, что измѣняемость права для юриста «безразлична» въ томъ смыслѣ, что наука относится къ нему объективно, безстрастно, не защищая и не порицая, онъ прибавляетъ, что ей «*вполнѣ чуждо пристрастіе къ неизмѣнности юридич. явленій*» и изученіе «жизненныхъ условій» признаетъ необходимымъ не только для исторической теоріи права, но и для *юридической науки*, самостоятельность которой (основная мысль «рѣчи») въ статьяхъ г. Коркунова совершенно игнорируется.

Прим. редакціи.

ЗАМѢТКИ.

НАШЕ БУКВОДСТВО.

Судебные уставы, внося новыя, прогрессивныя начала, въ русскую юридическую жизнь, измѣнили прежній принципъ толкованія законовъ. вмѣсто того, чтобы приковывать судью къ буквѣ закона и стѣснять его узкою рамкою грамматическаго толкованія; вмѣсто того, чтобы воспрепятствовать ему уяснить цѣли законодателя инымъ способомъ, кромѣ словесной интерпретаціи текста; вмѣсто того, чтобы преслѣдовать всякую логическую работу ума образованнаго судьи и опасаться „обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій,“—судебные уставы предписываютъ судьямъ руководствоваться общимъ смысломъ законовъ. давать преимущество духу предъ буквою, во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ. Это должно имѣть мѣсто, когда существованіе нѣсколькихъ, несогласныхъ между собою законовъ, порождаетъ *противорѣчіе* ихъ; когда неудовлетворительная редакція закона причиняетъ *неясность* его; когда несоотвѣтствіе между намѣреніемъ законодателя и буквальнымъ смысломъ закона, имѣетъ послѣдствіемъ своимъ *неполноту* его.

Съ 20 ноября 1864 г. права суда относительно толкованія закона расширены. Открылась возможность, при примѣненіи общаго закона къ отдѣльному случаю, пользоваться и выводами юридической науки, и положеніями, выработанными учеными юристами, которыя разъясняютъ цѣли законодателей. даютъ возможность уразумѣть конечныя стремленія ихъ. Такое измѣненіе правъ суда, составляетъ крупную реформу. Это торжество знанія и развитія надъ ограниченнымъ канцеляризмомъ, опасющимся „самопроизвольныхъ толкованій“, прикрывающимъ свое скудоуміе поклоненіемъ предъ

буквою, которая, по его взгляду, одна только и заключаетъ въ себѣ всю премудрость.

Нельзя не признать, что наша судебная практика не стала повсемѣстно, въ дѣлѣ толкованія законовъ, на ту высоту, на которую ставятъ судью уставы 20 ноября. Привычки прежняго времени слишкомъ живы еще. Традиціи старыхъ палатъ, уѣздныхъ и земскихъ судовъ, не забыты. Канцелярщина черезъ чуръ вѣлась въ наши души, чтобы мы легко могли отъ нея отдѣлаться. Отъ этой канцелярщины намъ уйти некуда. Она насъ преслѣдуетъ вездѣ, насъ охватываетъ, нами завладѣваетъ, вопреки нашему желанію, даже тогда, когда мы стремимся освободиться изъ подъ ея власти. Вѣрными союзниками ея являются: бѣдность нашей юридической литературы и умственный застой, на который обреченъ русскій провинціальный судебный дѣятель. Кочуя съ семействомъ изъ одного города въ другой, по территории огромнаго государства, вслѣдствіе случайныхъ вѣтѣній судьбы, выражающихся въ приказахъ по вѣдомству, не имѣя возможности гдѣ-либо прочно устроиться, живя со дня на день на скудные средства, — этотъ дѣятель ищетъ развлеченія, подобно всѣмъ прочимъ членамъ провинціальнаго общества, въ карточной игрѣ, которая наполняетъ собою время, остающееся свободнымъ отъ обязательныхъ занятій. Не читать же ему въ самомъ дѣлѣ не только сочиненія Пухты и Савиньи, но даже наши немногочисленные юридическія изданія, когда можно отправиться въ мѣстный клубъ или къ хорошимъ знакомымъ и отдаться тамъ менѣе головоломному, но болѣе занимательному, болѣе согласному съ общими вкусами, съ общимъ тономъ, проведенію времени. Да и къ чему знать? Можетъ быть слѣдующій приказъ перенесетъ его, наконецъ;—онъ такъ стремится куда-нибудь перейти, какъ больному хочется перевернуться съ одного бока на другой, въ какіе нибудь отдаленные края, изъ Житомира въ Уфу или обратно, изъ Екатеринослава въ Екатеринбургъ, изъ гражданскаго отдѣленія, которое ему надоѣло, въ уголовное, въ которомъ онъ никогда не засѣдалъ. Русскій человѣкъ—не гѣмецъ. Не считать же ему гроши, не устраивать жизнь свою и занятія свои на многіе годы впередъ. Не въ нашей это натурѣ, не по нашему темпераменту. Авось и такъ проживешь, и такъ прослужишь!

Въ видѣ иллюстраціи къ изложеннымъ выше мыслямъ, въ подтвержденіе того, насколько мы чтимъ еще въ судахъ нашихъ букву и даемъ ей преимущество передъ духомъ, приведу одно рѣшеніе

окружного суда, которое состоялось въ публичномъ засѣданіи, хотя въ дисциплинарномъ порядкѣ, но въ сущности по любопытному вопросу изъ сферы гражданскаго судопроизводства. Замѣчательно, что это рѣшеніе постановлено судомъ, имѣющимъ весьма солидную репутацию относительно суммы юридическихъ познаній, имъ представляемой, и что дѣло было доложено такимъ судьей,—а, слѣдовательно, имъ же составлено и рѣшеніе въ окончательной формѣ,—который справедливо считается однимъ изъ лучшихъ судей цѣлаго округа судебной палаты. Еще замѣчательнѣе, что, повидимому, не одинъ тотъ окружный судъ, о рѣшеніи котораго будетъ рѣчь, смотритъ на предметъ такъ, какъ онъ это выразилъ въ своемъ рѣшеніи, но и другіе суды, по пристрастію къ буквѣ, держатся тождественнаго взгляда. А поэтому дѣло имѣетъ извѣстный, общій интересъ.

11 января, 1878 г., прав. сенатомъ, по 1-му департаменту, былъ изданъ указъ, ¹⁾ разъясняющій порядокъ исполненія судебныхъ рѣшеній о взысканіи долговъ съ отдѣльныхъ крестьянъ и съ цѣльныхъ крестьянскихъ обществъ. Цѣль этого указа заключается въ томъ, чтобы по возможности оградить крестьянъ отъ ущерба, при производствѣ съ нихъ взысканій. Этотъ ущербъ могъ бы произойти, по мнѣнію сената, въ томъ случаѣ, если бы исполнитель судебного рѣшенія руководствовался исключительно правилами устава гражданскаго судопроизводства и оставилъ бы безъ вниманія спеціальныя узаконенія, ограждающія интересы крестьянъ въ подобныхъ случаяхъ. Относительно взысканія съ отдѣльныхъ крестьянъ, сенатъ разъяснилъ, что, по истеченіи срока, установленнаго 384 и 385 ст. уст. о благ. въ каз. сел., на добровольную уплату долга, судебный приставъ можетъ приступить къ описи имущества крестьянина, однако не иначе, какъ въ присутствіи сельскаго старосты или волостнаго старшины, для опредѣленія ими, какая часть имущества можетъ быть продана безъ разстройства хозяйства. Вопросъ о томъ, какимъ образомъ должно производиться взысканіе частнаго долга съ цѣлаго крестьянскаго общества, представился болѣе затруднительнымъ. Однако сенатъ разрѣшилъ и этотъ вопросъ съ заботливостью о томъ, чтобы крестьяне не подверглись разоренію. Еще недавно, при взысканіи частныхъ долговъ съ крестьянскихъ обществъ, существовалъ порядокъ, совершенно отличный отъ взысканія тѣхъ

¹⁾ Собраніе узак. и расп. правительства за 1878 г., № 16.

же долговъ съ отдѣльныхъ крестьянъ, а именно, на основаніи 2259 ст. X т. 2 ч. св. зак. изд. 1857 г., взысканія, присужденныя съ обществъ казенныхъ крестьянъ, производились посредствомъ взысканія, при сборѣ податей, особаго сбора съ каждой души мужскаго пола. Этотъ сборъ не долженъ былъ превосходить мѣру, какая однажды навсегда была назначена для такихъ взысканій. Такимъ образомъ, продажа имуществъ крестьянскихъ обществъ за частныя долги, присужденныя съ этихъ обществъ, не имѣла мѣста, по прежде дѣйствовавшимъ законамъ. Но такъ какъ этотъ порядокъ находился въ противорѣчій съ судебными уставами и положеніемъ 19 февраля 1861 г., по которымъ продажа имущества на удовлетвореніе частныхъ долговъ и всякихъ недоимокъ признана одною изъ самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ, то приведенная 2259 ст. отмѣнена и замѣнена примѣчаніемъ къ 1854 ст. X т. 2 ч. св. зак. по прод. 1868 г., въ которомъ сказано, что особыя правила объ описи, оцѣнкѣ и продажѣ имуществъ сельскихъ обывателей, изложены въ положеніи о крестьянахъ. На основаніи же 190 и 191 ст. общ. пол., въ случаѣ несправности всего сельскаго общества въ платежѣ податей и повинностей, мировой посредникъ, при безустѣжности предварительныхъ мѣръ, можетъ произвести чрезъ полицію опись всего крестьянскаго имущества и, исключивъ изъ нея то, что составляетъ необходимость въ крестьянскомъ хозяйствѣ и не подлежитъ продажѣ безъ разоренія крестьянъ, распорядиться продажей остальнаго имущества. Съ упраздненіемъ мировыхъ посредниковъ, отмѣтка въ описи о томъ, какая часть описаннаго имущества можетъ быть продана безъ разоренія крестьянъ, дѣлается уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, впредь до изданія, согласно Высочайше утвержденнаго 21 декабря 1871 г. мнѣнія государственнаго совѣта, правилъ, касающихся того, какое именно движимое имущество крестьянъ должно быть признаваемо за необходимое въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Такимъ образомъ, разсуждаетъ сенатъ, хотя въ положеніи 19 февраля 1861 г. не содержится особыхъ правилъ относительно взысканія частныхъ долговъ съ крестьянскихъ обществъ, но это не указываетъ на то, что въ данномъ случаѣ должны быть примѣняемы *исключительно* 935 и 973 — 974 ст. уст. гр. суд. Напротивъ того, вышеприведеннымъ примѣчаніемъ къ 1854 ст. X т. 2 ч. по прод. 1868 г. прямо вмѣнено въ обязанность, при взысканіи частныхъ долговъ съ крестьянскихъ обществъ, руководствоваться правилами.

изложенными въ положеніи 19 февраля. Порядокъ примѣненія этихъ правилъ ко взысканію частныхъ долговъ, подтверждается и 3 прим. къ 24 ст. общ. пол., 126 ст. пол. о вык. и 257 ст. мѣст. великор. пол., изъ которыхъ видно, что частныя долги, состоящія на крестьянахъ, могутъ быть удовлетворены только за пополненіемъ разныхъ недоимокъ, а потому предоставленіе частнымъ кредиторамъ особыхъ преимуществъ, при взысканіи съ крестьянскихъ обществъ долговъ и права производить опись и продажу крестьянскаго имущества одного или нѣсколькихъ домохозяевъ, по указанію кредитора, вполне противорѣчило бы какъ приведенному прим. къ 1854 ст. Х т. 2 ч., такъ и мѣрамъ, установленнымъ положеніемъ 19 февраля, относительно обезпеченія крестьянскаго хозяйства и крестьянскаго быта отъ разоренія. Поэтому, установленіе на практикѣ порядка взысканія частныхъ долговъ съ крестьянскихъ обществъ, безъ участія въ томъ учреждений, которымъ эти общества подчинены, можетъ повлечь за собою разореніе крестьянскаго быта и нарушеніе экономическихъ и финансовыхъ интересовъ крестьянъ. На основаніи этихъ соображеній, сенатъ призналъ, что взысканіе съ крестьянскихъ обществъ частныхъ долговъ, присужденныхъ рѣшеніями судебныхъ мѣстъ, должно быть производимо слѣдующимъ образомъ: а) судебный приставъ описываетъ все движимое имущество дѣлаго крестьянскаго общества; б) опись эта представляется на разсмотрѣніе мирового посредника или мѣстнаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, тамъ, гдѣ посредники не учреждены, для отмѣтки, что изъ описаннаго имущества составляетъ необходимость въ крестьянскомъ хозяйствѣ и не можетъ быть продано безъ разоренія крестьянъ; в) изъ вырученной отъ продажи суммы приставъ пополняетъ недоимки, а остальную часть обращаетъ на удовлетвореніе кредитора и судебныхъ издержекъ.

Приведенный указъ сената исполненъ, какъ уже сказано выше, заботливостью объ интересахъ крестьянъ. Цѣль указа — оградить ихъ, при взысканіяхъ, отъ разоренія, всѣми возможными средствами, не только тѣми, которыя установлены судебными уставами, но и прочими узаконеніями. Несмотря на то, что 973 и 974 ст. уст. гр. суд. ограничиваютъ число предметовъ, подлежащихъ аресту, — что 10 п. 973 ст. постановлено, что движимость крестьянъ, признаваемая необходимою въ крестьянскомъ хозяйствѣ, ни въ какомъ случаѣ не подвергается аресту, но сенатъ, для большаго обезпеченія крестьянъ, устанавливаетъ извѣстный контроль надъ дѣйствіями су-

дебнаго пристава, со стороны учреждений, специально знакомых съ условиями крестьянскаго быта. Для этого же сенатъ, ссылаясь на положеніе 19 февраля, предписываетъ приводить сперва въ извѣстность всю крестьянскую движимость и неоцѣнивая ее — объ оцѣнкѣ нѣтъ рѣчи въ указѣ — передавать результаты подобнаго труда на разсмотрѣніе крестьянскаго присутствія. Такая опись, разумѣется, не есть та, что производится по уставу гражданскаго судопроизводства и за которою слѣдуетъ арестъ, оцѣнка, отдача на храненіе и публичная продажа. Это только предварительное дѣйствіе, по исполненіи котораго, подъ наблюденіемъ крестьянскаго присутствія, слѣдуетъ примѣненіе правилъ взысканія, установленныхъ судебными уставами. Сенатъ не дозволяетъ кредиторѣ избирать, въ качествѣ объекта взысканія, все имущество отдѣльнаго домохозяина, даже съ ограниченіями, установленными 973 и 974 ст. уст. гр. суд. Сенатъ полагаетъ, что крестьянское присутствіе, получивъ свѣдѣнія о наличности имущества всѣхъ крестьянъ, узнавъ, чѣмъ въ данное время владѣютъ крестьяне, каждый изъ нихъ въ отдѣльности, дастъ относительно предметовъ, подлежащихъ описи и продажѣ, болѣе справедливыя, сопряженныя съ меньшимъ отягощеніемъ для крестьянъ, указанія. Повторяю: та общая опись, которую требуетъ сенатъ, есть только предварительное дѣйствіе, дающее возможность приступить впослѣдствіи ко взысканію по правиламъ гражданскаго судопроизводства.

Посмотримъ теперь какъ примѣняется на практикѣ упомянутый указъ сената нашими судами и какія это влечетъ за собою послѣдствія для крестьянскаго быта.

Одинъ мировой посредникъ сообщилъ предсѣдателю окружнаго суда, что судебный приставъ, взыскивая съ крестьянскаго общества по исполнительному листу 693 руб. совершилъ слѣдующія неправильныя, по мнѣнію посредника, дѣйствія: а) онъ не назначилъ крестьянамъ, для добровольной уплаты, срока столь продолжительнаго, какъ это было необходимо, въ виду того, что платить должна была цѣлая волость: ст. 384 и 385 уст. о благ. въ казен. сел. допускаетъ срокъ отъ семи дней до двухъ мѣсяцевъ, а приставъ назначилъ только семь дней, между тѣмъ, въ такое короткое время, всѣ члены волости не могли даже узнать о требованіи съ нихъ долга; б) онъ не пожелалъ принять уплату отъ тѣхъ обществъ, которыя объ этомъ заявляли ему до описи, чѣмъ ясно обнаружилъ свое стремленіе составить громадную, какъ будетъ указано ниже, опись;

в) онъ наложилъ арестъ и описалъ имущество на сумму, несоотвѣтствующую цифрѣ взысканія: взыскивалось 693 р. долга, да 2605 р. недоимокъ, а описано имущество крестьянъ болѣе чѣмъ на 68,000 р. и опредѣлено вознагражденіе въ пользу судебного пристава до 900 р. г) онъ внесъ въ опись такіе предметы, которые, по закону, не подлежами внесенію, какъ, напримѣръ, домашній и рабочій скотъ, необходимый для работъ и для пропитанія, а такихъ предметовъ внесено въ опись на десятки тысячъ, и съ нихъ тоже опредѣлено процентное вознагражденіе въ пользу пристава.

Сообщеніе мирового посредника было передано предсѣдателемъ окружнаго суда на разсмотрѣніе гражданскаго отдѣленія суда, но такъ какъ въ это отдѣленіе, такимъ образомъ, дѣло поступило не въ установленномъ порядкѣ, не по жалобѣ заинтересованныхъ, то гражданскій судъ нашелъ невозможнымъ обсудить дѣйствія пристава, и дѣло было затѣмъ направлено предсѣдателемъ окружнаго суда къ дисциплинарному производству. Понятно, что, вслѣдствіе этого, характеръ процесса совершенно измѣнился. Въмѣсто того, чтобы разсматривать, подлежатъ-ли дѣйствія судебного пристава отмѣнѣ, не слѣдуетъ ли освободить крестьянъ отъ тѣхъ послѣдствій, которыя эти дѣйствія за собою повлекли, напримѣръ, отъ уплаты вознагражденія приставу въ 900 р. при взысканіи долга въ 693 р., —отъ описи всего домашняго и рабочаго скота, вопреки правиламъ гражданскаго судопроизводства, —окружный судъ долженъ былъ ограничиться разсмотрѣніемъ того, не подлежитъ-ли судебный приставъ отвѣтственности, дисциплинарной или уголовной. Очевидно, что можно совершить неправильныя дѣйствія отъ неправильнаго пониманія закона или сенатскаго указа и никакой отвѣтственности за это не подлежать. Такъ и вышло, и даже болѣе: окружный судъ призналъ, что нѣтъ не только повода привлекать судебного пристава къ отвѣтственности, но что онъ поступилъ совершенно правильно и совершенно вѣрно понялъ и примѣнилъ сенатскій указъ. Не съузивъ вопроса, какъ легко было это сдѣлать при дисциплинарномъ производствѣ, судъ высказался категорически по существу указа. Держась исключительно буквы и пренебрегая общимъ смысломъ, духомъ, очевиднымъ намѣреніемъ, судъ пришелъ къ осязательно ложному выводу. Читая разбираемое рѣшеніе окружнаго суда, выносишь то же впечатлѣніе, какъ при просмотрѣ извѣстныхъ математическихъ загадокъ, въ которыхъ послѣдовательныя исчисленія выведены какъ будто бы правильно, всѣ алгебраическія формулы, повидимому, соблюдены, а въ результатѣ получается $2 \times 2 = 5$.

Приходится ломать голову—такъ всё исчисленія и формулы искусно построены—надъ тѣмъ, гдѣ же погрѣшность. въ чемъ она кроется, куда она такъ незамѣтно запряталась, такъ какъ, по всѣмъ законамъ человѣческаго мышленія, 2×2 не можетъ равняться 5-ти.

Разсмотримъ ближе рѣшеніе суда. Съ двумя первыми обвинительными пунктами противъ судебного пристава, окружный судъ раздѣлялся легко. Обвиненіе въ неназначеніи достаточнаго срока на добровольную уплату, встрѣчено возраженіемъ, что срокъ назначенъ такой, какой установленъ закономъ. Конечно, на это можно бы замѣтить, что право опредѣленія срока, болѣе или менѣе продолжительнаго, предоставлено закономъ не для одной формы, но обусловливается возможностью исполненія требуемыхъ дѣйствій. И хотя судъ говорить, что срокъ съ 25 августа по 3 сентября даже не можетъ быть признанъ недостаточнымъ, въ виду того, что долгъ восполнялся взносомъ 27 коп. съ души, но само собою разумѣется, что въ столь многочисленной волости, гдѣ 693 р. составляютъ съ души лишь 27 коп. едвали возможно поставить всѣхъ должниковъ хотя бы въ извѣстность, что требованіе объ уплатѣ къ нимъ предъявлено.

Относительно отказа со стороны судебного пристава принять деньги отъ отдѣльныхъ лицъ, судъ призналъ, что дѣйствительно были возраженія со стороны нѣкоторыхъ домохозяевъ, что они готовы заплатить, но однако деньги ими въ натурѣ не предлагались. Мнѣ кажется, что и тутъ приставъ правъ только съ формальной стороны, такъ какъ онъ рѣчами своими отклонялъ уплату частей долга, именно требовалъ всѣхъ денегъ разомъ, говорилъ, что онъ не сборщикъ податей и т. п. Между тѣмъ приставъ не можетъ отказываться отъ принятія хотя бы части взыскиваемаго долга, а обязанъ всячески поощрять должниковъ къ исполненію обязательства. Принудительное исполненіе слѣдуетъ въ случаѣ отсутствія добровольнаго и настолько, насколько добровольное не успѣвало.

Послѣ этого окружный судъ переходитъ къ изложенію соображеній своихъ по самому существенному вопросу въ дѣлѣ—о порядкѣ взысканія долга съ цѣлаго крестьянскаго общества, согласно разъясненію сената. Установивъ, что взысканіе должно быть обращено не на имущество, принадлежащее крестьянскому обществу, какъ юридическому лицу, напримѣръ, на общественные хлѣбные

запасы, пожарные инструменты, мебель въ сельской школѣ и пр. а на личное имущество каждаго отдѣльнаго домохозяева, входящаго въ составъ общества, окружный судъ продолжаетъ:

„Вышензложенныя соображенія не оставляють мѣста къ сомнѣнію, что приведенное въ указѣ сената правило, что при взысканіи частнаго долга съ сельскаго общества, судебнымъ приставомъ должна быть произведена опись всему движимому имуществу цѣлаго общества, слѣдуетъ понимать въ смыслѣ *поголовнаго* привлеченія къ такой описи всѣхъ лицъ, входящихъ по закону въ составъ общества. Разъ правило это должно имѣть такое именно значеніе, то дѣйствія судебного пристава по составленію самой описи, на основаніи выясненныхъ сенатомъ правилъ, предоставляются настолько точно опредѣленными что несоблюденіе установленнаго этими правилами порядка, можетъ являться развѣ только умышленнымъ отступленіемъ отъ нихъ, а не послѣдствіемъ неправильно понятаго смысла закона. Правила требуютъ, чтобы судебный приставъ составлялъ опись *всему* крестьянскому имуществу; очевидно, что если бы при описи онъ уполномоченъ былъ руководствоваться суммою взысканія, то такого требованія о внесеніи въ опись *всего* крестьянскаго имущества цѣлаго сельскаго общества поголовно, не могло бы быть и поставлено. Такое требованіе закона о внесеніи въ опись непременно *всего* имущества каждаго крестьянина, объясняется въ свою очередь тѣмъ, что опись представляется на разсмотрѣніе *уѣзднаго* по крестьянскимъ дѣламъ присутствія для отимѣтокъ о томъ, что у каждаго крестьянина можетъ быть назначено къ продажѣ, безъ разоренія его хозяйства.... Продажа необходимаго въ быту предмета можетъ не повести за собою разстройства у одного крестьянина, а вызвать это явленіе у другаго. Предоставить судебному приставу право самому дѣлать предварительный выборъ того, что изъ имущества даннаго лица внести въ опись и чего не вносить, это значило бы парализовать значеніе установленныхъ сенатомъ правилъ... Нельзя было также предоставить судебному приставу и такого права, чтобы онъ составлялъ опись къ суммѣ, приблизительно соразмѣрной съ производимымъ взысканіемъ. Во-первыхъ, это было-бы, прежде всего, несогласно съ приводимымъ выше требованіемъ закона, обязательно разъясненнаго сенатомъ, чтобы въ опись вносилось *все* движимое имущество цѣлаго общества, а во-вторыхъ, было бы непрактично по своей цѣли, такъ какъ, въ случаяхъ значительнаго вполнѣдствіи времени сокращенія описи уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, пришлось бы снова выѣзжать для дополненія описи. И издержки такихъ поѣздовъ упали бы на тѣхъ же должниковъ вдвойнѣ, нисколько не сокращая издержекъ за составленіе самихъ описей“.

И такъ, по этому толкованію, все имущество отдѣльныхъ домохозяевъ, и ежедневно носимое платье, и иконы и кровати и постели, и весь скотъ и пр., должны быть вносимы въ опись, и съ цѣнности всего этого имущества можетъ быть взыскано процентное вознагражденіе. Взыскивается долгъ въ 100 руб., а судебный приставъ описываетъ, если волость велика, имущество на 10,000 руб., и съ этой суммы взыскиваетъ по таксѣ въ свою пользу. И это на основаніи указа, изданнаго для того, чтобы обезпечить крестьянъ отъ разоренія! Хорошо еще, что окружный судъ не былъ послѣдователемъ до конца и не потребовалъ, чтобы все крестьянское

достояніе было арестовано, отобрано и отдано хранителю,—чтобы всю волость раздѣли до нага. Хотя судъ, повидимому, и не оставляетъ безъ вниманія общаго смысла указа сената, но для него всего важнѣе буква указа,—слова: *все* имущество, *всего* имущества, *всему* имуществу, и онъ не стремится согласовать положенія, высказанныя сенатомъ, съ общими процессуальными началами. Между тѣмъ, если бы окружный судъ руководствовался не буквою указа, а принялъ бы во вниманіе упомянутыя начала и сообразовалъ бы съ ними содержаніе указа, то онъ пришелъ бы, быть можетъ, къ иному заключенію.

Указъ сената не отмѣнилъ и не могъ отмѣнить правила взысканія, установленныя уставомъ гражданскаго судопроизводства. Принявъ въ соображеніе спеціальныя условія крестьянскаго быта, сенатъ указалъ, что исполнитель судебнаго рѣшенія, руководствуясь, по отношенію ко взысканію съ крестьянъ, не однимъ этимъ указомъ, не *исключительно* 935, 973—974 ст. уст. гр. суд., но и положеніемъ 19 февраля,—долженъ дѣйствовать подъ извѣстнымъ контролемъ крестьянскихъ учреждений, созданныхъ этимъ положеніемъ и охраняющихъ интересы крестьянъ. По уставу гражданскаго судопроизводства, имущество должника можетъ быть описано и арестовано только соразмѣрно суммѣ взысканія. Этому непротиворѣчитъ положеніе 19 февраля. По уставу, извѣстнаго рода имущество не подлежитъ вовсе аресту или подлежитъ ему за неимѣніемъ другаго. Этому непротиворѣчитъ положеніе. По уставу, судебный приставъ взыскиваетъ вознагражденіе за служебныя дѣйствія, предусмотрѣнныя уставомъ. Этому непротиворѣчитъ положеніе. Слѣдовательно, и при совокупномъ примѣненіи правилъ взысканія, установленныхъ уставомъ гражданскаго судопроизводства и положеніемъ 19 февраля, судебный приставъ не долженъ арестовывать описывать, оцѣнивать, отдавать на храненіе и подвергать публичной продажѣ имущество должника, несоразмѣрно суммѣ взысканія. Онъ не долженъ описывать извѣстныхъ предметовъ ни въ какомъ случаѣ, а другія только за неимѣніемъ инаго имущества. Онъ не долженъ взыскивать въ свою пользу вознагражденіе за предварительную опись, составляемую безъ оцѣнки и не по уставу гражданскаго судопроизводства, а по положенію 19 февраля, для представленія ея крестьянскому присутствію, дабы это присутствіе могло сообразить, какая часть крестьянскаго имущества можетъ быть арестована, описана и продана по правиламъ устава гражданскаго

судопроизводства. Какъ сказано уже, такая опись, нужная лишь крестьянскому присутствію для его дѣятельности, есть только предварительное дѣйствіе, совершаемое съ цѣлью приведенія крестьянскаго имущества въ извѣстность, неустанавливающее еще правъ взыскателя на описанные предметы, такъ какъ каждый изъ этихъ предметовъ можетъ быть изъятъ изъ описи крестьянскимъ учрежденіемъ, права котораго диспореціонны. И только по исполненіи упомянутаго дѣйствія, приступается ко взысканію по правиламъ устава гражд. суд. со взятіемъ вознагражденія. За опись, сообщенную крестьянскому присутствію, могло бы быть взыскано вознагражденіе развѣ какъ за переписку съ присутственнымъ мѣстомъ, но эта переписка не подходитъ и подъ дѣйствіе 7 п. таксы приставовъ. Далѣе, включеніе даже въ подобную предварительную опись предметовъ, неподлежащихъ аресту ни въ какомъ случаѣ, по 973 ст. уст. гр. суд., было бы со стороны судебного пристава и дѣйствіемъ, не дозволеннымъ уставомъ, и дѣйствіемъ въ сущности безцѣльнымъ, такъ какъ оно, безъ сомнѣнія, повлекло бы за собою отѣну его со стороны крестьянскаго присутствія. Слѣдовательно, ни на основаніи устава гражданскаго судопроизводства, ни на основаніи положенія 19 февраля, ни на основаніи согласующаго ихъ указа сената, нельзя оправдать такой несообразности, какъ арестъ и опись—въ данномъ случаѣ на десятки тысячъ,—такого имущества, которое ни въ какомъ случаѣ аресту не подлежитъ, и какъ взысканіе въ пользу пристава несоразмѣрнаго вознагражденія—между прочимъ и съ цѣны подобнаго имущества,—вознагражденія, значительно превышающаго сумму взысканія. Окружный судъ поймалъ, такъ сказать, сенатъ на словѣ *все*, и результатъ вышелъ прямо противоположный тому, который сенатъ желалъ достигнуть. Судьямъ, постановившимъ рѣшеніе о которомъ идетъ рѣчь, слѣдовало бы помнить, что неудачная редакція указа сената, неполнота его, (о вознагражденіи, взымаемомъ судебнымъ приставомъ, сенатъ забылъ) при очевидной цѣли оградить интересы крестьянъ, а не предать ихъ разоренію, могли бы быть исправлены логическою интерпретаціею указа, съ примѣненіемъ прочихъ узаконеній, къ предмету относящихся.

Но на права свои относительно толкованія закона, окружный судъ смотритъ своеобразно. Онъ говоритъ:

„.... Какъ бы тяжело ни проявлялось иногда въ своихъ послѣдствіяхъ примѣненіе извѣстнаго закона, но пока онъ существуетъ, онъ долженъ быть примѣняемъ безъ всякаго умаленія (*vis*) его значенія путемъ несходныхъ съ нимъ личныхъ усмотрѣній и мѣро-

пріятій чиновника, хотя бы для данного случая и полезныхъ. Опасно не то, что данное личное воззрѣніе чиновника испазитъ законъ непремѣнно въ невыгодную сторону, но что этихъ воззрѣній можетъ быть столько же, сколько самихъ чиновниковъ, что равнялось бы фактическому упраздненію закона. Гораздо целесообразнѣе желать измѣненія самого закона, если приѣненіе его на практикѣ вызываетъ какія либо неудобства."

Это не теорія *dura lex sed lex*, но смѣшеніе понятій о произволѣ, о личномъ усмотрѣніи чиновниковъ, столь ненавистномъ всякому цивилизованному человѣку, съ понятіемъ о логическомъ толкованіи законовъ и правительственныхъ распоряженій, по духу и общему смыслу ихъ. Окружный судъ преслѣдуетъ „личныя воззрѣнія“, которыхъ „можетъ быть столько же, сколько самихъ чиновниковъ“, Значить—не разсуждай а только читай. Старый уѣздный судъ не допускалъ „самопроизвольныхъ толкованій“; новый окружный судъ боится „личныхъ воззрѣній“. Но при такомъ взглядѣ на предметъ, какую же пользу могутъ приносить ученые юристы, образованные судьи? Развѣ нельзя было бы замѣнить ихъ канцелярскими чиновниками, а въ крайнемъ случаѣ и грамотными сторожами суда?....

И. Закревскій.

ИЗЪ ПРАКТИКИ СУДОВЪ, КАКЪ УЧРЕЖДЕНІЙ, ЗАМѢНЯЮЩИХЪ СОВѢТЫ ПРИСЯЖНЫХЪ ПОВѢРЕННЫХЪ.

Въ печати по временамъ раздавались мнѣнія, что совѣты присяжныхъ повѣренныхъ слишкомъ снисходительно смотрятъ на неправильныя или предосудительныя дѣйствія присяжныхъ повѣренныхъ. Правда ли это или нѣтъ, но существованіе такихъ взглядовъ обязываетъ лицъ, съ ними несогласныхъ, задаться вопросомъ: лучше ли проявляется, въ смыслѣ строгости, надзоръ за присяжными повѣренными въ тѣхъ округахъ, гдѣ обязанности совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ возложены на мѣстные окружные суды. Отвѣтъ на этотъ вопросъ могутъ дать, между прочимъ, рѣшенія судовъ, постановленныя на правахъ совѣтовъ. Рѣшенія эти рѣдко публиковались до сихъ поръ и потому мы считаемъ небезынтереснымъ подѣлиться съ читателями, имѣющимъ въ нашемъ распоряженіи матеріаломъ по этому предмету. Рѣшенія принадлежатъ

одному и тому же суду, постановлены въ теченіе одного года, но касаются столь различныхъ вопросовъ адвокатской дѣятельности и профессиональныхъ отношеній повѣренныхъ къ другимъ лицамъ, что могутъ, на нашъ взглядъ, послужить основаніемъ для непосредственныхъ выводовъ о значеніи надзора судовъ за адвокатами.

Въ отношеніи каждаго отдѣльнаго рѣшенія мы отмѣтимъ, какимъ числомъ голосовъ оно было постановлено и въ чемъ заключались особыя мнѣнія и сдѣлаемъ отъ себя лишь краткія указанія на слабую сторону каждаго рѣшенія—иногда въ видѣ тезисовъ, которые изъ нихъ могутъ быть извлечены.

Дѣло присяжнаго повѣреннаго А.

Изъ протокола судебного засѣданія 13 марта 1880 г. по дѣлу о крестьянахъ В. Н. и М. К. и мѣщанинѣ Е. Н., обвиняемыхъ въ грабежѣ, видно, что назначенный отъ суда защитникомъ поименованныхъ подсудимыхъ, присяжный повѣренный А., по открытіи предсѣдателемъ судебного засѣданія въ 10 ч. 55 мин. пополудни, и послѣ вопроса подсудимыхъ согласно 636 и 638 ст. уст. уг. суд., заявилъ суду, что онъ, получивъ повѣстку о защитѣ подсудимыхъ вчера, 14 марта, въ 3 часа дня, не приготовился къ защитѣ и просилъ отложить слушаніе дѣла по крайней мѣрѣ до 16 марта. Окружный судъ, принимая во вниманіе, что присяжный повѣренный А., получивъ повѣстку о защитѣ подсудимыхъ вчерашняго числа въ 3 часа дня, *имѣлъ время приготовиться къ защитѣ*, въ виду несложности обстоятельствъ настоящаго дѣла и *при известной опытности* г. А., чего однако не исполнилъ, постановилъ: слушаніе сего дѣла отмѣнить до двухъ часовъ дня сего числа, предоставивъ г. А. въ это время *приготовиться къ защитѣ*; о дѣйствіяхъ же присяжнаго повѣреннаго А. *незаботившагося приготовиться къ защитѣ* до открытія засѣданія, сообщить на разсмотрѣніе общаго собранія отдѣленій сего суда.

Общее собраніе, выслушавъ означенный протоколъ, постановило: возбудивъ дисциплинарное производство противъ г. А. по сему дѣлу, потребовать отъ него объясненіе въ двухнедѣльный срокъ: 1) по предмету отказа его отъ защиты 15 марта, *безъ предвѣстительнаго ея заявленія о томъ предсѣдателью* до открытія засѣданія и 2) относительно того, что онъ началъ свою защиту по сему дѣлу объясненіемъ присяжнымъ засѣдателямъ, что судъ лишилъ его возможности приготовиться къ защитѣ.

Въ своемъ объясненіи г. А. выставляетъ слѣдующія соображенія: 1) получение повѣстки о защитѣ лишь въ 3 часа пополудни 14 марта, вызвало полную для него невозможность приготовиться къ защитѣ, какъ потому, что онъ не могъ ознакомиться въ канцеляріи суда съ дѣломъ, уже отосланнымъ для просмотра къ предсѣдателю, предсѣдавшему въ судебномъ засѣданіи 15 марта, такъ равно и по краткости оставшагося для подготовки къ защитѣ времени (одинъ вечеръ); 2) сопоставленіе 557, 560 и 572 ст. уст. угол. суд. и 344 ст. уст. гр. суд. приводить его къ убѣжденію, что назначеніе защитника позже чѣмъ за семь дней до слушанія дѣла, противорѣчитъ слыслу приведенныхъ статей закона, и, слѣдовательно, назначеніе его защитникомъ наканунѣ

засѣданія, въ 3 часа пополудни, закономъ не можетъ быть оправдываемо,—и 3) заявленіе объ отказѣ отъ защиты онъ признавалъ необходимымъ сдѣлать во время засѣданія, а не до открытія его—предсѣдателю, съ цѣлью получить возможность обжаловать въ кассационномъ порядкѣ опредѣленіе суда о продолженіи засѣданія, при наличности означеннаго заявленія его. По предмету же заявленія его присяжнымъ засѣдателямъ, въ началѣ защитительной рѣчи, о томъ, что судъ лишилъ его возможности приготовиться къ защитѣ, А. указалъ на подобныя же заявленія его въ прежней практикѣ, и высказалъ, что по его мнѣнію дисциплинарное противъ защитника производство, возможно только тогда, когда заявленіе защитника или неувѣжливо по формѣ, или недобросовѣстно по существу, или искажаетъ факты и вводитъ въ заблужденіе присяжныхъ засѣдателей.

Въ такомъ видѣ настоящее дѣло поступило на разсмотрѣніе общаго собранія.

«Обсуждая дѣло по изложеннымъ въ немъ обстоятельствамъ, общее собраніе суда признаетъ необходимымъ, прежде всего, остановиться на рѣшеніи вопроса—можетъ ли быть поручаема защита *во всякое время* или только въ опредѣленное, до открытія судебного засѣданія? Законъ не даетъ по сему предмету никакихъ указаній, выражая вмѣстѣ съ этимъ по аналогичнымъ, съ перваго взгляда, вопросамъ, опредѣленные требованія—относительно подсудимыхъ (537 ст. у. у. с.), гражданскихъ истцовъ (560 ст.), относительно времени доставленія дѣла въ мѣсто ихъ разсмотрѣнія (572 ст.) и права лицъ прокурорскаго надзора заблаговременно ознакомиться съ дѣлами гражданскими (344 ст. уст. гр. суд.) Но можно ли признать данный вопросъ аналогичнымъ съ приведенными, и является ли отсутствіе указаній по сему вопросу, пробѣломъ или недомолвкой въ законѣ? Общія взгляды законодателя на значение и право защиты въ уголовномъ процессѣ, выработаны настолько подробно и выражены съ такою ясностью, что при разрѣшеніи отдѣльныхъ вопросовъ въ этой области не могутъ имѣть мѣста ни предположеніе о неполнотѣ, ни толкованіе, распространяющее право защиты. Отсюда слѣдуетъ—если законъ (566 ст. уст. угол. суд.) обязываетъ предсѣдателя назначать подсудимымъ, по ихъ просьбѣ, защитниковъ, то онъ, вмѣстѣ съ симъ, *предоставляетъ предсѣдателю, нестѣсня его временемъ, сообразоваться при разрѣшеніи вопросовъ этого рода съ существомъ дѣла, его важностью и сложностью и съ личными достоинствами назначаемого имъ защитника*. Несомнѣнно, законодатель предвидѣлъ тѣ, порождаемые практикой случаи, когда подсудимые могли опоздать просьбой о назначеніи имъ защитника, когда дѣла, по существу, весьма несложны, когда, при наличности опытности и знаній въ защитникѣ, подготовка къ защитѣ можетъ потребовать самую незначительную затрату времени и т. п.,—и, съ другой стороны, законодатель не могъ не предвидѣть тяжелыхъ послѣдствій опредѣленія времени для приглашенія судомъ защитника; такими послѣдствіями были бы частыя отсрочки засѣданій, обремененіе суда, участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, свидѣтелей, ущербъ казны и т. д. — Соображенія эти приводятъ къ убѣжденію въ необходимости разрѣшенія поставленнаго на очередь вопроса, въ смыслѣ *права предсѣдателя назначать защитника независимо отъ остающагося до судебного засѣданія времени*. Засимъ, общее

собрание не может не обратить вниманія на несложность дѣла, по которому г. А. былъ назначенъ защитникомъ, его 11-лѣтнюю практику на поприщѣ адвокатуры, полную для него возможность *объясниться съ председателемъ* до открытія судебного засѣданія и *просить* назначить дѣло для разсмотрѣнія въ тотъ же день, но вторымъ или третьимъ, изъ числа дѣлъ, предполагаемыхъ къ разсмотрѣнію; и, наконецъ, на тотъ продолжительный (трехчасовой) перерывъ, который былъ сдѣланъ судомъ съ исключительной цѣлью—дать возможность г. А. ознакомиться съ дѣломъ.

Вслѣдствіе изложеннаго и находя дѣйствія присяжнаго повѣреннаго А., выразившіяся: 1) въ заявленіи его послѣ открытія судебного засѣданія о немѣнѣніи имъ, по случаю позднаго полученія повѣстки, времени ознакомиться съ дѣломъ и 2) въ заявленіи его присяжнымъ засѣдателямъ, въ началѣ защитительной рѣчи, о лишеніи его судомъ возможности приготовиться къ защитѣ,—неосновательными, общее собраніе опредѣляло: объяснить г. А. неосновательность его дѣйствій».

И такъ, предсѣдателю принадлежитъ право, яко бы даже въ интересахъ защиты, назначать защитника во всякое время, до открытія засѣданія. Въ объясненіи своемъ, помѣщенномъ выше только вкратцѣ, А. говорилъ, что, помимо незаконности, онъ въ такомъ позднемъ назначеніи видитъ еще *оскорбленіе защиты*. „Предсѣдатель очень хорошо знаетъ, что серьезная подготовка къ защитѣ требуетъ немало времени, гораздо болѣе, чѣмъ подготовка предсѣдательствующаго къ веденію дѣла или прокурора къ обвиненію. Чтобы сказать что нибудь въ защиту подсудимаго, чтобы сказать даже много дѣльнаго, часто не требуется большой подготовки, но чтобы выдти на защиту въ увѣренности, что будетъ сказано все, что можно сказать въ пользу подсудимаго, чтобы быть увѣреннымъ, что ни одно юридическое или фактическое соображеніе въ пользу подсудимаго не будетъ упущено, надо понятичаться немало времени съ самымъ пустымъ дѣломъ. Привыкнувъ, въ 11-лѣтней практикѣ, неразграничивать, при приготовленіи къ дѣлу, защитѣ обязательныхъ отъ необязательныхъ, я не могу не считать для себя оскорбительнымъ полученіе повѣстки о защитѣ въ 3 часа наканунѣ защиты, такъ какъ такое врученіе повѣстки возможно только въ предположеніи, что я свое подготовленіе ограничу просмотромъ дѣла въ теченіе тѣхъ 20—30 минутъ, которыя пройдутъ со времени пріѣзда г. предсѣдателя съ дѣломъ въ судъ и до момента открытія засѣданія.“

Не такой ли постановкѣ вопроса, со стороны г. А., мы и обязаны приведеннымъ рѣшеніемъ; не осудить же было предсѣдателя, прозѣвавшаго свою обязанность назначенія защитника до кануна

засѣданія... Рѣшеніе состоялось большинствомъ $\frac{2}{3}$ голосовъ, включая и предсѣдательскій; однако трое судей остались при особомъ мнѣніи, вполне соглашаясь со всѣми доводами и объясненіями присяжнаго повѣреннаго А. Мотивы рѣшенія говорятъ сами за себя: въ нихъ разсмотрѣнъ только вопросъ *можетъ* ли быть назначенъ защитникъ предсѣдателемъ ближе чѣмъ за 7 дней до дня засѣданія; но конечно нисколько не выясняется вопросъ, когда онъ *долженъ* быть назначенъ—вопросъ, который гораздо важнѣе перваго.

Благовременное назначеніе защитниковъ рѣдко гдѣ соблюдается, къ постоянному вреду подсудимыхъ. Не мѣшало-бы объ этомъ подумать хоть при изданіи общаго наказа. Установите общимъ правиломъ назначеніе защитника не позже какъ за 7 дней до засѣданія и тогда только вы будете имѣть право неудовлетворительныя защиты относить къ винѣ адвокатовъ. До тѣхъ же поръ всѣ упреки, въ этомъ отношеніи, ложатся на самихъ предсѣдателей, интересующихся тогда только тѣмъ, чтобы назначенныя дѣла провести во чтобы то ни стало и готовыхъ на разныя компромиссы у себя въ кабинетѣ, но отнюдь не публично. Потворствовать такимъ стремленіямъ предсѣдателей, совѣты, конечно, никогда не стали бы, но совѣты далеко не вездѣ.

Скажемъ кстати, что въ составленномъ Саратовскимъ окружнымъ судомъ проектѣ общаго наказа, имѣются два прекрасныхъ правила для урегулированія порядка отбыванія обязательныхъ защитъ и устраненія случаевъ, подобныхъ описываемому. По этому проекту, общее собраніе отдѣленій суда, назначая засѣданіе по уголовнымъ дѣламъ въ томъ городѣ, въ которомъ имѣютъ постоянное жительство присяжные повѣренныя, *въ то же время*, на каждый день сессіи, назначаетъ особаго присяжнаго повѣреннаго, о чемъ немедленно предсѣдатель суда даетъ знать: а) присяжнымъ повѣреннымъ, б) предсѣдателю отдѣленія и в) смотрителю тюремнаго замка, для объявленія арестантамъ. Получившій объявленіе обязанъ во 1-хъ, явиться, по крайней мѣрѣ за двѣ недѣли до дня засѣданія, въ канцелярію отдѣленія, прочесть всѣ дѣла, назначенныя на его день и росписаться въ томъ на опредѣленіи суда о дачѣ дѣлу хода и во 2-хъ, прибыть, въ день засѣданія, въ присутственный залъ для защитъ тѣхъ, къ которымъ будутъ заявлены просьбы, хотя-бы и въ день засѣданія. (Пр. Сар. суда стр. 210 — 211 §§ 12 и 13).

По дѣлу А. ни самъ онъ, ни прокуратура, противъ рѣшенія суда

не протестовали. Прокуратура, по буквѣ закона, не имѣла права протеста противъ такого постановленія, коимъ опредѣлено „объяснить неправильность дѣйствій“, что неустановлено никакимъ закономъ, а г. А. вѣроятно разсудилъ, что въ бывшей перепискѣ объясненіе неправильности дѣйствій было взаимное....

Къ чему ведутъ такіа постановленія судовъ, замѣняющихъ со-
вѣты, постановленія, излагаемыя въ формѣ приговоровъ, отъ имени
Его Величества?

Вотъ другое, слушавшееся въ тотъ же день и въ томъ же со-
ставѣ, *дѣло о частномъ повѣренномъ З., кончившееся выговоромъ.*

Въ прошеніи, поданномъ 6 февраля 1880 г. на имя прокурора Е. окр. суда, повѣренный купца О. П. Ч-ва, купеческій сынъ Н. С. И-въ, объяснилъ, что въ іюлѣ 1879 г. онъ заключилъ условіе съ кандидатомъ правъ И. Т. З-мъ, по которомъ З-въ принялъ на себя веденіе дѣла объ освобожденіи отъ ареста и продажи за долги умершаго купца Р-ва, 35 ящиковъ стекла, на сум-
му 1065 руб., какъ вещи, принадлежащей не Р-ву, а довѣрителю его И-ва, Ч-ву, и потому подлежащей продажѣ за долги Р-ва; причемъ З-въ полу-
чилъ отъ заявителя И-ва, впередъ, въ счетъ вознагражденія за веденіе дѣла, 40 руб. Въ половинѣ августа того же года З-въ, при свиданіи съ заявителемъ, объяснилъ ему, что исковое прошеніе по этому дѣлу онъ, З-въ, подалъ. Затѣмъ, въ ноябрѣ того же года, З. сказалъ заявителю, что дѣло это слушается въ судѣ 7 (того же) ноября; между тѣмъ, по справкѣ, наведенной заявителемъ въ судѣ, тамъ даже и засѣданія не было въ это число, а было такое на канунѣ, т. е. 6 ноября. Тогда заявитель снова обратился къ З-ву и послѣдній сказалъ ему, что дѣло отложено до 9 ноября. На самомъ же дѣлѣ оказалось, что и 9 ноября дѣло Ч-ва не слушалось, и секретарь суда Н. объяснилъ заявителю, что такого дѣла въ судѣ вовсе нѣтъ и что иска по оному З-въ вовсе не предъявлялъ. Послѣ этого заявитель обратился къ присяжному повѣренному И. А. Б-ву, который вмѣстѣ съ нимъ ѣздилъ къ Ч-ву и при которомъ З-въ сознался, что дѣла не начиналъ, общавшись, вслѣдствіе убѣжденій Б-ва, кончить дѣло въ теченіе трехъ недѣль, но и этого общанія З-въ не позаботился исполнить и въ послѣднее время отказался вести дѣло, объясняя, что выиграть его нельзя. Вслѣдствіе таковыхъ дѣйствій З-ва, а равно и въ виду того обстоятельства, что принадлежавшее довѣрителю его, И-ва, Ч-ву стекло на сумму 780 руб. уже продано по разнымъ взысканіямъ на Р-ва, Ч-въ не имѣетъ возможности что-либо получить за это стекло. При этомъ прошеніи И-мъ представлено: 1) копія съ упомянутого условія, заключеннаго имъ съ З-мъ на веденіе означеннаго дѣла, изъ каковаго условія видно, что З-мъ, получено отъ И-ва *впередъ 40 руб. въ счетъ вознагражденія за веденіе дѣла и сверхъ сего на расходы 11 р. 25 к.*; срокъ же начатія дѣла З-мъ не назначенъ и 2) копія счета 1-й гильдіи купцу О. П. Ч-ву отъ купца И. П. Р-ва съ 7 декабря 1874 г. и по 23 октября 1878 г. въ городѣ Е., изъ каковой копіи не видно, чтобы счетъ этотъ былъ кѣмъ-либо подписанъ.

ж. гр. и уг. пр. кн. v 1882 г.

Изъ поданнаго 20 марта 1880 г. 3-мъ въ судъ объявленія, вслѣдствіе означенной жалобы Н-ва, видно, что онъ 3-въ, по разсмотрѣніи переданнаго ему Н-мъ неизвѣстно кѣмъ написаннаго и никѣмъ неподписаннаго счета, копія съ котораго приложена при означенномъ прошеніи Н-ва, сказалъ Н-ву, что на основаніи этого счета выиграть этого дѣла нельзя, такъ какъ по смыслу рѣшеній правительствующаго сената 1870 г. за № 805, 1872 г. за № 167 и другихъ, неподписанный счетъ не можетъ имѣть доказательной силы. Тогда Н-мъ хотѣлъ выслать ему 3-ву въ гор. Е. торговыя книги, въ которыхъ записана передача стекла покойному Р-ву, послѣ чего и было заключено имъ 3-мъ съ Н-мъ условіе о вознагражденіи за веденіе дѣла, въ каковомъ условіи не былъ означенъ срокъ начатія дѣла, такъ какъ онъ не считалъ возможнымъ начать искъ безъ другихъ, кромѣ неподписаннаго счета доказательствъ. Затѣмъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, но Н-въ не доставилъ ему 3-ву упомянутыхъ торговыхъ книгъ, а потому онъ и не предъявлялъ иска на основаніи лишь неподписаннаго счета, такъ какъ болѣе чѣмъ вѣроятно, что судъ отказалъ бы въ такомъ искѣ и постановилъ бы взыскать съ 4-ва судебныя издержки за веденіе дѣла. Въ послѣднее же время Н-въ, чрезъ нотариуса истребовалъ отъ него 3-ва документы и деньги которыя онъ и передалъ по принадлежности. При этомъ, въ своемъ объясненіи, 3-въ присовокупляетъ: 1) что всѣ заявленія Н-ва о томъ, что будто-бы онъ 3-въ говорилъ ему о предъявленіи имъ 3-мъ иска и о назначеніи засѣданія по оному, голословны и бездоказательны, и 2) что противъ него 3-ва въ Е. окружномъ судѣ предъявлено Н-мъ искъ о взысканіи съ него 780 р. убытковъ, будто бы причиненныхъ имъ 4-ву, а потому сужденіе о неправильныхъ дѣйствіяхъ его, 3-ва, должно быть, по мнѣнію его, отложено до окончательнаго рѣшенія этого исковаго дѣла.

Произведеннымъ, вслѣдствіе означенной жалобы Н-ва, разслѣдованіемъ обнаружено: 1) секретарь гражданскаго отдѣленія суда Н-въ показалъ, что, кажется, Н-въ обращался къ нему въ канцелярію гражданскаго отдѣленія за справкою о взятомъ адвокатомъ 3-мъ для веденія дѣла довѣрителя его 4-ва съ Р-мъ, о принятомъ на комиссію стеклѣ, какъ о начатомъ въ судѣ и начинавшемся будто-бы уже къ слушанію; онъ, Н-въ, справлялся по книгамъ, но такого дѣла въ судѣ не оказалось; обстоятельство это стало у него въ памяти потому, что потомъ, въ судѣ, возникло другое дѣло объ убыткахъ, которые искалъ Н-въ съ 3-ва за неначатіе иска о возвращеніи стекла, находящагося въ опекѣ, послѣ умершаго Р-ва. 2) Присяжный повѣренный Б-въ объяснилъ, что въ ноябрѣ 1870 г. К-въ былъ у него на квартирѣ, извѣщая неудовольствіе на медленность адвоката 3-ва по дѣлу 4-ва съ Р-мъ о принятомъ на комиссію стеклѣ и просилъ совѣта, какъ поправить дѣло. Принять веденіе этого дѣла на себя онъ, Б-въ, не согласился, но общалъ переговоры съ 3-мъ. Послѣ этого онъ съ Н-мъ былъ у 3-ва, и послѣдній высказалъ, что дѣло 4-ва съ Р-мъ ненадежное, что доказательствъ со стороны 4-ва, кромѣ никѣмъ неподписаннаго счета, нѣтъ, что онъ поэтому еще и не начиналъ дѣла. При этомъ выяснилось, что счетъ хотя и неподписанъ, но написанъ покойнымъ Р-мъ собственноручно, — это, должно быть, сказалъ Н-въ. Онъ Б-въ, находя, что таковой счетъ судъ можетъ признать за доку-

ментъ, имѣющій одинаковую силу съ подписаннымъ счетомъ, совѣтывалъ 3-ву предъявить искъ; 3-въ согласился и хотѣлъ въ скоромъ времени начать дѣло, но почему не началъ — ему Б-ву неизвѣстно. О томъ, что Н-въ ссылался на торговыя книги Ч-ва и что искъ не начать по непредставленію таковыхъ книгъ, — въ разговорѣ 3-ва съ И-мъ не упоминалось. Говорилъ-ли И-въ, что 3-въ должно увѣрялъ его, что искъ имъ уже начать и что дѣло назначалось въ судъ къ слушанію, — онъ, Б-въ, непомнить.

Изъ представленнаго 3-мъ въ судъ письма на имя его, отъ нотариуса Д. видно, что онъ, Д-въ, получилъ отъ него 3-ва 50 съ чѣмъ-то руб. для передачи Ч-ву, каковыя деньги и получилъ Ч-въ, отъ него Д-ва, при присяжномъ повѣренномъ К-на.

По справкѣ изъ находящагося въ судѣ дѣла, по иску купца Ѳ. П. Ч-ва. съ кандидата правъ 3-ва, за понесенные имъ Ч-мъ, убытки въ суммѣ 780 р. вслѣдствіе не начатія имъ иска по дѣлу Ч-ва съ Р-мъ о принятіи послѣднимъ на комиссію, стекло, оказалось, что окружный судъ, руководствуясь 684 ст. 1 ч. X т. и 366 ст. уст. гр. суд., 16 мая 1880 года, заочнымъ рѣшеніемъ, опредѣлялъ: въ искъ Ч-ву отказать; какое рѣшеніе суда утверждено опредѣленіемъ судебной палаты, состоявшимся 23 октября 1880 г.

Обсуждая вышесказанное, общее собраніе отдѣленій суда находить, что въ доказанныхъ по дѣлу дѣйствіяхъ со стороны 3-ва, въ данномъ дѣлѣ *слѣдуетъ признать, во всякомъ случаѣ, лишь нерадѣніе въ отношеніи исполненія принятой имъ предъ своимъ довѣрителемъ обязанности въ веденіи дѣла: такъ, получивъ, съ одной стороны, убѣжденіе въ неосновательности предстоявшаго иска, каковой взглядъ 3-ва подтверждается и Б-мъ на основаніи происходившаго между ними разговора, а съ другой — видя со стороны Н-ва непремѣнное желаніе предъявить искъ независимо отъ того или другаго исхода его, онъ 3-въ долженъ былъ или исполнить желаніе своего довѣрителя, т. е. предъявить искъ, хотя-бы онъ былъ съ его 3-ва точки зрѣнія и ненадеженъ, или тогда же положительнымъ образомъ отказаться отъ веденія дѣла, возвративъ Н-ву документы, а не ставить е. о въ такое положеніе, въ какое былъ поставленъ И-въ въ данномъ случаѣ.*

Обращаясь заслѣмъ къ опредѣленію дисциплинарнаго взысканія, слѣдующаго 3-ву за допущенное имъ нерадѣніе въ исполненіи имъ обязанности повѣреннаго и принимая во вниманіе, что означенный поступокъ 3-ва, какъ *несоединенный съ какими-либо предосудительными ко вреду довѣрителя дѣйствіями, истекающими изъ личныхъ видовъ или корыстныхъ расчетовъ, имѣетъ характеръ лишь неправильнаго дѣйствія*, общее собраніе отдѣленій суда, руководствуясь 1115 ст. г. II, ч. 1 общ. губ. учр. изд. 1876 г., полагаетъ справедливымъ подвергнуть 3-ва менѣе строгому изъ указанныхъ въ этой статьѣ взысканій. Въ приведенной выше 1115 ст. г. II, ч. 1 общ. губ. учр. изд. 1876 г. законъ признаетъ отвѣственными два вида дѣйствій повѣренныхъ: дѣйствіе неправильное и дѣйствіе предосудительное, причемъ законъ устанавливаетъ и четыре вида взысканій. 1) предостереженіе или замѣчаніе, 2) выговоръ, 3) запрещеніе отпирать обязанности повѣреннаго на время не свыше одного года, и 4) исключеніе изъ числа повѣренныхъ. Такимъ образомъ, точный смыслъ указанной статьи закона приводитъ къ убѣжденію, что пер-

выя два взысканія, имѣющія характеръ не карательный въ строгомъ смыслѣ этого слова, а лишь предостерегательный, относяся лишь къ неправильнымъ дѣйствіямъ повѣренныхъ, а послѣднія два взысканія, имѣющія характеръ карательный, какъ соединенныя съ ограниченіемъ извѣстнаго права, должны очевидно быть примѣняемы лишь къ дѣйствіямъ повѣренныхъ явно предосудительнымъ, истекающимъ изъ корыстныхъ или другихъ личныхъ расчетовъ. Такой взглядъ подтверждается точнымъ смысломъ закона, изображеннаго въ 410 и 411 ст. улож. о наказ. устанавливающихъ отвѣтственность должностныхъ лицъ: за медленность и нерадѣніе по службѣ замѣчанія или выговоры, болѣе или менѣе строгіе, и опредѣляющихъ болѣе строгія наказанія, доходяція до удаленія отъ должности, въ случаѣ лишь важныхъ со стороны чиновника упущеній и притомъ, когда отъ нерадѣнія его или медленности въ отправленіи должности произошли видимыя безпорядки или запущеніе въ дѣлахъ.—Въ разсматриваемыхъ неправильныхъ дѣйствіяхъ повѣреннаго З—ва ни изъ чего не усматривается побужденій явно предосудительнаго свойства; равнымъ образомъ ни со стороны общихъ соображеній, ни со стороны соображеній о значеніи даннаго дѣла въ частности, нельзя признать *и того, чтобы дѣйствія его имѣли важныя послѣдствія.*—Что со стороны общихъ соображеній невозможность относить къ таковымъ важнымъ послѣдствіямъ нанесеніе матеріальнаго вреда и убытковъ, отрывается изъ того, что въ аналогичныхъ по значенію случаяхъ, нанесеніе частному лицу должностными лицами убытковъ, законъ вообще это обстоятельство не ставитъ въ число *важныхъ послѣдствій, при обсужденіи личной отвѣтственности тѣхъ лицъ.* такъ какъ въ противномъ случаѣ законъ не открылъ бы возможности имущественную отвѣтственность должностныхъ лицъ за вредъ и убытки, причиненные не только одною неосмотрительностію, но также нерадѣніемъ и медленностію (ст. 1316 уст. гр. суд.) обсуждать путемъ гражданскаго иска, вѣ всякой зависимости отъ уголовного процесса, а съ соблюденіемъ лишь нѣкотораго участія начальства въ разсмотрѣніи такихъ гражданскихъ исковъ (316—1336 ст. уст. гр. суд.). Со стороны же соображеній въ частности, въ признанныхъ судомъ неправильныхъ дѣйствіяхъ З—ва, нельзя видѣть важныхъ послѣдствій уже и потому, что самая наличность понесенныхъ Ч—вымъ убытковъ не представляется несомнѣнною. Къ такому выводу нельзя не придти въ виду того обстоятельства, что по вышеозначенному иску Ч—ва къ З—ву, находившемуся въ разсмотрѣніи окружнаго суда и затѣмъ палаты, истцу Ч—ву въ искѣ было отказано.

Вслѣдствіе сихъ соображеній, общее собраніе отдѣленій суда полагаетъ справедливымъ ограничиться, въ отношеніи признанныхъ неправильныхъ въ даннымъ случаѣ дѣйствій З—ва, выговоромъ ему; а потому, выслушавъ заключеніе прокурора, опредѣляетъ: частному повѣренному З—ву сдѣлать по настоящему дѣлу выговоръ“.

Такое рѣшеніе состоялось большинствомъ пяти противъ трехъ голосовъ судей, оставшихся при особомъ мнѣніи и полагавшихъ исключить З. изъ числа частныхъ повѣренныхъ. Къ такому рѣшенію трое судей припили, какъ видно изъ особаго ихъ мнѣнія, по-

тому, что на ихъ взглядъ. всѣ объясненія З—ва не заслуживаютъ довѣрія, потому что.

а) Будучи опытнымъ повѣреннымъ, онъ заключилъ съ Н—вымъ домашній договоръ, не включивъ въ него важнѣйшаго условія о томъ, что обязанность немедленнаго начатія иска для него возникнетъ по представленіи ему контрагентомъ торговыхъ книгъ Ч—ва.—и тотъ договоръ свой вовсе не датировалъ.

б) Отрицая всѣ обстоятельства, касающіяся обвиненія его въ обманахъ, онъ, З—въ, не представилъ никакого объясненія по обвиненію въ томъ, что онъ, въ періодъ съ августа по ноябрь 1879 г., получивъ отъ Н—ва двѣ телеграммы съ оплаченными впередъ отвѣтами, отвѣтовъ ему вовсе не посылалъ. Между тѣмъ, еслибъ онъ З—въ телеграммъ Н—ва не получалъ, то очевидно могъ-бы въ томъ представить положительное удостовѣреніе Е. телеграфной станціи, по свидѣтельству окружнаго суда въ необходимости справки.

в) Увѣреніе З—ва—что онъ медлилъ начатіемъ дѣла (иска) потому, что ожидалъ торговыхъ книгъ Ч—ва и считалъ ненадежнымъ, для предъявленія иска документомъ, счетъ Р—ва Ч—ву, никѣмъ неподписанный, и о томъ говорилъ сначала Н—ву, а потомъ и Б—ву, опровергается тѣмъ, что тотъ счетъ былъ писанъ собственноручно Р—вымъ и, слѣдовательно, на основаніи 572 ст. уст. гр. суд. могъ быть судомъ принятъ за доказательство противъ самаго Р—ва или его представителей; разговоръ З—ва съ Б—мъ въ ноябрѣ 1879 г., послѣ продажи стекла Ч—ва за домъ Р—ва, о ненадежности того счета, въ качествѣ документа, не можетъ служить доказательствомъ, что онъ З—въ и при заключеніи договора съ Н—мъ, со взятіемъ у него задатка, ему о томъ говорилъ.

г) Показаніе Б—ва положительно опровергаетъ объясненіе его, З—ва, въ существенно важномъ обстоятельстве, а именно, что въ ноябрѣ 1879 г. при разговорѣ съ нимъ онъ З—въ говорилъ ему, Б—ву, о своемъ требованіи отъ Н—ва торговыхъ книгъ Ч—ва, изъ чего и слѣдуетъ заключить, что подобнаго требованія къ Н—ву З—въ вовсе не предъявлялъ и нынѣ говорить о немъ только въ видахъ своего оправданія.

Неконецъ, показаніемъ секретаря Н—ва положительно удостовѣряется, что Н—въ справлялся у него о положеніи дѣла, имъ порученнаго З—ву, но узнавъ, что такового З—въ не предъявлялъ, послѣ того, вскорѣ предъявилъ въ судѣ искъ къ З—ву объ убыткахъ, послѣдовавшихъ отъ неначатія иска о стеклѣ Ч—ва, находившемся въ опекѣ, учрежденной послѣ покойнаго Р—ва, каковое показаніе Н—на даетъ основаніе къ заключенію, что З—въ дѣйствительно долженъ увѣрять довѣрителя своего Н—ва, что тотъ искъ имъ въ судѣ уже предъявленъ.

Для лучшей оцѣнки правильности тѣхъ или другихъ 'взглядовъ суда на дѣло З—ва, а равно и для характеристики приведенныхъ мотивовъ большинства, ведущихъ къ признанію неважности послѣдствій нерадѣнія, прибавимъ къ сказанному, что такихъ казуистическихъ мотивовъ не рѣшился приводить въ свое оправданіе самъ З—въ, смиренно указывавшій только на то, что „занятіе адвокату-

рою есть единственный источник средств (его)". Таким образом, учение о неважности послѣдствій нерадѣнія, основанное на ст. 1316—1336 уст. гражд. суд. внесено въ дѣло обезпеченія послѣдствій адвокатской неисправности вседѣло коронными судьями...

Если въ дѣлѣ З. мы можемъ видѣть примѣръ неразборчиваго собиранія задатковъ, въ счетъ будущаго веденія дѣла, безъ намѣренія вести дѣло, то слѣдующій случай съ адвокатомъ Б. можетъ служить указаніемъ, какъ иногда проявляется рѣшимость соорудить дѣло на основаніяхъ несуществующихъ юридическихъ отношеній.

Оцѣнка этого случая судомъ тоже нестрога; дѣло опять ограничилось *предостереженіемъ*.

Дѣло присяжнаго повѣреннаго Б—ва.

„Гражданское отдѣленіе Е. окружнаго суда, выслушавъ въ распорядительномъ засѣданіи 1 февраля 1889 г. докладъ члена суда С. о неправильныхъ дѣйствіяхъ присяжнаго повѣреннаго Н. А. Б—ва, обнаруженныхъ при слушаніи въ судебномъ засѣданіи 21 декабря 1872 г. дѣла между истцомъ купцомъ Д. П. М—мъ и вступившимъ на сторону истца третьимъ лицомъ мѣщаниномъ М. П. К—вымъ и отвѣтчиками купцомъ В. И. Ц—нымъ А. М. Ч—нымъ напало, что присяжный повѣренный Б—въ, предъявивъ 5 декабря 1878 г. отъ имени купца М—ва въ окружномъ судѣ искъ о признаніи недѣйствительными заключенныхъ между Ц—нымъ и Ч—нымъ закладныхъ крѣпостей на мельницы, основывая искъ этотъ на выводахъ о томъ, что Ц—нъ, заключая закладныя дѣйствовалъ во 1-хъ, во вредъ третьихъ лицъ вообще и кредитора М—ва въ особенности, и во 2-хъ на томъ, что договоръ этотъ былъ заключенъ послѣ полученія Ц—нымъ повѣстокъ объ исполненіи рѣшеній, по которымъ и присуждались съ него М—ву платежи, исполненіи, состоявшемъ именно въ обращеніи взысканія на мельницы Ц—на. Другими словами, Б—въ обставлялъ искъ М—ва къ Ц—ну и Ч—ну, какъ искъ отъ кредитора Ц—на и кредитора взыскателя въ особенности. При исковомъ прошеніи Б—въ приложилъ довѣренность, выданную ему отъ М—ва 2 іюня 1878 г., явленную у нотариуса З—скаго 8 іюня того года, за № 763, и три копія съ исполнительныхъ листовъ, прописанныхъ въ довѣренности, и изъ этихъ копій видно, что при засвидѣтельствованіи ихъ нотариусомъ С—скимъ, 23 ноября 1878 г., поданные исполнительные листы представлялъ ему нотариусу онъ же Б—въ. Затѣмъ, въ день слушанія дѣла Б—въ поддерживалъ свой искъ на тѣхъ же, что и въ исковомъ прошеніи, основаніяхъ, и остался при своихъ первоначальныхъ требованіяхъ и послѣ того, какъ повѣренный Ч—на, присяжный повѣренный К—нъ, не признавая М—ва, какъ уступившаго свою претензію, кредиторомъ взыскателемъ, представлялъ къ дѣлу договоръ, заключенный 2 іюня 1878 г. между М—вымъ съ одной и купцами М. П. И—вымъ и А. С. К—нымъ съ другой стороны, изъ каковаго договора видно было, что свои права на взысканіе по исполнительнымъ листамъ съ Ц—на М—въ еще тогда передаетъ И—ву и К—ну, съ правомъ вести ихъ отъ его имени, въ лицѣ ихъ повѣрен-

наю (его же Б—ва) искъ объ уничтоженіи закладныхъ Ц—на, данныхъ Ч—ну. Изъ сихъ дѣйствій судъ нашелъ возможнымъ сдѣлать слѣдующія заключенія: а) что присяжный повѣренный Б—въ, и въ исковомъ прошеніи и на судѣ, основательно называлъ М—ва кредиторомъ Ц—на и еще менѣе основательно кредиторомъ—взыскателемъ; б) что такая неосновательность, доколѣ она вызывалась неимѣніемъ надлежащихъ свѣдѣній объ отношеніяхъ М—ва къ И—ву и К—ну, или недоразумѣніемъ о свойствахъ законной роли М—въ, послѣ уступки имъ 2 іюня 1878 г. правъ своихъ И—ву и К—ну, не можетъ быть поставлена ни въ какую вину присяжному повѣренному Б—ву; в), что съ тѣхъ поръ однако, когда Б—ву стало извѣстно съ достоверностью, что М—въ уже не кредиторъ Ц—на и что искъ, который М—въ намѣренъ вести или ведетъ, есть въ дѣйствительности искъ Ц—ва и К—на, онъ, Б—въ, обнаруживаетъ, чрезъ дальнѣйшее свое участіе въ дѣлѣ, такое поведение, которое не можетъ быть одобрено съ точки зрѣнія профессиональныхъ обязанностей присяжнаго повѣреннаго, а слѣдовательно и съ точки зрѣнія суда, обязаннаго, въ качества совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, наблюдать за ненарушеніемъ сихъ обязанностей со стороны подвѣдомственныхъ лицъ; г) что съ этой точки зрѣнія не можетъ быть одобрено ни веденіе адвокатомъ извѣстнаго исковаго дѣла, завѣдомо направленнаго не по пользѣ и интересамъ того, отъ кого имъ получена въ данномъ дѣлѣ довѣренность, ни веденіе дѣла на основаніяхъ, о прекращеніи которыхъ уже извѣстно адвокату, ни состояніе одновременно въ отношеніяхъ повѣреннаго и съ гласнымъ, и съ негласнымъ по дѣлу истцомъ хотя бы самая мысль о распредѣленіи ролей между этими истцами и непринадлежала самому ихъ адвокату; д) что въ договорѣ 2 іюня 1878 г. И—въ и К—въ называютъ Б—ва своимъ повѣреннымъ и нѣтъ основанія сомнѣваться, что въ то время Б—въ дѣйствительно имѣлъ довѣренности означенныхъ лицъ. е) Что М—въ далъ довѣренность Б—ву того же 2 іюня, или во всякомъ случаѣ не позже 8 іюня (дня явки) и при этомъ вручилъ ему исполнительные листы на Ц—на, какъ видно изъ самаго текста довѣренности; вѣроятно, что при этомъ онъ, М—въ, не упустилъ сказать или письменно объявить Б—ву, какъ къ тому обязался договоромъ, что деньги, какія придется Б—ву получить по исполнительнымъ листамъ, или по искамъ объ уничтоженіи закладныхъ, должны быть выданы не ему М—ву, а М—ву, и К—ну, еще болѣе вѣроятно, что если Б—ву не сказалъ объ этомъ самъ М—въ, ни въ день выдачи довѣренности, ни послѣ, въ теченіе полугода до подачи исковаго прошенія, то объ этомъ его уведомили И—въ и К—въ, или хотъ одинъ изъ нихъ, и, наконецъ совѣтъ невѣроятно, чтобы объ этомъ не сказалъ Б—ву до дня слушанія дѣла 21 декабря 1879 г. никто, ни И—въ, имѣвшій въ рукахъ копию съ довѣренности, данной М—вымъ Б—ву не безъ вѣдома послѣдняго, ни К—въ, съ котораго онъ, въ промежутокъ времени съ 18 по 21 декабря, получилъ для представленія къ дѣлу копию съ договора его и И—ва съ Ц—нымъ, невѣроятно потому, что въ теченіе этого времени уже истекли сроки векселей, данныхъ въ апрѣлѣ 1878 г. М—ву И—мъ и К—нымъ въ уплату за исполнительные листы; ж) что является страннымъ представленіе къ дѣлу Б—вымъ, какъ повѣреннымъ М—ва, не подлинныхъ исполнительныхъ листовъ, а копій съ нихъ, и объясненіе этой странности можно

найти между прочимъ, если предположить, что исполнительные листы находятся не у Б—ва, повѣреннаго М—ва, а у Б—ва—повѣреннаго И—ва и К—на или у этихъ послѣднихъ, въ интересахъ которыхъ было безопаснѣе подлинныя исполнительные листы держать при себѣ, нежели представлять къ дѣлу по иску, формально предъявленному М—вымъ, что, согласно съ такими замѣчаніями, возникаетъ основательное подозрѣніе въ правильности дѣйствій Б—ва, какъ лица, принадлежащаго къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ и поднадзорнаго сему суду, и что, имѣя затѣмъ въ виду, что по смыслу ст. 2295 X т. ч. 1 св. зак. частныя лица сами избираютъ для себя въ случаѣ надобности повѣренныхъ по своему усмотрѣнію, на существующихъ основаніяхъ и посредничество другихъ лицъ въ этомъ избраніи истцами себѣ повѣренныхъ не дозволяется, каковое начало относительно конторъ о принятіи на себя хожденія по дѣламъ прямо выражено въ томъ же законѣ, судъ не можетъ одобрить: ни представленіе И—вымъ и К—нымъ М—ву «своего повѣреннаго», но, тѣмъ менѣе, поступленіе ихъ повѣреннаго Б—ва по ихъ желанію въ распоряженіе М—ва, подъ видомъ повѣреннаго этого послѣдняго. А потому, согласно 1 ст. особаго наказа суда, опредѣлилъ: объ обнаруженныхъ по сему дѣлу неправильныхъ дѣйствіяхъ присяжнаго повѣреннаго Б—ва сообщать 2-му уголовному отдѣленію, передачею выписки изъ опредѣленія. 2-ое уголовное отдѣленіе суда 12 іюня 1880 г. постановило: возбудивъ противъ Б—ва дисциплинарное производство, потребовать отъ него въ двухнедѣльный срокъ объясненіе по содержанію опредѣленія суда отъ 1 февраля 1880 г.; но Б—въ никакого письменнаго объясненія не представилъ. Затѣмъ, постановленіемъ того же 2-го уголовного отдѣленія суда отъ 24 января поручено было члену суда В. А. И—ву собрать нѣкоторыя свѣдѣнія по этому дѣлу отъ купца Д. П. М—ва, который, по спросѣ его 14 марта, показалъ: 1) что онъ М—въ при самомъ заключеніи условія 2 іюня 1878 г. объяснилъ присяжному повѣренному В—ву, что деньги, которыя сему послѣднему придется получить по исполнительнымъ листамъ на Ц—на, переданнымъ по тому условію К—ну и И—ву, или по искамъ о закладныхъ, должны быть переданы Б—вымъ не ему М—ву, а К—ну и И—ву; 2) что подлинныя исполнительные листы на купца Ц—на онъ М—въ, съ согласія К—на и И—ва, передалъ Б—ву въ то же время, при заключеніи условія съ К—нымъ и И—вымъ, т. е. 2 іюня 1878 г., подъ росписку на препроводительномъ отъ него, М—ва, письмѣ. Самое условіе о передачѣ исполнительныхъ листовъ К—ну и И—ву, составлено Б—вымъ и подписано сторонами въ его квартирѣ; и 3) что Б—въ представилъ при прошеніи въ судъ не подлинныя исполнительные листы, а копія съ нихъ, по собственному усмотрѣнію. По заключеніи условія и по передачѣ Б—ву подлинныхъ исполнительныхъ листовъ онъ, М—въ, въ веденіе этого дѣла нисколько не вмѣшивался, почему Б—въ представилъ не подлинныя исполнительные листы, а копія съ нихъ, ему М—ву неизвѣстно.

Въ засѣданіи сего числа Б—въ, не отвергая тѣхъ фактовъ, которые указаны къ опредѣленію гражданскаго отдѣленія сего суда отъ 1 февраля 1880 г. объяснилъ, что М—въ не сразу рѣшился продать свою претензію И—ву, хотя И—въ и уговаривалъ его; но затѣмъ, послѣ его, Б—ва, разъясненій, М—въ согласился передать И—ву претензію, и онъ, Б—въ, написалъ по этому поводу

проектъ условія, по которому результаты процесса должны были принадлежать К—ну и И—ву. Условіе это было потомъ передѣлано другимъ присяжнымъ повѣреннымъ, который, однако, вести процессъ отъ имени М—ва отказался, а послѣ его онъ, Б—въ, *зная, что результаты процесса будутъ принадлежать И—ву*, у котораго въ тоже время Б—въ былъ повѣреннымъ. Далѣе Б—въ прибавилъ, что договора, передѣланнаго другимъ присяжнымъ повѣреннымъ, онъ втоично не читалъ; въ заключеніе же просилъ судъ оправдать его, въ случаѣ же обвиненія подвергнуть его такому наказанію, которое, по закону, онъ могъ бы обжаловать судебной палатѣ. Причемъ Б—въ объяснилъ свои дѣйствія по сему дѣлу ошибкой, указывая, что *изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ никто на него не жалуется*.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло и выслушавъ заключеніе прокурора, общее собраніе отдѣленій суда находить, что обнаруженныя по настоящему дѣлу неправильныя дѣйствія присяжнаго повѣреннаго Б—ва заключаются въ томъ, что онъ неосновательно предъявилъ въ судъ искъ къ Ш—ну и Ч—ну отъ имени М—ва, зная, что М—въ уже не состоитъ кредиторомъ Ш—на, такъ какъ онъ права свои, договоромъ 2 іюня 1878 г., уступилъ И—ву и К—ну, и что искъ М—ва есть, въ действительности, искъ И—ва и К—на, что такимъ образомъ Б—въ велъ въ судъ дѣло, заведомо направленное не къ пользѣ и интересамъ М—ва, отъ котораго имъ получена въ данномъ дѣлѣ довѣренность, а къ пользѣ и интересамъ негласныхъ истцовъ И—ва и К—на, и притомъ на основаніяхъ, о прекращеніи которыхъ ему было извѣстно; что такой поступокъ Б—ва не можетъ быть одобренъ съ точки зрѣнія профессиональных обязанностей присяжнаго повѣреннаго, а слѣдовательно и съ точки зрѣнія суда, обязаннаго въ качествѣ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, наблюдать за точнымъ исполненіемъ подвѣдомственными ему присяжными повѣренными законовъ, установленныхъ правилъ и всѣхъ принимаемыхъ ими на себя обязанностей, сообразно съ пользою ихъ доверителей, и что посему Б—въ подлежитъ одному изъ взысканій, означенныхъ въ 1062 ст. общ. губ. учр. т. II. ч. 1, при чемъ общее собраніе отдѣленій окружнаго суда признаетъ справедливымъ примѣнить къ нему низшее изъ этихъ взысканій. По сему соображеніямъ и руководствуясь 1061, 1064 и 1072 ст. общ. губ. учр., общее собраніе отдѣленій окружнаго суда опредѣляетъ: присяжному повѣренному И. А. Б—ву сдѣлать предостереженіе за допущенныя имъ неправильныя дѣйствія по дѣлу М—ва и другихъ.

Рѣшеніе это постановлено большинствомъ голосовъ, меньшинство же находило доказаннымъ во 1-хъ, то, что въ квартирѣ своей Б—въ собралъ купцовъ М—ва, К—на и И—ва и при этомъ проектировалъ для нихъ 2 іюня 1878 г., тогда же и заключенный М—вымъ съ К—нымъ и И—вымъ, предназначавшійся къ безгласности, домашній договоръ, который послужилъ основаниемъ къ принятой затѣмъ на себя Б—вымъ, фиктивной предъ судомъ, роли повѣреннаго М—ва, и заключалъ въ себѣ нѣкоторыя условія, воспрещенныя 1528 ст. X т. 1 части, и во 2-хъ, то, что онъ, К—въ, въ интересахъ своихъ доверителей К—на и И—ва, 5 декабря 1878 г. предъявилъ отъ имени купца М—ва искъ о признаніи недействительными закладныхъ, заключенныхъ между Ш—нымъ и Ч—нымъ, зная, что истецъ, котораго онъ представлялъ

на судъ, М—въ, вовсе незаинтересованъ исходомъ дѣла, послѣ чего приня-
тую имъ на себя роль фиктивного повѣреннаго М—ва по дѣлу съ Щ—нымъ
и Ч—нымъ онъ продолжалъ и въ публичномъ судебномъ засѣданіи 21 дека-
бря 1879 г., но въ томъ былъ изобличенъ повѣреннымъ отвѣтчиковъ, Щ—на,
и Ч—на, публично.

Въ виду сдѣланныхъ неприличныхъ дѣйствій, несовмѣстныхъ съ званіемъ при-
сяжнаго повѣреннаго, слѣдовало бы Б—ва лишить на болѣе или менѣе про-
должительное время отправлять обязанности и пользоваться правами, сопря-
женными съ званіемъ присяжнаго повѣреннаго, такъ какъ «предостереженіе»,
въ качествѣ мѣры взысканія, вовсе несоотвѣтствуетъ поступкамъ присяжнаго
повѣреннаго В—ва».

Такимъ образомъ и публичное изобличеніе однимъ присяжнымъ
повѣреннымъ другого, передъ судомъ, замѣняющимъ совѣтъ, повело
за собою только предостереженіе, а это врядъ ли приохотитъ при-
сяжныхъ повѣренныхъ разоблачать передъ снисходительнымъ су-
домъ неблаговидныя дѣйствія своихъ товарищей.

Обличитель Б—ва присяжный повѣренный К—нъ, выступалъ въ
благодарной роли обличителя еще одинъ разъ, обвиняя выше-
упомянутаго частнаго повѣреннаго З—ва прямо въ преступленіи
предусмотрѣнномъ ст. 1688 улож. о наказ. Общее собраніе суда,
въ виду такого прямого обвиненія, передало заявленіе К—на про-
курору. Дѣло было въ томъ, что З—въ, будучи повѣреннымъ куп-
чихи М—вой и имѣя исполнительный листъ на взысканіе съ чи-
новника П—ва, назвалъ себя повѣреннымъ *жены П—ва*, неимѣв-
шей исполнительнаго листа и введя этимъ въ заблужденіе креди-
торовъ, получилъ на той М—вой часть денегъ, подлежавшихъ рас-
предѣленію между кредиторами мужа П—вой. судебная палата пре-
дала З—ва суду, но присяжные его оправдали; судъ, усматривав-
шій прежде въ дѣяніи З—ва уголовное преступленіе, не только не
обсудилъ вновь въ порядкѣ профессиональнаго надзора дѣйствія
З—ва, но продолжалъ относится къ нему снисходительно и только
предостерегать его.

Если можно такъ смотрѣть на тяжкіе профессиональные про-
ступки, то неудивительно и легкое отношеніе суда къ исполненію
повѣренными такихъ профессиональныхъ обязанностей, какъ обязан-
ности по регистраціи и взносу десятипроцентнаго сбора. Вотъ тому
примѣръ:

Дѣло присяжнаго повѣреннаго В—ва.

«Опредѣленіемъ общаго собранія отдѣленій суда, состоявшагося 16 ап-
рѣля 1880 г. противъ присяжнаго повѣреннаго В—ва, въ числѣ другихъ при-
сяжныхъ повѣренныхъ, возбуждено дисциплинарное производство за неис-

полненіе 1093 ст. т. , ч. 1 (изд. 1876 г.) и Высочайше утвержденнаго 3 іюля 1868 г. мѣстнаго государственнаго совѣта, по силѣ каковыхъ узаконеній, изъ суммы, слѣдующей присяжному повѣренному по таксѣ, за ходатайство по дѣлу, отчисляется 10% для составленія общей по всей Россіи суммы на вознагражденіе присяжныхъ повѣренныхъ, назначаемыхъ предсѣдателями судебныхъ мѣстъ, для защиты подсудимыхъ, а также за нарушеніе 298 и 301 ст. особаго наказа окружнаго суда (309 и 312 ст. наказа изд. 1876 г.), определяющихъ порядокъ записки и взноса 10% сбора. Означенными статьями наказа присяжнымъ повѣреннымъ вѣщено въ обязанность: а) вести списокъ всѣхъ принятыхъ къ веденію гражданскихъ дѣлъ въ книгѣ, изготовленной на каждый годъ ими самими и представляемой предсѣдателю, въ которой между прочимъ указывается названіе дѣла и цѣна иска, съ обозначеніемъ, подлежитъ ли дѣло обложенію 10% сборомъ, сумма причитающагося сбора и означеніе № квитанціи казначейства во взносѣ того сбора, и б) по окончаніи года представлять книгу вмѣстѣ съ квитанціями въ судъ.

Основаніемъ для возбужденія противъ присяжнаго повѣреннаго Б—ва дисциплинарнаго производства послужило то обстоятельство, что Б—въ, какъ видно изъ опредѣленія общаго собранія 16 апрѣля 1880 г., не представилъ въ окружный судъ ни одной квитанціи о взносѣ имъ въ 1879 и 1880 годахъ 10% сбора въ казначейство, и книги за 1879 г. на записку дѣлъ, веденныхъ имъ въ томъ году, въ судъ отъ него не поступало, хотя о взносѣ 10% сбора за 1879 г. и о представленіи въ судъ квитанцій не позже 1 января 1880 года было предписано ему, Б—ву, предсѣдателемъ суда 27 октября 1879 г.

Въ представленномъ суду, по поводу означеннаго обвиненія, 11 іюля 1880 г., объясненіи, присяжный повѣренный Б—въ излагаетъ, что имъ не было представлено въ судъ квитанцій за невнесеніемъ имъ денегъ въ казначейство въ 1879 году; книгу же своевременно онъ не представлялъ «потому что забылъ».

Выслушавъ заключеніе прокурора, общее собраніе отдѣленій окружнаго суда находить, что присяжный повѣренный Б—въ, не представивъ въ судъ по 16 апрѣля 1880 г., какъ это видно изъ собственнаго его объясненія, ни квитанцій казначейства во взносѣ имъ въ 1879 и 1880 годахъ 10% сбора, ни книги за 1879 годъ, на записку веденныхъ имъ дѣлъ и означеннаго сбора, нарушилъ 1093 ст. т. II, ч. 1 и Высочайше утвержденное 3 іюля 1868 года мѣстнаго государственнаго совѣта, а также и 298 и 301 ст. особаго наказа окружнаго суда, за каковое нарушеніе онъ, Б—въ, и подлежитъ, на основаніи 1072 ст. т. II, ч. 1, по усмотрѣнію суда, одному изъ взысканій, указанныхъ въ 1062 ст. т. II, ч. 1. Имѣя же въ виду, что присяжнымъ повѣреннымъ Б—вымъ нынѣ уже приняты нѣкоторыя мѣры къ возстановленію нарушеннаго имъ порядка, внесеніемъ въ казначейство 10% сбора въ теченіе 1880 г. въ количествѣ 439 р. 25 коп. и представленіемъ въ судъ книги на записку дѣлъ, подлежащихъ сбору, 20 января 1881 г., окружный судъ находить справедливымъ примѣнить къ дѣянію Б—ва менѣе строгое изъ опредѣляемыхъ 1062 ст. т. II, ч. 1 взысканій, сдѣлавъ ему предостереженіе.

На основаніи изложеннаго, окружный судъ, въ общемъ собраніи отдѣленій опредѣляетъ: присяжному повѣренному Б—ву сдѣлать предостереженіе.

Иногда дѣла по надзору за повѣренными тянутся цѣлые годы, въ теченіи которыхъ личныя отношенія судей къ извѣстному адвокату успѣваютъ нѣсколько разъ измѣниться, стать жизненнымъ вопросомъ партіи, господствующей въ судѣ и наконецъ заканчиваются написаніемъ ловко составленнаго опредѣленія, по которому и не угадать никому, въ чемъ собственно состояло и какія метаморфозы испытывало дисциплинарное дѣло.

Вотъ, напримѣръ, опредѣленіе, въ которомъ судъ, рассмотрѣвъ въ 1880 году не дѣло, а доставленное бывшимъ частнымъ повѣреннымъ, а нынѣ присяжнымъ повѣреннымъ С—мъ объясненіе, затребованное отъ него по постановленію общаго собранія отъ 12 февраля 1877 года, по дѣлу Т—л—на съ Т—ц—нымъ, находить.

1) Что обстоятельства, остановившія на себѣ вниманіе суда и требовавшія объясненія ихъ со стороны С—го, заключаются *лишь* въ томъ, что онъ не удостовѣрившись въ истинной принадлежности построеннаго на чужой землѣ пивовареннаго завода Т—ц—ну, а не женѣ послѣдняго, просилъ судебного пристава продать строеніе это на словъ, какъ движимое, оставшись при этомъ требованіи и послѣ увѣдомленія пристава о томъ, что заводъ *по документамъ* принадлежалъ Т—ц—ной, а не Т—ц—ну;

2) Что *нынѣ* С—кій объясняетъ, что это дѣйствіе было предпринято имъ на основаніи собственнаго указанія его довѣрителя Т—л—на и согласно его желанія;

3) Что вѣроятность такого объясненія вытекаетъ какъ изъ отсутствія какаго либо заявленія со стороны Т—л—на о несоотвѣстствіи этихъ дѣйствій его интересамъ и данному имъ своему повѣренному полномочію, такъ и *изъ той общаго положенія закона, по которому дѣйствія повѣреннаго разсматриваются какъ дѣйствія самого довѣрителя*, пока противное не будетъ доказано, почему и предполагать о существованіи подобнаго отношенія между повѣреннымъ и его довѣрителемъ, безъ примаго заявленія о томъ самому суду, не представляется основанія;

4) Что въ виду этого, въ описанныхъ дѣйствіяхъ, какъ объясняетъ ихъ С—кій, нельзя видѣть ничего, что могло-бы быть приписано ему въ смыслѣ его личныхъ дѣйствій или поступковъ. Въ дѣйствіяхъ же не личныхъ, а предпринимаемыхъ по требованію довѣрителя, повѣренный можетъ отвѣчать только за поступки, прямо запрещенныя закономъ, а не за основательность съ точки зрѣнія гражданского права, тѣхъ или другихъ дѣйствій, и убыточные послѣдствія оныхъ;

5) Что, во всякомъ случаѣ, *ни изъ чего невидно, чтобы С—кій имѣлъ возможность*, но не хотѣлъ удостовѣриться въ принадлежности заводу по документамъ не Т—ц—ну а Т—ц—ной такъ какъ хотѣ приставъ и посылалъ ему по мѣсту жительства увѣдомленіе объ этомъ, но однако въ такихъ выраженіяхъ, изъ которыхъ онъ вовсе не могъ судить о томъ: составляетъ-ли это положеніе только голословное заявленіе Т—ц—ныхъ, или же ими дѣйствительно были

предоставлены документы и что это были за документы. А если-бы документы были представлены Т-ц-нымъ, то, и безъ удостовѣренія С-скаго, *оградъ ли бы нашлся* покушатель имѣнія, при такихъ данныхъ, въ особенности при документѣ, представлявшемъ изъ себя крѣпостной актъ Т-ц-ной.

6) Что независимо отъ сего, при обсужденіи, по представившемся случаю, личныхъ дѣйствій, нельзя не обратить вниманіе и на то, что сложившіяся невыгодно, для того или другаго лица, самыя послѣдствія неосновательной продажи завода Т-ц-ной, обусловливались не исключительно дѣйствіями одной стороны, представляемой Т-ц-нымъ и его повѣренными, а являются отчасти результатомъ дѣйствій и другихъ лицъ. Въ этомъ отношеніи, съ одной стороны, не лишено значенія указаніе С-скаго на то, что *Т-ц-на могла предъявить свой искъ о заводѣ своевременно мировому суду*, чѣмъ и могла быть предотвращена продажа его, въ качествѣ имѣнія мужа. Присвоенное или нарушенное взыскателемъ право, въ данномъ случаѣ, было право продать известное строеніе, какъ движимость, на сносъ, а слѣдовательно для Т-ц-ной оспариванію или защитѣ подлежало только это право, почему и споръ о немъ, при оцѣнкѣ его въ 500 руб., могъ подлежать разрѣшенію мѣстнаго мирового судьи, какъ объ этомъ неоднократно было разъясняемо кассационнымъ департаментомъ сената, въ рѣшеніяхъ его 1873 г. № 444 и 1874 г. №№ 427, 409 и 470. Въ рѣшеніяхъ же 1870 г. № 692 и 1871 г. №№ 518, 898 и 900 прямо признано, что не только искъ о сносѣ дома, купленнаго на сносъ, но и *искъ о правѣ продать домъ на сносъ*, по роду своему, подсуденъ мировымъ учрежденіямъ. Слѣдовательно, Т-ц-на не лишена была возможности предъявить свой искъ на мѣстѣ и своевременно. Съ другой стороны, хотя законъ и не требуетъ, чтобы судебный приставъ отмѣтки о спорахъ третьихъ лицъ, вносилъ въ торговый листъ, если разумѣть единственно подходящий подъ такое названіе журналъ о продажахъ, установленный 1056 ст. уст. гр. суд., но тѣмъ не менѣе подобныя отмѣтки обязательно вносятся въ самую опись, по которой и совершается самая продажа. Уже по одной такой отмѣткѣ покупщикъ имѣнія имѣлъ возможность знать о спорномъ состояніи продаваемого имущества и, слѣдовательно, быть осторожнѣе въ приобрѣтеніи съ публичнаго торга такого предмета, какъ строеніе завода на сносъ. Въ этомъ заключается вся цѣль подобныхъ отмѣтокъ въ описи, при состязательномъ гражданскомъ процессѣ, гдѣ опись и арестъ имущества составляются на основаніи указаній взыскателя и принадлежность должнику продаваемого имущества никакъ не провѣряется. Ни изъ чего невидно, чтобы покупатель въ данномъ случаѣ былъ кѣмъ-либо поставленъ въ условія худшія, нежели какъ это бываетъ обыкновенно и при другихъ продажахъ съ публичнаго торга. По крайней мѣрѣ *отъ самого покупателя И ва*, несмотря на то, что онъ потерялъ отъ отчужденія отъ него купленнаго имущества, никакой жалобы на то, чтобы дѣйствія пристава при продажахъ ввели его въ заблужденіе, не послѣдовало. А что въ данномъ случаѣ ни должникъ Т-ц-нъ, ни жена его, которые, конечно, не могли не знать о днѣ продажи, не явились къ ней и вмѣсто одного только заявленія при составленіи описи о принадлежности завода не Т-ц-ну, а Т-ц-ной, не представили того крѣпостнаго акта, на основаніи котораго имѣніе было впоследствии отчуждено отъ И-ва Т-ц-ной, въ

этомъ конечно не могутъ быть обвиняемы ни взыскатель Т-ц-нъ, ни С-скій. Всѣ эти невыгодно сложившіяся обстоятельства, въ значительной степени очевидно ослабили-бы возможность привлеченія къ отвѣтственности С-каго даже и въ томъ случаѣ, если-бы дѣйствія его можно было относить къ дѣйствіямъ личнымъ, имъ самимъ предпринятымъ.

Вслѣдствіе вышензложеннаго, не находя достаточныхъ основаній для привлеченія по сему дѣлу повѣреннаго С-каго къ отвѣтственности и имѣя въ виду заявленіе прокурора о передачѣ ему копій съ объясненія С-каго, въ виду допущенныхъ въ немъ неприличныхъ выраженій, окружный судъ, согласно съ заключеніемъ прокурора, опредѣляетъ: *не находя достаточныхъ основаній къ возбужденію отвѣтственности противъ С-каго по настоящему дѣлу, въ дисциплинарномъ порядкѣ, считать это дѣло оконченнымъ.*

Кто, прочитавъ это опредѣленіе, догадается, что дѣло состояло въ томъ, что С-скій просилъ пристава, непринимая никакихъ отговорокъ, описать для продажи на сносъ, какъ движимость, цѣлый заводъ Т-ц-ной, послѣ того, какъ имѣлъ *отъ пристава* свѣдѣніе (въ видѣ надписи на исполнительномъ листѣ), что заводъ этотъ *по документамъ* принадлежитъ ей, а не ея мужу, съ котораго произошло взысканіе; что это было исполнено, а потомъ купившій заводъ Н-въ, вслѣдствіи иска Т-ц-ной, принужденъ былъ его возвратить, потерявъ деньги и заплативъ судебныя издержки? Извольте догадаться, прочитавъ такое опредѣленіе, что дисциплинарное производство по этому дѣлу уже было возбуждено гражданскимъ отдѣленіемъ того же суда, еще въ 1876 г. „на основаніи 276 ст. учр. суд. уст. и § 14 Высочайше утвержденныхъ 25 мая 1874 г. правилъ о частныхъ повѣренныхъ и ст. 323 особаго наказа суда“ и что дѣло слѣдовало рѣшить по существу, а не считать *оконченнымъ* въ какомъ то особомъ порядкѣ.

Между тѣмъ, на основаніи такого опредѣленія, въ самый день какъ оно состоялось рѣшено, сообщить предсѣдателю другого суда, въ округъ котораго С-скій перечислился уже съ званіемъ присяжнаго повѣреннаго, что „дѣлъ о С-мъ никакихъ не производится“, а самое это дѣло, какъ оконченное, съ небывалой поспѣшностью сдано въ архивъ, съ строгимъ приказаніемъ никому его не выдавать и не показывать...

Прибавимъ еще, что хотя въ опредѣленіи показанъ такой видъ, какъ будто-бы справки и свѣдѣнія собирались чуть не четыре года и дѣло выяснилось съ должною подробностью, но въ дѣйствительности, дѣло на цѣлыхъ полтора года куда-то пропало; исчезло и первоначальное объясненіе частнаго повѣреннаго (успѣвашаго, какъ разъ, тѣмъ временемъ перечислиться въ присяжные повѣренные

другого округа); успѣлъ умереть даже бывший секретарь суда, у котораго хранилось дѣло и первое объясненіе; и вотъ появилось на свѣтъ второе объясненіе. Одинъ членъ суда полагалъ обратить вниманіе на эти обстоятельства, но остался при особомъ мнѣніи...

Но и независимо отъ сказаннаго, „разсматриваемое опредѣленіе въ высшей степени характеристично. Всѣ оказываются виноватыми, кромѣ С-каго. И его довѣритель, Т-г-нъ, потому что отъ него нѣтъ заявленія, что не онъ указывалъ на чужое имущество (вы готовы подумать, что его кто-нибудь спрашивалъ—ничего подобного не бывало); и неосторожный покупатель чужого имѣнія Н-въ, который „не былъ поставленъ въ худшія условія, нежели какъ это обыкновенно бываетъ при продажахъ съ публичнаго торга“ (кстати, онъ *только* проигралъ имѣніе, а особой жалобы на *пристава* не подавалъ) виновата и Т-ц-на, которая не выложила крѣпостныхъ документовъ передъ нежелавшимъ ихъ видѣть С-кимъ, чтобы онъ имѣлъ *возможность* удостовѣриться еще лучше въ томъ, о чемъ ему уже сообщалъ приставъ. Но хуже всего, что виноваты цѣлый рядъ кассационныхъ рѣшеній, насильно притянутыхъ къ оправданію С-каго и *самые законы*, ибо по толкованію сочинителя опредѣленія, опись, по закону, составляется только на основаніи указаній взыскателя, а всѣ дѣйствія повѣреннаго взыскателя, хотя-бы они заключались въ открытомъ нападеніи на имѣніе должника, вмѣняются не повѣренному, а довѣрителю его.

Далѣе этого софистика идти не можетъ. Ни одинъ совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ не подписалъ бы, думаемъ мы, такого опредѣленія. Г. Марковъ напрасно поторопился назвать софистами XIX вѣка этихъ послѣднихъ, а графъ Паленъ преждевременно осуждалъ только адвокатовъ въ неразборчивости при выборѣ средствъ защиты. (См. Юридич. Обзорѣніе № 32; письмо въ редакцію г. Джаншѣва). Защищать умѣютъ и судьи, замѣнившіе надзоръ совѣтовъ.

Дадимъ еще нѣсколько штриховъ этого улучшеннаго надзора судовъ за адвокатами. Вотъ на прим., какъ понимаетъ одинъ судъ подвѣдомственность ему дѣлъ о неблаговидныхъ поступкахъ частныхъ повѣренныхъ.

Опредѣленіе по жалобѣ содержавшагося въ III-мъ тюремномъ замкѣ, крестьянина З-ва, на дѣйствія частнаго повѣреннаго С-го.

Содержащійся въ III-скомъ тюремномъ замкѣ крестьянинъ Иванъ З-въ, обратился (когда?) въ окружный судъ съ жалобой, въ которой обвинялъ

частнаго повѣреннаго С—го въ томъ, что С—кій, получивъ отъ него довѣренность на веденіе дѣла, по которому онъ, З—въ, былъ присужденъ мировымъ судьей 2 участка Ш—го округа къ тюремному заключенію за кражу, несмотря на неоднократныя напоминанія, отзываетъ въ сѣздъ мировыхъ судей не подалъ и пропустилъ апелляціонный срокъ; не возвративъ же ему своевременно копію съ приговора мирового судьи, лишилъ его возможности принести отзывъ при помощи другого лица и, наконецъ, удержалъ у себя 25 руб. взятыхъ имъ съ него, З—ва, за написаніе апелліаціи и за защиту. Заявляя о такихъ дѣйствіяхъ частнаго повѣреннаго С—го, окружному суду, крестьянинъ З—въ просилъ исключить С—го изъ числа повѣренныхъ, состоящихъ при Ш—скомъ сѣздѣ мировыхъ судей и обязать его возвратить ему З—ву удержанныя С—кимъ деньги.

По жалобѣ З—ва окружный судъ требовалъ объясненій отъ С—го, но послѣдній таковыхъ не представилъ.

Разсмотрѣвъ 23 сентября 1881 г. настоящее дѣло, общее собраніе отдѣленій суда опредѣлило: дѣло о неправильныхъ дѣйствіяхъ С—го отослать въ сѣздъ мировыхъ судей Ш—скаго округа, для разсмотрѣнія его, если С—кій состоитъ или состоялъ частнымъ повѣреннымъ при мировомъ сѣздѣ, и возвращенія въ окружный судъ, если С—кій не состоялъ повѣреннымъ при сѣздѣ. Въ отвѣтъ на сообщеніе суда, сѣздъ мировыхъ судей Ш—скаго округа, 8 минувшаго октября, возвращая настоящее дѣло, увѣдомилъ предсѣдателя суда, что постановленіемъ сѣзда 4 октября 1880 г., вслѣдствіе жалобы содержащагося въ Ш—скомъ тюремномъ замкѣ крестьянина З—ва на частнаго повѣреннаго С—го, по обвиненію его въ пропускѣ срока на подачу апелліаціи на приговоръ мирового судьи 2 участка Ш—скаго округа и невозвращенія 25 р., взятыхъ за написаніе жалобы—было опредѣлено: жалобу З—ва имѣть въ виду въ случаѣ ходатайства С—каго о выдачѣ ему свидѣтельства на веденіе чужихъ дѣлъ,—объ этомъ З—ву сѣздомъ было объявлено.

Выслушавъ заключеніе прокурора, общее собраніе отдѣленій суда находить, что указываемыя въ настоящей жалобѣ крестьянина З—ва дѣйствія частнаго повѣреннаго С—го, касались дѣла, производившагося въ Ш—скихъ мировыхъ установленіяхъ, и были уже въ разсмотрѣніи сѣзда мировыхъ судей Ш—скаго округа, почему и не представляется основаній подвергать эти дѣйствія новому обсужденію со стороны окружнаго суда, такъ какъ было бы противно справедливости привлекать кого либо къ отвѣту, за одни и тѣже дѣйствія, два раза.

Вслѣдствіе сего, общее собраніе отдѣленій окружнаго суда опредѣляетъ: 1) признать настоящую жалобу крестьянина З—ва неподлежащею разсмотрѣнію суда и 2) копію съ опредѣленія суда выдать З—ву, согласно его о томъ просьбѣ».

Это опредѣленіе, написанное впрочемъ гораздо менѣе удачно, нежели предыдущее употребляетъ однако фигуру умолчанія въ той же мѣрѣ. Въ немъ пропущены весьма существенныя обстоятельства, какъ напримѣръ то, что С—ій на 1880 годъ, къ кото-

рому относились обжалованныя 3—вымъ дѣйствія его, свидѣтельства отъ 3—аго сѣзда не имѣлъ, а имѣлъ таковое только отъ окружнаго суда, это видно изъ поданнаго по этому дѣлу особаго мнѣнія *одного* судьи, которое мы и приводимъ въ извлеченіи:

«Надзоръ за неправильными и предосудительными дѣйствіями частныхъ повѣренныхъ, возложенъ, по буквальному смыслу 14 ст. правилъ 25 мая 1874 г. на судебныя мѣста, при коихъ состоятъ лица, получившія свидѣтельства и независимо отъ этого—на министра юстиціи. Нигдѣ въ законѣ не заключается указанія на то, чтобы дѣла по надзору за частными повѣренными, каждое въ отдѣльности, могли быть разсматриваемы только тѣмъ судебнымъ мѣстомъ, въ вѣдомствѣ котораго производилось дѣло, по которому обнаружены неправильныя и предосудительныя дѣйствія частнаго ходатая. Да такого правила постановлено и быть не могло, такъ какъ неблагоприятныя дѣйствія частныхъ повѣренныхъ, могутъ быть допускаемы внѣ всякой связи съ однимъ опредѣленнымъ дѣломъ, производящимся въ судѣ опредѣленной инстанціи; она могутъ предшествовать дѣламъ, слѣдовать за ихъ окончаніемъ, проявляться въ поступкахъ, вѣдомыхъ только отдѣльнымъ органамъ суда—нотариусамъ, судебнымъ приставамъ, чинамъ канцеляріи судовъ и т. п.

Поэтому, въ законѣ, для опредѣленія подвѣдомственности (такъ сказать подсудности) дѣлъ этого рода, установленъ другой принципъ. Они признаются подвѣдомыми всѣмъ тѣмъ судебнымъ мѣстамъ, которыя вправѣ выдавать свидѣтельства на веденіе чужихъ дѣлъ *вообще*, а не тѣмъ только, въ которыхъ могли или должны были производиться, когда либо, связанныя съ этими дѣлами, судебныя дѣла.

Съ этою, надобно полагать, цѣлью, въ статьѣ закона и сказано во множественномъ числѣ «судебныя мѣста», а не «судебное мѣсто», какъ въ статьѣ 250 учр. суд. уст. Одно лицо можетъ имѣть въ городѣ, гдѣ находится судебная палата, три, а въ столицахъ даже четыре свидѣтельства, но тѣмъ не менѣе, по всякому своему неблагоприятному дѣйствию такое лицо не является неподсуднымъ ни одному изъ нихъ, а именно—подсуднымъ всѣмъ имъ.

Поэтому, говоря вообще, невозможно дѣлать, въ подсудности дѣлъ этого рода, исключенія въ пользу компетенціи каждаго мѣста по тѣмъ только дѣламъ, которыя имѣютъ связь съ производившимся въ томъ мѣстѣ судебнымъ дѣломъ или дѣйствіемъ.

И въ статьѣ особаго наказа суда, принятіе жалобъ на частныхъ повѣренныхъ, при немъ состоящихъ, отнюдь не обусловлено такимъ ограниченіемъ,—не сказано, что принимаются жалобы только по тѣмъ дѣламъ, которыя производятся только въ этомъ судѣ.

На практикѣ судъ также никогда не держался иного взгляда и разсматривалъ въ существѣ дѣла, напр. о частномъ повѣренномъ С—скомъ, по жалобѣ на него Х—са, за неблагоприятныя дѣйствія по дѣлу Т—ныхъ, производившемуся у мирового судьи К—на.

Можно согласиться, конечно, что на практикѣ и судебныя мѣста и сами жалобщики, вынуждены будутъ иногда суживать силу вышеприведеннаго
ж. гр. и уг. пр. кн. v 1882 г.

общаго правила. первыя, отсылая жалобщиковъ къ суду, въ которомъ производилось (если производилось) дѣло,—а вторые, сами обращаясь съ одной жалобой въ одно мѣсто, а не съ нѣсколькими въ каждое изъ мѣстъ, отъ которыхъ частный повѣренный имѣетъ свидѣтельство. Но ни то, ни другое отступление, не могутъ быть возведены въ общее правило и нельзя въ особенности запретить лицу, потерпѣвшему отъ поступковъ частнаго повѣреннаго, заявлять объ этихъ поступкахъ одновременно всѣмъ пріютившимъ его судебнымъ учрежденіямъ и въ добавокъ министру.

Выбирать для принесенія своей жалобы то или другое учреждение—право жалобщика, а стало быть ему принадлежитъ и выборъ одного изъ нихъ, если ихъ нѣсколько.

Такимъ образомъ, только неимѣніе какимъ либо частнымъ повѣреннымъ свидѣтельства на веденіе дѣла отъ извѣстнаго мѣста, можетъ служить поводомъ къ отказу послѣдняго отъ разсмотрѣнія профессиональных проступковъ перваго; но поводомъ къ такому отказу не можетъ служить одно то, что частный ходатай, дѣйствія котораго обжалованы, не велъ связаннаго съ этими дѣйствіями судебного дѣла въ судѣ, которому принесена жалоба, или же велъ, или могъ вести такое дѣло въ другомъ судебномъ мѣстѣ.

Между тѣмъ, по опредѣленію, состоявшемуся 3 декабря, общее собраніе отстранило себя отъ разсмотрѣнія въ существѣ дѣйствій частнаго повѣреннаго С-скаго, именно по послѣднему поводу.

Къ этому приведено впрочемъ было и другое соображеніе, что противно справедливости привлекать кого либо къ отвѣту за одни и тѣ же дѣйствія два раза. Соображеніе это не выдерживаетъ никакой критики и вполне расходится съ требованіями законовъ объ институтѣ частныхъ повѣренныхъ. Разъ законъ установилъ отвѣтственность частныхъ повѣренныхъ, въ порядкѣ надзора, предъ всѣми судебными мѣстами, при которыхъ состоятъ они по свидѣтельствамъ, да сверхъ того, еще всѣхъ повѣренныхъ, всей Россіи, предъ министромъ юстиціи; разъ, согласно съ этими взглядами, большинство судовъ (въ томъ числѣ и нашъ) въ своихъ особыхъ наказахъ признали необходимость, при зачисленіи лицъ въ частные повѣренные, имѣть въ виду свѣдѣнія о томъ, имѣли ли они и имѣютъ ли свидѣтельства другихъ судовъ и свѣдѣнія, которыя могутъ доставить о нихъ даже отдѣльныя лица, преимущественно судебного вѣдомства, тогда необходимо допустить возможность возбужденія отвѣтственности этихъ лицъ предъ всѣми пріютившими ихъ судебными мѣстами и министромъ.

Послѣдствіемъ такого взгляда можетъ иногда быть то, что за одинъ и тотъ же неблаговидный поступокъ, въ одномъ мѣстѣ отнять свидѣтельство, а въ другомъ сдѣлаютъ только предостереженіе; можетъ быть и то, что судъ, палата и сѣздъ ограничатся выговоромъ, а министръ устранивъ лицо за тотъ же поступокъ отъ веденія чужихъ дѣлъ вовсе; можетъ случиться и такъ, что всѣ выдавшія свидѣтельства мѣста, разомъ отнимутъ ихъ, за одинъ и тотъ же поступокъ; но ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ нельзя будетъ говорить о несправедливости и о нѣсколькихъ наказаніяхъ, потому что, по закону, каждое мѣсто наложить одно только наказаніе и ни одно изъ нихъ справляться съ мнѣніями другихъ мѣстъ необязано, по закону же. Мечтать

о полной въ этихъ случаяхъ погашаемости наказаній по совокупности, столь же нерезонно, какъ если бы судъ уголовный, обсуждая извѣстный проступокъ и признавъ его доказаннымъ, оставилъ изобличеннаго безъ наказанія потому, что его, за тотъ же проступокъ, хозяинъ рассчиталъ съ частной службы, жена бросила, а клубъ исключилъ изъ числа членовъ.

Такого рода обстоятельства могутъ быть принимаемы до извѣстной степени, во вниманіе только при опредѣленіи мѣры взысканія, для того, чтобы эта послѣдняя не превышала той, на которой останавливается разсмотрѣвшее жалобу данное судебное мѣсто, если до него другое мѣсто разсматривало уже ту же самую жалобу. Другими словами, сказанныя обстоятельства могутъ быть принимаемы во вниманіе только для того, чтобы не подвергнуть предостереженію частнаго повѣреннаго за такой проступокъ, за который другое мѣсто уже сдѣлало ему выговоръ, не сдѣлать выговора за то, за что уже отнято свидѣтельство, или не отнять свидѣтельства суда, если этотъ судъ считаетъ, что за данный поступокъ достаточно отнятія свидѣтельства мирового сѣзда, сѣздомъ уже исполненнаго.

Въ этихъ видахъ полезно и справедливо направлять временно и условно жалобу на частнаго повѣреннаго сначала въ то судебное мѣсто, въ вѣдомствѣ котораго проживаютъ повѣренный и жалобщикъ и въ вѣдомствѣ котораго производилось или должно было производиться судебное дѣло, въ ближайшей связи съ которымъ стоялъ обжалованный поступокъ.

Такъ и поступило общее собраніе суда, отправивъ, по постановленію отъ 25 сентабря, дѣло по жалобѣ З-ева, въ сѣздъ мировыхъ судей Ш-скаго округа, гдѣ живетъ и преимущественно практикуетъ частный повѣренный С-скій и гдѣ въ тюремномъ замкѣ содержится жалобщикъ З-евъ. Но дѣло было отправлено лишь временно и условно съ тѣмъ, чтобы сѣздъ его возвратилъ, если С-скій въ 1880 г. не состоялъ частнымъ повѣреннымъ при сѣздѣ.

Теперь, изъ сообщенія сѣзда оказывается, что С-скій въ 1880 г. свидѣтельства отъ сѣзда не имѣлъ и въ 1881 г. такового также не имѣетъ и что, хотя З-евъ обращался съ жалобой въ сѣздъ на тотъ же поступокъ, на который потомъ пожаловался окружному суду, но сѣздъ и не могъ наложить на него какое либо взысканіе, а лишь постановилъ жалобу имѣть въ виду, въ случаѣ заявленія С-скимъ, въ будущемъ, просьбы о выдачѣ ему свидѣтельства.

Между тѣмъ, въ засѣданіи 3 декабря, предсѣдатель суда словесно докладывалъ (справки объ этомъ къ сожалѣнію въ дѣлѣ нѣтъ), что отъ нашего суда С-скій въ 1880 году свидѣтельство имѣлъ.

Такимъ образомъ, спастись несправедливой кумуляціи наказаній С-скому, за одинъ и тотъ же поступокъ, нѣтъ никакого основанія, равно какъ нѣтъ основанія считать дѣло подвѣдомственнымъ Ш-скому сѣзду.

Еще менѣе основаній для принятія резолюціи въ томъ случайномъ обстоятельствѣ, обусловленномъ неграмотностію жалобщика, что онъ проситъ исключить С-скаго изъ числа повѣренныхъ, состоящихъ не при окружномъ судѣ, а при Ш-скомъ мировомъ сѣздѣ.

Таковы принципы и практика большинства и меньшинства одного (все одного и того же) суда, по надзору за присяжными и частными повѣренными. Но этого еще мало.

Суды иногда ставятъ препятствія даже другимъ судамъ и совѣтамъ, въ осуществленіи ихъ обязанностей по наблюденію за качествами лицъ вновь поступающихъ въ повѣренные или уже поступившихъ въ другихъ округахъ.

Они не только игнорируютъ, напримѣръ, по цѣлымъ годамъ, проживаніе въ своемъ округѣ присяжныхъ повѣренныхъ и помощниковъ чужихъ округовъ, но зачисляють и сами въ помощники лицъ, завѣдомо проживающихъ внѣ округовъ ихъ. Предложенія отдѣльныхъ судей, направленные къ прекращенію этихъ безобразій, игнорируются и протестантамъ приходится оставаться *при особомъ мнѣніи*, подвергаться упрекамъ за придирчивость, а со стороны болѣе отважныхъ повѣренныхъ — прямымъ афронтамъ, нерѣдко публичнымъ.

Въ этомъ отношеніи, въ практикѣ одного только суда, можно привести цѣлый рядъ вопіющихъ случаевъ. Проживаетъ, напримѣръ, въ округѣ суда, на правахъ частнаго повѣреннаго, около пяти лѣтъ нѣкто С—ій, называющій себя помощникомъ присяжнаго повѣреннаго. Дѣятельность его такова, что тотчасъ же вызываетъ цѣлый рядъ разговоровъ въ мѣстномъ обществѣ и даже рядъ формальныхъ жалобъ. По поводу этихъ послѣднихъ взгляды судей раздѣляются: большинство продолжаетъ смотрѣть снисходительно и путемъ опредѣленій, примѣры которыхъ мы привели, жалобы оставляются безъ послѣдствій въ уголовномъ отдѣленіи и въ общемъ собраніи. Меньшинство недвусмысленно выказываетъ С—му полное недовѣріе и подозрительно относится къ каждому его шагу; но это не мѣшаетъ предводителю большинства и писателю опредѣленій, водить съ С—мъ хлѣбъ соль и появляться о бока съ нимъ вездѣ, гдѣ это можетъ быть замѣчено, начиная съ офиціального судейскаго кабинета и кончая театромъ, клубомъ и т. д.

Въ общее собраніе суда, отъ одного изъ представителей меньшинства, поступаетъ офиціальное заявленіе о подложномъ ношеніи С—мъ самаго знанія помощника присяжнаго повѣреннаго, причемъ авторъ заявленія предлагаетъ о случаѣ этомъ довести до свѣдѣнія министра юстиціи и привлечь къ отвѣтственности не только С—го, но и того присяжнаго повѣреннаго (чужого округа), который зачислилъ его своимъ помощникомъ, вопреки закону. Но большинство

судей и прокуратура другого мнѣнія и даютъ, завѣдомо, возможность С—му, по истеченіи пятилѣтняго срока, зачислиться въ настоящіе присяжные повѣренные с—ой палаты. Случай этотъ извѣстенъ сталъ и соединенному присутствію сената и министерству и печатно получилъ всероссійскую огласку, но С—аго изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ не исключили, и большинству судей никто не выразилъ даже своего неодобренія тѣмъ или другимъ путемъ.

И вотъ, когда перебираясь еще разъ въ новый округъ, въ качествѣ уже настоящаго присяжнаго повѣреннаго, С—ій подалъ объ этомъ заявленіе председателю суда вновь избираемаго округа, а этотъ послѣдній прислалъ запросъ о немъ суду, гдѣ онъ пять лѣтъ практиковалъ, что же, вы думаете, сдѣлалъ этотъ послѣдній? Онъ придрался къ неточности одного выраженія въ запросѣ и тѣмъ, что С—аго зачислила въ присяжные повѣренные палата другого округа и постановилъ: увѣдомить вопрошавшаго, председателя К. окружнаго суда, что о неимѣній *препятствій* къ перечисленію С—аго судъ не можетъ дать никакого отвѣта, потому что С—ій состоитъ въ вѣдомствѣ с—ой судебной палаты.

Противъ такого оборота дѣла протестовалъ одинъ членъ, особымъ мнѣніемъ, въ которомъ было сказано:

Если относиться къ бумагѣ, полученной отъ К. председателя, искренно, а не формально, то, несмотря на нѣкоторую неловкость въ ней выраженія о „препятствіяхъ“, легко понять чего онъ спрашиваетъ.

Ему нужны, очевидно, свѣдѣнія о тѣхъ нравственныхъ качествахъ, которыя проявилъ С. въ бытность свою въ городѣ, гдѣ находится нашъ судъ. Требовать такихъ свѣдѣній К. председатель, отъ имени совѣта, вправѣ по силѣ 380 ст. у. с. у. и отказывать ему въ ихъ доставленіи, по причинѣ проблематичной непонятности употребленнаго имъ въ бумагѣ выраженія, мы не имѣемъ никакого права.

Но если даже усвоить самый формальный взглядъ на запросъ председателя К. суда, то и тогда причина отказа отвѣтить ему, совсѣмъ неуважительна. Всѣ судьи знаютъ, что въ округѣ С—ой палаты С. числился только формально, съ половины 1879 г., проживалъ же онъ все время, и до и послѣ этого, у насъ и практиковалъ здѣсь. Слѣдовательно, формальный поводъ къ отказу въ отвѣтѣ на запросъ можетъ быть признанъ уважительнымъ лишь относительно послѣдняго года проживанія С. у насъ, если предположить, что за это время судъ нашъ не имѣлъ за С. никакого надзора.

Но вѣдь К—ій председатель вправѣ узнать отъ насъ о С., какимъ онъ былъ въ 1874, 1875, 1876, 1877, 1878 и 1-й половины 1879 года. Не С—ой же палатѣ аттестовать его хоть за это время. А въ этомъ то періодѣ полнаго развитія его адвокатской дѣятельности и можно было бы найти матеріалъ для той или другой аттестаціи....

Я согласенъ, что можетъ быть большинство судей дало бы, несмотря на все это, прекрасную аттестацію о С., но я не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы подъ формальнымъ предлогомъ уклониться отъ обязательнаго для насъ искреннаго отвѣта на запросъ предсѣдателя суда, видимо серьезно относящагося къ пополненію новыми лицами состава присяжной адвокатуры.“

Особое мнѣніе такъ и осталось особымъ мнѣніемъ, а къ предсѣдателю вопрошаемаго суда, С—ій даже особо обращался съ *частнымъ письмомъ*, прося ему помочь въ перечисленіи. . . . Перечисленіе состоялось.

Столь-же легко совершаются *перечисленія* и обратно въ округъ суда, дѣятельность котораго мы описываемъ. Вотъ опять документальный примѣръ, какъ онъ описанъ въ особомъ мнѣніи:

Резолюціею опредѣлено: перечислить Б—кся въ присяжные повѣренные округа К—ской судебной палаты, по жительству его въ нашемъ городѣ. Резолюція постановлена большинствомъ одного голоса.

Я не нахожу возможнымъ согласиться съ такою резолюціею о перечисленіи, считая ее прямо противозаконною.

Никакого перечисленія присяжныхъ повѣренныхъ изъ округа одной палаты въ округъ другой, законъ не знаетъ. Единственная статья закона, обуславливающая поступленіе въ присяжные повѣренные, есть статья 379 учр. суд. уст., смыслъ которой состоитъ въ томъ, что о принятіи въ число присяжныхъ повѣренныхъ необходимо просить совѣтъ (или замѣняющій его судъ). При такихъ обстоятельствахъ невозможно думать, чтобы условія перечисленія, если оно допустимо, были иными, нежели условія поступленія въ присяжные повѣренные въ первый разъ вообще, или въ первый разъ въ новый округъ. Создавая особый институтъ перечисленія, большинство судей поступило незаконно и произвольно. Такой прецедентъ, вредный вообще, особенно опасенъ пѣмъ послѣдствіямъ, которыя онъ можетъ повести за собою въ порядкѣ по полненія присяжной адвокатуры. Если произвольно выдуманному институту перечисленія придать произвольныя же формы и порядокъ удостовѣренія правъ перечисляемыхъ, на званіе присяжнаго повѣреннаго, то это перечисленіе исполнѣ уничтожить собою силу законовъ о зачисленіи по округамъ совѣтовъ, и дать возможность пройти въ присяжные повѣренные такимъ лицамъ, о которыхъ законодатель не имѣлъ и мысли, какъ о кандидатахъ въ упомянутое званіе.

Перечислить,—это какъ будто менѣе важно, нежели зачислить въ первый разъ; поречислить недостойное лицо повидимому менѣе непростительно, нежели то зачисленіе, въ которомъ первоначально виноватъ другой судъ или совѣтъ. Подъ вліяніемъ такихъ взглядовъ могутъ найтись судьи, которые, разъ перечисленіе усвоено будетъ практикой, стануть къ нему относиться безъ той разборчивости, къ которой они же считаютъ себя обязанными при первоначальномъ принятіи въ присяжные повѣренные.

И судей этихъ не будутъ, пожалуй, осуждать такъ строго и другія лица, за льготное отношеніе къ перечисленіямъ, особенно тамъ, гдѣ ни въ перечисленіяхъ, ни въ зачисленіяхъ, никогда еще не обнаруживалось печальныхъ ошибокъ.

Но не въ такомъ положеніи находится, на мой взглядъ, нашъ судъ, видѣвшій и продолжающій видѣть всякіе въ этомъ отношеніи опыты. Изъ рѣшова суда недавно выбылъ дворянинъ С—скій, получившій въ С—ской судебной палатѣ званіе присяжнаго повѣреннаго послѣ того, какъ онъ не имѣлъ качествъ, необходимыхъ формально даже для помощника присяжнаго повѣреннаго. Судьямъ нашего суда не безызвѣстно, что это, лицо поѣхало практиковать въ новый судебный округъ, вѣроятно также на правыхъ *перечисляющагося*, и этого одного факта достаточно для должной осторожности въ нашемъ судѣ и убѣжденія въ необходимости относиться къ *перечисляющимся* очень осторожно.

Этой осторожности врядъ-ли соответствуетъ *ходъ* и исходъ ходатайства *перечисляющагося* Б—кова. Докладъ председателя суда состоялъ въ передачѣ общему собранію просьбы Б—кова и прочтенія того свидѣтельства, которое было ему выдано с—скимъ (на Кавказѣ) окружнымъ судомъ. Въ этомъ свидѣтельствѣ Б—ковъ названъ коллежскимъ регистраторомъ—слѣдовательно, по воспитанію, онъ несоответствуетъ требованіямъ закона; на это я при докладѣ обращалъ вниманіе. Временные комитеты для принятія прошеній лицъ, желающихъ приписаться въ число присяжныхъ повѣренныхъ по облегчительнымъ правиламъ, закрыты министромъ юстиціи еще въ 1874 году (это намъ извѣстно изъ циркуляра отъ 23 декабря того-же года за № 22335, который председателемъ суда неоднократно былъ цитируемъ при докладахъ прошеній *другихъ кандидатовъ* въ присяжные повѣренные). Поэтому очевидно, что с—скій окружный судъ или принялъ Б—кова въ присяжные повѣренные незаконно, или принялъ его только для кавказскаго округа, что нисколько не освобождаетъ насъ отъ обязанности разсудить, годится ли онъ, Б—ковъ, для Европейской Россіи. Иначе чрезъ с—скую и тифлисскую судебныя палаты, подобно С—скому и Б—кову, каждый, не могущій понасть прямо въ присяжные повѣренные другихъ округовъ, попадетъ путемъ перечисленія.

Изложенными соображеніями руководствовался я, подавая голосъ противъ резолюціи вмѣстѣ съ четырьмя изъ одиннадцати судей.

Для меня непонятно, какимъ образомъ тому исходу который получило ходатайство Б—кова, не былъ предпочтенъ отказъ въ этомъ ходатайствѣ—отказъ, который, правда, перенесъ-бы вопросъ о зачисленіи Б—кова изъ суда въ палату, но снималъ бы зато съ насъ нравственную отвѣтственность за принятіе этого кандидата, о которомъ къ тому-же, вопреки прежней практикѣ и приведенному циркуляру, и *свидѣній никакихъ собираемо не было*.

Даже въ пользу того, чтобы отослать въ судебную палату подлинныя документы Б—кова, составилось только нѣсколько голосовъ.

Присовокуплю еще одно соображеніе. Если Б—ковъ принятъ по облегчительнымъ правиламъ, то такое принятіе нельзя считать окончательнымъ, такъ какъ по ст. 49 положенія о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, лицъ, принятыхъ такимъ образомъ, утверждаетъ или не утверждаетъ только Министръ Юстиціи. Не имѣя свѣдѣній о такомъ утвержденіи Б—кова на Кавказѣ Намѣстникомъ, мы не могли полагаться на одно свидѣтельство с—скаго суда

Опять, какъ видите, это только особое мнѣніе, хотя и значительнаго на сей разъ меньшинства.

Вотъ какъ пополняется и устанавливается составъ присяжной адвокатуры, подъ наблюдениемъ одного только, взятаго въ примѣръ, суда.

Какъ это можетъ отражаться и отражается на взаимныхъ отношеніяхъ судей и адвокатовъ и на достоинствѣ тѣхъ и другихъ, понять нетрудно. Нѣкоторыя явленія отраженія этихъ порядковъ рельефно описаны въ сообщеніи въ редакцію казанскаго присяжнаго цовѣреннаго (См. Жур. гр и уг. пр. 1881 г. кн. V ст. г. Володимирова). На другія явленія мы сдѣлаемъ указанія, заимствовавъ ихъ изъ одного документа, исходящаго изъ того-же суда и находящагося нынѣ въ разсмотрѣніи сената.

Описываются причины и условія нѣкоторыхъ, происходившихъ въ округѣ суда публичныхъ скандаловъ, сдѣланныхъ уже не судьями адвокатамъ, а этими послѣдними — нелюбимымъ изъ судей, нежелающимъ относиться иначе, какъ строго формально, къ представителямъ адвокатуры, рекрутируемой то съ борзю, то съ сосенки, и говорится:

«Уже а priori можно полагать, что строгимъ и чисто внѣшнимъ къ себѣ отношеніемъ со стороны судей, могутъ оставаться недовольными только тѣ изъ адвокатовъ, которые желали бы заручиться благоволеніемъ судей не за должное исполненіе профессиональных и общегражданскихъ обязанностей, а за то, что вездѣ, а въ провинціи въ особенности, называется «хорошими отношеніями» и основывается на взаимномъ всепрощеніи промаховъ и недостатковъ, общихъ тѣмъ и другимъ, прямо непредусмотрѣнныхъ ни уложеніемъ, ни уставомъ о наказаніяхъ. И если гдѣ нибудь такіа интимная, взаимно успокоительная отношенія завелись между большинствомъ судей и нѣкоторыми изъ адвокатовъ, то естественно, что тамъ, на всякаго судью не такъ понимающаго отношенія судьи къ адвокатамъ, эти послѣдніе, (а можетъ быть и сами судьи) стануть взирать какъ на такое исключеніе изъ общаго правила, которое столь предосудительно по мѣстнымъ понятіямъ, что можетъ быть съ успѣхомъ эксплуатируемо какъ поводъ для публичнаго скандализированія, въ данной мѣстности, судьи — неблагопріятеля. А тамъ, гдѣ близость отношеній такова, что въ адвокатуру проникаютъ свѣдѣнія о взаимныхъ отношеніяхъ судей и объ отношеніяхъ къ нимъ высшей судебной администраціи, нѣкоторые адвокаты охотно стануть орудіемъ для распространенія свѣдѣній этихъ въ публику, а безнаказанными скандалами и тенденціозной оцѣнкой судей — неблагопріятелей, въ своихъ quasi — жалобахъ, будутъ вліять на служебную ихъ репутацію уже не на мѣстѣ, а гораздо далѣе. И чѣмъ безцеремоннѣе будутъ отдѣльныя, составляющія тѣсный адвокатско-судебной кружокъ лица, тѣмъ безобразнѣе будетъ проявляться давленіе этого кружка на лицъ, несочувствующихъ его существованію. Не говоря о томъ, что каждое такое лицо обзовутъ, невмѣющими никакого содержанія, но страшными для

провинциаловъ словами «интригантъ» «беспокойный человѣкъ», «корресподентъ» «доносчикъ» и т. п., но ему откровенно постараются подставлять ногу на каждомъ шагѣ, выводить изъ терпѣнія, оскорблять, вызывать на оскорбленія и вообще выживать. И чѣмъ кружокъ будетъ больше, а первая его дѣйствія безнаказаннѣе, тѣмъ еще безцеремоннѣе и откровеннѣе онъ будетъ дѣйствовать дальше. И скоро, очень скоро нечему будетъ болѣе удивляться. Создастся плотный кругъ, который будетъ рукоплескать каждому видимой неудачѣ протестанта, каждому скандалу, на который его вызовутъ или который ему устроятъ, и каждому успѣху своихъ благопріятелей.

Управляемый опытными руками, кружокъ будетъ выдавать себя за органъ общественнаго мнѣнія, за органъ *большинства*, за «гласъ народа» и лучший изъ отдѣльных членовъ кружка, считая свою безнаказанность формальнымъ доказательствомъ честности, поднимая высоко голову и ударяя себя мертвыми дланями въ мертвые перся, пойдетъ требовать, чрезъ сенатъ или лично, отъ судьи, его судившаго, или отъ прокурора, его обвинявшаго, отчета въ томъ, какъ они смѣли сомнѣваться въ его честности и обвинять его или судить или имѣть о немъ *особое мнѣніе*, когда большинство, громадное большинство, включающее въ себя также и судей и прокуроровъ, оставленію его безъ наказанія рукоплескало и рукоплещетъ.

Такъ легко и просто объясняется общій поводъ для худшихъ изъ адвокатовъ въ провинціи, дѣлать оваціи нѣкоторымъ и инсинуировать на другихъ судей, при всякомъ удобномъ случаѣ.

Такова обратная сторона воздѣйствія на суды, въ лицѣ отдѣльныхъ судей, плохой адвокатуры и взаимодѣйствія тѣхъ и другой, въ смыслѣ, роняющемъ достоинство обѣихъ корпорацій.

Если, какъ утверждаетъ г. Володиміровъ, дурные суды прямо заинтересованы въ существованіи дурной адвокатуры, то и дурные адвокаты не менѣе заинтересованы, чтобы судьи, которымъ ввѣренъ за ними надзоръ, были дурны настолько, чтобы въ этомъ отношеніи не было никакихъ исключеній, потому что только эти исключенія портятъ гармонію и дѣлаютъ видимымъ для всѣхъ и каждого, что обѣ корпораціи не одинаково хороши, а одинаково дурны.

Источникъ всему этому лежитъ, конечно не исключительно, но все таки преимущественно, именно въ законѣ, установившемъ прямой надзоръ судовъ за адвокатурою. Правда, законы могутъ быть святы, а исполнители супостаты, но въ отношеніи къ разсматриваемому институту, даже святыя исполнители поставлены въ слишкомъ неестественныя условія. Святыхъ всегда и вездѣ немного и надобно поскорѣе прекратить существованіе закона, который не только дѣлаетъ взаимными супостатами судей и адвокатовъ, принося выгоды лишь дурнымъ изъ нихъ, но и ставитъ тѣхъ и

другихъ въ положеніе супостатовъ по отношенію къ обществу, для блага котораго созданы обѣ корпораціи и сочинены всѣ законы.

И. К. С.

ПИСЬМО Г. БОРОВИКОВСКАГО.

Г. Редакторъ!

Не откажите мнѣ въ просьбѣ напечатать въ редактируемомъ Вами журналѣ, нѣсколько строкъ, по поводу напечатаннаго въ мартовской книжкѣ журнала отзыва г. Загоровскаго о моемъ изданіи: „Законы гражданскіе съ объясненіями по рѣшеніямъ кассационнаго сената“.

Я не имѣю въ виду возражать противъ мнѣнія г. Загоровскаго о достоинствѣ кассационной практики. Недостатки ея ясны и для меня, хотя я и не въ силахъ возвыситься до той точки зрѣнія, съ которой доктрины этой практики представляются „патологіею русской юридической мысли“. — Я хочу сказать нѣсколько словъ лишь относительно одного, сдѣланнаго мнѣ г. Загоровскимъ упрека, который я могу объяснить себѣ единственно тѣмъ, что авторъ рецензіи недостаточно ознакомился съ моей работой.

Г. Загоровскій „ставитъ мнѣ въ счетъ“ то обстоятельство, что я „упустилъ изъ виду исторію“ сенатской практики. — т. е. оставилъ безъ вниманія тѣ разнорѣчія, которыя встрѣчаются въ сенатскихъ разъясненіяхъ по нѣкоторымъ вопросамъ. Упрекъ этотъ я понимаю такъ: отъ меня, конечно, не могло зависѣть — устранить самый фактъ разнорѣчій; но указавъ историческую *последовательность* высказанныхъ разъясненій, я бы тѣмъ самымъ далъ ключъ къ устраненію недоразумѣній: разъясненіе, последнее по времени, очевидно, должно считаться и наиболѣе авторитетнымъ.

Этого пріема я строго придерживался; въ этомъ легко убѣдиться каждому, кто внимательно ознакомится съ моей книгой. Чтобы не быть голословнымъ, ссылаюсь на объясненія: къ ст. 106. § 1, къ ст. 546 § 1, къ ст. 557 § 5, къ ст. 563 § 1, къ ст. 683, § 5, къ ст. 703, къ ст. 788, къ ст. 831 § 4, къ ст. 921, къ ст. 1261 § 1, къ ст. 1301 § 1, къ ст. 1332 § 3, къ ст. 1427 § 6, къ ст. 1509 § 1, къ ст. 1513 § 1, къ ст. 1529 § 14, къ ст. 1539 § 8, къ ст. 1557 § 4, къ ст. 1583 § 3, къ ст. 1525 § 2, къ ст.

1683 § 1, къ ст. 1685 §§ 3, 9, 19, къ ст. 1691 § 6, къ ст. 1737 § 2, къ ст. 2052 § 1, къ ст. 2111 § 3, къ ст. 2224 §§ 1 и 2, къ ст. 2226, къ ст. 2330 § 1, прил. къ ст. 694 ст 1 §§ 8, 9 къ ст. 2 того же прилож. § 3, къ полож. о нот. ч. ст. 147 § 3. (Кромѣ того—см. въ „дополненіи“ къ книгѣ), Я привелъ здѣсь всѣ, какіе припомнилъ (счетомъ—до сорока), случаи колебаній кассационной практики, съ тою цѣлью, чтобы констатировать, по какимъ именно вопросамъ это колебаніе происходило. Во всѣхъ случаяхъ, мною указанъ хронологическій порядокъ разъясненій.

Однакожъ, справедливость требуетъ замѣтить, что нерѣдко усматриваютъ противорѣчія и въ такихъ разъясненіяхъ сената, *идеъ, въ сущности, разнорѣчія вовсе нѣтъ*. Къ числу такихъ недоразумѣній относится и указаніе г. Загоровскаго на разъясненія относительно *аренды фруктоваго сада*. Въ рѣшеніи 1869 г. № 258, шла рѣчь объ арендѣ сада (многолѣтней); по дѣлу не возбуждалось и сомнѣнія, что это—аренда *недвижимости*; сенатъ призналъ, что „обстоятельство *взятія въ аренду сада*, не могло быть доказываемо свидѣтельскими показаніями“. Въ рѣшеніи 1870 г. (у г. Загоровскаго ошибочно указанъ 1879 г.) № 588, сенатъ нашелъ, что „контрактъ . . . былъ заключенъ не на отдачу въ *арендное пользованіе сада съ землею*, а на одно только *снятіе яблокъ въ саду*, а потому мировой съѣздъ, имѣя въ виду, что съемщику предоставлено было право на *одни только яблоки*, неправильно призналъ, будто бы предметомъ договора было *недвижимое* имущество . . .“—Мнѣ оставалось привести эти разъясненія въ томъ видѣ, какъ онѣ даны сенатомъ,—а именно: „аренда фруктоваго сада есть договоръ о наймѣ *недвижимости*; онъ долженъ быть составленъ письменно и не можетъ быть доказываемъ свидѣтельскими показаніями“ (⁶⁹/258). Но если договоромъ предоставлено не *арендное* пользованіе *садомъ съ землею*, а только *снятіе фруктовъ въ саду*,—то такой договоръ не можетъ быть признанъ имѣющимъ своимъ предметомъ *недвижимое* имущество“ (⁷⁰/588) (см. въ моей книгѣ объясненіе къ ст. 1700 § 1).

Я надѣюсь, что Вы признаете за мною право просить Васъ о помѣщеніи въ журналъ этихъ *фактическихъ* опроверженій отзыва о моей работѣ. Засимъ, Вы, конечно, въ правѣ и не помѣщать дальнѣйшихъ строкъ моего письма,—*полемиическихъ*. Въ оправданіе ихъ скажу: 1) что, взвѣсивая и слабыя и хорошія стороны кассационныхъ разъясненій, я считаю въ высшей степени *желательнымъ* усвоеніе нашими юристами-практиками этихъ „доктринъ“, хотя

подчасъ и „хромающихъ“, но „хроманіе“ которыхъ—все таки годится въ путеводители огромному большинству нашихъ „юристовъ практиковъ“ (пока то придетъ на помощь „наука“!), и 2) что не хочется оставить безъ защиты хотя и небольшую (на большую и никогда и не претендовалъ) заслугу *тяжелого* и неблагодарнаго („коммерческую“ сторону дѣла я готовъ открыть, для назиданія, каждому желающему) труда.

И такъ, отъ Васъ будетъ зависѣть напечатать еще слѣдующія мои возраженія г. Загоровскому:

„Г. Аписишовъ давно занимается этимъ дѣломъ“. Я надѣюсь, что г. Загоровскій не будетъ настаивать на этихъ словахъ, если приметъ въ соображеніе *цитаты*, и притомъ исправленныя и дополненныя по продолженіямъ; объ этой работѣ—справьтесь хоть у корректоровъ.

Въ какой мѣрѣ „облегченъ“ былъ мой трудъ предшествовавшими сборниками—справьтесь посредствомъ сопоставленій; увидите, что и на мою долю досталось работы немало.

Для разъясненія вопроса, къ какой статьѣ относится данное разъясненіе,—справьтесь съ тѣмъ, какія въ этихъ разъясненіяхъ статьи цитируются сенатомъ,—и вспомните, что я—не „критикъ“, а „лѣтописецъ“. Нашъ „сводъ“ *обуславливаетъ* въ этомъ отношеніи нѣкоторую „путаницу“, но помогаютъ *ссылки* на разъясненія подъ другими статьями (г. Загоровскій указываетъ на то, что подъ ст. 1531—1535 „никакихъ разъясненій нѣтъ“; но, тамъ есть надлежащія *ссылки*; кромѣ того, есть *алфавитный указатель*). Почему разъясненія объ арендѣ помѣщены *и* подъ ст. 521—справьтесь въ рѣшеніяхъ сената.

Самъ г. Загоровскій признаетъ, что я „достигъ своей цѣли—начерталъ сенатскую доктрину“. Именно къ этому я и стремился: я желалъ дать ясное, связанное представленіе о томъ, что, для огромнаго большинства нашихъ юристовъ—практиковъ, было бы слишкомъ заносчиво называть „патологіею русской юридической мысли“.

Прошу Васъ принять увѣреніе въ искреннемъ моемъ уваженіи и совершенной преданности.

А. Боровиковскій.

Отъ редакціи. Печатаемъ письмо г. Боровиковскаго только во имя принципа: *audiat et altera pars*. Несчитаемъ возможнымъ, однако, пройти молчаніемъ какъ фактическую, такъ и полемическую часть

письма. Остановимся сначала на первой. Проф. Загоровскій совершенно основательно упрекает г. Боровиковскаго въ томъ, что тотъ упустилъ изъ виду „исторію сенатской практики, что, благодаря стремленію составителя начертить доктрину сенатской практики, онъ упустилъ особенности ея“; особенности-же эти заключаются въ томъ, что „сенатъ, за немногими исключеніями, не оставался неизмѣнно вѣренъ своимъ толкованіямъ, т. е. что число противорѣчащихъ одно другому рѣшеній—громадно. Затѣмъ, проф. Загоровскій полагаетъ, что было-бы лучше, если-бы составитель свелъ, нисколько возможно, всѣ рѣшенія по данному вопросу, не заботясь о томъ, чтобы выходило цѣльное ученіе, т. е. если-бы онъ принялъ систему проф. Таганцева, систему „обобщенія рѣшеній по рубрикамъ“. На это г. Боровиковскій возражаетъ, что онъ „указалъ историческую послѣдовательность въ разъясненіяхъ сената“, что, онъ „лѣтпи-сецъ“, что колебанія кассационной практики имъ указаны въ 40 мѣстахъ книги.—Изъ этого видно, что г. Боровиковскій совсѣмъ непонялъ то, о чемъ говоритъ проф. Загоровскій и какое различіе имѣется между „построеніемъ доктрины“ и „изображеніемъ исторіи“ кассационной практики. Постараемся выяснитъ это различіе и раскрыть тѣ приемы, которыхъ составитель сборника придерживался въ своей работѣ.

Что такое „построеніе доктрины“ кассационной практики? Это—извлеченіе изъ разъясненій сената общихъ началъ, возведеніе отдѣльныхъ положеній къ общимъ началамъ. Общія выводы съ ихъ мотивами, излагаются въ взаимной ихъ связи, въ логическомъ порядкѣ, по каждому отдѣльному вопросу. Благодаря тому, что въ кассационной практикѣ имѣется громадное количество противорѣчащихъ одно другому рѣшеній, строителю доктрины приходится дѣлать выборку изъ разнорѣчивыхъ рѣшеній. Если онъ признаетъ высшую авторитетность, обязательность кассационныхъ рѣшеній, то онъ останавливается на *позднѣйшихъ* изъ этихъ рѣшеній, и мелькомъ упоминаетъ о рѣшеніяхъ, состоявшихся *первоначально*. Если же онъ признаетъ внутреннюю ихъ авторитетность и необязательность, то сводитъ къ общимъ положеніямъ лишь тѣ изъ противорѣчивыхъ рѣшеній, которыя имѣютъ большую научную цѣну, по существу или по аргументаціи, на остальные же лишь указываетъ для свѣдѣнія. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, получается рядъ стройныхъ, цѣльныхъ ученій.—

Что такое историческое изображеніе кассационной практи-

ки? Это — подведеніе отдѣльныхъ положеній, цѣликомъ взятыхъ изъ кассационныхъ рѣшеній, подъ извѣстныя рубрики, сведеніи ихъ въ извѣстныя группы; группировка эта конечно должна быть строго научною; рѣшенія дробятся на мелкія положенія и каждому положенію отводится мѣсто въ опредѣленной, такъ сказать, клѣточкѣ. Противорѣчивыя положенія ставятся рядомъ, въ томъ порядкѣ, какъ они состоялись. Результатомъ такого приѣма является рядъ отрывочныхъ, разнообразныхъ, часто противорѣчивыхъ положеній, расположенныхъ въ извѣстномъ порядкѣ. — Что-же сдѣлалъ г. Боровиковскій: построилъ снѣ доктрину или изобразилъ исторію кассационной практики? Конечно, построилъ доктрину, притомъ какъ строитель, признающій вышнюю авторитетность кассационныхъ рѣшеній. Онъ выразилъ въ общихъ положеніяхъ разъясненія сената, изложилъ по каждому вопросу цѣльное ученіе; на нѣкоторыя же, сравнительно ничтожныя по числу, противорѣчія, онъ указалъ мелькомъ, какъ на положенія, высказанныя „первоначально“. Каждое ученіе у него вышло гладко, чисто, закончено; нѣтъ той рябищей въ глазахъ пестроты, которая неизбѣжно получалась бы, если-бы онъ захотѣлъ изобразить исторію сенатской практики. Но приѣмъ построенія доктрины имъ не выдержанъ, и та „особенность“ кассационной практики, о которой говоритъ проф. Загоровскій улетучилась. Тѣ сотни противорѣчій, въ которыя впадалъ сенатъ, имъ сведены къ какому нибудь *сорока*. Какъ строитель доктрины, онъ долженъ былъ указать на всѣ эти сотни противорѣчій, онъ долженъ былъ поступить съ ними также, какъ поступилъ съ этими сорока, т. е. сказать: „первоначально“ сенатъ сказалъ то то, а „впоследствии“ то-то. Но не слѣдуетъ думать, что г. Боровиковскій упустилъ всѣ эти сотни противорѣчій, хотя, конечно, и пропусковъ у него немало—въ чемъ можетъ убѣдиться всякій, знакомый если не съ подлинными рѣшеніями сената, то съ тѣми статьями, отпечатанными въ нашихъ юридическихъ журналахъ, въ которыхъ сенатская практика подвергается критикѣ; напр. со статьями Оршанскаго, Джаншиева и др. Большинство противорѣчивыхъ положеній кассационной практики исчерпано въ книгѣ г. Боровиковскаго, но — въ этомъ и заключается своеобразный приѣмъ составителя—противорѣчія эти *сглажены, примирены*, конечно, на пагубу нашей неокрѣпшей судебной практики. Эти сглаживаніе, примиреніе, достигается составителемъ путемъ самыхъ разнообразныхъ логическихъ приѣмовъ. Главнѣйшіе изъ послѣднихъ могутъ быть

сведены къ тремъ: 1) Одно изъ двухъ противорѣчивыхъ положеній возводится въ мнимое общее правило, другое—въ мнимое исключеніе изъ него; напр. сенатъ сначала не признавалъ *actio de in rem verso* т. е. что уплата долга за другого, безъ его полномочія, не порождаетъ, въ лицѣ послѣдняго, обязательства возратить уплаченное (р. ¹³³/77, ⁴⁸/73, ¹¹¹⁰/73, ¹⁶⁰⁷/70), а потомъ призналъ эту *actio* (р. ²²⁹/79). Г. же Боровиковскій говоритъ: „сенатъ призналъ, что произвольная уплата долга другого лица, безъ его на то согласія... не даетъ права требовать возмѣщенія уплаченныхъ денегъ“ „однакоже, никто невинно не обогащается на чужой счетъ, поэтому, если истецъ доказалъ уплату долга за отвѣтника то на послѣднемъ лежитъ обязанность доказать что онъ *возмѣститъ* истцу издержки (§ 3 къ ст. 568). Т. е. выходитъ такъ: *actio de in rem verso* невозможна, но если отвѣтникъ обогатился на счетъ истца (будто это не всегда бываетъ въ случаяхъ уплата долга за другого?), то эта *actio* возможна. 2) Каждое изъ двухъ противорѣчивыхъ положеній относится составителямъ къ фактамъ, различнымъ по юридической ихъ квалификаціи; примѣромъ этого можетъ служить аренда фруктоваго сада, о которой говорится въ рецензіи проф. Загоровскаго и въ письмѣ г. Боровиковскаго. Сенатъ разъ призналъ, что предметъ договора найма фруктоваго сада—движимое имущество (⁵⁸²/70), въ другой разъ—недвижимое (²⁵⁸/69). Чтобы устранить это противорѣчіе, г. Боровиковскій создаетъ договоръ „снятія яблокъ въ саду“ и относитъ къ нему первое положеніе, т. е. что это договоръ о движимомъ имуществѣ, а подъ второе положеніе подводитъ аренду. Спрашивается: развѣ это вѣрная юридическая квалификація? Развѣ степень продолжительности срока (если срокъ необходимъ), можетъ измѣнить существо договора? Для снятія яблокъ въ саду нужно, скажемъ, двѣ недѣли. Договоръ о пользованіи садомъ, въ теченіи двухъ недѣль, по мнѣнію г. Боровиковскаго, не есть договоръ найма, а договоръ о пользованіи этимъ же садомъ напр. полгода или годъ, есть договоръ найма. Неужели г. Боровиковскому неизвѣстно, что срокъ аренды можетъ быть опредѣленъ и не точнымъ числомъ дней, мѣсяцевъ, лѣтъ, а способомъ пользованія имуществомъ; это весьма распространенный, обычный у насъ способъ опредѣленія срока найма (см. Пахманъ—Обычн. пр. т. I стр. 157). Мы этимъ хотимъ сказать, что договоръ „снятія плодовъ“ есть договоръ найма, срокъ коего опредѣленъ способомъ пользованія нанятымъ имуществомъ, въ данномъ случаѣ, снятіемъ яблокъ. 3) Каждое изъ

двухъ противорѣчивыхъ положеній яко бы основано на разныхъ мотивахъ; напр. сенатъ то признаетъ *exсертіо non adimpleti contractus* т. е. что неисполненіе двухсторонняго договора одной изъ сторонъ, влечетъ за собою прекращеніе договора (^{274/76}, ^{326/76}, ^{887/73}), то признаетъ эту *exсертіо*, напр. при отдачѣ въ наймы негодной вещи (^{113/74}, ^{234/72}, ^{211/72}) Г. Боровиковскій, въ виду аргументаціи сената, въ § 5 къ ст. 569 говоритъ, что „неисполненіе договора одной стороной, не даетъ права другой сторонѣ уклониться отъ договора“ а въ § 4 говоритъ, что „порча предмета, дѣлающая пользованіе имъ невозможнымъ, служитъ основаніемъ къ прекращенію договора“. Изъ этихъ двухъ положеній видно, какъ будто-бы тутъ идетъ рѣчь о двухъ разныхъ способахъ прекращенія договора; одинъ не признанъ таковымъ со стороны сената, а другой—признанъ, а между тѣмъ, во второмъ положеніи, идетъ рѣчь объ одномъ изъ случаевъ, дающихъ *exсертіо non adimpl. contr.*—

Благодаря подобнымъ сглаживаніямъ противорѣчій кассационныхъ рѣшеній, понятно, остается какихъ-нибудь сорокъ неудобопримиримыхъ т. е. такихъ, примиреніе коихъ ставило-бы составителя, въ глазахъ даже малосвѣдущихъ юристовъ, въ нѣ сколько неловкою положеніе. Вотъ почему проф. Загоровскій совершенно правъ, упрекая г. Боровиковскаго въ томъ, что въ сборникъ его не перешла *особенность* сенатской практики, заключающаяся въ противорѣчивости рѣшеній.

Что касается полемической части письма г. Боровиковскаго, то она къ сожалѣнію, очень рѣзка. Лишь желаніемъ уязвить противника можно себѣ объяснить эти неоднократныя повторенія: „*справь-тесь*“—то у корректора, то въ сборникѣ, то въ рѣшеніяхъ? Такъ полемизировать не принято въ средѣ людей науки. Но чего мы, признаться, не ожидали слышать изъ устъ г. Боровиковскаго—это восклицанія его: „пока-то придетъ на помощь наука“! Наука давно пришла на помощь тѣмъ, кто хочетъ ее воспринять. Отечественная наука, какъ бы молода она ни была, кое-что успѣла уже дать; она продолжаетъ свою работу, но, къ сожалѣнію, работа эта игнорируется многими практиками. О богатой западной наукѣ и говорить нечего: что она „пришла на помощь,“ знаютъ всѣ, кто занимался ею. Не „пока-то придетъ на помощь наука,“ слѣдуетъ воскликнуть, а „скоро-ли станутъ заниматься наукою права, взамѣнъ изученія однихъ только сборниковъ кассационныхъ рѣшеній“!

(А. Г.)

Докладъ проф. А. Кистяковского юридическому факультету объ ученыхъ трудахъ г. Тарасова. ¹⁾

На объявленный факультетомъ конкурсъ—срокъ котораго истекъ 1-го марта—для замѣщенія каѳедры полицейскаго права, остающейся вакантною въ теченіи почти года явился конкурентомъ ординарный профессоръ Ярославскаго юридическаго лица И. Т. Тарасовъ.

Въ одномъ изъ засѣданій юридическаго факультета, было возложено на профессора Ю. Д. Сидоренко, *меня* и доцента Д. И. Пихно, порученіе, сдѣлать оцѣнку трудовъ и ученой дѣятельности профессора И. Т. Тарасова.

Исполняя это порученіе, я считаю долгомъ доложить факультету слѣдующее:

Профессоръ И. Т. Тарасовъ получилъ юридическое образованіе въ училищѣ правовѣдѣнія, С.-Петербургскомъ, напѣмъ и въ иностранныхъ университетахъ.

Главнѣйшіе моменты его внѣшней карьеры слѣдующіе: 1) въ 1872 г. онъ получилъ степень кандидата въ нашемъ факультетѣ; 2) оставленный степендіатомъ по каѳедрѣ полицейскаго права, онъ въ 1875 г. получилъ магистерскую степень въ нашемъ же университетѣ; 3) возвратившись изъ-за границы, послѣ пребыванія тамъ въ теченіи 2-хъ лѣтъ и 4-хъ мѣсяцевъ, въ 1878 г. онъ получилъ званіе приватъ-доцента, въ нашемъ же факультетѣ; 4) въ 1879 г. онъ занялъ каѳедру финансоваго права и политической экономіи, въ званіи экстра-ординарнаго профессора, въ Ярославскомъ юридическомъ лицейѣ; 5) въ 1880 г. онъ приобрѣлъ въ Московскомъ университетѣ степень доктора и въ томъ же году получилъ званіе ординарнаго профессора по занимаемой имъ каѳедрѣ.

Первый ученый трудъ напечатанъ имъ былъ въ 1873 г., въ извѣстіяхъ нашего университета, подъ заглавіемъ: Основныя поло-

¹⁾ Читатели нашего журнала могутъ упрекнуть насъ въ томъ, что мы дали оцѣнку ученыхъ трудовъ г. Тарасова, большее мѣсто, чѣмъ то, котораго они, сравнительно, заслуживаютъ. Мы, однако, сдѣлали это не безъ цѣли. Широкою огласкою, въ средѣ читающихъ юристовъ, приговоровъ немногочисленныхъ нашихъ юридическихъ факультетовъ, о трудахъ немногихъ нашихъ ученыхъ юристовъ, мы желали бы способствовать поддержанію отзывомъ факультетовъ на той высотѣ правдивости, безпристрастія и компетентности, которая приличествуетъ этимъ учрежденіямъ.

Прим. редакціи.

женія Лоренца Штейна, по полицейскому праву, въ связи съ учениемъ объ управленіи. Кіевъ.

Съ тѣхъ поръ, въ теченіи 8 лѣтъ, идетъ непрерывный рядъ трудовъ, обнародованныхъ профессоромъ Тарасовымъ.

Труды эти слѣдующіе:

1) Личное задержаніе, какъ полицейская мѣра безопасности. 1875 г. Кіевъ.

2) Полицейскій арестъ въ Россіи. 1877 г. Кіевъ.

3) Ученіе объ акціонерныхъ компаніяхъ. 1878 г. Кіевъ.

4) Два года на Западѣ съ ученою цѣлю 1879 г. Кіевъ.

5) Опытъ разработки программы и конспекта общей части науки полицейскаго права. 1879 г. Ярославль.

6) Ученіе объ акціонерныхъ компаніяхъ Изд. 2-е вып. 1 й 1879 г. Ярославль; вып. 2-й 1880 г. Ярославль.

7) Рецензія на введеніе въ курсъ политической экономіи Гарнье. Кіев. Унив. Изв. 1878 г.

8) Рецензія на книгу Ведрова—О лѣсохраненіи, Кіев. Унив. Изв 1878 г

9) Акціонерныя компаніи. Ст. въ VI т. Сборника госуд. знаній.

10) Полицейскій арестъ. Тамъ же т. VII.

11) Очеркъ желѣзно дорожной политики. Двѣ статьи въ Юрид. Вѣстникѣ за 1880 г.

12) Иванъ Посошковъ. Тамъ же. 1880 г.

13) Рецензія на курсы полицейскаго права Бунге и Андреевскаго и на книгу Шпилевскаго. Сборникъ госуд. знаній 1880 г.

14) Переводъ на нѣмецкій языкъ сочиненія К. Д. Кавелина. О крестьянскомъ общинномъ землевладѣніи. 1877 г. Лейпцигъ

Не буду перечислять другихъ его сочиненій, какъ изданныхъ отдѣльно, такъ и напечатанныхъ въ газетахъ: Голосѣ, Русь, и другихъ, какъ по предметамъ его спеціальности, каковы: земельные банки, исправительные пріюты, полемика по поводу его сочиненія о полицейскомъ арестѣ (отвѣтъ его на мою рецензію),—такъ и по предметамъ, неотносящимся къ его спеціальности, каковы: объ уваженіи къ женщинамъ, о значеніи вѣры и знанія въ жизни. Равнымъ образомъ не буду перечислять его практическихъ работъ въ Кіевскомъ обществѣ исправительныхъ колоній, въ Ярославскомъ земствѣ, по составленію устава крестьянскаго банка, въ дѣлѣ учрежденія ссудосберегательныхъ товариществъ. Не буду также говорить

о его участіи своими работами въ юридическихъ обществахъ Московскомъ и Кіевскомъ.

Обозрѣвая ученую дѣятельность профессора Тарасова, нельзя не придти къ слѣдующимъ заключеніямъ.

1) Профессоръ Тарасовъ успѣлъ заявить, въ теченіи 8 лѣтъ своей ученой и преподавательской дѣятельности, замѣчательное трудолюбіе и самую горячую преданность разработкѣ избранной имъ специальности, что доказываетъ одинъ перечень его трудовъ, изданныхъ въ сравнительно короткое время.

2) Въ трудахъ своихъ онъ обнаруживалъ обширную начитанность и основательное знакомство, какъ съ источниками первой руки, такъ съ обработкою предмета въ научной литературѣ.

3) Если первые его труды носятъ на себѣ печать иногда слабой, а иногда неполной обработки собранныхъ имъ матеріаловъ, то позднѣйшіе изобличаютъ въ молодомъ ученомъ уже зрѣлость научной мысли, старательную и болѣе оконченную разработку изслѣдуемыхъ имъ вопросовъ.

4) Послѣдніе его труды, болѣе совершенные чѣмъ первые, убѣждаютъ въ полной мѣрѣ въ томъ, что профессоръ Тарасовъ вполне владѣетъ предметомъ, и своими учеными трудами приобрѣлъ полное право занять кафедру полицейскаго права въ русскихъ университетахъ.

Какъ преподаватель, профессоръ Тарасовъ принадлежитъ къ отличнымъ лекторамъ,—это качество общепризнано за нимъ какъ его постоянными слушателями, такъ и его посторонними оцѣнщиками. Какъ на подтвержденіе этого мнѣнія, я ссылаюсь на двѣ публичныя лекціи: объ исправительныхъ учрежденіяхъ въ Европѣ, для малолѣтнихъ преступниковъ, прочитанныя имъ въ 1878 г. На этихъ лекціяхъ присутствовали, кромѣ меня, нѣкоторые другіе члены факультета, высказавшіе тогда свое одобрительное мнѣніе о дарѣ изложенія лектора.

Не могу не обратить въ особенности вниманія факультета на почтенную дѣятельность профессора Тарасова, какъ руководителя практическихъ занятій своихъ учениковъ. Въ теченіе 2½ лѣтъ своей преподавательской дѣятельности въ Ярославлѣ, онъ велъ семинаріи. Не касаясь всѣхъ другихъ работъ, которыя были выполнены въ его семинаріи студентами, и о которыхъ упоминается въ печатныхъ лѣтописяхъ Ярославскаго юридическаго лица, я укажу на двѣ таковыя работы, появлявшіяся въ печати, это—*Голубцова*: О

значеніи долгосрочнаго кредита въ крестьянскомъ хозяйствѣ, Юрид. Вѣст. 1880 г.,—работа, обратившая на себя вниманіе ученыхъ, и *Невскаго*: Изслѣдованіе въ области политической экономіи классической древности; переводъ труда Родбертуса. Ярославль. 1881 г.

Хотя я съ большинствомъ ученыхъ трудовъ профессора Тарасова спеціально знакомъ, хотя мнѣ его ученая и преподавательская дѣятельность вполне извѣстна, и хотя я успѣлъ составить себѣ опредѣленное мнѣніе о достоинствахъ ученой и преподавательской дѣятельности его, но чтобы повѣрить мои наблюденія, знанія и мой выводъ о немъ, я обратился съ просьбою къ нѣкоторымъ русскимъ извѣстнымъ ученымъ по полицейскому праву и политической экономіи, дать свой отзывъ объ ученой и преподавательской дѣятельности профессора И. Т. Тарасова.

Въ отвѣтъ на мою просьбу мнѣ прислали свои отзывы профессора: В. А. Гольцевъ, И. Е. Андреевскій и А. Н. Чупровъ.

1) Профессоръ Московскаго юридическаго факультета, по кафедрѣ полицейскаго права, *В. А. Гольцевъ*, отъ 17 апрѣля сего года, отвѣтилъ мнѣ такъ: „въ отвѣтъ на приглашеніе Ваше высказать мнѣніе объ ученыхъ трудахъ профессора И. Т. Тарасова, имѣю честь заявить слѣдующее:

„Мнѣ извѣстны всѣ сочиненія профессора Тарасова и всѣ его статьи. Авторъ ихъ обнаруживаетъ замѣчательную начитанность и грѣшитъ, главнымъ образомъ, только нѣкоторою торопливостью. Но послѣдняя статья г. Тарасова (въ Сборникѣ государственныхъ знаній) написана уже тщательно, весьма отчетливо.“

„Нераздѣляя нѣкоторыхъ изъ взглядовъ почтеннаго профессора, я не могу не отдать полнаго уваженія его доброй, пытливой мысли, его необыкновенному трудолюбію.“

„Я слышалъ отъ профессоровъ Ярославскаго лицея, товарищей И. Т. Тарасова, что лекціи его охотно посѣщаются студентами. На своемъ докторскомъ диспутѣ въ Москвѣ, г. Тарасовъ произвелъ благопріятное впечатлѣніе на факультетъ и на всѣхъ присутствовавшихъ.“

2) Профессоръ Петербургскаго юридическаго факультета, по кафедрѣ полицейскаго права, *И. Е. Андреевскій*, пишетъ мнѣ, отъ 20 апрѣля, слѣдующее: „И. Т. Тарасова я знаю лично съ весьма хорошей стороны, а о нѣкоторыхъ его сочиненіяхъ мнѣ приходилось и въ печати давать отзывы. 1) О первомъ его трудѣ, „Основныя положенія Лоренца Штейна по полицейскому праву“ я далъ въ

Сборникъ госуд. знаній весьма сочувственный отзывъ, такъ какъ этотъ трудъ свидѣтельствовалъ столько-же о талантѣ, сколько и о прилежаніи только что начинавшаго молодого ученаго. 2) Гораздо менѣе понравилась мнѣ другая его работа, „О личномъ задержаніи“. 3) Сочиненіе его докторское: „Ученіе объ акціонерныхъ компаніяхъ“, несомнѣнно свидѣтельствуетъ о большой начитанности г. Тарасова и о широкихъ критическихъ стремленіяхъ, хотя конечно можетъ вызвать немало замѣчаній. 4) Его опытъ разработки программы и конспекта общей части науки полицейскаго права и тѣсно связанная съ этимъ большая критическая статья, „Полицейское право“, помѣщенная въ VIII т. сборника госуд. знаній,—написаны, какъ мнѣ кажется, слишкомъ поспѣшно, что я и старался разъяснить въ маленькой замѣткѣ, тамъ же печатанной“.

„Но несмотря на возможность сдѣлать немало замѣчаній на труды г. Тарасова, безпристрастный критикъ не въ правѣ отказать г. Тарасову въ стремленіи къ самостоятельности и оригинальности, въ умѣннн излагать свои изслѣдованія съ увлеченіемъ, въ значительномъ запасѣ свѣдѣній по полицейскому праву, въ энергіи проводить свои убѣжденія, однимъ словомъ, въ главнѣйшихъ качествахъ, необходимыхъ для виднаго профессора.“

3) Профессоръ Московскаго юридическаго факультета по кафедрѣ политической экономіи, *А. Н. Чупровъ*, высказалъ отъ 30 апрѣля свое мнѣніе объ ученой и преподавательской дѣятельности профессора Тарасова въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Въ лицѣ г. Тарасова, о которомъ Вы спрашиваете моего отзыва, Кіевскій Университетъ приобрѣтетъ, ни мой взглядъ, вполне полезнаго дѣятеля. И. Т. Тарасовъ много и серьезно работалъ надъ своею подготовкой, что доказывается, между прочимъ, основательнымъ его отчетомъ о заграничной командировкѣ (Два года на Западѣ, съ ученою цѣлью). Это человекъ примѣрнаго трудолюбія и въ то же время живаго, отзывчиваго ума. Въ короткое время своей литературной дѣятельности, г. Тарасовъ успѣлъ написать такой длинный рядъ книгъ и статей, по разнообразнымъ отдѣламъ своего предмета, какимъ немногіе могутъ похвалиться даже въ концѣ жизненнаго поприща. Разнообразіе знаній, всегда внимательная подготовка, въ связи съ природнымъ даромъ устнаго изложенія, дѣлають г. Тарасова весьма увлекательнымъ на кафедрѣ о чемъ, кромѣ отзывовъ лицейскихъ профессоровъ, я не разъ слышалъ и отъ студентовъ“.

„Изъ ученыхъ работъ г. Тарасова я больше всего знакомъ съ

его „Акціонерными компаніями“. Чтобы ни говорили объ этомъ сочиненіи,—это, на мой взглядъ, капитальный трудъ. Обширное знакомство съ законодательствомъ и литературой предмета, добросовѣстная разработка безчисленныхъ частныхъ взятаго для изслѣдованія сложнаго вопроса, умѣніе провести связь между теоріей и потребностями жизни,—все это придаетъ книгѣ крупное значеніе. Кромѣ того, мнѣ извѣстны многія журнальныя статьи г. Тарасова, напримѣръ „Исторія и финансы“, „Посошковъ“, напечатанныя въ Юридическомъ Вѣстникѣ. Каждая изъ этихъ статей отличается основательнымъ знаніемъ дѣла, и даетъ какое-либо оригинальное освѣщеніе предмету“.

„Слабая сторона работъ г. Тарасова заключается въ нѣкоторой поспѣшности и небрежности изложенія; но этотъ недостатокъ, столь бросающійся въ глаза въ первыхъ трудахъ и особенно въ 1-мъ изданіи „Акціонерныхъ компаній“, постепенно исчезаетъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ сравнить второе изданіе „Акціонерныхъ компаній“ съ первымъ“.

Основываясь на вышеизложенныхъ данныхъ, я считаю, что профессоръ И. Т. Тарасовъ, въ общемъ выводѣ, который можетъ быть сдѣланъ всякимъ безпристрастнымъ ученымъ, о его ученой и преподавательской дѣятельности, обладаетъ всѣми данными для занятія въ нашемъ факультетѣ вакантной кѣедрой полицейскаго права, которой онъ ищетъ и по конкурсу, и которая почти уже годъ какъ остается безъ преподавателя, и что, въ лицѣ его, факультетъ пріобрѣтетъ вполне готоваго преподавателя, трудолюбиваго ученаго и учителя молодежи, вполне преданнаго интересамъ науки.

Въ заключеніе я не могу не сослаться на отзывъ бывшаго за служеннаго профессора нашего факультета Н. Х. Бунге, данный имъ факультету въ 1878 г., о И. Т. Тарасовѣ. Уже тогда Н. Х. Бунге считалъ возможнымъ поручить И. Т. Тарасову преподаваніе части полицейскаго права въ нашемъ факультетѣ, съ званіемъ доцента. Съ тѣхъ поръ прошло около трехъ лѣтъ, въ теченіи которыхъ профессоръ Тарасовъ, своею ученою и преподавательскою дѣятельностію успѣлъ представить новое и болѣе вѣское подтвержденіе мнѣнія о немъ своего учителя и доказать, что теперь сомнѣваться въ его качествахъ, какъ преподавателя и ученаго, невозможно.

Перехожу затѣмъ къ моимъ собственнымъ замѣчаніямъ на представленный въ совѣтъ, гг. профессоромъ Ю. Д. Сидоренко и доцентомъ Пихно разборъ сочиненій профессора Тарасова.

Болѣе шести лѣтъ тому назадъ профессоръ Тарасовъ представилъ къ нашъ факультетъ сочиненіе „О полицейскомъ арестѣ“ на магистерскую степень. Въ числѣ рецензентовъ этого труда былъ и я. Рецензія эта была неблагопріятна для г. Тарасова и мнѣніи относительно этого сочиненія я и нынѣ не измѣнилъ. Но послѣ того, этотъ ученый издалъ многіе труды, которыми онъ утвердилъ за собою репутацію трудолюбивѣйшаго, способнаго и знающаго ученаго и полезнаго преподавателя. Ссылаюсь на внесенныя въ мой отзывъ мнѣнія ученыхъ специалистовъ: профессора И. Е. Андреевскаго, болѣе двадцати пяти лѣтъ преподающаго полицейское право въ Петербургскомъ университетѣ, автора многихъ монографій и учебниковъ по полицейскому и государственному праву; профессора А. И. Чупрова, репутація котораго какъ ученаго, преподавателя и человека стоитъ очень высоко, и В. А. Гольцева, очень даровитаго ученаго и преподавателя полицейскаго права. Всякому извѣстно, что многіе, даже самые талантливые ученые и писатели, нерѣдко начинали свою писательскую дѣятельность изданіемъ слабыхъ сочиненій.

Что касается самаго содержанія указаннаго разбора, то за исключеніемъ немногихъ пунктовъ, съ которыми нельзя несогласиться, все остальное принадлежитъ къ разряду ученой и даже журнальной полемики и касается или такихъ вопросовъ, которые являются спорными въ самой наукѣ полицейскаго права, почему мнѣніе проф. Тарасова, несогласное съ мнѣніемъ его рецензентовъ, не можетъ быть поставлено первому въ укоръ,—или же такихъ вопросовъ, въ рѣшеніи которыхъ, въ настоящемъ случаѣ, правда на сторонѣ проф. Тарасова, а ошибка или увлеченіе полемикою на сторонѣ его рецензентовъ.

Не желая утруждать вниманіе членовъ совѣта и считая невозможнымъ пунктъ за пунктомъ пройти всю рецензію,—для чего потребовалось бы написать цѣлую монографію,—я для доказательства ограничусь на этотъ разъ разборомъ трехъ. четырехъ пунктовъ рецензіи.

Профессоръ Тарасовъ, въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія по исторіи финансовъ, употребляетъ слѣдующее выраженіе: „король былъ сначала только *homo regis causa*“.

Гг. Сидоренко и Пихно насмѣшливо замѣчаютъ: „Оказывается, что первые короли, по мнѣнію г. Тарасова, были чѣмъ-то въ родѣ почетныхъ докторовъ нашихъ университетовъ“. А между тѣмъ, характеристика профессора Тарасова, касающаяся положенія королей, въ первый періодъ образованія королевской, царской и княжеской власти, въ значительной степени вѣрна. Выраженіемъ „*homo-gis causa*“ проф. Тарасовъ вполнѣ вѣрно охарактеризовалъ одну сторону этой власти. Всякому, прошедшему курсъ всеобщей и отечественной исторіи, извѣстна громадная разниа между греческими царями героическаго періода, вродѣ царя Одиссея, у котораго оберъ шталмейстеромъ былъ простой свинопасъ, а статсъ-дамою — няня сына его, Телемака, Эвралклея, и между Императорами Византійской Имперіи, — громадная разниа между королями наѣздниками, выбранными иногда изъ пастуховъ, и королями *милостью Божіею*, вродѣ Людовика XIV-го, — громадная разниа между русскими князьями „кормленщиками“ (выраженіе Соловьева), которыхъ города Кіевъ и въ особенности Новгородъ и Псковъ мѣняли нѣсколько разъ въ годъ, — и между царями вродѣ Ивана Грознаго, и императорами, вродѣ Петра Великаго. Я воздерживаюсь отъ подробнаго развитія темы о томъ, что короли, въ ранній періодъ появленія своего, были болѣе *первыми между равными*, чѣмъ могучими властелинами позднѣйшаго времени, что въ ихъ общественномъ положеніи было болѣе гонорарнаго и зависимаго отъ другихъ силъ, чѣмъ неизмѣннаго, наслѣдственнаго и вполнѣ установленнаго. Развитие этой темы потребовало бы цѣлой монографіи.

Въ томъ же сочиненіи, въ одномъ мѣстѣ, проф. Тарасовъ выражается такъ: „Фараоны и ограниченное число членовъ военной и жреческой касты, пользовались всякими благами земными; остальное же населеніе составляли рабы, работавшіе на Фараона и на приближенныхъ ему касты“.

Гг. рецензенты на это замѣчаютъ, въ публицистическомъ тонѣ, слѣдующее: „Г. Тарасовъ, на основаніи упомянутаго папируса, рисуетъ намъ въ обличительномъ тонѣ эпикурейство египетскихъ фараоновъ и пишетъ прочувственныя строки о бѣдственной участи бывшихъ ихъ подданныхъ, представляя фараоновъ какими-то чудаками.“

Если разсматривать съ научной, спокойной точки зрѣнія, слова г. Тарасова, то нельзя не признать, что въ нихъ констатированъ вполнѣ доказанный историческій фактъ: дѣйствительно, въ Египтѣ

финансовыя средства страны подобнымъ образомъ были добываемы и употребляемы. Въмѣсто публицистической полемики, гг. рецензентамъ слѣдовало бы доказать противное, если они въ томъ дѣйствительно убѣждены; съ точки зрѣнія науки, слова г. Тарасова только съ этой стороны и могли быть разсматриваемы.

Что же касается *прочувствованнаго* *строкъ*, то до нихъ наукѣ дѣла нѣтъ, будутъ ли они высказаны однимъ, въ сторону большинства населенія, состоявшаго въ рабствѣ, или другими, въ сторону фараоновъ и ограниченнаго числа членовъ военной и жреческой касты. De gustibus non est disputandum.

Въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія. Объ акціонерныхъ компаніяхъ, г. Тарасовъ выражался такъ: „Соединства, какъ *органъ полиціи*, являются продуктомъ нашего столѣтія“.

Гг. рецензенты на это замѣчаютъ: „Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Тарасова, всѣ акціонерныя компаніи ничто иное, какъ органъ полиціи. Этотъ взглядъ несомнѣнно оригиналенъ. Но оригинальность едва ли не единственное его достоинство“.

Гг. рецензенты впали въ этомъ случаѣ въ ошибочное пониманіе словъ г. Тарасова. Если понимать подъ словомъ: *органъ полиціи*, полицію въ тѣсномъ смыслѣ слова, то дѣйствительно явится нѣчто оригинальное и нѣчто, что не можетъ быть принято въ науки.

Но дѣло въ томъ, что г. Тарасовъ, въ данномъ случаѣ, соединяетъ слово полиціи, съ понятіемъ акціонерныхъ компаній, не въ тѣсномъ значеніи слова полиціи, а въ смыслѣ широкомъ, полиини, какъ отрасли благоустройства. Что именно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ г. Тарасовъ употребляетъ упомянутое выраженіе, это видно изъ сопоставленія критикуемаго рецензентами мѣста съ предъидущимъ и послѣдующимъ текстомъ его сочиненія. То, что на нашемъ языкѣ именуется „благоустройствомъ“ и „благочиніемъ“—термины, введенные въ употребленіе въ нашу юридическую науку гр. Сперанскимъ,—то въ нѣмецкой юридической терминологіи именуется Polizeiwissenschaft, которая обнимаетъ, напримѣръ, такія отрасли благоустройства, какъ народное образованіе, въ широкомъ объемѣ этого слова, куда включаются и университеты, обнимаетъ банки и тому подобныя отрасли общественной и государственной дѣятельности, которыя отнюдь не относятся къ полиціи въ тѣсномъ смыслѣ слова. Если гг. рецензенты упрекаютъ г. Тарасова за употребленіе выраженія: „акціонерныя компаніи, какъ органъ

полиции“, то они, съ такимъ же основаніемъ, могутъ нападать на нѣмецкую науку за употребленіе выраженія *Polizeiwissenschaft*.

Г. Тарасовъ, въ своемъ конспектѣ полицейскаго права, помѣстилъ слѣдующую тему: „Различіе между закономѣрнымъ и бюрократическимъ или приказнымъ управленіями“.

Гг. рецензенты, по этому поводу, говорятъ слѣдующее: „Повидимому, для автора совершенно неясно значеніе выраженія: бюрократическое управленіе, и онъ понимаетъ его въ смыслѣ „безаконнаго“, „произвольнаго“, „противопологая ему управленіе закономѣрное“.

Во первыхъ, слова, употребленныя въ рецензій: „безаконнаго“ и „произвольнаго“, суть *ретушевки* словъ г. Тарасова, навязанная ему.

Во вторыхъ, гг. рецензенты, нападая на г. Тарасова за внесеніе въ свой конспектъ различія между закономѣрнымъ и бюрократическимъ или приказнымъ управленіемъ, на этотъ разъ расходятся съ болѣе или менѣе принятыми ученіями въ наукѣ.

Ученіе о различіи между *Rechtsstaat* и *Polizeistaat*, въ нѣмецкой юридической литературѣ употребительно, какъ такое, которое имѣетъ въ виду характеризовать, помимо отвлеченной и основной идеи государства, два различныхъ типа такового.

Слѣдовательно, если гг. рецензенты поставили себѣ задачею обличать г. Тарасова за сообщеніе своимъ ученикамъ ученія объ упомянутомъ различіи между закономѣрнымъ и бюрократическимъ, или приказнымъ управленіемъ, то слѣдовало бы, прежде всего, попытаться опровергнуть болѣе или менѣе принятое въ наукѣ различіе между *Rechtsstaat* и *Polizeistaat*. Ибо критикуемая тема г. Тарасова есть только часть ученія объ упомянутыхъ двухъ типахъ государствъ. Выхода изъ точки зрѣнія рецензій, съ тою же рѣшительностью можно было бы сказать цѣлымъ поколѣніямъ нѣмецкихъ ученыхъ: Какъ?! вы предоставляете *Polizeistaat* — *Rechtsstaat*, значить, вы признаете, что въ *Polizeistaat* нѣтъ *Recht*, нѣтъ права; значить тамъ царствуетъ беззаконіе и произволъ“? Но будетъ ли это справедливо и основательно?

Очевидно, что подобная критика разсматриваемаго ученія не представляла бы той рѣшительности и основательности, какую рецензія приписываетъ и сообщаетъ нападка на г. Тарасова. Слѣдовательно, если нельзя этого сдѣлать, въ смыслѣ нападокъ на г. Тарасова, съ ученіями нѣмецкой юридической литературы (много

много, если охотнику можно о семъ спорить), то почему же должно поставить въ укоръ г. Тарасову, который только принялъ въ свои конспекты классификацію типовъ государственнаго устройства. столь обыкновенно встрѣчаемую у нѣмецкихъ писателей со временъ Канта.

Я позволилъ себѣ указать на нападки на мнѣнія и ученія профессора Тарасова потому, что рецензія, на основаніи ихъ, съ нѣкоторою смѣлостію возбуждаетъ сомнѣніе о томъ, что проф. Тарасовъ не въ состояніи сообщать своимъ слушателямъ ясныхъ и правильныхъ понятій о предметахъ своей науки. По этому поводу рецензія заканчивается такъ: „Вообще слушатели едва ли вынесутъ ясныя и правильныя представленія о полиціи и ея функціяхъ, узнавъ у г. Тарасова,..... что къ органамъ полиціи принадлежатъ акціонерныя компаніи..... что русскіе князья были наемниками общинъ, а бюрократическій строй не можетъ быть закономѣрнымъ и т. под.

Слѣдуетъ замѣтить, что слова эти относятся къ профессору, который уже нѣсколько лѣтъ занимаетъ въ одномъ изъ высшихъ юридическихъ учреждений соотвѣтствующую кафедру. Мнѣ сдается, что эти слова оружіе обоюдоострое и такое, которое можно обратить противъ всякаго, съ кѣмъ мы не соглашаемся, кто высказывается по вопросамъ, относительно которыхъ въ самой наукѣ иногда существуетъ разномысліе.

Обращаю вниманіе Совѣта также на то, что въ своемъ отзывѣ гг. рецензенты разобрали не всѣ сочиненія г. Тарасова, а только нѣкоторыя. Такъ, они не коснулись сочиненія О желѣзныхъ дорогахъ, о которомъ съ особенною похвалою отзывается проф. Чупровъ, специалистъ по желѣзнодорожнымъ вопросамъ права и экономіи. Они ничего не говорятъ о первомъ изданіи сочиненія профессора Тарасова „Объ акціонерныхъ компаніяхъ“, сочиненіи, къ которому съ одобреніемъ относится тотъ же профессоръ, который въ свое время былъ и официальнымъ рецензентомъ этого сочиненія.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

И. П. АНИСИМОВА**ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:**Рядомъ съ Императорскою публичною
библіотекою.**ВЪ МОСКВѢ:**на Никольской ул., въ домѣ Законо-
спаскаго монастыря.**ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ**

Законы о судопроизводствѣ и взысканіяхъ гражданскихъ. Сводъ законовъ т. X ч. 2 съ разъясненіями ихъ по рѣшеніямъ правительствующаго сената; девятое исправленное и дополненное изданіе. С.-П.-Б. 1882 г. цѣна 1 р. 50 к. въ англ. коленкоровомъ переплетѣ 2 руб.

Альбовъ М. Краткій курсъ лекцій по церковному праву. С.-П.-Б. 1882 г. ц. 2 р.

Вешняковъ. Дополненіе къ сборнику законовъ и постановленій для землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ, С.-П.-Б. 1882 г. ц. 1 р.

Даневскій. В. Системы политическаго равновѣсія и лигитизма и начало національности въ ихъ взаимной связи. С.-П.-Б. 1882 г. ц. 2 р. 50 к.

Дерблихъ. В. Притворныя болѣзни призывныхъ и новобранцевъ. Руководство для врачей и членовъ присутствій по военной повинности. С.-П.-Б. 1882 г. ц. 1 р. 50 к.

Дормидонтовъ. Г. Объ отвѣтственности наслѣдниковъ по обязательствамъ оставителя наслѣдства. В. 1-й К. 1881 г. ц. 1 р. 50 к.

Дьячанъ. В. Участіе народа въ верховной власти въ славянскихъ государствахъ, до измѣненій ихъ государственнаго устройства въ XIV и XV вѣкахъ. В. 1882 г. ц. 1 р. 65 к.

Ивановскій. В. Опытъ изслѣдованія дѣятельности органовъ земскаго самоуправленія въ Россіи. К. 1882 г. ц. 2 р.

Ланге. Н. Древніе русскіе смѣсные или вобщіе суды. М. 1882 г. ц. 2 р.

Лебедевъ. В. Финансовое право. В. 1-й С.-П.-Б. 1882 г. ц. 2 руб.

Мартенсъ. Ф. Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. Т. 1. С.-П.-Б. 1882 г. ц. 3 р. 50 к.

Носъ. А. Сборникъ русскихъ законовъ о купеческомъ водоходствѣ. Ч. 2-я М. 1882 г. ц. 2 р.

Пахманъ. С. О современномъ движеніи въ наукѣ права. С.-П.-Б. 1882 г. ц. 1 р.

Спасскій. П. О производствѣ уголовныхъ дѣлъ въ окружныхъ судахъ. С. 1882 г. ц. 2 р. 50 к.

Трироговъ. В. Община и подать; собр. изслѣдованій. С.-П.-Б. 1882 г. ц. 2 р.

Штофъ. А. Сравнительный очеркъ горнаго законодательства въ Россіи и Западной Европѣ. Ч. 1. С.-П.-Б. 1882 г. ц. 1 р. 25 к.

Ядринцовъ. Н. Сибирь какъ колонія. С.-П.-Б. 1882 г. ц. 3 руб.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

въ 1882 году.

(Годъ четырнадцатый).

Ежемесячный журналъ „ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ служить органомъ научной и практической юриспруденціи, въ томъ широкомъ смыслѣ этого слова, который оно получило въ послѣднее время. Въ научномъ отдѣлѣ журналъ помѣщаетъ работы по экономическому и финансовому законодательству, международному, государственному, гражданскому и уголовному праву. — Въ современномъ отдѣлѣ находятъ себѣ мѣсто: хроника русскаго законодательства, хроника гражданского и уголовного суда, земская хроника, извлеченія изъ кассационныхъ рѣшеній сената, уголовныхъ и гражданскихъ, библіографія, разныя замѣтки и т. д.

Цѣна восемь рублей съ пересылкою и доставкой, безъ доставки семь рублей

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ магазинахъ: А. Д. Васильева, на Страстномъ бульварѣ, И. П. Анисимова, на Никольской улицѣ и Ланга, на Кузнецкомъ мосту,
Въ С.-Петербурѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Анисимова, рядомъ съ Императорскою Публичною Библіотекою.

За перемѣну адреса гг. подписчики благоволятъ присылать деньгами или марками *срокомъ* коп.

Экземпляры журнала за 1880 и 1881 годы высылаются по 8 руб.; отдѣльными книжки этого года по 1 руб.

Экземпляры за предыдущіе годы высылаются по 5 руб.: за 1878 годъ безъ переплета, а за прочіе годы въ переплетѣ. За годы 1871, 1872 и 1879 экземпляровъ журнала въ редакціи не имѣется.

РЕДАКТОРЫ: { С. А. Муромцевъ.
В. А. Гольцевъ.

Содержаніе Майской книги

I. О коллективномъ характерѣ первоначальной недвижимой собственности (ст. Вюде).
Н. Зибера. II, О внутреннемъ основаніи и значеніи идеи международного суда. Гр. Л. Камаровскаго. III. Изъ судебной практикѣ Московскаго университета. Н. Попова. IV, Замѣтка объ обществахъ животныхъ. Н. Карѣева. V. О проектѣ (1869 года) судебной реформы въ царствѣ польскомъ. Н. Галеина—Враскаго. VI. Судѣбная практика Е. Кесель. VII. Законъ и практика. А. Тимановскаго. VIII. Обзоръ важѣйшихъ рѣшеній общаго собранія кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената. Д. Т. IX. Библіографія. X. По поводу отзыва Юридическаго факультета Кіевскаго университета о трудахъ профессора. Г. Въ приложеніи: Протоколы засѣданій Московскаго Юридическаго Общества за 1881—1882 г., стр. 49—64.

Въ книжныхъ магазинахъ Анисимова, „Новаго Времени“
и друг. продается:

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

положеній и извлеченій изъ гражданскихъ кассационныхъ
рѣшеній:

Т. I, по гражданскому праву съ 1866 года по 1876 годъ.
Цѣна 2 руб.

Т. II, по гражданскому судопроизводству съ 1876 года
по 1876 г. Цѣна 2 руб.

Т. III, по гражданскому праву и судопроизводству съ
1876 г. по 1879 г. Ц. 1 р.

Т. IV, по гражданскому праву и судопроизводству за
1879 годъ. Ц. 75 коп.

Т. V, по гражданскому праву и судопроизводству за
1880 годъ. Ц. 75 коп.

Составилъ Г. Вербловскій
(Членъ Воронежскаго Окружнаго Суда).

Книгопродавцамъ уступка 30%.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ КНИГА.

элементарный учебникъ

ОБЩАГО УГОЛОВНАГО ПРАВА

съ подробнымъ изложениемъ

НАЧАЛЪ РУССКАГО УГОЛОВНАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ЧАСТЬ ОБЩАЯ.

Второе исправленное и значительно дополненное издание.

Ординарнаго профессора университета Св. Владиміра,
доктора уголовного права А. О. Кистяковского.

СТР. XXIII. — 930. — VIII. VIII.

ЦѢНА 5 РУБЛЕЙ.

Книгопродавцы съ требованіями обращаются къ автору. Кіевъ, въ университетъ.

Продается въ книжныхъ магазинахъ: въ Кіевѣ у Иль-
ницкаго, Оглоблина и Федорова, въ С.-Петербургѣ,
у Анисимова, въ Москвѣ у Ильницкаго.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И СЕЛЬСКО ХОЗЯЙСТВЕННАЯ
ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА

„ПОСѢВЫ“;

ИЗДАЕТСЯ ВЪ Г. ХАРЬКОВѢ, ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

- 1) Руководящія статьи по вопросамъ экономическимъ, народнаго и сельскаго хозяйства.
- 2) Корреспонденціи изъ русскихъ городовъ и селеній, а равно и изъ за границы по вопросамъ до народной экономіи и сельскаго хозяйства относящимся.
- 3) Распоряженія правительства и мѣстной администраціи.
- 4) Отчеты и протоколы засѣданій земствъ и сельскохозяйственныхъ обществъ.
- 5) Мелкія извѣстія, переводы и извлеченія изъ русскихъ и иностранныхъ газетъ и журналовъ, вопросы и отвѣты и т. п.
- 6) Казенныя и частныя объявленія, курсовыя и метеорологическіе бюллетени.
- 7) Чертежи, рисунки и карты по мѣрѣ надобности.

Подписная цѣна, съ доставкой и пересылкой, по 31 декабря сего 1882 г. три рубля сереб. — Подписка безъ доставки не принимается.

Подписка принимается временно, въ домѣ Рубинштейна (бывшемъ Бразоля), въ Театральной улицѣ, въ помѣщеніи правленія Харьковской акціонерной компаніи по торговлѣ шерстью.

Газета „Посѣвы“ будетъ выходить, съ 26 іюня, еженедѣльно по субботамъ.

Редакторъ-Издатель Л. В. Ильшевичъ.

ПРОДАЕТСЯ

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Систематическій сборникъ рѣшеній гражданскаго кассационнаго департамента правительствующаго сената за 1876 г.

Составили **А. Книримъ** (оберъ-прокуроръ гражд. касс. департам. прав. сената) и **Е. Ковалевскій** (товарищъ оберъ-прокурора гражд. касс. департам. прав. сената.).

Т. I. МАТЕРІАЛЬНОЕ ПРАВО. Цѣна безъ пересылки 3 р., съ пересылкою во всѣ города имперіи 3 р. 50 к.

Т. II. СУДОПРОИЗВОДСТВО. Цѣна 3 р., съ пересылкою 3 р. 50 к.

— Систематическій сборникъ рѣшеній гражданскаго кассационнаго департамента правительствующаго сената за 1874 г.

Составили: **А. Книримъ** (оберъ-прокуроръ гражд. касс. депар. сената) и **Е. Ковалевскій** (товарищъ оберъ-прокурора гражд. касс. деп. прав. сената).

Т. I. МАТЕРІАЛЬНОЕ ПРАВО. Цѣна безъ пересылки 2 р. 50 к., съ пересылкою во всѣ города имперіи 3 р.

Т. II. СУДОПРОИЗВОДСТВО. Цѣна безъ пересылки 2 р. 50 к., съ пересылкою 3. р.

ПРОДАЕТСЯ

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

НОВОЕ ИЗДАНИЕ

Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 г. со всѣми дополненіями по 1 декабря 1881 г. съ разъясненіями по рѣшеніямъ сената по 1 іюля 1881 г. Составлено Н. С. Таганцевымъ. *Изданіе 4-е*, 1882 года. Цѣна 4 рубля.

Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями съ дополненіями и разъясненіями по рѣшеніямъ сената и съ приведеніемъ мотивовъ. Составленъ Н. Таганцевымъ, изданіе 2-е, 1879 г. Цѣна 2 руб.

Курсъ русскаго уголовного права Н. С. Таганцева, проф. С.-Петербургскаго университета, вып. 1—1874 г.—1 р. 75 к., вып. 2—1878 г. 2 р.

Главный складъ изданій въ С.-П.-Б. въ книжномъ магазинѣ Стасюлевича, Васильев. остр., 2 л., д. № 7.

ЖУРНАЛЪ
„У С Т О И“

Будетъ выходить въ 1882 году ежемѣсячно, въ размѣрѣ около 20-ти печатныхъ листовъ, безъ предварительной цензуры.

Подписка принимается:

Въ конторѣ журнала, С.-Петербургъ, Пушкинская улица, д. № 10, кв. № 45—и въ книжномъ магазинѣ Г. Цинзерлинга Невскій проспектъ, противъ Гостиннаго двора, д. № 56.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ безъ доставки	10 р.
съ доставкою въ С.-Петербургъ	11 р.
съ пересылкою въ другіе города	12 р.
съ разсрочкою на полгода безъ доставки	5 р.
съ доставкою въ С.-Петербургъ	5 р. 50 к.
съ пересылкою въ другіе города	6 р.

Деньги за второе полугодіе вносятся къ 15 мая.

Редекторъ-Издатель С. Венгеровъ.

ЗАГРАНИЧНЫЙ ВѢСТНИКЪ

Выходить въ половинѣ каждаго мѣсяца, книгами въ объемѣ отъ 15 до 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: съ пересылкою и доставкою въ Россіи, 10 руб., на полгода 6 руб., съ пересылкою за границу 12 руб. и 7 руб.

Подписка принимается въ Петербургѣ: въ Главной Конторѣ „ЗАГРАНИЧНАГО ВѢСТНИКА“ при книжномъ магазинѣ М. М. Стасюлевича (Васильевскій островъ, 2 линія, д. № 7) и въ книжныхъ магазинахъ: К. Л. Рикера (Невскій, 13), Э. Мелье (Невскій, домъ Голландской церкви), и Г. Н. Мартынова (Невскій, 46).

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Карбасникова (Моховая улица, противъ Университета).

Гг. иногородные обращаются исключительно въ Главную Контору «ЗАГРАНИЧНАГО ВѢСТНИКА».

Библиографическія объявленія принимаются въ конторахъ журнала.

Редакція помѣщается въ Кузнечномъ переулкѣ, д. № 16, и открыта для лицъ, имѣющихъ въ ней надобность, по вторникамъ и субботамъ, отъ 2 до 4 час. дня.

Редакторъ-издатель В. КОРШЪ.

8463
1/4/01

Примѣч. При переходѣ городскихъ подписчиковъ журнала въ иногородные и наоборотъ, высылается 1 р., а при переходѣ городскихъ подписчиковъ на кассационныя рѣшенія въ иногородные и наоборотъ 1 р. 50 к.

8) **Жалоба** на неполученіе какой-либо книжки журнала прерождается прямо въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторой. По полученіи такой жалобы редакція немедленно представляетъ въ газетную экспедицію дублировать, для отсылки съ первою почтою; но безъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы, газетная экспедиція должна будетъ прежде сноситься съ сею послѣднею и редакція удовлетворить только по полученіи отвѣта послѣдней. По распоряженію почтоваго вѣдомства жалобы должны быть сообщаемы редакціи никакъ не позже полученія слѣдующей книжки журнала, иначе редакція не будетъ имѣть возможности удовлетворить подписчика высылкою новаго экземпляра,

9) Редакція не отвѣчаетъ за своевременную высылку журнала тѣмъ лицамъ, которыя подписались не въ указанныхъ въ объявленіи о подпискѣ мѣстахъ и подписныя суммы которыхъ часто передаются въ редакцію несвоевременно, а иногда и вовсе не передаются. Въ такихъ случаяхъ гг. подписчики благоволятъ обращаться съ жалобами въ то мѣсто, гдѣ они подписались.

10) Отвѣты на всякаго рода запросы гг. сотрудниковъ и подписчиковъ, редакція признаетъ для себя обязательными только въ томъ случаѣ, если для этого приложена почтовая марка.

Объ изданіи въ 1882 году

ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ: іюня, іюля и августа) книгами до 20 и болѣе листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки . . .	8 р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ . . .	8 р. 50 к.
съ пересылкой въ другіе города . . .	9 р.
за-границей	10 р.
отдѣльно книга журнала	9 р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, **РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА**, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкой въ С.-Петербургѣ и . . .
съ пересылкой въ другіе города . . . 14 р. 50 к.

Лица, не состоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассационныя рѣшенія по 6 руб. съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январь 3 р. съ касс. рѣш. 8 р. въ мѣсяцъ 3 р. и въ сентябрь остальная до подписной цѣны сумма. Гг. студенты университетовъ и равныхъ съ ними заведений, удостоившіе свое званіе, пользуются правомъ подписки на журналъ, заполовинную цѣну т. е. 4 р. 50 к.

Подписка принимается: въ конторахъ Журнала: при книжныхъ магазинахъ Анисимова: въ С.-Петербургѣ, рядомъ съ Публичною Библіотекою и въ Москвѣ, на Никольской улицѣ.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“, С.-Петербургъ, Мойка, 94.

Съ 1-го мая по 1-е сентября редакція открыта только по понедѣльникамъ и вторникамъ, отъ 2 до 4 часовъ.

Подписка на журналъ 1879, 1880 и 1881 годовъ, продолжается на тѣхъ же условіяхъ.

Оставшіяся въ незначительномъ числѣ экземпляровъ, кассационныя рѣшенія сената, продаются: гражданскаго департамента—за 1877 годъ 4 р. за 1878 годъ 4 р. включая и расходы по пересылкѣ. Кассационныхъ рѣшеній сената, а равно и журнала за другіе годы, кромѣ означенныхъ, въ редакціи не имѣется. Изслѣдованіе проф. Кистяковскаго—О пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, гг. подписчики могутъ получать въ редакціи по 1 р. за экземпляръ съ пересылкою, вмѣсто 1 р. 25 к. безъ пересылки.

Редакторъ В. Володими́ровъ.